

Е.Г. Ясин

**ЭКОНОМИКА
РОССИИ
НАКАНУНЕ ПОДЪЕМА**

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва 2012

УДК 338(470+571)(081)
ББК 65.012.2(2Рос)я44
Я82

Ясин, Е. Г. Экономика России накануне подъема [Текст] / Е. Г. Ясин ; Нац. ис-
Я82 след. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики,
2012. — 334, [2] с. — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1034-6 (в пер.).

Книга содержит тексты, написанные Е.Г. Ясиным в разное время и на разных этапах развития нашей страны. Она отражает эволюцию страны и эволюцию представлений автора о самом актуальном в данный момент и о том, что и как необходимо делать. Книга состоит из трех частей. Первая — брошюра «Как поднять экономику России», написанная в начале мая 1996 г. в преддверии судьбоносных для России президентских выборов. Вторая часть — это доклад Е.Г. Ясина на тему «Поражение или отступление?», представленный в январе 1999 г. и посвященный причинам и последствиям экономического кризиса 1998 г. Наконец, третья часть книги посвящена итогам действующего в Высшей школе экономики семинара «Экономическая политика в условиях переходного периода» под руководством Е.Г. Ясина.

УДК 338(470+571)(081)
ББК 65.012.2(2Рос)я44

ISBN 978-5-7598-1034-6

© Ясин Е.Г., 2012
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2012

Содержание

Предисловие.....	6
------------------	---

Как поднять экономику России

Вместо введения	11
1. Что с нами случилось.....	12
Точка отсчета.....	12
Начать придется издалека	13
Кто виноват.....	14
Процесс пошел.....	15
2. Закономерности переходного периода	16
Три кита реформ	16
Механизм структурной перестройки.....	19
3. Где мы находимся	22
Основные реформы позади	22
Особо о приватизации	24
Потенциал спада	27
Неплатежи.....	30
Порядка нет как нет	30
Структурные факторы неплатежей	31
Сбор налогов	32
4. Предпосылки роста.....	33
Наличные ресурсы	33
Пять секретов экономического роста.....	34
Источники накопления.....	36
Трансформация накоплений в инвестиции.....	38
Эффективность инвестиций.....	39
Иностранные инвестиции	39
Транзакционные издержки.....	42
5. Альтернативы.....	43
Две модели политики	43
Либеральная политика.....	44
Дирижизм.....	46
Что на практике	49
«Крутые повороты»: зачем?	51

6. Повестка дня из семи пунктов	53
Первое — наведение порядка.....	54
Второе — сбор налогов.....	54
Третье — реформа предприятий.....	55
Четвертое — активная промышленная политика	56
Пятое — аграрная реформа.....	57
Шестое — реформа социальной сферы.....	59
Седьмое — реформа государственного управления	61

Поражение или отступление? (Российские реформы и финансовый кризис)

Вступление	65
Введение	66
1. Реформы ни при чем	67
Доводы оппонентов	67
Встречные аргументы: либерализация	68
Монетаризм	69
Приватизация	70
2. Истинные причины кризиса	71
Общий план	72
Рынок ГКО	72
Молодые реформаторы и олигархи	73
Азиатский кризис и смена правительства	74
Последний акт драмы	76
3. 17 августа	76
Краткосрочные последствия	77
Три угрозы в среднесрочной перспективе	79
Инфляция	79
Банковский кризис	80
Реструктуризация внешнего долга	81
Позитивные стороны кризиса	82
4. Политические последствия	83
От Кириенко к Примакову	83
Кто либералы и кто консерваторы	84
Смена курса	85

5. Текущий момент в контексте переходной экономики	86
Цель реформ — эффективная экономика	86
Закономерности структурной перестройки	87
Новый выбор	91
6. Что надо делать	92
Первоочередные меры	92
Среднесрочная программа	93
7. Что будет	96
Объективные факторы	96
Субъективные факторы: исправление ошибок	97
Налоговая реформа по Боосу	99
Промышленная политика	100
Реформы	102
8. Поражение или отступление?	103

Экономическая политика в условиях переходного периода

*По материалам Научного семинара
под руководством Е.Г. Ясина*

Приживется ли демократия в России (презентация книги Е.Г. Ясина)	107
Программа демократической модернизации России	131
Барьеры на пути реформы ЖКХ (презентация брошюры Е.Г. Ясина «Политическая экономия реформы ЖКХ»)	169
Перспективы стран БРИК. Особенности России в мировом контексте	207
Приложение	242
Сценарии развития России на долгосрочную перспективу	249

Хроника Научного семинара «Экономическая политика в условиях переходного периода»	291
--	------------

Предисловие

Работа, которую вы держите в руках, никогда специально не задумывалась как единая книга. Она выросла сама собой из неустанных и многолетних раздумий Евгения Григорьевича Ясина о том, «как вывести из кризиса российскую экономику, как вести преобразования». Главное, что объединяет входящие в нее тексты, — это постановка вопросов и ответов. В них отражается личность автора — Ученого-экономиста, Гражданина и Просветителя. Книга содержит тексты, написанные в разное время и на разных этапах развития страны. Тем самым она отражает эволюцию страны и представлений самого автора о наиболее актуальном в данный момент и о том, что и как необходимо делать. Е.Г. Ясин всегда считал, что нужно «...разъяснять, не жалея на то усилий, чего можно ожидать в ближайшем будущем для себя, своей семьи, своей страны. И что предстоит делать». Это не означает, что все ответы уже есть, но означает, что их надо искать, для чего нужно ставить правильные вопросы.

Такие вопросы у экономистов, интересующихся экономической политикой, не формулируются в кабинетной тиши. Но и простого знания практики бывает явно недостаточно. Они возникают тогда, когда теория пытается объяснить практику либо практика ищет ответы в теории, но при этом упирается во что-то до сих пор неизвестное и необъясненное. Такие «встречи» высекают «искру» и способствуют рождению хороших вопросов. Именно процессу нелегкого поиска таких вопросов — ответов посвящена эта книга.

Данная книга состоит из трех частей.

Первая представляет собой брошюру «Как поднять экономику России». Она была написана Е.Г. Ясиным в начале мая 1996 г. в преддверии судьбоносных для России президентских выборов. Здесь анализируются причины кризисного развития начала 1990-х, закономерности переходного периода, обсуждаются возможные альтернативы и задается повестка дня.

Вторая часть — это доклад Е.Г. Ясина Экономическому клубу на тему «Поражение или отступление?», представленный в январе 1999 г. и посвященный причинам и последствиям экономического кризиса 1998 г. Собственно, с этого доклада клуб возник как профессиональное объединение экономистов, а затем трансформировался в постоянно действующий семинар в ВШЭ. Название этого доклада весьма символично, поскольку оказалось приложимым ко многим событиям в течение последнего десятилетия.

Наконец, третья часть книги посвящена итогам действующего с тех пор в Высшей школе экономики семинара под руководством Е.Г. Ясина. Все эти годы он носит одно и то же название: «Экономическая политика в условиях переходного периода». Название, уже ставшее брендом. Но его настоящий бренд — семинар Ясина. Многие его именно так и знают.

Для научного семинара этот — долгожитель. Раз в месяц — «при любой погоде» — аудитория 101 в здании ВШЭ на Мясницкой, 20 до отказа заполняется разнообразной публикой, состоящей из студентов, преподавателей, чиновников, политиков, журналистов, вышкинцев, не-вышкинцев и даже анти-вышкинцев. Если за столько лет его аудитория не опустела, значит, это неспроста. Сегодня Москва необычайно богата семинарами, лекциями, круглыми столами, конференциями — выбор тут на любой вкус. В этом изобилии разнообразных разговоров про экономику очень легко потерять своего участника, выпасть из фокуса общественного и научного интереса, уйти в небытие. Если такого до сих пор не случилось, значит у этой притягательности должен быть какой-то секрет. Секрет есть, и он всем хорошо известен. Это — бессменный руководитель семинара. Это — незаурядная личность Е.Г. Ясина.

В чем же главная особенность этого семинара? Что привлекает к нему столь различных и непохожих друг на друга людей? Темы? За эти годы они были очень разными и затрагивали вопросы не только экономики, но и политики, общества, культуры. Наверное, темы имеют значение. Но, думаю, не в первую очередь. Прежде всего притягивают люди, которые здесь выступают. Это, как правило, лучшие специалисты, поднимающие актуальные вопросы на стыке экономики и политики. Те, кто предлагает непростые, зачастую спорные, ответы и решения самых острых социальных и экономических болячек. Они всегда готовы выступить и считают это для себя за честь, несмотря на большую занятость и наличие других дискуссионных площадок. Здесь всегда собирается заинтересованная, неравнодушная и компетентная аудитория, а дискуссией руководит профессор Е.Г. Ясин. Здесь задаются такие вопросы и предлагаются такие комментарии, которые для самих выступающих не менее ценны, чем для сидящих в зале. Но среди комментариев особо выделяются те, которые подводят итог, завершая каждое обсуждение. Они, как правило, отличаются неординарностью взглядов, глубиной понимания, спокойным, но уверенным тоном, сочетанием мудрости серьезного ученого и неравнодушия гражданина, болью за нерешенные и нерешаемые проблемы нашей страны, верой в то, что в конечном счете нашу страну ждет процветание. Это комментарии научного руководителя семинара.

Сами темы для дискуссий возникают не случайно, а «вырастают» из текущих событий, из выполняемых исследований, из горячих общественных и научных дискуссий. Они становятся темами потому, что ответы на соответствующие во-

просы востребованы самой жизнью, нужны «здесь и сейчас». И поэтому не удивительно, что эти обсуждения нередко становятся истоком новых проектов, находят продолжение в других семинарах, конференциях, коллоквиумах. Другими словами, продолжают жить своей жизнью, и часто уже никто и не вспоминает, что начиналось это здесь, в аудитории 101.

Хотя этот семинар давно вышел за пределы собственно Вышки, он — ее неотъемлемая часть, часть вышкинской экологии. Часть той замечательной интеллектуальной и человеческой среды, которую все вышкинцы так ценят. А один из главных создателей и хранителей этой атмосферы — Евгений Григорьевич Ясин. Сегодня, отмечая 20-летний юбилей Высшей школы экономики, мы поздравляем с этим юбилеем и участников семинара. Ему повезло как с местом и датой рождения, так и с родителями!

Написанные и опубликованные тексты уже живут своей независимой жизнью. В этом смысле они принадлежат истории, хотя и могут оставаться актуальными. Постоянно действующий семинар — явление живое и продолжающееся. И можно сказать словами Евгения Григорьевича: «Приходите. Будет интересно!»

В.Е. Гимпельсон

КАК ПОДНЯТЬ ЭКОНОМИКУ РОССИИ

Москва, 1996 г.

Вместо введения

Эта брошюра¹ написана в основном за первые две недели мая 1996 г., в преддверии буквально судьбоносных для России президентских выборов. Написать хотелось давно, но нынешняя работа автора, весьма отличная от его прежних академических занятий, не оставляла ни времени, ни сил². Однако все усиливающаяся тревога за то, что может снова произойти с нами; ощущение, что идеологи и практики российских реформ не утруждают себя внятными объяснениями смысла событий и потому повинны, во всяком случае отчасти, в той сумятице мыслей и слов по поводу очередного поворота в российской истории, которая сегодня царит, — все это превратило желание в острую, неотложную потребность.

Стержень моего взгляда на вещи: реформы и кризис были неизбежны, и то, что сейчас происходит, лишь в малой степени зависит от нынешних или иных правителей.

Выборы прошли, и прошли успешно для будущего России. Большинство ясно продемонстрировало здравый смысл и нежелание возвращаться. Надеюсь, коммунизм в нашей стране упустил свой последний шанс.

Если мы не хотим, чтобы на следующих выборах или даже раньше волна социального недовольства вновь подвергла испытанию судьбу демократии и рыночных реформ в нашей стране, нужно трезво оценить наши реальные возможности, чтобы максимально их использовать. А гражданам — разъяснять, не жалея на это усилий, чего можно ожидать в ближайшем будущем для себя, своей семьи, своей страны. И что предстоит делать.

Главный вопрос — как вывести из кризиса российскую экономику, как вести преобразования. Об этом, пусть весьма бегло, говорится в этой брошюре. Сказана правда, как она видится мне.

¹ Ясин Е.Г. Как поднять экономику России. М.: Вита-Пресс, 1996. 72 с.

² В 1996 г. Е.Г. Ясин возглавлял Министерство экономики Российской Федерации, одновременно являясь профессором Высшей школы экономики.

1. Что с нами случилось

Точка отсчета

Сегодня Россия находится в состоянии глубокого кризиса, ее граждане большей частью чувствуют себя униженными и оскорбленными, хотя далеко не все живут хуже, чем, скажем, 5–6 лет назад.

Но все хотят, чтобы страна вышла из кризиса, чтобы начался подъем производства, чтобы жить стало лучше и чтобы к нам снова относились с уважением. Даже пессимисты лелеют надежду на то, что это рано или поздно случится. Не может же, в самом деле, такая страна, с такими богатствами, с такой культурой...

И понятно, что любое правительство, которое неспособно оправдать надежды, осуществить чаяния, вызывает недовольство и осуждение.

Факты, говорят, упрямая вещь...

Факт, что в 1995 г. промышленной продукции произведено почти вдвое меньше, чем в 1990 г., и спад еще не остановлен.

Факт, что целые отрасли, занимавшие важное место в экономике, приносившие большие доходы, такие, как машиностроение, оборонная, легкая промышленность, сегодня оказались в состоянии глубокого упадка, порой с безвозвратной потерей технологий и культуры производства. И при этом внутренний рынок завален импортными товарами.

Факт, что уже более 4 лет в стране бушует инфляция. И хотя в последнее время цены растут помедленнее, не более 2–3% в месяц, борьба с инфляцией «достала» всех: непрерывно растут «неплатежи»; вовремя не платят зарплату и даже пенсии, государственные инвестиции и другие бюджетные расходы недофинансируются в крупных размерах.

Факт, что в среднем уровень жизни понизился. Статистические оценки говорят о его снижении примерно на 30%. Обесценены сбережения, составлявшие в 1990 г. примерно 60% годового розничного товарооборота.

Факт, что резко обозначились различия между богатыми и бедными. По уровню доходов 10% самых состоятельных граждан в 13,5 раза богаче 10% самых бедных. В 1991 г. этот показатель составлял 4,5, а в 1994 г. — даже 15,1. И эти цифры — только тень тех кричащих противоположностей, которые можно наблюдать между образом жизни кучки «нуворишей» и трудным существованием миллионов семей, оказавшихся на обочине.

Факт, что эти обстоятельства наряду со слабостью государственной власти, неспособной обеспечить достойное существование своих чиновников и стражей закона, привели к огромному росту преступности, к расцвету коррупции в невиданных доселе масштабах.

Таким образом, причин для недовольства более чем достаточно. Любая критика власти представляется справедливой.

Есть, правда, факты и иного рода.

Впервые за десятилетия граждане России забывают о том, что такое товарный дефицит, что такое очереди. Благодаря тому же импорту ассортимент то-

варов стал неизмеримо богаче. Дорого, не всегда по карману, зато есть стимул зарабатывать. Деньги обрели цену.

Впервые за десятилетия граждане России вправе заниматься чем хотят, пользуются свободой, в том числе свободой предпринимательства, не подвергаясь, как прежде, бесчисленным бюрократическим запретам и регламентациям. Не все пользуются, но все могут.

Впервые за десятилетия российские предприятия ищут работу, бегают за заказами, а не от них, стремятся производить и продавать. Значит, у экономики появился здоровый внутренний стимул к развитию. Не понукания сверху, а собственный интерес заставляет «крутиться» и добиваться успеха. А это дает надежду.

Как бы там ни было, но, при сохранении этих достижений, снижаются темпы инфляции и спада в производстве. Тенденции стабилизации экономики становятся все более уверенными.

Факт, что в стране произошли огромные изменения, причем изменились не отдельные стороны, а весь образ жизни людей. К лучшему ли?

Картина получается довольно противоречивая и неоднозначная. Факты нуждаются в осмыслении и истолковании.

Начать придется издалека

Особенность общественной реакции на происходящие изменения такова, что позитивные явления воспринимаются как должное. Явления же негативные заставляют искать виноватых.

В том, что случилось за последние 10 лет, в глазах большинства, конечно же, виноватыми представляются перестройщики и реформаторы, Горбачев и Ельцин.

Так ли это?

Чтобы понять, что произошло на самом деле, нужно начать издалека.

В начале века Россия быстро двигалась по пути капиталистического развития. Путь этот был насыщен острейшими социальными противоречиями, которые в итоге взорвались Октябрьской революцией.

Не стоит обвинять большевиков в том, что стремление захватить и удержать власть было единственным мотивом их деятельности. Будем исходить из того, что их вдохновляла вера в победу социализма, в светлое будущее, для которого, согласно Марксу, впервые сложились объективные предпосылки.

В конце концов, социалистические идеи не были российским изобретением, а обстоятельства того времени, в том числе тенденции в организации производства и обмена во всем мире, давали основания думать, что в них что-то есть, что мир движется в этом направлении.

Так или иначе, но большевики, не стесняясь в средствах, увлекли народы России на путь первого в истории настоящего социалистического эксперимента. На какое-то время утверждение социализма стало миссией России, ее судьбой.

В итоге сложилась своеобразная экономическая и политическая система, весьма отличная от идеалов и первоначальных проектов. Те ее недостатки, которые поначалу представлялись устранимыми, оказались врожденными пороками.

Выяснилось, что эта система может существовать лишь как закрытое, тоталитарное общество, питаемое экстенсивным использованием природных ресурсов, но не способное опереться в своем развитии на стимулы свободного труда и предприимчивости, а стало быть, не способное к развитию вообще. Подчеркну: не к физическому росту, а именно к развитию, сопряженному с появлением новых качеств.

К середине 1970-х годов, когда источники экстенсивного роста в основном были исчерпаны, стало ясно, что система способна существовать только при падающей эффективности. Иными словами, даже поддержание достигнутого уровня производства и потребления требовало возрастающего вложения ресурсов. При отсутствии внешних источников, таких, как природа или завоевания, это означает необходимость увеличения накоплений за счет потребления, т.е. снижения уровня жизни ради производства большего количества нефти, угля, металла, тракторов и комбайнов, при том, что все больше затрат требуется на покрытие потерь от неэффективного использования возрастающей массы первичных ресурсов.

Добавим к этому гегемонистские амбиции, заставлявшие вкладывать огромные средства в создание и поддержание крупнейшего военно-промышленного комплекса.

Все это известно, но несколько подзабыто сегодня. Надо бы только добавить: из сказанного следует, что эта система, как ни называй ее — социалистическая, коммунистическая, планово-распределительная, — не могла существовать долго. Рано или поздно *она должна была рухнуть*. И она рухнула. *Главное содержание нынешнего глубокого кризиса*, который переживает российская экономика и вся наша страна, — это *последствия развала планово-распределительной системы*, развала объективно неизбежного и в итоге спасительного для России.

На два десятилетия развязку отсрочила тюменская нефть. Когда началась перестройка, необходимость перемен ощущалась всеми, и все их поддерживали. Только неясно было, насколько далеко они зайдут.

Кто виноват

Сегодня можно сколько угодно спорить, правильно ли действовали Горбачев и Рыжков, а затем Ельцин и Гайдар. И спорить будут, потому что кажется, что именно они повинны в том, что каждый их шаг только ухудшал положение. Как ни старались быть осторожными, как ни продумывали нововведения, каждое из них давало отрицательный интегральный эффект. А ничего не делать тоже было нельзя.

Таким образом и прокладывал себе дорогу объективный процесс распада системы. С негативными последствиями. До поры до времени.

Кто виноват? Да никто не виноват! Господь Бог! Николай II, Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев. Вся наша история. Надо было выбираться из ловушки неудачного социального эксперимента, в которую мы сами себя загнали.

Конечно, можно было допустить меньше ошибок, действовать более решительно или осторожно. Либерализовать цены еще в 1988 г. или компенсировать

потерю сбережений в 1992 г. Однако чем дальше, тем менее важными кажутся детали и в то же время лучше осознается подлинный масштаб действительно значимых событий.

Необходимо было не только подтолкнуть распад старой системы, сделать его по мере возможности управляемым. Гораздо важнее было остановить процесс развала экономики и общества в целом, положить начало созидательным процессам.

Это в основном и было сделано в 1992 г. правительством Ельцина — Гайдара.

На первый взгляд, именно это правительство своими радикальными реформами и сделало процесс неуправляемым. Производство неудержимо покатилося вниз, а цены — вверх. Страну охватил кризис неплатежей. Жизненный уровень стал падать быстрее.

Процесс пошел

Так всё и выглядит на поверхности явлений. Но в экономике, когда речь идет о крупных сдвигах, по-настоящему важны не те или иные количественные показатели, а качественные перемены. Речь идет о таких переменах, без которых не ломаются сложившиеся тенденции, не зарождаются принципиально новые процессы.

Именно такую роль играет либерализация цен наряду с прекращением планирования и фондового распределения материальных ресурсов. Пока этого не было, продолжалось нарастание товарного дефицита, а с ним — подрыв денежного обращения и стимулов производства, разрушение единого экономического пространства страны, вылившееся затем в развал Союза.

Либерализация цен и хозяйственных связей в сопровождении мер по ужесточению финансовой политики и открытию экономики буквально в считанные дни меняет вектор развития событий. Рынок наполняется, деньги обретают цену, сбыт делается негарантированным, покупателя надо искать, приваживать его. В экономике появляется мотор, внутренний источник энергии.

Да, не все сразу получается и идет так, как хотелось бы. Производство падает: раньше оно ориентировалось на государственные задания, а теперь должно считаться со спросом, да еще и с издержками, с конкуренцией сначала иностранных, а затем и отечественных товаров. Зачастую выясняется, что столько, сколько делали прежде, просто не нужно. Выращивали более 100 млн т зерна, еще 30 млн т в СССР завозили из-за рубежа, содержали 59 млн голов крупного рогатого скота, а молока и мяса не хватало. В то же время свиней откармливали хлебом.

Потом производство зерна сократилось до 80 млн т, в 1995 г. при неурожае — даже до 65 млн. Сократилось поголовье. И все равно хватает. Правда, большую роль стал играть импорт продовольствия, но только потому, что он дешевле. Отечественные товаропроизводители еще не добились снижения затрат и повышения качества, гарантирующих их конкурентоспособность.

В «куриной войне» (с «ножками Буша») весной 1996 г. был момент, когда уже почти решился вопрос о введении квот на импорт куриного мяса. Выяснилось, однако, что цены на курятину вырастут при этом минимум в 1,5 раза.

Также и с комбайнами, металлом, горючим.

Конечно, в большинстве случаев сжатие спроса оказалось чрезмерным. Плохо, что у крестьян нет денег на приобретение минеральных удобрений или сельскохозяйственной техники. Нет ничего хорошего в том, что авиакомпании не в состоянии обновлять парк самолетов. Но это как бы проблемы иного плана. А то, что спрос стал диктовать объемы производства — это принципиально важный качественный сдвиг, весьма положительный, даже если он на первых порах подталкивает спад.

В том-то и дело, что такого рода качественные перемены обычно проявляются крайне болезненно. Продукция была неважного качества или вовсе ненужная. Но ее производством занимались люди, обученные определенному делу; установлено оборудование, иногда дорогое, совершенное, купленное за нефтедоллары на Западе. Кто-то сделал карьеру на освоении этой продукции. Она приносила прибыль, доходы в бюджет. За счет этих доходов содержались жилые дома, инженерные сети городов и т.п.

Болезненность реформ в 1992 г. создала у многих россиян устойчивое предубеждение против них самих и реформаторов, их проводивших. Кто только не критиковал Гайдара: коммунисты — за капитализацию, националисты — за предательство Родины иностранному капиталу, демократы — за то, что он дал возможность противникам демократии вернуть себе симпатии избирателей.

Между тем реальной альтернативы этим реформам не было. Пожалуй, сейчас это становится ясно всем.

Еще можно было обсуждать вопрос — быстрее или медленнее, хотя медленнее вовсе не значит менее больно. С профессиональной точки зрения уже с начала 1990 г. стало ясно, что определенные вещи придется делать быстро, в одночасье — чем быстрее, тем лучше. Прежде всего, речь идет о либерализации. Быстро, потому что прежде слишком долго тянули.

Затем оппозиция как бы пришла в себя и, опомнившись от шока, бросилась в контратаку. Импульсивно, не отдавая себе отчета в смысле собственных деяний или защищая корыстные интересы тех или иных групп, оказавшихся под ударом. Контратака закончилась в октябре 1993 г.

А далее развитие событий стало входить в более спокойное русло. Трансформация российской экономики во все большей степени теперь питается собственными внутренними стимулами и энергией. «Процесс пошел», как теперь часто говорят с легкой руки М.С. Горбачева.

Вот это с нами и случилось до того, как мы подошли к точке отсчета.

2. Закономерности переходного периода

Три кита реформ

Учитывая поставленную задачу: уяснение того, как из нынешнего состояния поднять российскую экономику, — надо, прежде всего, понять, где мы нахо-

димся относительно той системы координат, в которой оказались в результате реформ.

Дело в том, что переход от плановой экономики к рыночной имеет свои закономерности, с которыми надо считаться, чтобы еще больше не увеличивать и без того немалые издержки реформ.

Схематично эти закономерности заключаются в следующем. Сами реформы упрощенно, как некий волевой акт, состоят в реализации трех ключевых различной длительности процессов: либерализации, финансовой стабилизации и приватизации.

О либерализации уже говорилось. Добавим к сказанному, что она, кроме снятия государственного контроля за ценами и хозяйственными связями, предполагает свободу внешнеэкономических отношений, сведение к минимуму ограничений предпринимательской деятельности и т.п. Либерализацию можно и нужно осуществлять быстро.

Конечно, чтобы приносить пользу обществу, свобода вообще, и экономическая свобода в частности, должна быть введена в определенные рамки. Формирование этих законных рамок происходит более медленно, под влиянием борьбы интересов и с учетом национальных особенностей. Разрыв во времени влечет за собой многообразные осложнения, злоупотребления свободой. Но если ради сокращения этого разрыва задерживать либерализацию, то последствия будут еще хуже. Частичная свобода — это всегда большая свобода для одних и большие ограничения для других, это особо благоприятная почва для нечестной наживы и коррупции. Поэтому избежать подобных негативных явлений после введения экономической свободы нельзя, но, чтобы минимизировать ущерб от них, надо проводить либерализацию как можно быстрее и как можно полнее, а временной разрыв сокращать за счет ускорения формирования законодательной базы, которая, кстати, при этом будет больше ориентирована на нормальную рыночную экономику, а не на эксцессы переходного периода.

Финансовая стабилизация вообще вряд ли относится к содержанию рыночных реформ, ибо состоит в основном в установлении и поддержании жесткой денежной и финансовой дисциплины, в том, чтобы жить по средствам. Это, однако, важнейшая часть политики реформ, ибо после либерализации цен скрытая инфляция переходит в открытую и ее надо подавить, чтобы сделать возможными иные преобразования.

Кроме того, жесткая финансовая и денежная политика оказывает влияние на поведение экономических агентов, отучая их от свойственных социализму мягких бюджетных ограничений и приучая к расчетливости, экономности, четкости, столь важным для жизни в условиях рынка.

Финансовая стабилизация — трудная, но абсолютно необходимая работа, которую порой приходится много раз начинать заново. Без победы над инфляцией здоровое развитие экономики невозможно.

Приватизация — процесс замещения государственной собственности собственностью частной. При этом можно спорить, является ли частной собственностью кооперативная или акционерная, но ясно, что все равно эта собственность не государственная, прежде всего в том смысле, что она используется в интересах частных лиц — собственников, и притом на их страх и риск.

Необходимость приватизации объясняется просто. Государственная собственность снимает экономическую ответственность с частных лиц и перекладывает ее на государство. Снижается ответственность, снижаются и стимулы эффективности.

Депутат от КПРФ и крупный хозяйственник из Красноярскa Петр Романов повторяет: дело не в собственности, дело в управлении, хорошее управление может быть при всякой собственности.

Возможно, тов. Романов — хороший управленец, но многолетний опыт, и наш, и зарубежный, убедительно говорит о том, что в массе управляющие лучше там, где их отбирают и контролируют собственники, те люди, которым принадлежат управляемые менеджерами ресурсы и которые несут прямые потери от плохого управления.

Государственная же собственность и неразрывно связанная с ней плановая система, как правило, плодят определенную породу управленцев — взять у государства побольше, дать ему поменьше.

Не спорю, среди советских хозяйственных руководителей было немало людей ответственных, болеющих за дело, талантливых организаторов. Но вот в чем парадокс: в этой системе чем больше организаторский талант, тем больший ущерб он наносит стране; чем больше дверей он может «открывать ногой», тем больше ресурсов он втягивает в орбиту своего влияния, рождая диспропорции и отвлекая ресурсы от областей более эффективного использования. Противостоять этому система не может.

А вот рынок и собственники ставят управляющих в рамки разумных ограничений, направляют их энергию в русло более эффективной деятельности.

Приватизация — глобальный процесс, проходящий в большинстве стран мира и порожденный разочарованием в государственной собственности, в свое время модной отнюдь не только у нас.

В нормальных условиях это длительный процесс, включающий подготовку предприятий к приватизации, продажу их за подходящую цену с предварительной процедурой оценки имущества на основе его потенциальной доходности. Предполагается наличие в стране или за рубежом капиталов, для которых эти предприятия привлекательны.

В странах с переходной экономикой, и в России особенно, такой путь приватизации поначалу вообще недоступен. Нет капиталов, нет средств даже для подготовки предприятий к продаже, нет рынка, на котором бы определялись подходящие цены. И в то же время затягивать процесс приватизации нельзя, ибо она — стержень рыночных реформ, гарантия их необратимости. Поэтому закономерно появление особой модели приватизации, я называю ее «восточной» в отличие от «западной», образцом которой признается приватизация в Англии при правительстве М. Тэтчер.

Смысл ее состоит в том, что государственная собственность вначале не продается, а распределяется по тому или иному принципу или же продается за символическую цену, что, по сути, то же самое. Только тогда, когда значительная доля этой собственности уже окажется в частных руках, начинается переход к «западной», нормальной модели.

Одновременно идет постепенный процесс укрепления прав собственности, ибо в первый период еще живы прежние нравы: ни директора не признают покушений на их власть, ни собственники не сознают своих прав и ответственности. Госаппарат время от времени пытается контролировать и управлять, тем более что владельцы и менеджеры поначалу плохо выполняют свои социальные роли, лишь шаг за шагом осваивая их.

Приватизация — это присвоение и перераспределение собственности и власти, процесс уже по одной этой причине остроконфликтный и грязный, тем больше, чем больше его масштабы. Вот почему первоначальный этап приватизации характерен неопределенностью реальных прав собственности, что препятствует инвестициям и, соответственно, развитию.

Механизм структурной перестройки

Либерализация, финансовая стабилизация, приватизация — три ключевых слова рыночных реформ. Но не самоцель. Смысл их в том, чтобы создать предпосылки и привести в действие механизм *структурной перестройки*, т.е. формирования новой структуры экономики, соответствующей рыночным условиям и способной реализовать сравнительные конкурентные преимущества страны. В процессе структурной перестройки должно происходить повышение эффективности по отношению к уровню, достигнутому в плановом хозяйстве. Благодаря этому начинается экономический подъем и растет богатство, позволяющее повысить благосостояние граждан. Иначе говоря, цели реформ, если не считать ликвидацию товарного дефицита и очередей, реализуются не сразу, а только в результате структурной перестройки, когда она уже пройдет определенные этапы.

Механизм структурной перестройки действует следующим образом. После либерализации цен начинается процесс изменения их соотношений или, как говорят специалисты, формирования новых относительных цен: цены больше растут там, где выше спрос. Соответственно в этих отраслях выше отдача на вложенный капитал, и ресурсы устремляются в эти отрасли.

Наименее развиты в плановой экономике те секторы, чьи функции замещались государственным распределением. Поэтому в первую очередь начинают развиваться торговля и финансовая сфера. Торговля берет на себя регулирование товарных потоков, и, пока она недостаточно развита, ее функции приходится выполнять государственным органам. Но со временем торговля их вытесняет.

Финансовые институты — банки, инвестиционные и страховые компании — берут на себя регулирование денежных потоков. Складываются финансовые рынки, на которых они действуют, — кредитный, валютный, фондовый (государственных и корпоративных ценных бумаг). Тем самым формируются рыночные механизмы мобилизации и перелива капиталов, крайне важные для эффективной структурной перестройки, для трансформации накоплений в инвестиции.

Далее от этих отраслей сигналы спроса и предложения в виде цен товаров и услуг, процентных ставок, доходности ценных бумаг поступают в другие от-

расли, и с этого начинается структурная перестройка в узком смысле, т.е. собственно реконструкция предприятий, развитие одних, закрытие других и т.п.

Структурная перестройка разделяется как бы на две фазы: пассивную и активную. В пассивной фазе, когда уже определились спросовые ограничения, особо ощутимые в процессе финансовой стабилизации, а капиталов еще не хватает и рынки недостаточно развиты, преобладают тенденции разрушения старого, спада. Уже ясно, какая продукция не находит спроса, а освоение новых конкурентоспособных товаров еще не налажено. Эта фаза носит характер *структурного кризиса*, весьма болезненного, образующего, пожалуй, самый трудный период в реформировании экономики.

Активная фаза структурной перестройки обозначается тогда, когда увеличиваются инвестиции и созидательные тенденции начинают преобладать. Появляются позитивные сдвиги в структуре производства, разворачивается процесс реконструкции предприятий, на рынок выходят новые товары и услуги, растут доходы.

На стыке пассивной и активной фаз происходит стабилизация производства, а затем начинается его подъем.

Смысл указанных процессов состоит в том, что прежнее производство, оказавшееся неконкурентоспособным, начинает сокращаться, тогда как новое производство, более эффективное, удовлетворяющее требованиям рынка, начинает расти (рис. 1). Спад старого производства можно замедлить, например, ценой высокой инфляции или закрытия экономики, но его нельзя остановить. Как бы ни были велики созданные ранее мощности, если они не способны производить нужную рынку продукцию при цене, превышающей издержки, попытки их загрузить приводят лишь к отвлечению ресурсов от нового производства, к задержке его роста, который один только и дает выход из кризиса.

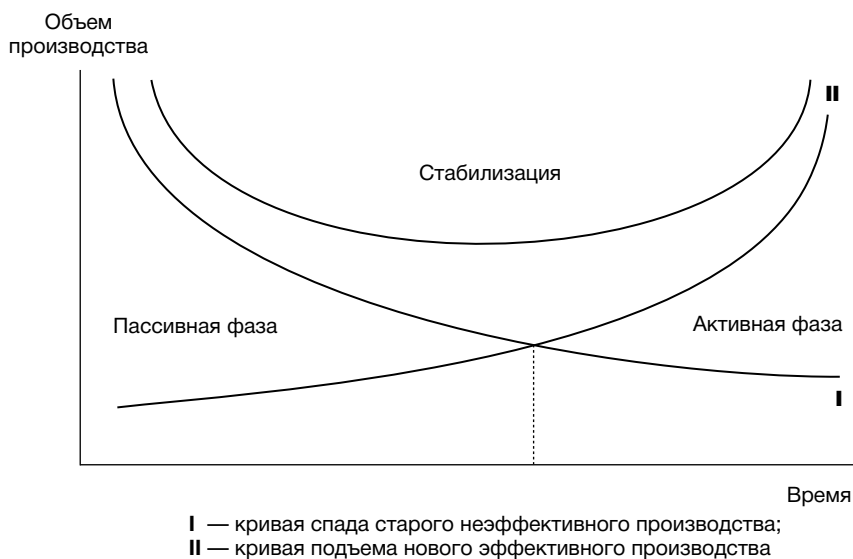

Рис. 1. Механизмы структурной перестройки

У нас порой критикуют правительство, когда оно заводит разговор о признаках стабилизации: «Какая стабилизация, когда производство стоит, зарплату не платят?» Между тем смысл стабилизации в одном — в прекращении падения.

Переход от пассивной фазы к активной может иметь разную длительность, а стабилизация может достигаться на разных уровнях спада в зависимости от сложного комплекса факторов, в том числе от итогов либерализации, финансовой стабилизации и приватизации. При благоприятных обстоятельствах переход происходит относительно быстро, и уровень спада не столь велик. В ином случае возможна длительная депрессия при глубоком спаде, что неизбежно приводит и к социально-политической неустойчивости. Последняя сама по себе может стать фактором затягивания кризиса.

Структурная перестройка, естественно, — самый длительный процесс при переходе от плановой экономики к рыночной. Он может захватить 15–20 лет или более.

Попробуем теперь изобразить графически переход к рынку и подъем экономики на новой основе (рис. 2).

Либерализация и финансовая стабилизация дают импульс структурной перестройке в ее пассивной фазе. Финансовая стабилизация и приватизация являются предпосылками перехода к активной фазе, поскольку для нее нужны инвестиции, требующие низкой инфляции и гарантий прав собственности. Для последнего мало формального акта приватизации, должен еще пройти процесс перераспределения и закрепления собственности, налаживание так называемого «корпоративного управления». Смысл его в том, что устанавливается четкое разграничение прав и ответственности собственников (акционеров), с одной стороны, и управляющих — с другой. Пока этого нет, инвестиции будут сопряжены с риском, способным их остановить.

Поэтому активная фаза структурной перестройки начинается только через некоторое время после завершения финансовой стабилизации и приватизации большей части предприятий. А устойчивый экономический рост начинается только тогда, когда структурная перестройка вошла в активную фазу и снижение производства в старых структурах уже не оказывает на экономику определяющего влияния.

Важно иметь в виду одно: мы говорим о закономерностях переходного периода, потому что действовать вне рамок описанной схемы, найти какой-то другой путь — невозможно. Разумеется, варианты, различные решения возможны даже в очень существенных деталях. Но здесь обозначена лишь та общая канва, последовательность этапов, которые объективно обусловлены. При этом имеется в виду, что если проведены реформы, то они дают импульс естественным, спонтанным процессам, которые протекают в экономике сами собой в силу действия рыночных механизмов.

Влияние государства необходимо, но оно может быть разным. Главное, чтобы оно исходило из понимания объективных процессов, содействовало их протеканию, снимало наиболее болезненные явления, но не тормозило развития.

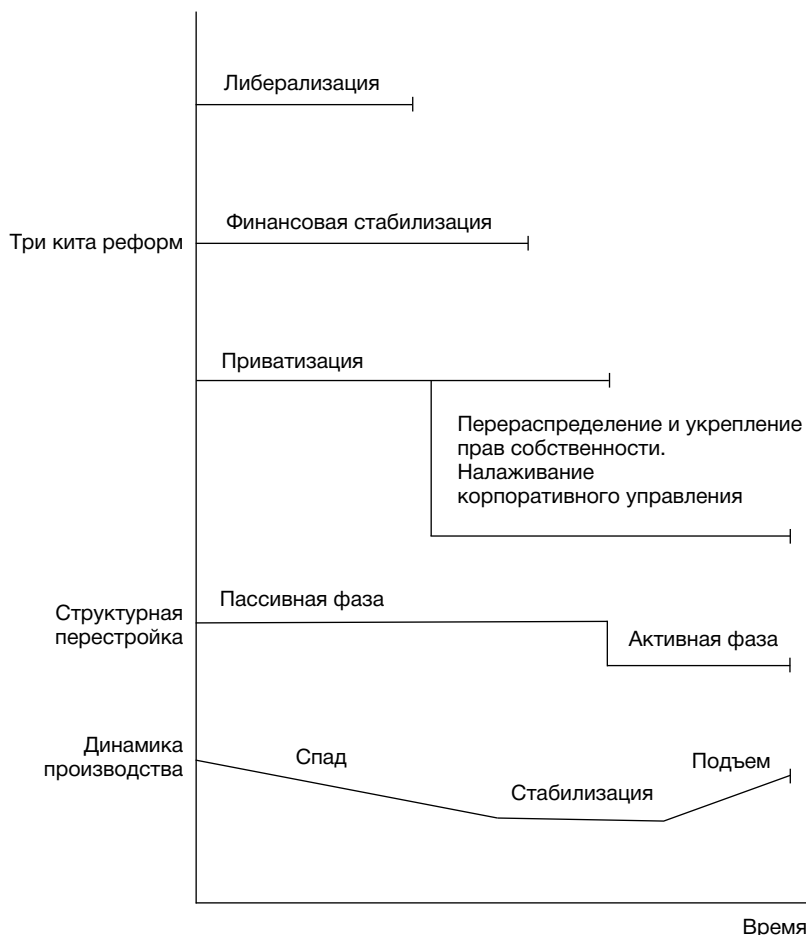

Рис. 2. График перехода. Зависимость между реформами, структурной перестройкой и динамикой производства

3. Где мы находимся

Основные реформы позади

Теперь, определив точку отсчета и систему координат, заданную закономерностями переходного периода, попытаемся выяснить, где же мы находимся сегодня (рис. 3).

Главный вывод состоит в том, что основные реформы позади.

Первое. Мы практически завершили *либерализацию*. Настолько, насколько это возможно сегодня в российских условиях. В основном она закончилась в январе 1992 г., когда был снят контроль с большинства цен. В это же время планово-распределительная система оказалась демонтированной. Еще остаются некото-

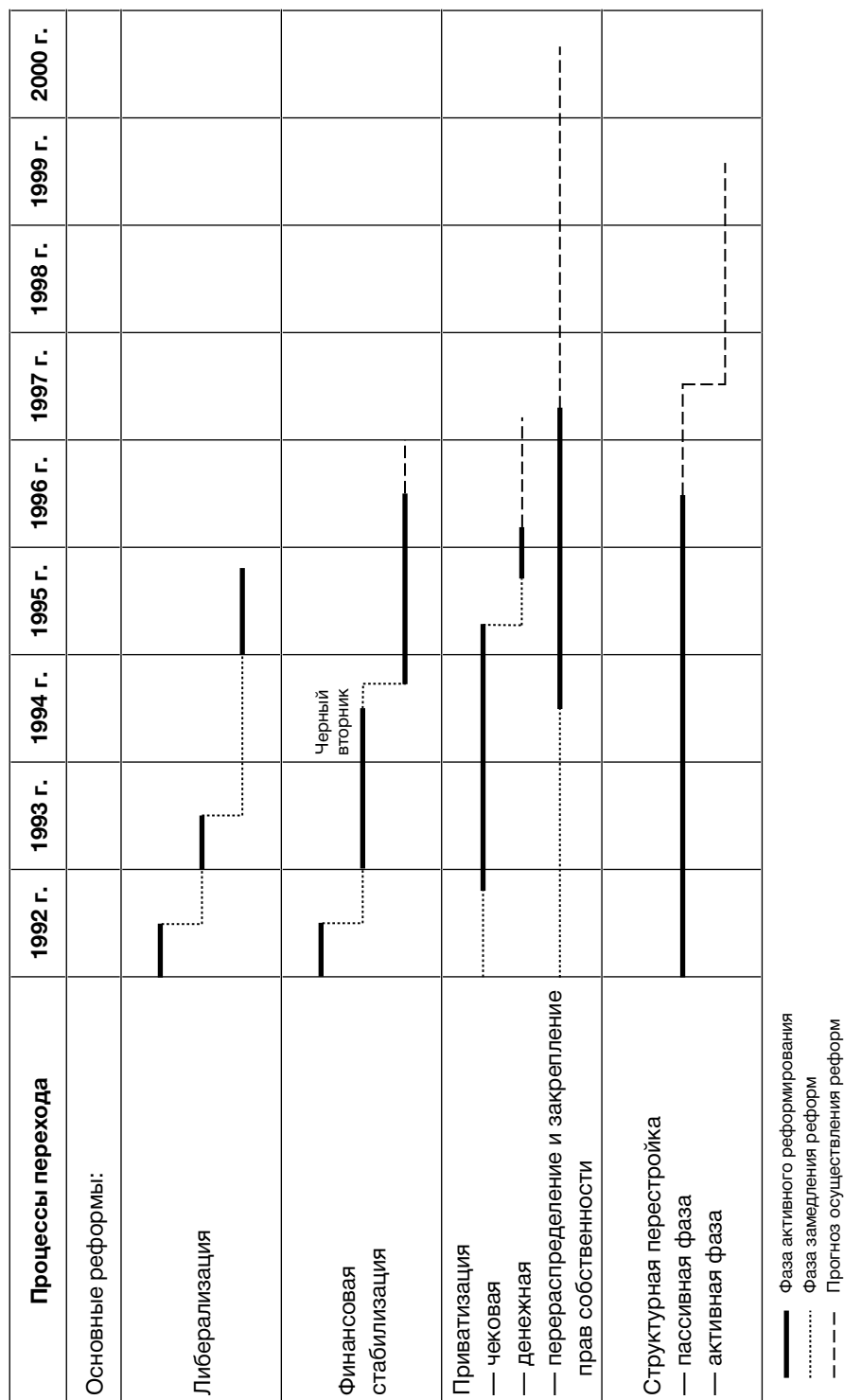

Рис. 3. «Выполнение графика». Где мы находимся

рые ее рудименты, например в аграрном секторе, но они уже не играют решающей роли.

1 июня 1992 г. был введен свободный курс рубля и снят контроль за ценами на нефть. Местные власти кое-где и по сей день пытаются контролировать цены на основные продукты питания, но таких все меньше. Недавно пал один из последних бастионов: талоны отменили даже в Ульяновске. В начале 1995 г. отменили экспортные квоты и лицензии на нефть и нефтепродукты.

Второе. *Финансовая стабилизация* с третьей попытки, кажется, близится к завершению. Во всяком случае, после инфляции 1992 г. в 2600%, 1993 г. — в 940, 1994 г. — в 320, 1995 г. — в 230 в июне 1996 г. мы имели рост потребительских цен на 1,2%, что в годовом исчислении составляет 24%. Это еще много по мировым стандартам, но для нас — настоящий успех. Тенденция обозначилась довольно четко, инфляционные ожидания существенно снижены, скорость оборота денег упала. Ключевую роль сыграло решение 1994 г. о прекращении централизованного кредитования бюджетного дефицита.

Избирательная кампания осени 1995 г. и I полугодия 1996 г. внесла в оптимистическую картину свои тревожные нотки. В середине года обозначился тяжелый бюджетный кризис, ликвидация которого требует решительных и оперативных действий. Но если нам удастся удержаться в рамках намеченной бюджетной и денежной политики, положительный исход уже не вызывает сомнений.

Особо о приватизации

О приватизации хочу сказать особо, поскольку в российском исполнении она подвергается критике и осмеянию едва ли не всеми — коммунистами, националистами, демократами. Г. Зюганов даже назвал «главного приватизатора» А. Чубайса национальным аллергеном. Основные тезисы критики: 1) народ ограблен, ваучеры оказались бумажками; 2) приватизация почти ничего не дала для бюджета, ценнейшие объекты отданы задаром; 3) обещанные эффективные собственники не появились.

Теперь посмотрим на факты. В результате первого, чекового этапа приватизации 2/3 валового внутреннего продукта производится частным, скажем осторожно, негосударственным сектором. Он еще не стал эффективным. Но ведь прошло всего 2–3 года, и разве можно реально ожидать большего за такой срок?

В действительности в цели первого этапа приватизации не входило и не могло входить быстрое повышение эффективности. Реально было решить три задачи: 1) ввести процесс приватизации, уже ранее всю развернувшийся в самых неприглядных формах, в некие правовые рамки; 2) осуществить процесс приватизации основной части экономики быстро, чтобы не дать консолидироваться консервативным силам, и в то же время воссоздать в обществе силы, заинтересованные в частной собственности и ее упрочении; обеспечить тем самым необратимость рыночных преобразований в самой уязвимой части общественных отношений; 3) сделать все это так, чтобы сохранить гражданский мир, заложив в программу приватизации некий баланс интересов, который обеспечил бы относительно спокойное восприятие обществом данной программы.

Все эти три задачи полностью решены. Что же тогда называть успехом?

Скажу честно: с самого начала я не воспринимал идею чековой приватизации и выступал против нее. В программе «500 дней», одним из соавторов которой был и я, предлагался иной план, который теперь, впрочем, кажется мне далеко не лучшим. Это была «западная» модель последовательной, тщательно подготавливаемой приватизации каждого предприятия, одного за другим. Мы всерьез обсуждали вопрос о том, где взять столько квалифицированных специалистов, которые нужны для этой работы, и на какой срок затянется сам процесс. Ясно было, что на десятилетия. И где брать капиталы? Если бы они даже нашлись, то попали бы в бюджет и были потрачены на что угодно, тогда как, возможно, их следовало бы вкладывать в сами эти предприятия.

Главное мое возражение против чековой приватизации состояло в том, что я не верил в возможность четкой ее организации в наших российских условиях. Но когда это все было сделано менее чем за 2 года, я вынужден признать свою неправоту.

Теперь о критике. Во-первых, ограблен ли народ? На месте А. Чубайса я был бы поосторожнее с такими понятиями, как «народная приватизация» или «40 млн акционеров». Не потому, что это неправда. Как раз по сути — правда, но такая, что порождает неоправданные иллюзии, а за ними — разочарования.

Раздача государственной собственности, а первый этап приватизации в этом и состоял, не могла принести приличных доходов владельцам акций, обмененных на ваучеры, уже потому, что экономика в кризисе, что большинство предприятий не приносят доходов и сами нуждаются в помощи, в инвестициях, которых новоявленные акционеры принести не могут. Да и раздавалась на ваучеры не вся госсобственность, а часть ее, подлежащая приватизации, да еще за вычетом долей, оставляемых трудовым коллективам и администрации предприятий. Мысль о том, что доход появляется не сам собой, а в результате труда и вложений капитала, как-то не сразу осознается теми, кто посчитал себя обманутым.

Во-вторых, могла ли приватизация дать бюджету больше? Да нет, конечно. Это сейчас Ю.М. Лужков, имеющий в своем распоряжении несметные сокровища московской недвижимости и почувствовавший в последние годы ее растущую цену, возроптал против ее раздачи или продажи по низкой цене. А если продавать завод, тот же ЗИЛ, или любое предприятие на необъятных просторах нашей Родины, то дадут немного. Неслучайно, когда в конце 1995 г. проводились скандально знаменитые залоговые аукционы по «Норильскому никелю» и другим весьма доходным объектам, цены оказались невысокими. И не потому, что был сговор и другим участникам, называвшим более высокую цену, не дали победить. Просто денег у них не было, они предлагали рассчитаться ГКО, тогда как государству нужны были деньги кроме привлекаемых посредством ГКО, что и было оговорено в условиях конкурса.

Короче говоря, предложение госсобственности намного превышает платежеспособный спрос за исключением таких случаев, как московская недвижимость или нефтяные компании.

Но это сейчас. А в 1992 г.? Рынка капиталов, рынка недвижимости нет. Для оценки ваучера нет никаких исходных данных, кроме балансовой стоимости приватизируемых фондов в ценах 1991 г. Неужели стоило стоять и ждать, пока ЗИЛ купят за те 2,5 млрд долл., которые раньше были на него потрачены?

У немцев тоже были иллюзии относительно доходов от приватизации госпредприятий в Восточной Германии. В итоге они уже вложили в них около 300 млрд немецких марок и продолжают вкладывать, пока без особых надежд на окупаемость. А продать готовы за символическую цену в одну марку, лишь бы покупатель обязался инвестировать в реконструкцию и сохранить рабочие места. Один наш предприниматель не смог устоять перед таким соблазном. Теперь он обивает пороги наших министерств в расчете получить деньги из российского бюджета на инвестиции в Германии. А германские власти вежливо напоминают, что обязательства надо выполнять.

В бюджет от приватизации можно кое-что получить. На этот год запланировано 12 трлн руб., не так-то много. Но рассчитывать на очень большие доходы просто бессмысленно. Да и не в этом состояла задача.

В-третьих, могли ли уже сейчас, через 2–3 года, появиться эффективные собственники? Конечно, хотелось бы. Но надо смотреть на вещи реально. Напомню, большинство предприятий было приватизировано по второй модели, т.е. с сохранением контрольного пакета за трудовым коллективом. Каюсь, я причастен к включению в программу приватизации этого варианта, ходил уговаривал ее авторов. Но не забудем настроений 1992 г.: «фабрики — рабочим». Сохранить гражданский мир, не учитывая этих настроений, не дав шанс их сторонникам, было бы трудно.

Теперь критикуют за «колхозизацию». Правильно критикуют. Но только надо иметь в виду, что на многих предприятиях доля акций, принадлежащих работникам, снижается, идет естественный процесс разделения на тех, кто хочет остаться акционером, и тех, кто готов удовольствоваться ролью рабочего, лишь бы платили больше и вовремя.

Есть, однако, критика иного рода. Святослав Федоров шел на президентские выборы под лозунгом самоуправления трудящихся. Хотя идея знаменитого офтальмолога практически и осуществлена в России, пока еще на большинстве приватизированных предприятий трудящиеся владеют контрольным пакетом. Не будем придираться, АО, или ООТ, или ООО — вряд ли от различий в этих названиях что-то зависит. Но что-то не видно ощутимого влияния трудовых коллективов на улучшение хода дел. Инвестиций нет. Не хватает на всех директоров, подобных С. Федорову, и его способностей выбивать льготы.

Просто неудобно: человек ломится в открытую дверь с рецептами всеобщего счастья, не замечая, что его мечта успела осуществиться и оскандалиться. А ведь ее осуществление стоило того, что на долю прочих владельцев ваучеров досталось намного меньше, чем могло, а точнее — не более 29%.

Верно, что на почве, взрыхленной первым этапом приватизации, да и медленно идущим процессом приватизации за деньги, сохраняется неопределенность отношений собственности и контроля, разгораются конфликты между новыми собственниками и менеджерами. Начался процесс перераспределения и закрепления прав собственности, налаживания корпоративного управления.

Напомню, что идея чековой приватизации отнюдь не принадлежала А. Чубайсу, закон об именных приватизационных чеках был принят Верховным Советом РСФСР задолго до его появления в правительстве. Единственное новшество состояло в том, что чеки разрешили продавать и покупать.

Не будем спорить, справедливо это или несправедливо, но именно благодаря этому начался процесс концентрации титулов собственности и ухода от «колхозизации». Масса ваучеров и акций за копейки была скуплена расторопными частниками и компаниями. Они стали видными акционерами, стараются установить контроль над предприятиями, потеснить директоров еще советского времени или наладить с ними деловые контакты.

Их не принимают, вопреки закону, но порой по веским причинам, опасаясь легкого, постороннего отношения к производству, к его свертыванию в случае убытков, к увольнению рабочих. Притом такие акционеры зачастую не располагают ни капиталами, ни опытом работы в данной конкретной области. И они раздумывают: то ли избавиться от дешево доставшихся акций, то ли, напротив, наладив отношения, начать инвестировать, «влезать в хомут» хозяев. И все больше таких, кто этот «хомут» уже надел.

Идет естественный процесс, начало которому приватизация только положила. Процесс противоречивый, протекающий порой в неприглядных формах, но жизненно важный для эффективности экономики.

Эффективные собственники еще не родились: просто еще не прошли предусмотренные для их вынашивания «9 месяцев». Но в утробе уже что-то зашевелилось.

Можно назвать меня циником. Но, полагаю, на вещи надо смотреть реально. Идеи «справедливого», т.е. равномерного, распределения или самоуправления экономику не поднимут. Напротив, скорее погубят, как многие известные нам благие намерения. А вот концентрация собственности и накопление капитала, создающие частный интерес к инвестициям, как бы они ни осуществлялись в рыночной экономике, сулят деловую активность, стратегических инвесторов, а значит — подъем и рабочие места.

Так что и на этом направлении реформ в России можно констатировать успех.

Потенциал спада

Правда, надо ясно видеть, что при огромном продвижении реформ пока сделано, если хотите, самое легкое. В том смысле, что осуществлены меры, которые при относительно небольших усилиях давали зримые, просто измеряемые результаты. Но это результаты не конечные, а промежуточные. Конечные будут тогда, когда подъем экономики позволит повысить благосостояние подавляющего большинства граждан России и когда ни у кого не останется сомнений в благотворности рыночных реформ. А до этого еще неблизкий путь и огромная работа по отладке новых механизмов, работа черновая, малозаметная, может быть, весьма эффективная, но в любом случае не столь эффектная. Одно дело — снять контроль над ценами или издать указ о свободе торговли, другое дело — разработать и внедрить совершенную налоговую систему, наладить сбор налогов, внушить гражданам и руководителям предприятий, что не платить налоги — преступление.

Ныне мы находимся на том этапе перехода к рыночной экономике, когда на первый план выходит структурная перестройка. Как же дело обстоит с ней?

Определенное продвижение есть.

Как мы отмечали, структурной перестройке в самом производстве должны предшествовать процессы бурного развития торговли и финансовой сферы. Здесь у нас пошло все как по учебнику. Торговля развивалась очень быстро и, хотя не достигла еще необходимого уровня, но факт остается фактом — для большинства администраций регионов снабжение населения перестало быть головной болью, как все советские годы.

Возникла едва ли не на пустом месте и в кратчайшие сроки встала на ноги сеть коммерческих банков. Ваучерная приватизация сопровождалась созданием 600 чековых приватизационных фондов, затем на их месте или сами по себе вырастают иные финансовые институты, например такие, как паевые инвестиционные фонды. Появились страховые компании, частные пенсионные фонды. Сложился финансовый рынок, выросли необходимые для их функционирования учреждения.

Высокая инфляция 1992–1994 гг., заставляя всех уплачивать инфляционный налог, принесла в торговлю и финансовую сферу немалые капиталы. Появились «новые русские».

Несправедливо? Да, очень часто!

Но одновременно началось частное накопление, которое завтра дополняют частные инвестиции. А они-то и представляют предпосылку активной фазы структурной перестройки. Отмеченные выше успехи приватизации влияют в том же направлении.

Но главное, в какой фазе структурной перестройки мы сейчас находимся. Главный признак — динамика производства. А оно пока продолжает снижаться, хотя и замедляющимися темпами. Следовательно, мы еще находимся в пассивной фазе, хотя все больше признаков стабилизации производства, а стало быть, и перехода к активной фазе.

В 1992–1993 гг. сокращение объема валового внутреннего продукта было достаточно велико, но всякий раз, когда жесткость финансово-денежной политики становилась ощутимым фактором его увеличения, она смягчалась. После этого темпы спада снижались или даже на несколько месяцев наступала стабилизация производства. Но при этом вновь подсакивали темпы инфляции, и снова приходилось закручивать финансовые гайки. Следом за этим — снова усиление спада.

Вот некоторые данные:

	<i>(в процентах к предыдущему году)</i>			
	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.
Валовой внутренний продукт	86	91	87	96
Продукция промышленности	82	86	79	97
Продукция сельского хозяйства	91	96	88	92

Пик спада в промышленности пришелся на 1994 г., особенно на его I полугодие, когда выпуск промышленной продукции сократился на 22% в сравнении с I полугодием 1993 г. Этому предшествовало ужесточение финансовой и

денежной политики осенью 1993 г., осуществленное по совместному настоянию Е. Гайдара и Б. Федорова. За него пришлось заплатить неблагоприятными результатами парламентских выборов, когда взошла звезда Жириновского, а Е. Гайдар и Б. Федоров вынуждены были покинуть правительство.

Однако «пике» первой половины 1994 г., как ни странно, имело свои плюсы. Дело в том, что важны не общие объемы: в советское время они были намного больше и без всякой пользы. Важна структура производства, ее соответствие спросу, конкурентоспособность. При переходе к рынку адаптация производства к рыночным условиям неизбежно вызывает снижение объемов. И оно может быть тем больше, чем глубже деформации.

Иными словами, у спада есть свой потенциал. Пока он не исчерпан или не перекрыт ростом более эффективного производства, отвечающего рыночным условиям по качеству продукции и уровню издержек, снижение объемов будет продолжаться. Его можно прервать на время денежными вливаниями, ослабить, но остановить нельзя.

Так вот, «плюс» резкого спада весны 1994 г. состоит в том, что тогда он в значительной мере израсходовал свой потенциал.

Следует сказать, что в России потенциал сокращения производства был особенно велик: масштабы милитаризации, 70 лет планового хозяйства, не считавшегося со спросом и генерировавшего диспропорции, низкое качество, относительно высокие издержки. По примерным оценкам, в условиях открытой экономики потенциал спада в промышленности составлял у нас около 70–75%. Исключением являлись в основном энергоносители и сырье. К концу первой половины 1994 г. мы его исчерпали более чем наполовину.

В 1995 г. в дело вступили новые факторы. Преимущества, вытекающие из разрыва между внутренними и мировыми ценами, а также непрерывно падающего курса рубля, были использованы российскими экспортерами — металлургами, химиками, лесной промышленностью. Благоприятная конъюнктура позволила им резко увеличить экспорт и за счет этого поднять уровень производства, в основном на прежних мощностях.

Благодаря этому 1995 г. оказался особенно удачным: снижение инфляции с 18 до 3% в месяц при сокращении промышленной продукции всего на 3%.

Но затем внутренние и мировые цены практически сравнялись, курс рубля был стабилизирован и упрятан в «валютный коридор». Выгодность экспорта снизилась, импорта — возросла. Поэтому в начале 1996 г. на фоне снижающейся инфляции темпы спада снова несколько возросли. С апреля наметилась еще одна стабилизация. Однако не стоило обольщаться на ее счет. В июне спад снова усилился.

Пока не включатся по-настоящему факторы роста эффективного производства, оживления инвестиций, возможность углубления спада сохраняется. А со значимыми масштабами их включения, собственно, и связан переход к активной фазе структурной перестройки.

К сожалению, здесь еще серьезного продвижения нет, мы топчемся на месте в осаде трудных текущих проблем, тормозящих движение вперед и требующих новых масштабных усилий.

Неплатежи

Неплатежи — проблема, лежащая на поверхности и мучающая нашу экономику с 1992 г. На поверхности, потому что неплатежи скорее симптом, проявление ряда более глубоких проблем. А кажется, что они только следствие либерализации и финансовой стабилизации. Ведь не было же их прежде, в плановом хозяйстве!

На самом деле были, хотя в иных масштабах. В 1990 г. 23% всех источников оборотных средств предприятий составляла кредиторская задолженность.

Либерализация цен и борьба с инфляцией лишили предприятия оборотных средств и почти бесплатных кредитов.

50% оборотных средств было изъято сразу, с 1 января 1992 г., чтобы сократить масштабы повышения цен после снятия контроля за ними. А далее уже гонка цен обесценивала оборотные средства, создавала фиктивную прибыль, с которой уплачивался налог, и повышала цену кредита, выходящую за пределы доступного.

Было выдвинуто требование индексации оборотных средств. Но, как всякая автоматическая индексация — зарплаты или других затрат, — она вела бы к закреплению инфляционных ожиданий и укоренению высокой инфляции надолго.

Между тем именно инфляция является первой причиной неплатежей. Обесценивая оборотный капитал и удорожая кредит, она делает более выгодным не платить поставщикам, т.е. заставлять их давать покупателям вынужденный и бесплатный коммерческий кредит.

Реакцией на это стало повсеместное требование предоплаты, т.е. кредитование покупателем поставщика, но в условиях сжатия спроса и недостатка оборотных средств далеко не всем удавалось на нем настаивать. Параллельно развивался бартерный обмен, хорошо известный еще с советских времен, а сейчас позволявший обходиться без денег и уходить от налогов.

В 1992–1993 гг. неплатежи касались в основном взаимоотношений между предприятиями. Зарплата и платежи в бюджет для государственных или вчера еще государственных предприятий были неприкосновенны.

Но шаг за шагом менялись приоритеты директоров. Червь корысти разъедал у многих ответственность перед рабочим и страх перед государством, тем более что рядом частники налогов не платили или платили какой-то мизер. В 1995 г. в структуре неплатежей «точками роста» стали именно долги бюджету, рабочим и служащим, а также в меньшей степени — банкам. Между предприятиями до 70% расчетов шли через бартер и различные суррогаты денег — казначейские обязательства, векселя, налоговые освобождения.

Порядка нет как нет

Теперь о более глубоких причинах. Дело не в том, что мало денег, хотя и это обстоятельство может играть свою роль. Заметим только, что в течение всех последних лет денежная масса росла, несколько отставая от роста цен, а в 1995 г. даже вровень с ним. Вот данные на этот счет:

	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.
Рост денежной массы (M2) (число раз)	2,3	7,7	4,8	2,8	2,3
Рост потребительских цен (число раз)	2,4	26,1	9,4	3,2	2,3
Отношение роста M2 к росту цен	0,93	0,27	0,45	0,82	1,0

Так что деньги все время добавлялись.

Другое дело — необязательность и нетребовательность хозяйственных партнеров, привитые за десятилетия мягких финансовых ограничений. У наших хозяйственников — своя деловая этика, в которой требование соблюдения обязательств стоит по предпочтениям ниже, чем, скажем, помощь соседу в трудную минуту. Новые условия еще не переделали радикально «моральный кодекс» хозяйственника, но уже внесли коррективы в прежний. Налоги платить зазорно. Можно самому себе выписывать десятки миллионов, проворачивать сделки через контролируемые малые фирмы, уводя на их счета средства «родного» предприятия, тогда как трудовой коллектив получает зарплату с задержкой на 2–3 месяца.

Неопределенность прав собственности позволяет ловким людям воспользоваться ситуацией. Пока еще можно через влиятельных людей надавить на руководство страны или регионов, запугать угрозой развала, забастовок или посулить небывалые результаты — надо торопиться «выбивать» льготы и привилегии.

А судебная система почти не действует. Дела рассматриваются месяцами и годами, полунищие судьи подвержены давлению с самых разных сторон, об их независимости, как правило, говорить просто смешно. Но если приговор и вынесен, то его практически некому исполнять.

Плюс ко всему — преступность, взятки. Такова сегодня хозяйственная жизнь: порядка нет как нет. Как будто про нас сегодняшних писал А.К. Толстой.

А это — рискованная среда для бизнеса, отсутствие четких правил игры и механизмов, принуждающих к их соблюдению. Грубо говоря, зачем платить, когда можно не платить и ничего за это не будет. Можно, конечно, взамен прибегнуть к эмиссии денег. Но ясно, что в итоге будет только беда.

Порядок наводить надо. Это трудно, долго, опасно, но иного выхода нет.

Структурные факторы неплатежей

Другая причина неплатежей состоит в торможении структурной перестройки.

Когда либерализация и ужесточение финансовых ограничений позволили уточнить объемы и структуру спроса, стали определяться предприятия и производства, у которых есть шансы на будущее и у которых этих шансов нет, т.е. нет возможности в обозримом будущем производить и продавать продукцию, устраивающую покупателей по качеству и цене.

Если отвлечься от иных факторов, то чисто экономически первые должны были бы быстро развиваться, образуя поднимающийся более эффективный сектор, а вторые надо бы закрывать, высвобождая ресурсы для первых.

В жизни же как раз ведущую роль играют «иные факторы». Безнадежное предприятие является градообразующим, дает работу тысячам людей, содержит большую социальную сферу. А если это крупные предприятия, как ЗИЛ и Ростсельмаш, обладающие политическим влиянием?

Короче говоря, предприятия, являющиеся реальными банкротами, не закрываются. Но, стараясь держаться на плаву, они заказывают продукцию, которую потом не оплачивают. Образуется первое звено неплатежей. Во втором звене может находиться уже вполне жизнеспособное предприятие, но оно тоже может оказаться неспособным платить, и т.д.

Сохранение отжившего влечет за собой заражение здоровых тканей. Но порой нет выхода.

Сократив промышленное производство вдвое, мы уменьшили численность занятых только на 7,2%. Поэтому упала производительность. Отсюда неплатежи, в том числе по зарплате. В этом смысле неплатежи — своего рода социально-экономический амортизатор. Не будь их, и безработица могла бы подскочить до 10–12 млн человек, что страна, возможно, и не перенесла бы.

Так что, задумываясь над тем, как победить неплатежи, приходишь к выводу: а может быть, они на данном этапе не всегда самый худший вариант. В любом случае надо знать: пока есть крупные неплатежи, есть и угроза продолжения спада.

Сбор налогов

Сбор налогов, особенно резко ухудшившийся в 1995–1996 гг., — тоже часть кризиса неплатежей. Но часть особая — по своей опасности.

С одной стороны, в случае любых трудностей все винят государство и идут к нему за помощью. Нет денег — давайте льготы. Полтора года продолжалась борьба за отмену льгот по импортным пошлинам. Теперь в ходу налоговые освобождения. Правительство должно иметь в руках хоть какой-то пряник, иначе оно, выходит, и не нужно. И если нет денег реальных, поступивших в виде налогов, то можно отдать деньги будущие. С гарантией Минфина под банковский кредит для бюджетной сферы, которая, конечно, его вернуть не может иначе, как из будущих доходов того же бюджета.

С другой стороны, если не хватает налоговых поступлений, то, отказавшись от эмиссионного покрытия бюджетного дефицита, приходится прибегать к заимствованиям на внутреннем и внешнем денежных рынках.

Хорошо, что за 1,5 года буквально с нуля удалось раскрутить рынок государственных ценных бумаг — ГКО, ОФЗ, ОГСЗ. Но сегодня, недобирая налоги на 30% против запланированного, Минфин привлекает с этого рынка больше плана в 1,5 раза, собирая с него до 3/4 того, что на нем вообще есть. В итоге в 1997 г. нас ожидает рост расходов по обслуживанию госдолга до 16–18%, что означает, естественно, урезание всех других расходов. В то же время, предлагая больше бумаг, Минфин вынужден повышать их доходность и снижать цену. В конце марта 1996 г. доходность трехмесячных ГКО составляла 111% годовых при инфляции 34%. Перед выборами доходность подсакивала до 250%, хотя

инфляция снизилась до 24% в расчете на год. И это по самым надежным госбумагам. Парадокс!

Но, отвлекая все деньги с рынка на покрытие бюджетного дефицита, Минфин вместе с тем отнимает деньги у реального сектора, препятствуя снижению банковских процентных ставок, а стало быть, кредитованию предприятий и инвестициям.

Если бы не кризис со сбором налогов, то при нынешней инфляции процент по банковским кредитам уже должен был бы снизиться до 40% годовых. А так сейчас на межбанковском рынке кредиты стоят не менее 60–70%, а на сроки свыше 6 месяцев — более 100%. Как же не расти неплатежам?

Таким образом, сбор налогов сегодня превратился в самое узкое место российской экономики. Если бы его удалось поднять с 10,6% ВВП в 1995 г. до 15–16% (США собирают в федеральный бюджет более 18%, а там весьма либеральная налоговая система), то мы могли бы избавиться от бюджетного дефицита, резко сократить займы и дать сильный толчок производству и инвестициям. Таким образом, можно сказать, что мы находимся где-то около нижней точки спада, в конце пассивной фазы структурной перестройки, хотя нас может и дальше еще тянуть вниз.

Основные реформы позади. И мы уже страна с рыночной экономикой. Пройден большой путь, в целом в верном направлении. Но проблем не убавляется, проблем реальных, возникающих не только от ошибок, а больше от колоссальных трудностей переходного периода. Пожалуй, именно *сейчас мы переживаем самый трудный и болезненный этап преобразований*. И ситуация складывается так, что либо мы найдем в себе силы, чтобы еще раз переломить тенденцию, добиться быстрого возобновления экономического роста, перехода в активную фазу структурной перестройки, либо, поддавшись демагогам и корыстным лоббистам, растеряем остатки ресурсов и вползем в длительную депрессию, способную нанести стране окончательный удар. Снова на распутье, снова перед выбором.

4. Предпосылки роста

Наличные ресурсы

Чтобы начался подъем, мало одного желания. И реформы сами по себе еще не гарантируют здорового роста экономики, хотя и составляют его необходимое условие.

Здесь также есть свои закономерности, свои предпосылки.

Первое, что нужно, — стимулы. Нужно общее настроение, ощущение того, что пора, время пришло. Стимулы экономические, внутренние источники энергии уже появились. Все ждут оживления, и оно будет. Пока еще, правда, невыгодно вкладывать в производство. Но условия шаг за шагом складываются.

Второе — нужны ресурсы. Они представлены двумя категориями. С одной стороны — то, что есть: природные ресурсы, прежние мощности, человеческий капитал. С другой стороны — производимый ныне продукт и та доля его, которая выделяется на новые мощности, на повышение качества и эффективности, на развитие. Это инвестиции, в том числе и в человека.

Наличные ресурсы России весьма значительны. Иностранные инвесторы, отправляясь к нам, знают о несметных природных богатствах и образованном народе, талантливых ученых и инженерах. Так оно и есть. Но для полноты картины следует добавить, что богатейшие месторождения полезных ископаемых уже задействованы. Их эксплуатация или открытие новых запасов требуют растущих затрат и, стало быть, невозможны без инвестиций, т.е. ресурсов второй категории, из текущего продукта.

Человеческий капитал, правда, в значительной мере адаптированный к социализму, т.е. к патронажу государства и администрации предприятий, недостаточно мобильный и готовый брать на себя ответственность, пока есть. Но при недостатке вложений в образование и постоянную профессиональную переподготовку он довольно скоро может исчезнуть как конкурентное преимущество. Надо торопиться.

Прежние мощности также отчасти могут быть использованы: примерно 20% парка оборудования установлено в последние 5 лет и еще работоспособно. Но здесь вступает в силу требование эффективности. Даже относительно новые фонды в силу некомплексности технологий, снижения масштабов производства и других причин нередко оказываются неспособны производить продукцию требуемого качества с приемлемыми издержками. Это раньше затраты не считали. А сейчас приходится считать, и порой вдруг выясняется, что новейшее оборудование, в которое были вложены колоссальные государственные деньги, сейчас лучше всего списать, причем чем скорее, тем лучше.

Есть исключения. Так, в 1994–1995 гг. наши заводы минеральных удобрений на старых мощностях подняли объем производства и экспорта. Однако сейчас конъюнктура изменилась, и многие производители удобрений стали неконкурентоспособны: велики издержки, в том числе на энергию, на транспорт. Они уже требуют льготных тарифов. Так что выходит, исключения подтверждают правило.

А оно состоит в том, что огромный производственный аппарат российской промышленности практически непригоден для новых условий и в течение ближайших 10–15 лет должен быть полностью обновлен.

Пять секретов экономического роста

Таким образом, главным фактором экономического роста в России являются *инвестиции*. Инвестиции, инвестиции, еще раз инвестиции.

Зависимости здесь таковы.

Валовой продукт текущего периода распадается на потребление и накопление. Еще есть потери производственного продукта. Накопление служит источ-

ником для инвестиций. Последние обеспечивают рост валового продукта в будущих периодах — быстрый, уже в ближайшие год-два, если сроки окупаемости коротки, или же через 5–7–10 лет, если средства вкладываются в громоздкие, долгосрочные проекты.

Накопления преобразуются в инвестиции далеко не автоматически. Сбереженные средства могут быть положены под матрац или вывезены за рубеж. Наконец, они могут вернуться в потребление, если не находятся подходящие объекты инвестирования, высокодоходные и с приемлемым риском. В процессе трансформации накоплений в инвестиции огромную роль играют психологические ожидания потенциальных инвесторов и еще больше — информация и финансовые институты — посредники в мобилизации и размещении инвестиционных ресурсов.

Наконец, исключительно важна *эффективность инвестиций*. Вопрос не только в том, какие проекты отбираются — кратко- или долгосрочные. Даже самый быстроокупаемый, по расчетам, проект в процессе исполнения может превратиться в долгострой и стать источником сплошных убытков и потерь. Советская практика государственных капитальных вложений, как централизованных, так и децентрализованных, т.е. производимых за счет средств государственных же предприятий, показала рекорды неэффективности. Это касалось и сроков строительства, и объемов затрат, многократно превышавших первоначальные сметы. Сложился определенный тип инвестиционного режима, в котором осуществить какие-либо проекты можно было только не считаясь со сроками и затратами.

Чтобы изменить ситуацию, войти в новый, более эффективный инвестиционный режим, нужен жесткий контроль за реализацией проектов со стороны тех, кто вкладывает средства, и их высокая экономическая ответственность за вложения как за свои собственные. Иначе говоря, нужны прежде всего частные инвестиции.

Итак, мы можем сформулировать пять секретов экономического роста:

1) с максимальной эффективностью использовать имеющиеся ресурсы. Эффективность в данном случае означает не наибольшую загрузку мощностей, а максимум прибыли;

2) увеличивать объемы накопления. Доля накопления в ВВП должна быть повышена, и улучшена его структура;

3) создать наилучшие условия для трансформации накоплений в инвестиции: стабильность, информация, сильные и надежные финансовые посредники;

4) найти оптимальное для данного этапа развития страны соотношение между краткосрочными и долгосрочными инвестициями;

5) резко повысить эффективность инвестиций и с этой целью увеличить в максимально возможной степени долю частных инвестиций.

Схематически эти факторы изображены на рис. 4.

Посмотрим теперь, как мы можем воспользоваться этими секретами в России в ближайшей перспективе.

Прежде всего отметим, что, по предварительным оценкам, для структурной перестройки российской экономики и выведения ее на масштабы, сравнимые с

Рис. 4. Факторы экономического роста

уровнем 1990 г. (разумеется, с поправкой на иное качество), за 15 лет только в производство потребуется вложить инвестиций на сумму 800–900 млрд долл., а всего — около 2 трлн долл.

Источники накопления

По данным официальной статистики, ВВП России сократился по сравнению с 1990 г. примерно наполовину. Думаю, что эта оценка несколько завышена. Во-первых, сейчас предприятия склонны занижать отчетные объемы, тогда как прежде они их завышали. Во-вторых, плановая экономика генерировала искусственный спрос и искусственные объемы, которые ничего не давали ни народному хозяйству, ни обществу. Разве только добавляли такую же искусственную занятость. С учетом этих количественно трудноизмеримых факторов реальный объем российского ВВП сократился примерно на 35–40%.

Тем не менее он существенно ниже прежнего. Возможности его наращивания за счет лучшего использования наличных мощностей и ресурсов имеются. Вопрос в том, каковы их масштабы.

Существует мнение, что если ослабить дефицит ликвидности в экономике, т.е. восполнить потери оборотных средств, дать более дешевый кредит, то это позволит чуть ли не сразу вернуться к дореформенной загрузке мощностей. Это далеко не так.

В действительности ликвидность в экономике можно увеличить только последовательной антиинфляционной политикой. Отношение денежной массы к ВВП, как показывает мировой опыт, тем больше, чем ниже инфляция. Но, пред-

положим, различными макроэкономическими и институциональными мерами удастся создать необходимые условия. В этом случае, по моей оценке, ВВП в реальном исчислении за счет лучшего использования мощностей может вырасти не более чем на 8–10%.

Объясняется это тем, что за 4 года реформ вследствие ограничений спроса, роста издержек, конкуренции иностранных товаров, значительно сократились так называемые *эффективные мощности*, т.е. такие, на которых при данных условиях пользующуюся спросом продукцию можно реализовать с прибылью.

Сократившийся ВВП не позволяет достичь сразу высокого уровня накопления, поскольку в кризисной ситуации, чтобы обеспечить выживание, требуется минимизировать в первую очередь снижение потребления. Такая тенденция и наблюдалась в последние годы: при значительном спаде производства и еще большем — инвестиций фонд потребления в целом и средние показатели душевого потребления важнейших потребительских товаров снизились в гораздо меньшей степени.

Тем не менее уровень накопления, согласно официальной статистике, остается достаточно высоким, достигая 20–22% ВВП. *Сбережения* составляют до 25% от доходов *населения*. Впрочем, этот показатель вызывает сомнения: в структуре сбережений населения до 40–45% занимает покупка валюты, которая только отчасти откладывается. Остальное — операции «челноков» и т.п., т.е. преимущественно теневой торговый оборот.

Все же склонность населения к накоплениям даже на уровне 10–15% весьма высока.

Предприятия остаются важнейшим источником накоплений. Если считать только амортизационные фонды и прибыль, направляемую на инвестиции, то в 1995 г. накопления в этом секторе составили 380 трлн руб., или 23% ВВП.

Однако надо учесть, что фактически на инвестиции ныне расходуется не более 50% амортизационных отчислений.

Федеральный бюджет при дефиците 3,9% ВВП в 1995 г. потратил на инвестиции в общей сложности не более 1%. Это означает, что *государство имеет отрицательное накопление*, поскольку реальным накоплением является только положительная разница между государственными инвестициями и дефицитом бюджета.

Если брать консолидированный бюджет, с включением бюджетов регионов и внебюджетных фондов, то ситуация несколько улучшится, но все равно государственное накопление останется отрицательным.

Что касается финансовой сферы, включая банки, то ее доля в накоплениях весьма скромна. Хотя здесь концентрируется много денег и банкиры живут лучше всех, тем не менее финансовые институты оперируют преимущественно привлеченными средствами. Уровень капитализации в этой сфере крайне низок в сравнении с тем, каким должен бы быть.

Таким образом, *внутренние источники накоплений в России сегодня весьма ограничены* в сравнении с потребностями в финансовых ресурсах на нужды реконструкции национальной экономики. Повышение доли накопления до 30–35% ВВП, если брать пример Японии и Кореи, возможно только тогда, когда будут уже достигнуты достаточно высокие темпы роста экономики, т.е. не ранее чем

через 5–7 лет. Следует исходить из того, что нынешний уровень потребления снижаться не может. Напротив, его необходимо повышать хотя бы минимальными темпами. При нынешнем уровне накопления и прочих равных условиях структурная перестройка может потребовать не менее 20–25 лет.

Трансформация накоплений в инвестиции

Это в настоящее время одна из самых актуальных проблем. В сущности, речь идет об утечке капитала.

Имея последние 4 года весьма значительное положительное сальдо внешнеторгового баланса, Россия могла бы большую долю доходов от экспорта тратить на инвестиции, в частности, на закупку современного технологического оборудования. Такая тенденция отчасти уже наметилась, закупки оборудования вышли на 1-е место среди статей импорта.

Беда, однако, в том, что значительная часть доходов от экспорта не инвестируется в российскую экономику, а либо остается за границей, либо обращается в доллары внутри страны. Это как бы внешний и внутренний вывоз капитала.

Правда, звучащие порой оценки прямой утечки капитала в 200–300 млрд долл. ничем не подкреплены. Более или менее правдоподобные оценки по состоянию на середину 1996 г. таковы: средства на счетах российских резидентов в зарубежных банках — не более 8–10 млрд; средства в валюте на счетах в российских банках — примерно столько же; валюта на руках у населения — 12–15 млрд. Всего в России сегодня находится, включая резервы Центрального банка, до 40–45 млрд долл. Это величина, близкая к находящейся в обороте рублевой массе, если пересчитать по курсу. Внутренняя утечка преобладает.

Если бы эти доллары были в одночасье обращены в рубли, то отношение рублевой денежной массы к ВВП выросло бы почти вдвое (с 12 до 20%), причем без угрозы инфляции. По этому показателю мы сравнялись бы с США. Проблемы оборотных средств и инвестиций заметно смягчились бы.

«Долларизация» экономики, а речь идет именно о ней, означает, что накопления в значительной мере обращаются не во внутренние инвестиции, а в кредиты правительству США.

Причины долларизации хорошо известны — это общие причины, угнетающие инвестиционную активность: инфляция, экономическая и политическая нестабильность, высокие риски, обусловленные факторами, входящими в группу «порядка нет как нет». Если бы удалось решить проблему долларизации, это означало бы в основном и решение проблемы трансформации накоплений в инвестиции.

Еще один момент, важный для трансформации накоплений в инвестиции, — наличие финансовых посредников, развитие инфраструктуры рынка капиталов. Несмотря на бурное развитие в последние годы, относительно потребностей она почти на нуле. Только банки, которые, вообще говоря, не имеют права рисковать деньгами клиентов, тем более что это на 95% «короткие» деньги. Что касается других финансовых институтов, в которых риск вложений берет на себя вкладчик, то узаконены только паевые инвестиционные фонды (ПИФы), разви-

тие которых как-то «увязло» в канцеляриях Федеральной комиссии по ценным бумагам (ФКЦП).

Эффективность инвестиций

Эффективность инвестиций зависит как от качества отдельных проектов и их исполнения, так и от структуры вложений, от их направленности по объектам и срокам отдачи. *Соотношение между краткосрочными и долгосрочными инвестициями* у нас сейчас далеко от оптимального. Дело в том, что, во-первых, значительная доля тех небольших ресурсов, которые сегодня инвестируются, вкладывается в социальные объекты, непроеизводственные фонды, которые либо вовсе не окупаются, либо могут окупиться лишь за длительные сроки. Даже жилищное строительство в значительной мере ведется не на коммерческих началах. Федеральные и региональные власти вкладывают немало средств в престижные объекты, с которыми можно было бы и подождать. На вложения в производственный основной капитал приходится менее 60%.

Государственные же вложения в производство находятся практически на нуле уже третий год.

Понятно, что всегда есть необходимость вкладывать ресурсы в долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные проекты. При любых обстоятельствах надо отдавать часть средств на то, что не принесет быстрой отдачи (электростанции, дороги и т.п.). Но по нашей нынешней ситуации, учитывая ограниченность внутренних накоплений, неблагоприятные условия трансформации их в инвестиции, *абсолютным приоритетом должны быть эффективность, скорость отдачи, быстроокупаемые инвестиции* в производство и торговлю.

Отсюда также приоритет, который должен быть отдан частным инвестициям, в том числе их государственной поддержке с целью понизить инвестиционные риски, интенсифицировать поток эффективных инвестиций. Это также важнейший фактор перехода к активной фазе структурной перестройки.

Иностранные инвестиции

Если исходить из того, что нам удастся добиться смены инвестиционного режима, увеличить накопления, полностью трансформировать их в инвестиции, повысить их эффективность, т.е. использовать все резервы интенсификации инвестиционного процесса, то в течение 15 лет мы сами сможем инвестировать 1200–1400 млрд долл.

Потребности же в инвестициях на структурную перестройку составляют на тот же период 2000 млрд долл. Из внутренних источников, таким образом, удастся покрыть от двух третей до трех четвертей. Или смириться с депрессией и отсталостью, отведя на реконструкцию вдвое больше времени, в течение которого другие страны, имея лучшие предпосылки, тоже не будут стоять на месте.

Вывод: России как воздух нужны иностранные инвестиции. За 15 лет надо привлечь не менее 400–500 млрд долл. На сегодня иностранцы вложили в нас 6,8 млрд, в том числе 1 млрд в 1994 г. и 2,8 млрд в 1995 г. Если удваивать ино-

странные инвестиции ежегодно, потребуется еще 3–4 года, чтобы выйти на режим ежегодного освоения 10–12 млрд, которые нам нужны как минимум.

Необходимость иностранных инвестиций в еще большей степени обуславливается тем обстоятельством, что они несут с собой новые технологии, ценнейший опыт организации управления производством, сбытом, финансами, чего нам так недостает, а нередко открывают доступ на зарубежные рынки. Между тем приток иностранных инвестиций, кроме причин, тормозящих инвестиции отечественные, сдерживается двумя группами факторов.

Первая из них — своего рода ксенофобия. Конечно, когда нет средств на инвестиции и государство их больше не дает, взоры обращаются к иностранным инвесторам, но кое-кто удивляется, когда выясняет, что те занимаются не благотворительностью, а выгодными для себя вложениями и ставят условия далеко не всегда приятные. Если речь идет о кредите, то под довольно высокие проценты, при гарантиях и залогах, так что выясняется, что оправдать кредит при привычном стиле работы или нелегко, или вовсе невозможно.

Если речь идет о портфельных инвестициях, т.е. о покупке акций и других ценных бумаг, то покупателя надо еще заманить дивидендами или иными доводами, а сделать это могут немногие, по крайней мере сегодня.

Наконец, прямые инвестиции обычно обуславливаются либо полной собственностью, либо контролем над предприятием, что чаще всего ведет рано или поздно к смене управляющих, к потере власти. И здесь личные интересы восстают против интересов предприятия, производства, страны, хотя их зачастую стараются прикрыть патриотизмом, стремлением не отдать Родину на разграбление чужеземным пришельцам. Это тем легче делать, чем больше новые хозяева станут заботиться о реорганизации предприятия с целью повышения его эффективности, поскольку за этим могут последовать сокращение и смена профиля производства, увольнения и т.п.

Спору нет, не надо верить всякому иностранцу на слово. Нужно жестко и со знанием дела торговаться за наилучшие условия. Но препятствовать иностранным инвестициям, когда они взаимовыгодны, нельзя. Если директора не могут поступиться личными интересами, собственники, акционеры, в том числе государство, должны принуждать их к уступкам или освобождаться от них, так как выгоднее отдать контроль, но иметь доход, чем, сохраняя его, терпеть убытки и губить предприятие.

Когда г-н Зюганов обольщал иностранцев доброй улыбкой и посулами коммунистической стабильности, он, видимо, не отдавал себе отчета в том, что они не будут вкладывать в общенародную собственность, что придется отдавать предприятия. Или же обманывал их.

Другая группа факторов связана с тем, что тогда, когда мы всеми правдами и неправдами открещиваемся от иностранного капитала, создавая для него порой невыносимые условия, в мире за капиталы идет отчаянная конкурентная борьба. Стремясь заманить инвесторов к себе, страны соревнуются по части предоставляемых льгот и гарантий. В этой борьбе Россия пока безнадежно проигрывает, занимая в инвестиционных рейтингах место в пятом-шестом десятке.

Итог выглядит особенно неутешительным при сопоставлении с другими странами (табл. 1).

Таблица 1. Объем прямых иностранных инвестиций в 1995 г.

Страны	Объем инвестиций, млрд долл. США	% к ВВП реципиента	На душу населения реципиента, долл. США
<i>Страны с переходной экономикой</i>			
Россия	2,8	0,51	18,7
Польша	1,8	1,9	46,6
Чехия	1,0	3,3	97,0
Словакия	0,2	0,67	37,7
Китай	38,0	6,03	31
Бразилия	3,1	0,58	19,5
Мексика	4,1	0,55	44,6
Индонезия	4,5	2,68	23,7
<i>Развитые индустриальные страны</i>			
США	74,7	1,1	289,0
Германия	8,0	0,44	0,1
Франция	20,1	1,51	364
Великобритания	22,3	2,18	384
Япония	1	0,03	0,0
Испания	6,3	1,31	161

Всего в 1995 г., по данным ЮНКТАД, прямые иностранные инвестиции составили 325 млрд долл. и выросли за год на 46%. Из них 216 млрд пришлось на развитые промышленные страны, в том числе 75 млрд на США — не только мирового лидера в приеме иностранных инвестиций, но и крупнейшего экспортера капитала — 97 млрд. Среди других крупных принимающих стран — Англия и Франция, тогда как Германия и Япония капитал в основном вывозят. Короче, в гонке за инвестициями побеждают те, у кого наиболее стабильные условия.

Из развивающихся стран выделяется Китай — 38 млрд долл. Крупные капиталы привлекают также «азиатские драконы», Аргентина, Мексика, Бразилия. Страны Европы с переходной экономикой — вместе 10 млрд долл. На этом фоне наши 2,8 млрд долл., т.е. доли процента от мирового оборота, наглядно показывают и привлекательность российских условий для богатых иностранцев, и масштабы угроз, которые они представляют для национальной безопасности страны. А вот то, что мы отчаянно нуждаемся в инвестициях и не можем привлечь их, в том числе по причине активности разного рода «патриотов», а по сути в основном «патриотов своего кармана», — это реальная и притом чрезвычайная угроза.

Опыт других стран, оказавшихся в сходных с нашими условиях, говорит о том, что политика в отношении иностранных инвестиций, включая те или иные льготы инвесторам, должна определяться исходя из признания нехватки внутренних капиталов и необходимости в связи с этим создавать условия, позволяющие достичь успеха в конкурентной борьбе за их привлечение.

Надо сказать, что правительство в последние годы немало делает для привлечения иностранных инвестиций. Создан и довольно успешно работает Консультативный совет при премьер-министре, в который входят первые лица 25 крупнейших зарубежных компаний, вкладывающих капиталы в Россию. По его рекомендациям принят ряд важных решений, например, об отмене налога на сверхнормативную зарплату, о снижении вдвое импортных тарифов на продукцию фирм, вкладывающих в Россию более 100 млн долл., и ряд других. Принятие Гражданского кодекса, Закона о соглашениях о разделе продукции улучшило законодательную базу.

Иностранцы с интересом смотрят на Россию, привлекаемые в первую очередь ее природными богатствами, образованной и относительно дешевой рабочей силой, большим внутренним рынком.

Однако их отпугивают высокие налоги и еще больше запутанная и постоянно меняющаяся налоговая система, произвол и коррупция чиновников, неясность прав собственности, особенно на землю, экономическая преступность и многое другое, что резко повышает издержки и риск ведения дел в России.

Взять простой факт: в подавляющем большинстве наших городов (кроме Москвы и Санкт-Петербурга) практически нет гостиниц с привычным для иностранных бизнесменов уровнем обслуживания, хотя бы минимальных стандартов, нет надежной системы связи. Между тем сами эти объекты могли бы быть выгодным вложением капитала.

Мы должны уяснить простую истину: отставание от мирового уровня в большинстве отраслей таково, что, даже если бы нашлись отечественные инвестиции, преодолеть его своими силами, без привлечения зарубежного опыта и технологий, мы не в состоянии, возможно, никогда. Вот почему привлечь все лучшее, научиться тому, что уже умеют другие, расплачиваясь репатриацией прибыли, — это чаще всего оптимальный выход.

Если советская плановая система, закрытая от мира, напоминает во многом старую допетровскую закостенелую Русь, то сегодня нам скорее пристало вспомнить уроки Петра Великого, который был велик не спесью, а тем, что не боялся учиться у иностранцев, порой унижаясь, ради преумножения благосостояния России.

Транзакционные издержки

Кроме стимулов и ресурсов, для экономического роста нужны дополнительные, в основном институциональные, условия, образующие благоприятный климат, среду, для которой характерно преобладание позитивных мотивов над негативными, минимум препятствий для того, кто хочет инвестировать и производить. В сущности, речь идет о том, о чем выше уже говорилось.

Во-первых, стабильность цен или относительно низкая инфляция, не более 15–20% в год; соответственно относительно дешевый и доступный кредит — не более 20–25% годовых.

Во-вторых, приемлемый уровень риска. Лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Коуз предложил концепцию *транзакционных издержек*. Имеются в виду отнюдь не классические издержки, связанные со сбытом, транспортировкой продукции, заключением договоров, но такие затраты, которые приходится нести ин-

вестору вследствие невыполнения контрактов, невозврата долгов, необходимости платить взятки чиновникам и содержать охрану от бандитов.

Коуз рассматривал это понятие несколько иначе. Анализируя факторы, влияющие на оптимальный размер фирмы, он обратил внимание на особую категорию затрат и потерь, которые имеют тенденцию увеличиваться по мере укрупнения компании: рост числа уровней иерархии, более благоприятная почва для злоупотреблений при значительном усложнении контроля, быстрое нарастание трудностей координации.

Но применительно к нашим условиям, как характеристика экономики в целом, данное выше определение транзакционных издержек достаточно хорошо передает дух этого понятия и одновременно подчеркивает одну из самых острых наших проблем: в современной России транзакционные издержки любых инвесторов крайне высоки.

Что надо для их снижения:

- полное и ясное законодательство;
- неукоснительное исполнение законов, что требует безукоризненной работы судебной и правоохранительной системы;
- стабильная, ясная и не слишком обременительная налоговая система;
- четко работающий аппарат государственной власти всех уровней, располагающий квалифицированными и честными, а значит, хорошо оплачиваемыми и дорожающими репутацией чиновниками;
- четкое определение и сильные гарантии прав собственности;
- разделение всеми экономическими агентами высоких стандартов ответственности и взаимной требовательности.

Стоит взглянуть на этот перечень, и сразу становится ясно, сколь многого нам не хватает. В равной мере очевидно, что здесь мы сталкиваемся с проблемами, не поддающимися быстрому решению. Теперь уже требуются не радикальные изменения, но кропотливая, настойчивая, каждодневная работа, хотя на отдельных направлениях прорывы возможны и в короткие сроки.

5. Альтернативы

Две модели политики

Наша страна проходит процесс глубокой экономической, социальной и политической ломки. Процесс исключительно трудный, связанный с многочисленными жертвами и испытаниями для большинства населения. Естественно поэтому и недовольство, и убеждение многих в неверности проводимой экономической политики. Требование радикальной смены курса раздается все годы реформ начиная с 1992 г. Оно лежало в основе конфликта между исполнительной и законодательной властями с кровавой развязкой в октябре 1993 г. Оно же ныне вновь и вновь повторяется в предвыборных кампаниях 1995–1996 гг.

В последнее время тон требований о смене курса несколько изменился. Суть изменений, пожалуй, в том, что рыночные реформы признаны всеми политически-

ми силами. Даже коммунисты хотя и говорят об альтернативном курсе, но все же реформ. Теперь любая политика, таким образом, будет строиться на базе того, что произошло за последние 4 года. В сущности, это свидетельство необратимости реформ. Россия уже стала страной с рыночной экономикой, и этого не изменить никому.

Давайте теперь обсудим, а какие, собственно, перемены в экономической политике возможны и насколько их следует считать коренными. Должен сказать, что анализ в связи с этим предвыборных экономических программ дает крайне мало: принципиальные отличия настолько затушеваны популистской риторикой, что оценить их весьма непросто.

Поступим иначе. Если взять основные вопросы экономической политики и вероятные, принципиально отличные ответы на них, то на их базе можно выстроить две концепции политики, составляющие как бы две крайние альтернативы. Одну из них назовем либеральной, другую — дирижистской (государственной). Каждая из этих концепций отличается внутренней логичностью, совместимостью ответов на поставленные ключевые вопросы.

Теперь прокомментируем представленные альтернативные концепции с точки зрения:

- долгосрочных последствий их применения;
- соответствия той или иной из них нынешней политике правительства;
- возможностей смещения политики в сторону той или иной концепции.

Либеральная политика

Долгосрочные последствия применения в чистом виде либеральной концепции состоят в том, что она приводит к формированию эффективной рыночной экономики в кратчайшие сроки. Основания таковы: минимизация функций государства, низкие налоги создают наилучшие условия для предпринимательства, высокой деловой активности. Конкуренция, в том числе со стороны импорта, заставляет повышать эффективность и качество товаров и услуг; лучше всего выявляются естественные конкурентные преимущества страны. Минимум регламентации оставляет и минимальные возможности для бюрократии и коррупции. Низкая инфляция при условии обеспечения законности и правопорядка формирует благоприятный инвестиционный климат, иностранные инвестиции дополняют нехватку внутренних накоплений, и вместе они обеспечивают высокие темпы экономического роста.

Сведем характеристики двух концепций в табл. 2.

Угрозы при реализации этой концепции создаются преимущественно в двух аспектах. Во-первых, низкая исходная конкурентоспособность, особенно в обрабатывающей промышленности, обуславливает формирование такой структуры российской экономики, которая характерна для слаборазвитых стран, с ориентацией на добычу и экспорт сырья и топлива. Овладение рынками высокотехнологичной продукции, на которых уже царят развитые индустриальные страны, без поддержки государства проблематично. Соответственно постоянно будут возникать угрозы для стабильности внешнеторгового и платежного балансов, национальной валюты, экономической независимости страны.

Таблица 2

Вопросы экономической политики	Ответы	
	Либеральная концепция	Дирижистская (государственная) концепция
1. Роль государства	Минимум вмешательства в экономику. Функции государства — законодательство (правила игры) и обеспечение исполнения законов; денежная политика; контроль естественных монополий; минимум социальных гарантий	Активное госрегулирование, особенно в переходный период, включая регулирование цен (стратегические и основные потребительские товары), крупные госзаказы, бюджетная поддержка приоритетных отраслей, науки. Широкое применение налоговых и иных льгот. Обеспечение высокого уровня социальных гарантий
2. Макроэкономическая политика	Борьба с инфляцией — безусловный приоритет. Бездефицитный бюджет, жесткое регулирование денежной массы. Низкие налоги	Умеренная инфляция в течение ряда лет как специфика России вследствие структурных деформаций и монополизации экономики. Сокращение бюджетного дефицита — не самоцель
3. Внешнеэкономическая политика	Открытая экономика. Регулирование внешнеэкономических связей только тарифными методами. Последовательное сокращение импортных товаров	Защита отечественных товаропроизводителей, высокие импортные тарифы, применение квот и лицензий на экспорт и импорт
4. Собственность и приватизация	Приоритет частной собственности, в том числе на землю. Высокие темпы приватизации, защита прав собственников и акционеров в приватизированных предприятиях	Многоукладная экономика, высокая доля государственного сектора, особенно в базовых отраслях. Высокая роль трудовых коллективов, реализация принципов самоуправления. Ограничения в собственности на землю, запрещение ее купли-продажи
5. Структурная и инвестиционная политика	Структурные сдвиги должны быть следствием действия рыночного механизма. Упор на частные инвестиции, привлечение иностранных инвесторов. Минимум госинвестиций, только на социальные объекты и инфраструктуру, непосильную для частного бизнеса	Активная структурная политика, планомерное изменение структуры экономики, поддержка приоритетных отраслей, высокий уровень государственных инвестиций, прежде всего в производство, науку, стимулирование производства наукоемкой, высокотехнологичной продукции
6. Социальная политика	Адресная социальная поддержка нуждающихся, возможность заработать, создание рабочих мест важнее индивидуальных социальных гарантий. Развитие частных пенсионных фондов, страхование компаний, минимизация государственных социальных выплат	Государство обязано гарантировать всем определенный уровень жизни, занятости, пенсии и пособия не ниже прожиточного минимума. Опора на государственное пенсионное обеспечение и социальное страхование

Во-вторых, либеральная политика чревата весьма острыми социальными проблемами. Структурная перестройка создает серьезные опасности в сфере занятости. Сильные стимулы развития сочетаются с сильной дифференциацией населения по доходам и материальной обеспеченности, а также с крупными различиями в уровне социально-экономического развития регионов.

Таким образом, становится ясным, что в чистом виде либеральная модель вряд ли может быть реализована, вмешательство государства в экономику, особенно в переходный период, оказывается необходимым в существенно больших масштабах, чем это следует из либеральных принципов.

В то же время роль государственной власти и в этих условиях следует ограничить тем, что она практически может исполнить в сложившихся условиях. Когда не хватает денег и законопослушности граждан, а чиновники ненадежны, отмена регламентации часто оказывается лучшим решением, чем самые изощренные процедуры государственного регулирования.

Дирижизм

Дирижистская (государственная) концепция учитывает угрозы, связанные с либерализмом в структурном и социальном плане. Но с точки зрения долгосрочных последствий она, в конечном счете, оказывается ущербной. Прежде всего, претензии государства на высокую роль требуют высоких налогов, и, стало быть, логично ожидать снижения стимулов деловой активности. Либо вообще придется делать ставку на административное принуждение, а то и насилие. Регулирование цен чревато хорошо известным товарным дефицитом, а также деформациями спроса, снижением эффективности. Как социальная мера, регулирование цен просто приводит к противоположным результатам, делает неизбежным применение разного рода карточек, талонов и т.п.

Сильная бюджетная поддержка производства и населения, помимо высоких налогов, рано или поздно приводит к инфляции, об «умеренности» которой трудно судить, если не идут никакие инвестиции, кроме государственных. Вокруг всех государственных расходов и льгот практически неизбежно складывается обстановка коррупции и злоупотреблений, давления своекорыстных групповых интересов.

Закрытие экономики тарифными и нетарифными барьерами, создавая атмосферу невзыскательности и расслабленности для отечественных товаропроизводителей, ударяет по потребителям, а в конечном счете — и по производителям, по эффективности экономики в целом. Конкуренция в экономике как спорт для человека — чтобы быть здоровым, надо поддерживать форму.

Закрытие экономики способно кому-то на время облегчить жизнь, кого-то спасти, но для всех нас это беда. Снова придется завидовать, как там «за бугром». Барьеры будут разрушаться и обходиться, их надо непрерывно укреплять, вплоть до известного способа запретов на поездки за рубеж.

Государственная собственность видится государственным как гарантия защиты национальных интересов от своекорыстия новых собственников, от разворывания ими вчера еще народного добра. Разумеется, есть виды деятельности, которые не могут вестись исходя из коммерческих критериев, это общеизвестно.

Но известно и другое: государственная собственность никогда не была гарантией от воровства, скорее, наоборот. А об ее эффективности и вовсе говорить не стоит. Еще в советские времена старушки в очереди говорили, что порядка у нас нет, потому что нет хозяина. На языке «высокой» политики и экономики это означает: без доминирования частной собственности не будет эффективного хозяйства.

Особо острая дискуссия — вокруг частной собственности на землю. Вековые российские традиции, продолженные и усиленные колхозно-совхозным периодом, толкают, конечно, к сохранению общинного землевладения. Отсюда нагнетаемые страхи, что свободная купля-продажа земли приведет к скупке ценных сельхозугодий спекулянтами, к ликвидации трудового крестьянства и т.п.

Надо признать, что в какой-то мере подобные опасения не лишены оснований, особенно в переходный период. Однако ясно и другое. Чтобы поднять сельское хозяйство, нужно повысить его эффективность. Это значит, что в условиях России в аграрном секторе должно быть занято не более 4–5 млн человек вместо нынешних 11 млн. Следовательно, в течение какого-то времени должно произойти разделение на эффективных, «справных» хозяев и тех, кто не способен отвечать новым требованиям. Последние будут искать себе занятие в иных отраслях, может быть, в той же сельской местности. Земли же должны перейти в руки тех, кто способен их эффективно использовать.

Структурная перестройка аграрного сектора потребует также значительных инвестиций. В самом сельском хозяйстве необходимых источников накоплений нет. Земля является единственным ресурсом, способным привлечь капиталы, но для этого она должна быть предметом продажи и залога.

Поэтому при определенных законодательных ограничениях и обязательствах, или, как говорят юристы, сервитутах, земля должна быть частной собственностью. В конечном счете оказывается, что от этого зависит, станет ли Россия свободной и цивилизованной страной, не уступающей самым развитым соседям, или же пережитки феодализма и далее будут удерживать нас на заметно более низком уровне.

В том, что касается структурно-инвестиционной политики переходного периода на этапе структурной перестройки, то довольно веские резоны лежат на стороне государственной концепции, что, собственно, связано с упомянутыми слабостями либеральной модели. То, что верно в принципе, может оказаться неприемлемым для экономики, открывающейся миру в состоянии низкой конкурентоспособности.

Люди должны иметь работу и источники средств существования. Государство не может содержать безработных в количестве, превышающем число занятых. Пусть прежде предприятия развивались в неконкурентной среде, их опыт не обеспечивает качество работы на уровне мировых стандартов. Но он есть, на его почве легче вырастить нечто более совершенное, чем начинать с нуля.

Структурная перестройка экономики оказывается полем острейших конфликтов, от разрешения которых зависит, каким будет облик российской экономики. Рынок, либеральная концепция будут тянуть к преобладанию топливно-сырьевого экспорта, к угнетению отечественной обрабатывающей промышленности. Потребуется активная роль государства в поддержке тех секторов,

которые смогут продвинуть свою продукцию на мировые рынки или удержать за собой большую часть внутреннего рынка. Нужен тонкий баланс между иностранной конкуренцией и избирательной защитой отечественных производителей: держать, но не душить; поддерживать, но не позволять расслабляться.

В плане социальной политики государственная концепция имеет только то серьезное основание, что именно в процессе перехода и ради самих преобразований государство обязано контролировать социальную сферу и поддерживать группы населения, страдающие в этой ломке, не допускать чрезмерных разрывов между богатством и бедностью. Вопрос в том, какую долю своего продукта общество в состоянии выделить на эти цели и как конкретно оно будет эти средства использовать. Должно быть ясно, что при всей своей необходимости социальные расходы, кроме отдельных категорий, есть вычет из накопления, тормозящий развитие страны.

На Западе в центре дискуссий по проблемам занятости находятся американская и европейская (континентальная) модели социальной политики. Европейская модель многие годы делала упор на индивидуальные социальные гарантии — высокие пенсии, пособия по безработице и др., социальное партнерство с участием трудящихся в управлении. Социальное рыночное хозяйство в Германии, шведская модель, французский социализм Миттерана — все это ближе российским традициям. Но в то же время это обременительные для экономики социальные налоги и взносы, это более высокая безработица, ибо для создания рабочих мест не хватает инвестиций, они утекают туда, где бремя налогов меньше.

Американская модель более жесткая: меньше гарантий каждому индивиду, больше социальной поддержки всем вместе — через низкие налоги, высокие инвестиции, доступность работы для большинства. Мне пришлось наблюдать столкновение этих концепций на конференции «семерки» по проблемам занятости в Лилле в апреле 1996 г. Я бы сказал, аргументы были сильнее на американской стороне: безработица 5,5% против 10–12% в крупнейших европейских странах, большой приток иностранных инвестиций.

Россия находится в уникальных условиях: вчера она располагала одной из самых дорогих и всеобъемлющих систем социальных гарантий, идущей заметно дальше европейской. Однако в итоге реформ, инфляции, спада в экономике она существенно сжалась: пенсии, пособия, минимальная заработная плата оказались намного ниже прожиточного минимума, на голодном пайке сидят государственное образование и здравоохранение. Дешевые коммунальные услуги и квартплата оказываются не по силам тощим бюджетам и предприятиям, содержащим социальную сферу.

Вместе с тем перед Россией в силу тех же обстоятельств на будущее открываются два пути развития социальной системы: ближе к европейскому и своему прежнему или же ближе к американскому, с включением в нее развитого негосударственного компонента, частных пенсионных фондов и страховых компаний, с большей ориентацией на личную ответственность граждан.

И еще. Вспоминается 1979 г., когда на одном из семинаров в Центральном экономико-математическом институте обсуждались сценарии развития, разработанные для Венесуэлы. Не знаю, почему Венесуэла, видимо, случайно, такой попал в руки материал. То, что тогда довелось услышать, для меня лично оказа-

лось откровением: я попал в иное пространство, отличное от плоских советских представлений. И хотя с тех пор те же мысли многократно высказывались и обсуждались, тот случай запомнился как мое собственное открытие.

А суть в следующем. Первый сценарий предполагал либеральную открытую экономику. Напомню: речь шла о Венесуэле, развивающейся стране, богатой нефтью. Последствия либеральной политики авторы определяли так: сырьевая экспортная ориентация, импорт большинства товаров и подавление национальной промышленности, социальное расслоение. Но в то же время — свобода, возможность политической демократии.

Второй сценарий — закрытие экономики, протекционизм, защита и развитие отечественной промышленности, ориентация на импортозамещение, необходимость широкого госрегулирования. Последствия: в течение какого-то периода обеспечивается занятость, сравнительно равномерное распределение произведенного продукта. Но потребители вынуждены отказываться от лучших товаров. Заграница, где такие товары есть, представляется раем. Национальная промышленность неэффективна, а социальные расходы велики. В итоге, чтобы поддерживать эту систему, необходим тоталитарный режим, подавление свободы.

Нетрудно провести параллель между этими сценариями и рассмотренными выше альтернативами. *Что важно — политические последствия.* Только открытая рыночная экономика и частная собственность образуют естественную основу свободы граждан, демократии, правового государства. Россия только что вышла на дорогу демократического развития, освободившись от векового деспотизма. У нее больше возможностей, чем у Венесуэлы, чтобы стать развитой индустриальной страной не хуже других, способной выдерживать конкуренцию. И быть страной свободной. Исторический шанс, данный августом 1991 г. и подтвержденный выбором 3 июля 1996 г., нельзя упустить; связанные с ним трудности сторицей окупятся в будущем благосостоянием народа, подлинной силой страны.

Подводя итог, можно сделать два вывода.

Первый: либеральная концепция в целом более предпочтительна с точки зрения общества и особенно стоящих перед страной задач подъема экономики.

Второй: в переходный период ни одна из описанных концепций в чистом виде не может быть основой практической политики. Правительство, какое бы оно ни было, вынуждено будет принимать компромиссные решения, лежащие в диапазоне между крайними альтернативами. Вопрос только в том, как в итоге будет складываться вектор, направленность политики в целом.

Что на практике

Посмотрим теперь, как строилась реальная экономическая политика. Исходный пункт — планово-распределительная система, крайнее выражение дирижистской концепции. Для лет перестройки характерны лишь отдельные послабления при сохранении основ этой системы.

Начало радикальных реформ (1992–1993 гг.) — резкий крен в сторону либерализма, который стал орудием разрушения старой системы и одновременно

создания основ рыночной экономики. С завершением первого этапа приватизации этот период закончился.

Далее для политики правительства стал характерен именно курс компромиссов и заметного сдвига в сторону дирижизма. Темп институциональных преобразований резко снизился, натолкнувшись на возрастающее сопротивление консерваторов. Роль государственного аппарата в центре и на местах стала повышаться, вместе с тем усилилось влияние лоббистских групп, имеющих опору в аппарате.

Роль государства стала бы еще выше, если бы не недостаток средств в бюджете, связанный с ухудшением сбора налогов и настойчивыми попытками добиться финансовой стабилизации. В 1995 г. и первой половине 1996 г. эти усилия наконец стали приносить плоды. Инфляция снизилась. Но одновременно все более рельефно стали выдвигаться задачи укрепления институтов государственной власти как минимум в том объеме, который приемлет и либеральная концепция: законность и правопорядок, исполнение обязательств по контрактам, сбор налогов.

Проблемы структурной перестройки, необходимость перехода к ее активной фазе также диктуют повышение роли государства в ближайшей перспективе. Потребуется поддержка перспективных предприятий обрабатывающей промышленности включая государственные инвестиции на долевых началах, чтобы эти предприятия смогли закрепить и усилить свои позиции на внутреннем и внешнем рынках. Импортные пошлины уже сейчас стали инструментом умеренного протекционизма, достигнув предельного уровня, допускаемого нормами ВТО. Их бы еще собирать как следует.

Подчеркну: это никакой не поворот в политике реформ, это объективная необходимость, вытекающая из перехода к фазе структурной перестройки.

Что касается социальной политики, если понимать ее в широком смысле, то она и так привлекала средства в размерах, едва ли посильных для нашей экономики. Вопрос не в том, достаточно ли высоки были пенсии, пособия, расходы на образование и культуру. Ясно, что нет. Более существенно то, что ради гражданского спокойствия власти в центре и на местах старались удержать привычные для населения формы прежней социальной системы: льготные тарифы на электроэнергию, газ, пассажирский транспорт, низкую плату за жилье, финансирование жилищного строительства, значительные расходы на содержание еще слишком многочисленной армии.

Заметим, что это ложится бременем на производство, принуждаемое все это оплачивать, и не может не тормозить выход из кризиса.

Реформы в социальной сфере — на повестке дня.

Таким образом, правительство проводило в последнее время компромиссную политику, добиваясь упрочения своей социальной базы и не руководствуясь той или иной теоретической схемой. Его можно упрекнуть в ошибках, непоследовательности, нерешительности, в плохом исполнении принятых решений. Но не в том, что оно ради каких-то абстрактных принципов ломало экономику через колено. Да, оно не всегда справлялось с нарастающим валом проблем, запаздывало с реакцией на возникающие угрозы и вызовы, может быть, просто в силу ограниченности человеческих возможностей или чрезмерного жела-

ния умиротворить те или иные группы интересов, кажущиеся в данный момент влиятельными. Но в целом политика была уравновешенной и направленной на рыночные преобразования.

Результаты не столь хороши, как хотелось бы? Да, это верно. Но давайте посмотрим, что предлагают другие. При этом обсудим и последний оставшийся вопрос — о возможностях изменения экономической политики, особенно коренного, о чем говорят оппоненты.

«Крутые повороты»: зачем?

Крутых поворотов в сторону дальнейшей либерализации экономики, ужесточения финансовой и денежной политики, ускорения приватизации сегодня не предлагает практически никто. Либералы помалкивают либо предлагают меры, далекие от радикальных. Требования кардинальных изменений идут в основном от государственников. Что же имеется в виду?

Первое. Ослабление денежной и финансовой политики, допущение более высокой инфляции. Делается это тогда, когда экономика уже заплатила высокую цену за финансовую стабилизацию и появляются первые возможности вкушать ее плоды. Очевидно, что повороты здесь недопустимы. Тем более что никто не настаивает на полном подавлении инфляции: 15–20% в год — это много для нормальной экономики, хотя уже приемлемо для нас.

Да и какой это крутой поворот?!

Второе. Усиление социальной политики. Повышение минимума зарплаты, пенсий, пособий до прожиточного минимума, автоматическая индексация социальных расходов по темпу инфляции; полная компенсация обесцененных сбережений 1991 г. и потерь вкладчиков в финансовых пирамидах. Если подсчитать, сколько на это потребуется средств, то получится сумма, превышающая годовой валовой национальный продукт. Чтобы собрать хотя бы половину ее, нужно резко повысить налоги и нанести тем самым еще один удар по производству, погубить его, вместо того чтобы способствовать росту, увеличению накоплений и инвестиций. Если еще при этом увеличенные налоги удастся собрать.

Рост социальных расходов необходим, но он реально возможен только на основе роста производства и устранения тех видов социальной помощи, которая сохраняется от прежнего в виде многочисленных безадресных льгот, т.е. глубокого реформирования социальной сферы.

Третье. Снижение налогов, которое якобы автоматически улучшит их собираемость. Пока наш опыт свидетельствует об обратном. Уже снижен НДС с 28 до 20%, ликвидирован налог на сверхнормативную заработную плату, некоторые другие налоги. Итог — снижение собираемости: кто платил, платит меньше, кто не платил, платить не собирается. Анализ показывает, что общее налоговое бремя в России не выше, чем в европейских странах, — 42–45% ВВП. А фактический сбор во все виды бюджетов плюс внебюджетные социальные фонды — 31% ВВП. При этом у нас больше берут с производства, угнетая его, и совсем мало — с физических лиц. А быстро увеличить налоги с бедного населения не получится.

Прежде чем снижать налоги, надо научиться их собирать, и в первую очередь с водки и табака, с импорта автомобилей, с одежды, обуви, прочего ширпотреба,

беспошлинно завозимого «челноками» или теми, кто за ними стоит. С торговли, уходящей от налогов через расчеты наличными. С подставных фирм-однодневок, учреждаемых крупными предприятиями или подпольными концернами.

Президент и правительство уже предложили налоговую реформу. На выходе новый Налоговый кодекс. Реально возможные изменения в основном предложены. Нужно еще работать, но коренных поворотов в этой сфере не будет. Нельзя! Можно навредить!

Четвертое. Поддержка отечественного производства. Крутой поворот здесь означал бы резкое увеличение финансирования за счет бюджета, пополнение оборотных средств, льготные кредиты, государственные инвестиции, расходы на науку и инновации. Очевидно, что это невозможно, ибо в бюджете денег не хватает. Увеличить бюджетный дефицит? Тогда будет инфляция (см. «первое»). За счет сокращения социальных расходов? Но социальные расходы и так недостаточны (см. «второе»).

Поддерживать производство в фазе структурной перестройки надо, об этом сказано выше. Но для этого нужно лучше собирать налоги и поддерживать лишь то, что даст наивысший прирост дохода завтра или обещает хорошую перспективу на послезавтра. И делать это в пределах весьма ограниченных ресурсов, памятуя, что частные инвестиции дадут больший эффект и поддерживать надо их, а не глобальные государственные проекты. Так что и тут крутого поворота не получается.

Пятое. Есть еще резерв в виде повышения импортных пошлин вдвое-втрое и введения квот на импорт, чтобы оставить внутренний рынок своим. Выше уже говорилось о том, почему этого нельзя делать. Добавлю еще.

Для России принципиально важно увеличение экспорта, причем, прежде всего, продукции обрабатывающей промышленности. Дело даже не в валютных доходах и более аккуратных платежах. Экспорт — это ресурсы для импорта, в том числе самого лучшего оборудования, необходимого для реконструкции экономики. Экспорт — это свидетельство конкурентоспособности не только на внешнем, но и на внутреннем рынке.

Но установление высоких импортных тарифов или квот, не признаваемых правилами международной торговли, — это удар по нашему экспорту, удар по нашей способности проникать на внешние рынки, т.е. изоляция страны. Это не спасение отечественных товаропроизводителей, а продление агонии тех, кто все равно не выживет, и лишение перспективы тех, кто завтра смог бы составить силу и славу российской экономики.

Да, дозированные тарифные барьеры, постепенно снижаемые по мере повышения конкурентоспособности, необходимы. Они и есть. Даже на нынешнем уровне такие тарифы создают проблемы в торговле с Европой (текстиль), Америкой (куриное мясо). И дальше их повышать нельзя. К коренным поворотам и это не приведет.

Шестое. Остановить приватизацию или даже дать ей обратный ход, национализировать предприятия, которые по чьему-то мнению стратегически важно иметь в руках государства.

Да, это был бы крутой поворот. Но что он дал бы, да и возможен ли? Дал бы он одни минусы. Предприятиям нужны инвестиции, государство их дать не смо-

жет ни сейчас, ни в обозримом будущем, не говоря уже о низкой эффективности государственных инвестиций. А частный капитал, в том числе и иностранный, о важности которого сказано выше, на национализированные предприятия не пойдет ни под каким видом. Одно слово «национализация», даже с возмещением затрат, его отпугнет и уведет в другие страны, к нашим конкурентам.

Короче, нашему хозяйству подобные «повороты» способны нанести непоправимый вред.

И еще одно: тому, кто попытается осуществить такой поворот, придется иметь дело с массой новых собственников, в том числе акционеров — членов трудовых коллективов. Они еще не почувствовали себя собственниками, так как нет ощутимых доходов от собственности. Они, как и многие владельцы ваучеров, по этой причине считают себя обманутыми, хотя просто являются жертвами собственных иллюзий, которые, к сожалению, никто не попытался вовремя развеять.

Но ваучеры и акции просто давали. А теперь попытаются просто отнять. А это не так просто, как кажется на первый взгляд. Я уже не говорю о тех, кто ощутил себя собственником. Самый «красный» директор, владеющий солидным пакетом акций, быстро утратит свой цвет, если ему скажут «отдай».

Можно, конечно, притормозить приватизацию. Да она и так уже приторможена. Теперь дело не в том, чтобы скорее сбыть с рук государственную собственность, нарастив частный сектор, скажем, с 2/3 до 3/4. Дело теперь, прежде всего, в налаживании корпоративного управления, нормальных взаимоотношений между акционерами и управляющими, в повышении привлекательности акций, в привлечении инвестиций. А для этого нужна приватизация уже не вширь, а вглубь. И этот процесс, трудный и весьма конфликтный, тем не менее остановить уже невозможно.

Не хочу сказать, что у нас безупречная экономическая политика. Нет, резервы есть, и немалые. Не хочу сказать, что у нас идеальное правительство. Наверняка можно составить команду, которая проводила бы политику реформ более эффективно, более организованно, с меньшими потерями и просчетами.

Готов сам без всякого сожаления уступить место министра экономики любому, кто сможет эту работу делать лучше.

Но не надо больше крутых поворотов. Надо работать, работать все лучше, с полной отдачей сил, каждодневно, на всех уровнях, на всех рабочих местах. И чтобы их было больше.

6. Повестка дня из семи пунктов

Так что же, скажет читатель, никаких корректировок в экономической политике не нужно? Так уж все хорошо и правильно? Да как этому можно поверить, если каждый своими глазами видит сотни проявлений беспорядка, несправедливости, развала, нищеты.

Ответ будет двоякий.

Да, все хорошо и правильно, если речь о принципиальном курсе реформ.

Нет, если говорить о нормальной экономической политике, необходимой стране.

Корректировки нужны, и даже очень, если учесть, что новый этап преобразований — структурная перестройка — перевел некоторые проблемы из разряда актуальных в неотложные, из неотложных — буквально в вопрос жизни и смерти.

Первое — наведение порядка

О наведении законности и правопорядка говорят все. Есть соответствующие программы и есть даже определенные позитивные результаты. Так, по утверждениям МВД, начала снижаться уличная преступность.

Однако результаты пока на самом деле ничтожны. И дело не в числе убитых и ограбленных. Дело в устойчивом мнении россиян, что «закон что дышло...», что если не поймают, то нарушать его не только можно, но как бы и нужно, чтобы не выглядеть дураком. Что обязательства можно не выполнять, если это не сулит выгоду.

Нам нужны сильные институты государственной власти, обеспечивающие исполнение законов и воспитание граждан в духе уважения к ним.

Мы имели сильные в свое время институты тоталитарной власти, не основанной на законе. Они были разрушены, власть государства ослабла, ибо вчерашние рабы или подданные, уже став свободными гражданами, еще ведут себя как рабы.

Рыночная экономика с такими представлениями агентов рынка эффективной не будет. Она будет напоминать Колумбию под властью наркобаронов или кое-какие страны в Африке.

Чтобы не допустить этого, нужна, прежде всего, политическая воля, нужно наглядное проявление силы. Ведь пока практически нет реальных банкротств, общество не слышит об осуждениях за крупное воровство, за рэкет, за неуплату налогов. Нет громких процессов, способных повлиять на общественные настроения.

Острейшая необходимость сегодня — *судебная реформа*. Суд должен занять в нашей стране место, подобающее правовому государству. Независимость суда должна быть гарантирована законом и обществом.

Может быть, самый трудный момент — обязательность закона для высших эшелонов власти. Здесь порой вместо неукоснительного осуществления закона и принятой политики торжествует подковерная борьба групповых интересов, в жертву которым приносятся интересы государства.

С подобными явлениями необходима решительная борьба. Считать это корректировкой курса или реформами — судите сами. Неважно, какие слова, важно то, что это нужно делать.

Второе — сбор налогов

В сущности, это более конкретное выражение той же проблемы. Государство, где не работает надежно судебная система и не собираются налоги, вряд ли может считаться полноценным.

Конечно, необходима налоговая реформа, основные контуры ее уже намечены. Нужны разумные налоги, прозрачные правила их начисления и взыскания. Однако для нас сегодня самый важный вопрос — довести до сознания каждого налогоплательщика, что не платить налоги — значит разваливать страну.

Повсеместно считается и искусно внушается мысль, что если налоги непомерно высоки, по мнению тех или иных лиц, то их можно не платить. Опыт показывает, что налоги не платят чаще всего по иным причинам, придумывая самые изощренные способы. В итоге именно сейчас государство поставлено в условия, когда оно вынуждено, с одной стороны, устанавливать высокие налоги, чтобы собрать хоть часть, а с другой — возмещать недобор доходов бюджета заимствованиями, разрушающими нормальный кредит и останавливающими инвестиции.

Ясно и другое: государство, которое не в состоянии сконцентрировать необходимые финансовые ресурсы, не может проводить никакой осмысленной политики, правительство обречено на то, чтобы тратить всю энергию на затыкание дыр самыми немыслимыми способами.

Третье — реформа предприятий

Суть дела в том, что до сих пор внимание правительства было сконцентрировано в основном на макроэкономической политике. Проблемами микроэкономики, т.е. сферой предприятий, занимались от случая к случаю, скорее реагируя на многочисленные просьбы о помощи и давление лоббистов, чем проводя целенаправленную стратегическую линию. Теоретически это обосновывалось либеральной идеей о невмешательстве государства в экономику и необходимостью дать возможность предприятиям самим приспособиться к новым условиям.

До поры до времени такое положение можно было терпеть. Многие предприятия действительно сами перестраивались, адаптировались, другие выжидали или терпели крах. Точнее ситуацию можно охарактеризовать так: выживает большинство, в том числе и заведомо неэффективные производства, продолжая тратить ресурсы и притягивая к себе большую часть государственной поддержки. Старое не отмирает, новое растет крайне медленно и нередко в уродливых формах. Процесс структурной перестройки задерживается, а с ним — повышение эффективности и рост доходов, на основе которых только и возможен экономический подъем.

В открытой экономике со всей остротой встал вопрос конкурентоспособности, который в итоге может быть решен только на основе повышения качества продукции, снижения издержек, а значит, четкой организации управления производством, сбытом, финансами предприятий, необходимыми для этого современными учетом и контролем, стратегическим планированием. Можно сколько угодно сетовать на то, что правительство не защищает отечественных товаропроизводителей, но должно быть ясно, что защищать импортными пошлинами и квотами собственную глупость, бесхозяйственность и воровство нельзя до бесконечности. Пришло время браться за них, и это как раз самый лучший способ защиты.

Но государство уже не может, да и не должно доходить до каждого предприятия, тем более что большинство их стало частными. Как же быть?

Реформа предприятий состоит в том, что государство делает три вещи. Во-первых, предъявляет определенные требования к реструктуризации предприятий: четкое разграничение прав собственников (акционеров) и управляющих, рыночная оценка основных фондов, внедрение современных стандартов бухгалтерского учета, переход на уплату налогов по отгрузке (на основе метода счетов-фактур) и т.п. Во-вторых, стимулирует тех, кто удовлетворяет этим требованиям, например, снижением ставки налога на прибыль на 5 процентных пунктов, отменой авансовых платежей налогов. В-третьих, создает для реструктуризации предприятий благоприятную среду и оказывает прямое содействие, в том числе через финансирование услуг консультантов, подготовку и переобучение кадров, вложения на долевых началах в прошедшие конкурсный отбор проекты реструктуризации и инвестиции и т.д.

Процесс реформирования предприятий занимает определенный период, в течение которого большинство предприятий должно стать если не сразу эффективными и конкурентоспособными, то готовыми к принятию инвестиций и привлекательными для инвесторов.

Реформа предприятий — это некий ярлык, обозначающий жизненно необходимый для нас процесс изменения привычных методов и стиля работы с целью повышения эффективности и гибкости всех звеньев хозяйственного организма, каждого человека. Если мы хотим хорошо и свободно жить, нам предстоит в ближайшие 15–20 лет работать, не жалея сил, как мулам на плантации. Причем не за счет массы физических усилий, но за счет учебы, овладения новейшими знаниями и приемами труда, за счет налаживания лучшей координации и организации, высокой ответственности и взаимной требовательности. За счет жесточайшей экономии.

Я вспоминаю, как в 1990 г. академик Л.И. Абалкин вызвал общее возмущение заявлением: мы живем так, как работаем. Это возмущение было справедливым, ибо еще сохранялась старая система, в которой лучше работать отнюдь не значило лучше жить. Теперь иное дело, реформы уже во многом создали условия, стимулирующие трудовую и предпринимательскую деятельность. А там, где их нет, это уже большей частью задача организаторов производства, руководителей предприятий. Хотя бы отчасти. И сегодня слова Л.И. Абалкина приобретают иной смысл.

Четвертое — активная промышленная политика

Меры по реформированию предприятий должны быть дополнены мерами, содействующими формированию структуры производства, свойственной развитым индустриальным странам. Ясно, что сами по себе рыночные силы будут толкать нас в сторону топливно-сырьевой специализации в рамках международного разделения труда. В этом же за частую заинтересованы и наши зарубежные партнеры, которым не больно нужна конкуренция российских продуктов высоких технологий и в целом обрабатывающей промышленности. Но наши национальные интересы требуют именно того, чтобы в итоге структурной перестройки

мы имели такие продукты и заняли бы с ними достойное место на внутреннем и мировом рынках.

Поэтому нам нужна активная и дифференцированная по секторам хозяйства промышленная политика, которая могла бы строиться на следующих началах.

На первом этапе — преимущественная ориентация на высокоэффективные, дающие быструю отдачу инвестиции и производства, чтобы интенсифицировать рост доходов и накоплений. Это как бы стартовая площадка.

Далее, учитывая конкурентные преимущества России в виде ее природных богатств, необходимо содействовать развитию топливно-сырьевого комплекса, обеспечивая условия для его самофинансирования. Это значит, что правительство не будет субсидировать его развитие, но создаст такие условия налогообложения, внешнеэкономической деятельности и т.п., чтобы в этот комплекс привлекались инвестиции, отечественные и иностранные, необходимые для его нормального функционирования и накоплений, которые отчасти можно было бы перераспределять в другие секторы экономики.

Другой сектор — отрасли высоких технологий, где исторически, в силу сложившихся обстоятельств, мы имеем потенциал конкурентоспособности и могли бы достичь ее в обозримой перспективе: самолетостроение, космос, атомная промышленность, энергетическое машиностроение. Здесь нужна прямая государственная поддержка включая инвестиции, чтобы за 5–10 лет вывести продукцию этих отраслей на мировой рынок. В этом секторе иностранные инвестиции приемлемы в той мере, в какой они помогают решению этой задачи, а не создают для нее препятствия.

Затем сектор отраслей и предприятий, конкурентоспособность которых низка и у них нет внутреннего потенциала, чтобы обеспечить ее своими силами, но за ними нужно сохранить большую часть внутреннего рынка. Это, например, автомобилестроение, легкая и пищевая промышленность. К ним примыкает сельское хозяйство. Здесь уместна политика умеренного протекционизма, высоких, но поэтапно снижающихся импортных пошлин. Наряду с этим — самое активное привлечение иностранных инвестиций.

Остальное — как получится.

Можно сказать, что во многих отношениях такая политика уже сейчас проводится. Но ее возможности крайне ограничены слабостью бюджета. Еще раз приходится напомнить: сбор налогов — это возможность государства проводить целенаправленную политику.

Пятое — аграрная реформа

Структурный кризис в сельском хозяйстве разворачивается во многом иначе, чем в промышленности и других отраслях уже в силу его большей инерционности. Здесь все идет медленнее, в том числе и подъем. Мы стоим перед угрозой того, что экономика уже станет подниматься, а аграрный сектор только еще войдет в самую тяжелую фазу кризиса, когда разом скажутся и нехватка техники, и снижение плодородия из-за многолетнего отсутствия достаточного количества удобрений, и конкуренция импортного продовольствия.

Все годы реформ, по существу, борются две линии аграрной политики. Одна — не трогать сложившуюся структуру, но дать деньги, восполнить потери от диспаритета цен. Другая — сломать именно эту структуру и прекратить раздачу государственных денег. Зато дать крестьянам землю. Как видим, позиции непримиримые.

Жизнь, однако, все более четко показывает оптимальную стратегию. С одной стороны, она отвергла экстремизм либералов, требовавших сразу все отдать фермерам. Но, с другой стороны, она дает все более убедительные доказательства того, что затягивание кризиса в сельском хозяйстве обусловлено, прежде всего, запаздыванием аграрной реформы.

Характерен в этом отношении 1995 г. Снижение инфляции прекратило рост разрыва между ценами на сельскую и промышленную продукцию, особенно по технике. В условиях низкого урожая цены на зерно выросли даже больше, чем на поставляемую селу продукцию, кроме топлива.

Однако именно с зерном, остающимся главным предметом специализации бывших колхозов и совхозов, как бы они сейчас ни назывались, дело обстоит хуже всего. Другие продукты растениеводства перестали быть проблемой, на них не повлияли даже неблагоприятные погодные условия.

В животноводстве обстановка складывается сложнее, прежде всего для крупных комплексов, строившихся в советское время в расчете на госзакупки и на дешевые, распределяемые по фондам корма и энергии.

Главная проблема состоит в том, что здесь, как и в промышленности, сдерживается разделение эффективных и неэффективных производств. Рачительные хозяева не получают преимуществ перед лентяями и пьяницами. Успешно работающие хозяйства аккуратно платят по счетам, а их антиподам в это время списывают долги.

Чтобы двинуть процесс, надо решить вопрос с землей, ее должен получить хозяин. Хозяин — значит в частную собственность. Земельная собственность создает условия для привлечения капиталов, для обеспечения ипотечных кредитов. А значит, и для возрождения села.

И снова, как во времена П.А. Столыпина и П.Н. Милюкова, высекаются искры вокруг споров о том, можно ли продавать и покупать землю, если есть угроза, что она может попасть в руки спекулянтов. Последняя версия Земельного кодекса, вотируемая Госдумой, дает общинно-коммунистическое решение — нельзя. Недавний указ президента о гарантиях конституционных прав граждан на землю дает иное решение: не нарушая уже сложившегося распределения земель, он предлагает оформить права собственности на уже выделенные земельные паи для бывших колхозников, а пользователям земель, т.е. руководителям колхозов, а также АО и товариществ, возникших на их месте, оформить с новыми собственниками договоры аренды.

Реализация этого указа стала бы огромным шагом вперед в развитии рыночных земельных отношений, в ликвидации привилегий верхушки сельских руководителей и чиновников. И именно поэтому она встречает отчаянное сопротивление. Не будем упрощать, проблемы аграрного сектора столь сложны, что их нельзя сводить к плоским схемам, к действию какого-либо одного фактора.

Наряду с землей надо решать проблемы торговли на селе, рыночной инфраструктуры. Пока здесь еще доминируют бывшие или нынешние госзаготовители, потребкооперация советского типа. Оптовые рынки только начинают создаваться, да и то, как мыслится, под опекой государства. В то же время частная и подлинно кооперативная торговля развиваются еще слабо. А она дала бы уверенность крестьянину в том, что он без проблем продаст свою продукцию и купит необходимые в хозяйстве товары, создала бы у него и настоящую тягу к земле. Зачем нужна земля, если она приносит хозяину одни проблемы и не может сделать его состоятельным?

Еще один важный аспект аграрной реформы — сельскохозяйственный кредит. Сейчас государство возвращает себе контрольный пакет акций Агропромбанка, который был и остается главным каналом государственной помощи сельскому хозяйству. Этого мало. Нужна, прежде всего, сеть кооперативных кредитных учреждений, своего рода касс взаимопомощи, на первых порах подержанных местными и федеральными властями.

Как видим, речь идет в первую очередь об институциональных преобразованиях, об изменении экономических и организационно-правовых отношений, специфических для аграрного сектора. А уж следом за этим надо говорить о тракторах, комбайнах и другой технике, об удобрениях и гербицидах. Ибо без таких преобразований крестьянин не разбогатеет, у него не появится весомый спрос на эти товары и государству год от года надо будет придумывать то товарные кредиты, то дотации к ценам, то списание долгов, то финансирование лизингового фонда, т.е. все то, что оно делает сейчас без надежды на реальное решение проблемы.

Шестое — реформа социальной сферы

Главное в ней, и это нужно сказать честно, — не повышение социальных выплат, не усиление собесовских функций государства. Это другая задача, которую нужно решать с учетом возможностей бюджета. Всем хочется жить хорошо и быть уверенным в завтрашнем дне. Государство в этом плане имеет свои обязательства и должно их выполнять. Однако задача реформы социальной сферы иная — добиться того, чтобы система социальной защиты была эффективной, чтобы она была посильной для экономики, чтобы она содействовала ее развитию, а не разрушению.

Реформа социальной сферы делится на ряд направлений. Одно из наиболее важных — перестройка системы *пенсионного обеспечения*. Суть ее в том, что ныне пенсионное обеспечение является практически полностью государственным и построено по принципу «поколений»: в данный период пенсии старшего поколения оплачиваются поколением работающих. Взносы выплачиваются предприятиями в доле от фонда оплаты труда, причем без привязки к конкретным адресатам. Взносы в частные пенсионные фонды, в отличие от государственного, должны уплачиваться из прибыли после вычета налогов. В итоге негосударственные пенсионные фонды не могут нормально развиваться, а государственный фонд в последнее время испытывает возрастающие трудности и нуждается в поддержке из федерального бюджета. И это в то время, когда в

других странах пенсионные фонды являются одним из важнейших источников инвестиций.

Задача состоит в том, чтобы, во-первых, найти оптимальное соотношение между государственным и частными фондами, поставив их в равные условия, и, во-вторых, перейти к накопительному принципу формирования пенсионных фондов с персонифицированным учетом владельцев вкладов. При этом средства, поступающие от работодателей и будущих пенсионеров, зачисляются на счета последних и накапливаются ко времени их выхода на пенсию. До этого они могут вкладываться в надежные, в том числе долгосрочные, инвестиции. Задача непростая, не поддающаяся быстрому решению, но решать ее надо.

Другое направление — *обеспечение занятости* и поддержка безработных. Важность его определяется тем, что проблема занятости обостряется и еще будет обостряться в процессе структурной перестройки, когда многим людям придется сменить место работы, а то и жительства, получить иную профессию и т.п. Здесь определенная структура уже создана, вопрос в том, насколько она окажется работоспособной перед теми проблемами, с которыми ей придется столкнуться. И главное — на что делать ставку: на выплату пособий или на создание рабочих мест.

С этим направлением тесно связано еще одно, быть может, важнейшее в социальной сфере — *жилищная реформа*. Связь состоит в том, что возможности обеспечения занятости во многом определяются мобильностью рабочей силы, а последняя — доступностью жилья в том месте, где можно найти работу. Сейчас люди чаще всего привязаны к определенному месту, где у них есть квартира, дом. Переехать в другой город — проблема, ибо большинство не имеет средств, чтобы приобрести или снять жилье по рыночной цене. Уровень доходов не позволяет, а на старом месте жилье обычно обходится дешево, поскольку содержится большей частью за счет средств предприятий или местных бюджетов.

При этом предприятия несут большую нагрузку, их конкурентоспособность резко снижается, да и местные бюджеты вынуждены большую часть ресурсов расходовать на содержание жилищно-коммунального хозяйства из-за того, что услуги последнего предоставляются по сильно заниженным ценам.

Правда, в последние годы рост цен на услуги систематически опережает рост цен на товары, но процесс идет крайне медленно, пока проблемы скорее не разрешаются, а накапливаются.

Здесь, как мы видим, целый клубок проблем: субсидированные цены на жилье — доходы населения — бюджеты — производство. Реформа социальной сферы должна их поэтапно развязать.

Один из шагов в этом направлении — программа «Свой дом», одобренная недавно указом президента. Суть ее в том, чтобы обеспечить гражданам доступность приобретения индивидуального жилого дома на основе долгосрочного кредита. Значительное удешевление стоимости строительства, примерно на 30%, должно быть достигнуто за счет новых материалов и технологий. Кроме продвижения в обеспечении населения жильем, программа позволит повысить мобильность рабочей силы, активизировать сбережения населения и их использование на строительство жилья и, стало быть, снизить расходы на эти цели предприятий и бюджетов всех уровней.

Еще одно направление — *перестройка системы социальной поддержки*. Один из первых лозунгов социальной политики еще 1992 г. — сделать социальную поддержку адресной. Итогом стала система пособий, ориентированная на определенные группы граждан, — инвалидов, детей, одиноких матерей и др. Но, кроме того, сохранились многочисленные льготы для населения в целом — тарифы на электроэнергию, газ, пассажирские перевозки, плата за жилье и т.п. Здесь говорить об адресности нельзя. Между тем речь идет об огромных суммах, ложащихся тяжелым бременем на промышленность, мешающих предприятиям платить нормальную зарплату, которая позволила бы людям за все платить нормальную цену.

В то же время социальная поддержка бедных, пособия семьям, имеющим доходы ниже прожиточного минимума, практически отсутствуют. А ведь именно она позволила бы при ограниченных ресурсах достичь наибольшего социального эффекта.

Седьмое — реформа государственного управления

Нынешний госаппарат слишком раздут и, главное, в нем много звеньев, которые ничего не решают, не несут ответственности, а занимаются в первую очередь лоббированием групповых и своих собственных интересов. Каждое из них стремится умножить число функций государственного регулирования и хоть что-нибудь распределять. Разбухает аппарат федеральных ведомств на местах, общая численность которого порой оказывается больше, чем местной администрации.

Тем не менее хочу обратить внимание: дело не в количестве госчиновников. Даже сейчас, когда их, говорят, больше, чем во всем СССР, общая численность аппарата госуправления не столь уж велика. Достаточно сказать, что во всех ведомствах федерального правительства работает всего около 30 тыс. человек, тогда как в одном Министерстве сельского хозяйства США — 12 тыс. В любом случае много не наэкономишь. Напротив, надо тратить больше, чтобы на госслужбе работали квалифицированные и порядочные люди. Если же принцип иной: числом поболее, ценою подешевле, то не следует удивляться, что чиновник делается мздоимцем и отчаянно борется за то, чтобы не «передвигали кормушку», чтобы за ним оставалась хотя бы «виза», имеющая цену.

Но главное не в этом. Власть бюрократии и взяточничество — давняя российская традиция, рожденная и освященная сначала самодержавием, затем тоталитаризмом. Зависимость людей от государства, а значит, от произвола чиновников, лишает их не только свободы, но и возможности действовать наиболее эффективно. В итоге вся экономика делается менее гибкой и жизнеспособной.

Да, мы отмечали те участки, где сейчас необходимо усиление институтов государственной власти и государственного регулирования. Но что бы ни говорили государственники, генеральная линия — сокращение функций государства. Надо переломить историческую традицию, если мы хотим быть свободными и богатыми.

Реформа государственного управления органически дополняет реформу предприятий, реформу аграрную, создавая более благоприятную среду для эффективной хозяйственной деятельности.

* * *

Как видим, дел полно, причем без «коренных поворотов». Заключая обсуждение вопроса о корректировке курса, можно сказать: после выборов президента курс должен быть скорректирован в сторону, прежде всего, активизации процесса преобразований, повышения темпа реформ.

В том, что нужно делать, еще немало непопулярных мер. Но в основном это теперь шаги, приемлемые для большинства, способствующие социальной и политической стабильности, хотя и ущемляющие некоторые группы интересов. Они будут сопротивляться, пытаясь выдать свои интересы за интересы общества. Поэтому будут и конфликты, и споры. Но уже иного свойства, не столь острые, не столь, слава Богу, судьбоносные.

После выборов 3 июля страна вступила в новую полосу своей истории, в полосу созидания, подъема. Я попытался показать, как это может и будет происходить.

**ПОРАЖЕНИЕ
ИЛИ ОТСТУПЛЕНИЕ?
(Российские реформы
и финансовый кризис)**

Москва, 1999 г.

Вступление

Настоящий доклад подготовлен для Экономического клуба и является первой его публикацией.

Экономический клуб основан в октябре 1998 г. как профессиональное объединение экономистов преимущественно либеральных взглядов, в том числе тех, кто в 1992–1998 гг. непосредственно работал в правительстве и Центральном банке.

Он, во-первых, стал способом сохранения общения людей со сходными представлениями об экономике и экономической политике России, с близким пониманием содержания переживаемого страной переходного периода от плановой к рыночной экономике, обладавших в то же время высокой квалификацией.

После 17 августа период либеральных экономических реформ в России закончился. Точнее, закончился период пребывания сторонников таких реформ во власти, ибо многие из них полагают, что, по крайней мере, с 1993 г. никаких реформ в России не было.

Не будем спорить. Факт, что все эти люди оказались в оппозиции. Но они и в новом своем положении намерены добиваться своих идеалов.

Как бы ни оценивать конкретные опыты применения либеральных идей в нашей стране в последние годы, все члены Экономического клуба объединены общим убеждением, что только эти идеи, только либеральная политика, понятно, с разумными ограничениями, способны вытащить Россию из системного кризиса как следствия длительного коммунистического эксперимента. Россия в нашу эпоху обречена с либерализмом, ибо слабое и дорогое государство мало что может дать, кроме свободы. И только свобода может сделать сильным и относительно недорогим.

Задачу Экономического клуба мы видим в том, чтобы распространять эти идеи, которые к тому же считаем единственно состоятельными с профессиональной и практической точек зрения.

Мы видим два близких по смыслу образа нашего клуба. Первый — комиссия по экономической реформе в правительстве образца середины 1997 г., в которой разрабатывались и обсуждались основные идеи либеральных реформ и планы их проведения. Нынешнему правительству, видимо, такая комиссия не нужна.

Второй образ — модель американского «Фонда наследия», независимой неполитической общественной организации, распространяющей либеральные ценности, стремящейся к их утверждению в массовом сознании.

Представляемый ниже доклад одобрен на третьем заседании Экономического клуба 18 января 1999 г. в качестве первой публикации от его имени.

*Координатор
Экономического клуба
Е.Г. Ясин*

Введение

То, что после 17 августа переживает страна — это всенародная беда. Беда, о которой люди думали, что им ее не придется переживать еще раз. Финансовый кризис — за этими учеными словами стоит рост цен, превращающий заработки и пенсии в нечто мизерное, еще одна (третья на протяжении 10 лет) утрата личных сбережений. Пустые полки в августе—сентябре в магазинах вновь напомнили о не столь давнем унижительном, невыносимом прошлом. Затем ситуация как будто стабилизировалась, но ожидания новых потрясений все сильнее.

И вот с парламентской трибуны, со страниц газет и журналов слышны голоса: «Ага, мы вас предупреждали о гибельности курса реформ, мы знали, что этим кончится».

Иная версия: нужны были другие реформы, которые не принесли бы народу разочарования в рыночной экономике и демократии, у которых было бы человеческое лицо. Во всем виновны плохие реформаторы, заведшие нас в болото.

Сложилось преобладающее общественное настроение: надо сменить курс.

Зюганов неустанно повторял это как магическое заклинание, правда, никогда ни слова не сказал, что же имеется в виду — то ли вернуться назад, то ли двинуться вбок...

Теперь он может быть удовлетворен: либералы удалены из правительства, второе лицо в нем, определяющее экономическую политику, — его товарищ по партии. Уж он-то курс поменяет как надо.

Финансовый кризис, таким образом, привел к острейшему за последние годы политическому кризису, итогом которого стало устранение от власти практически всех сторонников реформ.

Крупнейшее поражение реформаторов, казалось бы, стало фактом. Поражение ли?

Что же все-таки произошло и происходит? Повинны ли в кризисе рыночные реформы? Что с ними будет дальше? Что надо делать и что реально будет делаться в ближайшие месяцы?

Эти вопросы надо обсудить и сторонникам реформ, многие из которых чувствуют себя в нокдауне, и правительству, все еще определяющему свою политику, новый курс.

Три исходных тезиса.

Предлагаю непопулярную идею: разобраться по существу.

За основу возьму три тезиса, которые кажутся мне признаваемыми большинством здравомыслящих людей.

Первое. Рыночные реформы были необходимы. Коммунистическая экономика представляла собой исторический тупик, я бы даже сказал — западню, из которой надо было выбираться любой ценой.

Второе. Путь из западни не мог быть легким. Более того, в России, в других странах бывшего СССР он должен был даваться много труднее, чем другим. Мы в западню забрались глубже, накопили больше деформаций, больше ресурсов вколотили в амбиции сверхдержавы. Больше изуродовали народное сознание.

Третье. В силу этого рыночные реформы, даже если они начинались при всеобщей поддержке населения, вследствие связанных с ними испытаний рано или поздно должны были привести к росту недовольства в обществе, обращенного прежде всего на тех, кто эти реформы проводит. И произойти это должно было независимо от того, как осуществлялись бы преобразования, быстро или медленно, хорошо или плохо с точки зрения организации исполнения.

1. Реформы ни при чем

Опираясь на эти тезисы, утверждаю: вопреки распространенному мнению нынешний финансовый кризис с рыночными реформами практически никак не связан, ну, если только не считать, что подобные кризисы вообще бывают только в рыночной экономике, а реформы привели к ее созданию в России.

Доводы оппонентов

Однако оппоненты думают иначе и надо выслушать их доводы, тем более что сегодня они — власть. Их логика примерно такова.

1. Именно либерализация цен вкупе с открытием российской экономики обусловили глубокий спад производства, вытеснение отечественных товаров с внутреннего рынка. А отсюда сокращение доходов и налоговой базы, отсюда бюджетный кризис.

2. Монетаристская политика, видящая самоцель в подавлении инфляции посредством ограничения денежной массы, привела к тому, что экономика испытывает нехватку денег, процветают неплатежи, денежные суррогаты, бартер. Из-за этого тоже не платятся налоги и усугубляется бюджетный кризис. Нет доходов, приходится брать займы. Не будь этого, не пришлось бы строить пирамиду ГКО, не было бы и финансового кризиса.

По сути, главный грех монетаристской политики многим видится в том, что правительство отказалось от эмиссии как способа покрытия бюджетного дефи-

цита и перешло к неинфляционным методам его финансирования, т.е. к займам, которые, как ожидалось, заставят нас быть более дисциплинированными и ответственными. Займы нас и погубили.

3. «Грабительская приватизация по Чубайсу» обманула ожидания народа, большинство не получило ничего. Одновременно образовался слой сверхбогатых, «новые русские», которые захватили самые лакомые куски. Олигархи стали влиять на власть в своих корыстных интересах. А самое главное — эффективные собственники не появились. Бывшие государственные богатства растаскиваются по частным карманам, экономика уходит в тень, ресурсы утекают за рубеж. И опять же это приводит к неуплате налогов, к бюджетному дефициту, пирамиде заимствований и к нынешнему кризису.

Я постарался объективно изложить логику оппонентов. Напомню, именно либерализация, приватизация и финансовая стабилизация составляли содержание первого этапа реформ, три его ключевых слова. И изложенные соображения кажутся на первый взгляд убедительными: если они верны, то, действительно, нынешний кризис — следствие реформ или их неверного курса. К счастью, это не так.

Встречные аргументы: либерализация

Опираясь на первый из названных постулатов о неизбежности перехода к рынку, мы должны признать, что спад производства, обусловленный, как утверждают, либерализацией цен и открытием экономики — а это, кстати, абсолютно необходимые составляющие перехода к рынку, — был вызван на самом деле не ими, а прежде всего деформациями плановой коммунистической экономики.

Как минимум 40% ВВП СССР составляла военная продукция и то, что непосредственно нужно для ее производства. Сейчас — не более 5–8%. Разница — сокращение военного производства дает не менее 25% из общего 50%-ного снижения ВВП за годы реформ. Еще не менее 10–15% — сокращение продукции потребительского назначения низкого качества и негодного ассортимента, которую брали только из-за отсутствия выбора — взрывающиеся телевизоры, «детдомовская» обувь. Ее, между прочим, на душу населения мы производили больше всех в мире.

Выходит, на долю всех иных факторов, в том числе реформ, приходится не более 10–15% спада, как и в других странах.

Напомню выступление на XIX партконференции 1988 г. Л.И. Абалкина, ныне одного из наиболее последовательных критиков так называемых «радикальных реформаторов». Тогда он вызвал аплодисменты зала, сказав, что невозможно совместить качественные изменения (читай реформы) и количественный рост. Очень даже верно!

Но спад оказался слишком велик?! Если разобраться без эмоций, то не слишком, ибо конкурентоспособной продукции мы производили не более 15–20% общего объема, включая природные ресурсы и вооружение. И потеряли рынки, на которых брали наше не лучшее в мире оборудование. Отнюдь не вследствие реформ.

Особо об открытии экономики. Действительно, импорт заполнил наши рынки. Но ведь именно он позволил в кратчайшие сроки насытить их, преодолеть

мучивший страну товарный дефицит, подорвать монополизм, столь характерный для советской экономики. Кстати, импорт давал в последние годы до трети всех доходов федерального бюджета.

В целом, конечно, налогооблагаемая база из-за спада производства сократилась. Но раз это было неизбежно, то вывод один: расходы надо приводить в соответствие с доходами. Если бы мы это сделали, либерализация никак не повлияла бы на нынешний кризис.

И еще. Вред либерализации усматривается в том, что государство самоустранилось от регулирования экономики. Пожалуй, одно из немногих недвусмысленных заявлений Е.М. Примакова по экономической политике, сделанное в октябре на съезде промышленников и предпринимателей, звучало так: позиция «рынок все решит» не оправдалась. Спонтанно дееспособные субъекты рынка возникнуть не могут (Известия, 21 октября 1998 г.). Последовали дружные аплодисменты зала. Все поняли сказанное одинаково: государство отныне будет поддерживать предприятия.

Как поддерживать: давать субсидии, списывать долги? Утверждаю, все эти годы под давлением многочисленных лоббистов, правда, в убывающем масштабе, это делалось, причем сверх возможностей. А вот роль государства в исполнении законов, в обеспечении дисциплины контрактов, в наказании несостоятельных должников была действительно слабой. Хотя именно это в первую очередь требуется от государства в свободной рыночной экономике.

Все эти годы государство было большим и слабым. Большим, ибо брало много обязательств; слабым, ибо неспособно было их выполнять. На этом направлении либеральные реформы продвинулись очень мало, встречая отчаянное сопротивление, прежде всего со стороны тех, кто ныне настаивает на усилении роли государства.

Так что не реформы надо винить, а их отсутствие. И тех, кто им противился.

Монетаризм

Монетаристскую политику кто только не крыл — от советских академиков до Ю.М. Лужкова. Говорят, денег не хватает, не удовлетворяется спрос на деньги. Какие деньги? Уточним: на рубли, это важно.

Возьмем учебник по макроэкономике для 1-го курса. Ну, конечно, не тот, по которому учились профессора и академики моего поколения.

Там написано, что при высокой инфляции спрос на деньги, точнее на национальную валюту, падает. От рублей бегут. При этом снижается отношение рублевой денежной массы (например, агрегат M2) к ВВП. Там же говорится, что различные функции денег могут исполняться разными инструментами — от товаров, эквивалентом которых деньги выступают, до твердой иностранной валюты и различных денежных суррогатов. При этом владельцы активов, если могут, оказывают предпочтение тем инструментам, которые по соотношению плюсов и минусов в данных условиях оказываются более выгодны и надежны.

Если не хватает денег на уплату налогов или выплату зарплаты, это еще не значит, что спрос на деньги больше предложения. Если с увеличением предложения денег начинают расти цены или на валютном рынке падает курс на-

циональной валюты, это означает, что спрос на нее реально ниже предложения, даже если налоги и зарплаты не выплачиваются. А, может быть, именно потому нет спроса на деньги, что налоги и зарплату можно не платить и тебе ничего за это не будет. Спрос на национальную валюту зависит также и от способности государственной власти обеспечить законность и защиту прав участников хозяйственных отношений. Как факт, у нас в реальной сфере деньги не держатся, утекают. Значит, на них нет спроса.

В России уровень монетизации оказался ниже, чем в других странах, в том числе с переходной экономикой, потому что процесс финансовой стабилизации при очень высокой исходной инфляции растянулся как минимум на 3 года, а фактически — на 6 лет. И при этом предприятия, приносящие отрицательную добавленную стоимость, почти не отбраковывались. Действует простой механизм: ослабление денежной политики — рост инфляции — снижение уровня монетизации; для противодействия инфляции денежную политику ужесточают, а затем вновь ее ослабляют ради поддержки производства и бюджета, и далее цикл повторяется. В каждом цикле монетизация снижается. Только в 1996–1997 гг. после введения жесткого регулирования валютного курса стали расти реальный спрос на деньги, уровень монетизации и объем кредитных вложений в реальную сферу. Финансовый кризис с ноября 1997 г. сорвал этот процесс.

Иными словами, ограничение денежной массы в соответствии с реальным спросом на деньги снижает инфляцию и создает предпосылки для увеличения уровня монетизации, насыщения экономики деньгами до нормальных размеров.

Печатанием пустых денег этого добиться нельзя, результат будет противоположный. Затягивание финансовой стабилизации, стремление властей избежать жесткого дисциплинирующего воздействия на предприятия и граждан — вот подлинная причина плохого сбора налогов и низкого реального спроса на рубли. А не реформы вообще и монетаристская политика в частности.

Приватизация

Единственное, с чем следует согласиться, — эффективные собственники пока не появились, не стали повсеместным явлением. А это, несомненно, способствует уходу денег в тень, криминализации экономики. Иной вопрос, могло ли быть иначе в столь короткий период? Альтернатива, которая подразумевается, — не торопиться, оставить в покое госсобственность. Напомню в связи с этим, что Н.И. Рыжков не торопился, а главное растаскивание госсобственности началось при нем, в том числе через аренду с выкупом, народные предприятия. Программа приватизации по Чубайсу лишь приостановила растаскивание, ввела процесс хоть в какие-то разумные, законные рамки.

Слов нет, неопределенность прав собственности, слабая их защищенность, отсутствие развитой инфраструктуры поддержки собственности и балансировки частных и общественных интересов, претензии властей предрержащих, особенно в регионах, контролировать имущество и финансовые потоки — важнейшие дестабилизирующие факторы нашей хозяйственной жизни, способствующие недоверию ее участников друг к другу и к государству. Немало было ошибок,

их влияние ощущается. Но давайте задумаемся: предположим, не было бы приватизации по Чубайсу; что, всего этого в переходный период было бы меньше?

И мне не нравились ваучеры. Однако, в конечном счете, их влияние на глобальные перемены в российской экономике сегодня видится не столь уж существенным. Зато значительная часть работы по приватизации уже позади, она сделала рыночные преобразования необратимыми. И кто бы ни правил ныне в России, как бы ни крыл он радикалов-приватизаторов, хотя бы втайне он должен подумать: этого мне делать уже не нужно, а пользоваться плодами — могу. Правда, другие втайне думают: было бы государственное, мог бы прихватить. Но против них и было рассчитано.

Если же говорить о росте социальной дифференциации, о кричащих противоречиях между богатыми и бедными, то приватизация здесь сыграла на деле совсем малозаметную роль. Главные же факторы — отрицательная ставка банковского процента, льготные кредиты ЦБ, существовавшие в 1992–1994 гг., пропускание бюджетных денег через уполномоченные банки, а также льготы, квоты и лицензии во внешней торговле на фоне разрыва между внутренними и мировыми ценами на продукты российского экспорта. По оценке Андерса Ослунда, на долю этих факторов приходится 90–95% всех разворованных государственных средств.

Но это как раз то, с чем боролись реформаторы и что защищали многообразные лоббисты. Большинство их вышло из старой номенклатуры или теневой экономики советских времен, к ним подключились и некоторые «демократы». Вместе они под шумок реформ ловили рыбку в мутной воде.

Однако при чем здесь реформы? Конечно, вызванная ими ломка социально-экономических отношений не могла не поднять пену, не могла не усилить стремление к корыстному использованию экономической свободы.

Так что, на этом основании прикажете сидеть и ничего не делать?

Вывод: к нынешнему кризису рыночные реформы не имеют отношения. Все, кто говорит: вот вам печальный конец пагубного курса, — скажем мягко, не правы. Определенно мы имеем дело с результатами затягивания реформ, с их недостаточностью или отсутствием.

2. Истинные причины кризиса

Надо отдать должное нашим СМИ и гражданам, которых они образуют: подобных оценок причин финансового кризиса на самом деле придерживаются немногие. Преобладающее же мнение: государство, уподобившись Мавроди, выстроило пирамиду ГКО, вот она и рухнула. Считаю, объяснение в первом приближении правильным.

Попробуем, однако, раскрыть эти причины более корректно. Постараюсь не очень повторяться, имея в виду, что разъяснений, в том числе вполне разумных, было уже немало.

Мне представляется важным показать, что кризис — не просто результат чьей-то злой воли или некомпетентности, но стечения обстоятельств, большинство которых сложилось против нас.

Напомню приведенные в начале второй и третий постулаты: в России реформы неизбежно должны были идти трудно и сопровождаться ростом социального недовольства и напряжения. Это было известно заранее.

Общий план

Теперь логическая цепь событий, приведшая к кризису.

1. Конец 1994 г. «Черный вторник» и решение отказаться от эмиссионного кредитования бюджетного дефицита.

Необходимо было после этого резкого поворота в бюджетной политике обеспечить улучшение сбора налогов, сокращение государственных расходов и дефицита бюджета и уже для сокращенного дефицита — переход на его финансирование за счет так называемых неинфляционных источников, т.е. внешних и внутренних займов.

Общий план был таков: за год существенно улучшить сбор налогов, а до этого пойти на рост заимствований и государственного долга, тем более что тогда, не считая внешнего долга бывшего СССР, он был не так уж велик — около 15% годового ВВП против 32% в 1992 г.; с тех пор долг обесценился вследствие инфляции.

Если расходы по обслуживанию долга (процентные расходы) не выйдут за пределы лимитов, то мы сможем снизить инфляцию, стабилизировать рубль, снизить процентные ставки. Вследствие этого начнется развязка неплатежей, рост кредитных вложений и оживление производства. За этим — увеличение налоговых поступлений, возможность рассчитаться по долгам и снизить налоги, придав толчок инвестициям и реструктуризации экономики. Не только возможный, но практически единственно реальный путь. План, однако, выполнен не был.

Рынок ГКО

2. Раскручивание рынка ГКО плюс широкое использование КО (казначейские обязательства), КНО (казначейские налоговые освобождения), гарантии и затем поручительства Минфина по кредитам коммерческих банков на покрытие текущих бюджетных расходов. Пик применения этих денежных суррогатов пришелся на конец 1995 — 1996 г. Две трети налоговых поступлений в бюджет в апреле 1996 г. было представлено этими бумажками. Пришлось отрабатывать назад. Снижение выпусков КО, КНО заставило еще больший акцент делать на ГКО.

В 1995 г. оборот ГКО вырос в 7 раз, в 1996 г. — в 3 раза. Доходность ГКО перед выборами достигала 200%. В 1997 г. рост еще на 52%, в том числе под требование президента заплатить все пенсии и зарплаты бюджетникам включая обязательства регионов. Опасность пирамиды к августу 1996 г. стала очевидной.

Почему это все же делалось? Да потому, что, зная трудности российско-го переходного периода и недовольство населения всякими дополнительными испытаниями, находясь к тому же под давлением многообразных лоббистов, любителей наживы за счет бюджета, правительство медлило с решительными действиями, старалось вывернуться, уклониться от последствий своего же пра-

вильного решения о прекращении эмиссионного финансирования бюджетного дефицита. Дума прямо противодействовала

Расходы никто не желал сокращать, решили, что здесь резервов больше нет, а требуемые реформы, способные снизить государственные расходы, приходившиеся в основном на социальную сферу, осуществлять никто не хотел. Одинокие энтузиасты были за пределами правительства.

А налоги стали собираться хуже. Попытка дать Госналогслужбе повышенное задание на 1997 г. (до 15% ВВП) была ошибкой. Не было понимания важности организационно-технической работы в этом ведомстве. Не было и реалистичной оценки возможностей улучшения сбора налогов.

Более того. Напомню, что в это время была развязана чеченская война. Она обошлась как минимум в 8–10 млрд руб., не считая человеческих жизней и судеб. Одновременно шла дорогостоящая реконструкция Кремля, строился храм Христа Спасителя, были другие стройки века.

ГКО оказались самым простым выходом в данный текущий момент. О последствиях стали задумываться только осенью 1996 г. Приведу цитату из моей собственной записки В.С. Черномырдину, датированной октябрём: «Погасив инфляцию не за счет сбалансированного бюджета, а за счет роста государственного долга, мы только отложили инфляцию». Считаю себя вправе напомнить об этом, поскольку записка (против моей воли) была напечатана в «Независимой газете» (26.11.96).

То, что произошло в августе 1998 г. — это первый взрыв отложенной инфляции.

3. Начало 1997 г. — либерализация рынка ГКО, расширение допуска на него нерезидентов. «Горячие деньги» устремляются в Россию. Весной даже возникает опасность усиления инфляции, так как ЦБ эмитирует рубли, чтобы приобрести в резервы десятки миллиардов долларов. К середине лета доля нерезидентов на рынке ГКО достигла 30%. Итог: доходность упала до 18–20% годовых, снизились процентные ставки. Экономика задышала. Намеченный план, казалось, стал осуществляться. Но одновременно выросли и риски, связанные с привлечением «горячих денег». Опыт других стран заставлял насторожиться.

Молодые реформаторы и олигархи

4. Март 1997 г. — обновление состава правительства, приход в него А. Чубайса и Б. Немцова, что позволило говорить о правительстве «молодых реформаторов».

Одни из первых шагов — «секвестр» только что с трудом утвержденного бюджета на 30%. Шаг, вызванный ощущением опасности грядущего кризиса, встреченный в штыки практически всеми. Агрессивность «молодых реформаторов», определяемая и характерами, и острой нехваткой времени, могла дать плоды, если бы они быстро добились важного успеха и получили поддержку не только у президента, но и в обществе. Увы, краткосрочный успех в сокращении задолженности по зарплате и пенсиям, достигнутый как условие дальнейшей поддержки президента, только затянул долговую петлю, заставив отложить решение главных задач предотвращения кризиса.

5. Июль 1997 г. — аукцион по «Связьинвесту» и начало информационной войны олигархов «по полной программе» против Чубайса и Немцова. Повод к войне ныне кажется постыдно ничтожным.

Победили! Итог — пепелище. Главное — потеря доверия к реформаторам, к их порядочности и готовности к служению обществу. К тому, что они смогут, что им дадут довести дело до подлинного успеха.

6. Осень 1997 г. Полный отказ левой Думы от сотрудничества с правительством молодых реформаторов, в том числе с учетом итогов информационной войны. Стало ясно, что надежда наскаком преодолеть сопротивление парламента по Налоговому и Бюджетному кодексам, по земельной реформе, по социальным льготам несостоятельна. Политика бури и натиска, принятая в марте, потерпела неудачу. Либо надо было идти на новый конфликт с законодательной властью, исход которого был более чем сомнителен. Порыв угас.

Азиатский кризис и смена правительства

7. Ноябрь 1997 г. До России докатываются первые отзвуки азиатского кризиса. Миссия МВФ отказывается одобрить очередной транш займа EFF на том основании, что до сих пор не учитывались растущие долги бюджетных организаций за газ, энергию, тепло и исполнение бюджета оценивалось только по фактическим ассигнованиям без учета роста его долгов. Задержка транша — еще один толчок к потере доверия. Начала расти доходность ГКО — до 40%. Центральный банк ради поддержки курса рубля отказывается поддерживать рынок ГКО. Процентные ставки поползли вверх. Начинается отток капитала.

Становится ясно, что наметившийся прорыв к экономическому росту не состоится. Напротив, проблема государственного долга, ранее ослабленная притоком «горячих денег» из-за рубежа, теперь из-за них же начнет обостряться.

Роль азиатского, а на деле, как это сегодня видно, мирового финансового кризиса, а также его влияние на Россию нельзя недооценивать, хотя волны кризиса легли у нас на удобренную внутренними проблемами почву.

Конечно, если бы мы не впустили нерезидентов на рынок ГКО, то влияние мирового кризиса у нас было бы много меньше. Тем не менее в то время это был, я считаю, вполне оправданный риск. Ведь в начале 1996 г. никаких симптомов опасности на мировых финансовых рынках не было.

И, тем не менее, наш кризис можно понять лишь как часть мирового финансового кризиса. Весной 1997 г. — крах банковской системы в Чехии, осень 1997 г. — Малайзия и Таиланд, начало 1998 г. — удары кризиса настигают Южную Корею, Японию и Индонезию, летом — Россию, затем — Бразилию и Аргентину. Во всех этих странах одна картина кризиса:

- 1) резкое обесценение национальной валюты;
- 2) банковский кризис;
- 3) падение капитализации фондового рынка;
- 4) отрицательное сальдо платежного баланса;
- 5) спад производства.

Характерно, что удары кризиса обрушились на развивающиеся рынки, на страны, структура экономики которых страдает существенными ограничения-

ми свободы конкуренции в пользу привилегированных агентов на основе связи власти с крупным капиталом, где сильно вмешательство государства в экономику в интересах определенных групп.

Итог — резкое сокращение притока капиталов на эти рынки, кризис доверия. По оценкам экспертов МВФ, чистый приток капитала на развивающиеся рынки, включая страны с переходной экономикой, снизился с 215 млрд долл. в 1996 г. до 123,5 в 1997 г. и, как ожидается, до 56,7 млрд в 1998 г. В 1999 г. прогнозируют рост до 129 млрд долл. Произошло общее снижение уровня доверия к развивающимся рынкам, в том числе российскому. Процентные ставки пошли вверх.

Кризис на сырьевых рынках, в том числе нефтяном, что особенно больно для России, также связан с общим кризисом, так как, наряду с экономией ресурсов посредством новых технологий, последний привел к существенному сокращению спроса на этих рынках.

8. Март 1998 г. Президент Ельцин отправляет в отставку Черномырдина и выдвигает на пост главы правительства молодого Кириенко. Интрига, затеянная не знаю кем, на первый взгляд, на руку реформаторам. Она должна была, видимо, преодолеть торможение реформ, возникшее вследствие раздоров в правительстве и между «олигархами». Но первый результат — шанс для левого парламента усилить давление на исполнительную власть. И Кириенко ради своего утверждения Думой, растянувшегося на месяц и закончившегося унижением Думы, вынужден идти на уступки. Тогда уже стало предreshенным вхождение коммунистов в правительство, чтобы добиться сотрудничества с нею.

Вероятно, позднее взрыв все равно произошел бы, даже без смены правительства. Но политическая стабильность, обеспечиваемая прежде тандемом Ельцин — Черномырдин, подорвана. Кризис доверия усиливается.

9. 12 мая 1998 г. Сразу после затишья майских праздников начинается обвал на финансовых рынках. По мнению специалистов, помимо правительственного кризиса ему способствовали заявления председателя Счетной палаты Х. Кармокова о целесообразности одностороннего прекращения платежей по долгам, постановление Думы об уменьшении доли иностранных инвесторов в капитале РАО ЕЭС, а также банкротство Токобанка, в котором значительная доля принадлежала иностранцам. Затянувшаяся неопределенность с решением по Токобанку усиливала их сомнения в том, что власти будут уважать их интересы. Они заняли жесткую позицию в отношении долгов российских банков и усилили вывод капиталов.

Стремительно растет доходность ГКО, достигая 70–80, потом 100 и более процентов. Правительство предпринимает всяческие меры, чтобы спасти ситуацию, восстановить доверие инвесторов. Готовится и публикуется антикризисная программа, которую все требовали. Начинаются переговоры с МВФ о дополнительном крупном займе, в основном на пополнение тающих валютных резервов, чтобы уравновесить их с краткосрочными обязательствами и убедить инвесторов в способности России платить по ним. Одновременно каждую среду на очередных аукционах ГКО Минфин вынужден отказываться от размещения новых облигаций из-за их высокой доходности и вместо рефинансирования старых обязательств погашать часть их из бюджета в ущерб запланированным ассигнованиям на самое необходимое. Берем в долг на евторынке под все более

высокий процент, разменивая внутренний долг на внешний. В итоге внешний долг самой России (без СССР) за короткий срок вырастает вдвое.

Переговоры с МВФ идут трудно. Фонд поначалу настаивает на том, чтобы жесткие меры, предпринимаемые для преодоления кризиса, были, как знак национального согласия, одобрены парламентом. Однако последний отвергает почти все законопроекты правительства, особенно налоговые.

Дальнейшее обострение кризиса доверия сдерживается только слухами о близком соглашении с МВФ по займу на 10–12 млрд долл.

Последний акт драмы

10. В конце июля заем получен, но только первый транш — 4,8 млрд долл. Мало. Все же правительство и ЦБР ожидали передышки на 2–3 месяца. Не вышло. Она продлилась всего 8–10 дней. Масла в огонь подлила выгодная на первый взгляд операция по конвертации ГКО в евробонды на сумму 20 млрд руб. из 140 млрд внутренних обязательств срочностью до конца года. Проблему она не решила, но, поскольку евробонды предлагались уже под 15% вместо 9% осенью 1996 г., это послужило сигналом для еще большего подрыва доверия к русским бумагам. Отдача почувствовалась очень скоро и на рынке ГКО, их доходность вновь устремилась вверх.

Все труднее становилось удерживать курс рубля. Резервы таяли. Заклиная денежные власти о том, что девальвации не будет, призванные не допустить паники, сталкивались с апокалиптическими заявлениями экспертов. Сорос, Илларионов, Нарзикулов с Кошкаревой внесли свой вклад.

Настало время принимать крайние меры, поскольку уже было ясно, что дальше удерживать ситуацию бессмысленно. Кризис переходил в открытую фазу.

Из сказанного видно, что в его основе лежит проводившаяся с 1994 г. нерешительная и безответственная бюджетная политика. Доходы бюджета все больше не соответствовали обязательствам государства, разрыв заполнялся заимствованиями.

Если бы не было осложнений на мировых рынках и доходность ГКО не повышалась более 20%, была теоретическая возможность за 2–3 года радикально поправить ситуацию, сводя бюджет с первичным профицитом и гася задолженность при минимуме новых займов. Такого рода планы разрабатывались с осени 1997 г. Но уже было поздно, надо было действовать минимум на год раньше. Да и не повезло.

3. 17 августа

Сейчас по поводу людей, подписавших документы 17 августа 1998 г. или принимавших участие в их подготовке, предпринята кампания дискредитации и шельмования. Одни говорят, никто из них не должен остаться при власти. Другие: надо разобраться с их преступлениями. Вновь, как в 1994 г., привлекают прокуратуру. Сам Е.М. Примаков позволил себе сказать: «В любом случае 17 ав-

густа на совести так называемых реформаторов. Это они подкосили банковскую систему России, наплевали на свои международные обязательства и ввели мораторий в одностороннем порядке» (Известия, 20 ноября 1998 г.).

Моя позиция иная: считаю, что, хотя принятые решения весьма далеки от совершенства, а порой просто топорны, мы все должны бы выразить признательность этим людям за мужество, за то, что они взяли на себя колоссальный груз ответственности, приняли на себя удар. Они дали возможность новому правительству все валить на них, пользуясь, однако, теми выгодами, которые давали власти августовские решения. Если бы это было не так, почему, следуя совету А. Шохина, новое правительство не отменило ни одного из них. На самом деле эти решения при всех тяжелых последствиях избавили страну от иллюзий, поставили ее на почву реальности, намного менее приятной, чем нам казалось.

Краткосрочные последствия

Тем не менее негативное воздействие этих решений, серьезно усиленное отставкой правительства Кириенко 23 августа, было крайне тяжелым. Решение о расширении валютного коридора или либерализации валютного курса, практически приведшее к крупнейшей девальвации рубля (к середине ноября падение покупательной способности в 2,7 раза вместо 15%, на которые рассчитывали), а также к затянувшейся почти на месяц неопределенности на валютном рынке, имело самые существенные краткосрочные последствия: расстройство системы платежей и расчетов, остановка потоков импорта, скачок цен на 45% за первых 1,5 месяца, ажиотаж на потребительском рынке, опустошивший полки магазинов и напомнивший недавнее печальное прошлое. Общая газета поместила фото пустых полок с комментарием: реформаторы грозили этим, если к власти придет оппозиция. Оппозиция не пришла...

И все же следует признать, что это решение было неизбежно и даже серьезно запоздало. Попытки удержать стабильный курс рубля и не допустить упомянутых последствий стоили около 9 млрд долл. из валютных резервов, а также увеличения масштабов и эффекта девальвации.

Надо было либерализовать курс не позднее 1 января, когда кончалось действие старого валютного коридора; перейти на плавающий курс. Принятое решение, казалось бы, было близко к этому: 6–20 за доллар плюс/минус 15% на 3 года. Но фактически курс держали в гораздо более узком диапазоне, мотивируя это, в частности, стремлением поддержать банковскую систему, которой девальвация грозила значительным ростом валютных обязательств в рублях.

Конечно, будь это решение принято ранее, раньше появились бы его негативные последствия. Но они, видимо, были бы не столь ощутимы и, по крайней мере, не были бы совмещены с дефолтом.

Дефолт, или одностороннее решение о реструктуризации внутреннего долга (по ГКО — ОФЗ), особенно серьезно по своим среднесрочным последствиям. Последние недели перед кризисом Минфин практически утратил возможность перефинансировать долги за счет новых заимствований. Примерно 2 месяца практически все денежные доходы бюджета уходили на незапланированное по-

гашение ГКО, от 3 до 6 млрд руб. каждую неделю. При этом почти приостановилось финансирование бюджетной сферы, армии и т.д. Камчатка сейчас на точке замерзания, потому что тогда не было денег на завоз топлива. Дефолт стал фактом, тянуть с его признанием означало лишь усугубление проблемы. Иной вариант был один: монетизация долга, т.е. печатание денег, притом в крупных масштабах. На это идти было нельзя.

Конечно, следовало бы делать все цивилизованно, давно приступив к переговорам по реструктуризации долга. Саму схему реструктуризации надо было заблаговременно проработать, не боясь самим себе говорить о неотвратимом, не бросая ее *post factum* в сыром виде на Б. Федорова, назначенного для этого вице-премьером. Все выглядело дурной импровизацией, усиливая недоверие к любым действиям властей.

Итог — паника среди вкладчиков, нанеся серьезный урон ряду различных банков; разрушение рынка госбумаг; утрата важнейших возможностей макроэкономического регулирования, стерилизации эмитируемой денежной массы. Самое печальное, что все ожидавшиеся позитивные моменты дефолта, например, возобновление бюджетных ассигнований хотя бы на заработную плату бюджетникам, военным или сокращение предстоящих выплат по обслуживанию долга в 1999 г., оказались сведены на нет. Возобновить в полном объеме плановые ассигнования оказалось невозможным, так как кризис вызвал резкое падение сбора налогов, практически эквивалентное месячным расходам на эти цели (около 6 млрд руб.).

Сокращение же предстоящих выплат по ГКО — ОФЗ (оно планировалось в 1999 г. на 30 млрд против 80 млрд без дефолта) в значительной мере оказалось съеденным в переговорах, которые затем все равно пришлось вести с инвесторами по реструктуризации долга.

Короче, все было сделано далеко не лучшим образом. Все же справедливости ради нужно сказать, что даже оптимальные действия в сложившихся обстоятельствах не дали бы намного лучших результатов.

Мораторий на выплату долгов нерезидентам в течение 90 дней также ныне осуждается. А я бы признал его, по меньшей мере, наименее вредным, а скорее самым разумным из решений 17 августа. Впрочем, это стало достаточно очевидно после того, как срок моратория истек: все же было время для того, чтобы попытаться спастись, найти деньги, договориться с кредиторами. Другое дело, что возможности эти были использованы лишь в незначительной степени.

Так или иначе, но в течение примерно 1,5–2 месяцев краткосрочные последствия кризиса были отчасти преодолены. Цены в октябре—ноябре выросли на 4,5 и 5,7%, курс стабилизировался на уровне 15–17 руб. за доллар. Восстановилась торговля, хотя импорт серьезно упал и обеднел ассортимент. Сказалось действие рыночных сил, а также достаточно эффективные действия Центробанка по восстановлению платежей и стабилизации валютного рынка. Деятельность нового правительства тоже можно было бы оценить удовлетворительно: оно, несмотря на риторику об усилении роли государства, почти ничего не делало такого, что могло сразу дать отрицательный эффект. Например, не торопилось печатать деньги в опасных количествах.

Три угрозы в среднесрочной перспективе

По сути, с чисто экономической точки зрения решения 17 августа имели большей частью краткосрочные последствия, хотя, конечно, скачок цен и потери денег в проблемных банках будут еще долго ощущаться и населением, и предприятиями.

Тем не менее это замечание имеет смысл, так как те угрозы российской экономике, с которыми она будет сталкиваться в среднесрочной перспективе, обусловлены отнюдь не столько обострившимся кризисом, сколько более глубокими причинами, имеющими более длинную историю.

Мы рассмотрим здесь три главные среднесрочные угрозы:

- 1) инфляция;
- 2) кризис банковской системы;
- 3) дефолт по внешнему долгу.

Инфляция

С точки зрения перехода к рыночной экономике финансовый кризис 1998 г. означает срыв третьей, наиболее успешной, как казалось, попытки финансовой стабилизации. О причинах сказано выше.

Сейчас речь идет о том, насколько серьезным будет этот срыв, какую он вызовет инфляцию. Первый взрыв ее, вызванный падением рубля и ростом цен на импортные товары, остановлен, поскольку до последнего времени ограниченными были масштабы эмиссии. Если бы от нее удалось удержаться, то финансовый кризис мог стать эпизодом, с печальными, но ограниченными последствиями. Уже через полгода — год страна вернулась бы к ситуации лета 1997 г. и могла бы продолжить поступательное движение.

Но так уже, видно, не получится. На IV квартал правительство испросило 25 млрд руб. на продажу ЦБ нерыночных облигаций. Получено, по словам М. Задорнова, 23,5.

Но здесь учтена, видимо, только эмиссия на покрытие бюджетного дефицита. Кроме того, нужно принять в расчет операции ЦБ по поддержке банковской системы, которые, по моей оценке, уже обошлись примерно в 30–35 млрд руб., и В.В. Геращенко назвал цифру в 10 млрд, полагаю, сверх этой суммы. И еще пополнение валютных резервов: только с момента введения нового порядка валютных торгов ЦБ приобрел не менее 1 млрд долл., т.е. эмитировал не менее 15 млрд руб. И будет продолжать, ибо считает эту эмиссию обеспеченной, хотя затем отдает валюту Минфину для расчетов по внешнему долгу.

Итого только до конца 1998 г. получается минимум 70–80 млрд руб., что составляет примерно 45–50% денежной базы середины августа. Расходы все необходимые. Итог сказался уже в декабре: месячная инфляция достигла 11,6% против 5,7%, вдвое больше, чем в ноябре.

На будущий год программа правительства планирует инфляцию 30%. Оно также обещает жесткий бюджет с первичным профицитом в 1,4% ВВП. Общее мнение таково, что на деле инфляция в 1999 г. будет, как минимум, вдвое выше. В качестве неблагоприятного рассматривается сценарий, в котором не полу-

чается кредит МВФ, не достигается реструктуризация внешнего долга и тогда, по мнению правительственных экспертов, возможна инфляция до 300%. И, я бы добавил, сбор налогов снижается еще больше — против ожиданий правительства.

Если судить по другим решениям правительства, по другим разделам его программы, то напрашивается вопрос о том, что будет выполняться — жесткий бюджет или другие решения? Совместить их невозможно. А большее смягчение бюджетной и денежной политики в духе преодоления монетаризма грозит гиперинфляцией со всеми вытекающими последствиями. Страна была бы отброшена уже не в 1995 г., а в 1992 г., только без резервов того времени, истощенная предыдущими тремя попытками стабилизации и лоббистскими усилиями по их срыву.

Банковский кризис

Распространено мнение, что банковский кризис обусловлен дефолтом по ГКО: в ГКО была вложена значительная часть активов крупных банков, и дефолт привел к резкому их обесценению. Это плюс паника среди вкладчиков наши банки и подкосили.

На самом деле ситуация выглядит несколько иначе. До 70% всех ГКО — ОФЗ принадлежали Центробанку и Сбербанку. Еще значительную долю держали иностранные инвесторы. Российские частные коммерческие банки также имели в активах ГКО — ОФЗ, и власти действительно просили покупать свои бумаги, а потом не продавать их, чтобы не сломать рынок. Но, кроме того, средства банков были вложены в валютные облигации, считавшиеся совершенно надежными. Когда начался финансовый кризис, еще задолго до дефолта эти бумаги вместе с ГКО — ОФЗ резко потеряли в цене. В то же время наши банки активно привлекали ресурсы с Запада в виде синдицированных кредитов, посредством форвардных контрактов, в частности под залог российских бумаг. Долги к июлю 1998 г. составили 19,2 млрд долл. против 6 млрд год назад. Когда обстановка стала накаляться, контрагенты потребовали дополнительных гарантий. Еще раз напомним историю с Токобанком.

Могущество наших крупнейших, так называемых уполномоченных банков зиждилось либо на «особых» отношениях с бюджетом, с таможней, т.е. с доступом к прокручиванию государственных средств, либо на контроле над финансовыми потоками значительных экспортных производств. Казалось, они ко времени кризиса уже напитались соками, даже претендовали на политическое влияние. Однако под ними не было серьезной основы, поскольку от бюджета их постепенно отваживали, а реальная сфера была в глубоком кризисе. Она не давала банкам кредитных ресурсов и не могла привлечь кредиты из-за своей низкой платежеспособности. Банки, кредитовавшие предприятия, либо устанавливали над ними контроль, либо терпели убытки. Для них условием процветания было держаться подальше от реальной сферы и поближе к бюджету. Изменить положение могли только основательная реформа предприятий и окончательная финансовая стабилизация. А на это требовалось много времени и усилий, в том числе со стороны самих банков, по выращиванию клиентов. Экспансия ГКО если

и нанесла банкам ущерб, то прежде всего тем, что минимум на 2 года позволила им не заниматься активно этой работой, избегая и собственного оздоровления.

Об этом знали все. Однако болезненная реструктуризация банков, даже установление за ними более основательного надзора встречали сопротивление. Некоторые банки вообще считались неприкасаемыми за «заслуги» перед властью.

Таким образом, банковский кризис все равно был неизбежен, события 17 августа разве что дали ему толчок. План реструктуризации банковской системы, предложенный новым руководством ЦБР, вызывает сомнения. Из двух компонент, должных обязательно присутствовать в таком плане — ужесточения требований к банкам и мер поддержки, включая финансирование их рекапитализации, — предпочтение, как представляется, отдается вторым. Причем поддержка так называемых системообразующих банков и привилегированных банков в регионах грозит воспроизведением докризисной ситуации, остановкой естественного процесса замещения больных банков здоровыми и, стало быть, новым кризисом.

Сейчас, однако, пока тот или иной план будет реализован и банковская система встанет на ноги, мы находимся перед угрозой вообще остаться без нее. Сегодня ситуация такова, что в целом банковская система с учетом всех ее обязательств имеет отрицательный капитал. Доверие к ней надолго подорвано. Необходимое оздоровление будет вновь создавать проблемы для клиентов банков. Рекапитализация возможна лишь за счет привлечения иностранных инвесторов или посредством эмиссии, которая сама представляет серьезную угрозу.

Реструктуризация внешнего долга

Известно, что правительство по внешним долгам должно заплатить в 1999 г. 17,5 млрд. В этом году не справимся, это уже признано официально. Но на ближайшие годы ситуация не лучше.

Последствия приостановки платежей по внешним долгам (это уже точно банкротство страны) столь серьезны, что о них лучше не говорить. Хотя есть специалисты, полагающие, что и это переживем, что нам снова, в третий раз (1992, 1998) пойдут на уступки, не стоит заблуждаться на сей счет. Я полагаю, что на перспективах подъема российской экономики, невозможного без иностранных кредитов и инвестиций, в этом случае надо ставить жирный крест минимум на 15–20 лет. Для нас это подобно катастрофе. Все разговоры об опоре на собственные силы, имеющие хороший взбадривающий эффект, пусты, ибо после 10 лет кризиса экономика нуждается в полном обновлении с использованием лучших мировых достижений, а не только доморощенных находок.

Поэтому договоренности о реструктуризации долга нет альтернативы. Она возможна в том случае, если будет достигнуто соглашение с МВФ по бюджету, денежной программе и структурным реформам. Пока нет никаких оснований, чтобы думать, будто такое соглашение будет легким. Пока мы им предъявили только описание ужасов, последующих за их отказом.

Более того, переговоры следует вести не просто о 1999 г., но о длительной перспективе. До 2015 г. России придется, даже если больше ничего не зани-

мать, выплачивать в среднем за год 12–15 млрд долл. Это примерно 10% от ВВП 1998 г. и половина доходов федерального бюджета, около 40% национального накопления. Если будут сохранены условия обслуживания внешнего долга СССР и самой России, существующие ныне, то наша страна на весь этот период будет лишена перспектив экономического роста.

До сих пор мы занимали, не особенно задумываясь о расплате. Теперь пора задуматься и вместе с кредиторами искать решения, которые определяют судьбу страны на десятилетия вперед. И они должны ясно понимать, что вернуть им долги может только страна, вставшая на ноги, имеющая сильную экономику, в которой будет невозможно развитие событий по сценариям Румынии 1989 г. или Германии 1933 г. И для подъема экономики нам нужны будут новые крупные кредиты и инвестиции.

Отсюда следует, что переговоры о реструктуризации долга должны опираться на сильную переговорную позицию. Для этого надо иметь программу, убедительную для кредиторов, обеспечивающую продолжение реформ и подъем экономики, причем поддержанную всеми ветвями власти российского государства. Возможно ли это?

Позитивные стороны кризиса

Нет худа без добра — эта пословица весьма уместна в отношении нынешнего финансового кризиса. Он явно может иметь существенное оздоравливающее воздействие.

Во-первых, кризис навязывает нам реструктуризацию банковской системы, которая сделает банки более активными и осторожными, снимет с них жирок, накопившийся от ГКО и других способов использования трудностей бюджета.

Сжатие рынка госбумаг заставит банки обратиться к реальной сфере.

Во-вторых, опасность чрезмерного политического влияния олигархов в значительной мере снята из-за ослабления их позиций.

В-третьих, весь коммерческий сектор был вынужден поджаться в расходах, оказалось снято его чрезмерное превосходство по доходам перед производством. Распределение населения по доходам теперь должно стать более справедливым и равномерным, если не будут созданы новые мотивы для восстановления прежнего положения.

В-четвертых, девальвация рубля, нанеся удар по банкам, импортопотребляющим отраслям и населению, открыла окно возможностей перед рядом других отраслей отечественного производства.

Это отнюдь не главные экспортные отрасли — нефть и газ, поскольку они приобретают много импортного оборудования и материалов и, главное, сильно закредитованы. Кредиты, полученные ими на Западе, в том числе для уплаты налогов, сильно подорожали в рублевом выражении, тогда как цены на энергоносители продолжают падать. Поэтому идея возврата к экспортным пошлинам в этих отраслях, как и в других, с целью привлечения в бюджет дополнительного дохода от девальвации, представляется весьма сомнительной.

Но аграрный сектор, фармацевтика, бытовая техника, отчасти легкая промышленность, опирающаяся на отечественное сырье, вообще все отрасли, спо-

собные производить конкурентоспособную продукцию для внутреннего рынка и на экспорт, не привлекавшие прежде западных кредитов и располагающие внутри страны базой сырья, материалов, компонентов, получили преимущества примерно на 2–3 года, которые непременно нужно использовать.

Возьмем аграрный сектор. До августа на рынке продовольствия 25% занимал импорт. Для такой страны, как Россия, естественна доля импорта примерно 10%. Разница — это рынок емкостью около 30 млрд долл. в год, который должны занять отечественные производители.

Неслучайно возник вопрос об угрозе голода в России и гуманитарной помощи из США и Западной Европы. Это прежде всего попытка сохранить за собой ранее захваченные рынки, причем с помощью демпинга на государственном уровне, прикрытого оливковыми веточками гуманизма.

На самом деле угроза продовольственного кризиса у нас существует, но связана она в основном не с недостатком ресурсов, а с опасностью инфляции, которая может еще больше сократить спрос на продукты питания, особенно качественные, со стороны населения, прежде всего крупных городов.

Крайне важно в такие отрасли привлечь прямые иностранные инвестиции, тем более что инвесторы понимают перспективность подобных вложений в Россию.

В-пятых, предприятия реальной сферы также окажутся перед необходимостью взяться, наконец, за реструктуризацию, за налаживание управления, причем на более здоровой основе. Специалисты отметили позитивное влияние девальвации на сближение цен, применяемых в наличных расчетах (в рублях или долларах) и в бартерных и зачетных сделках, что сулит продвижение в борьбе с неплатежами и за монетизацию экономики.

Эти и другие позитивные моменты необходимо энергично использовать, чтобы еще раз не упустить время. К сожалению, проблемы и угрозы пока перевешивают.

4. Политические последствия

Убежден, экономические последствия финансового кризиса и его обострения 17 августа были бы намного менее серьезными, если бы президент не отправил в отставку правительство Кириенко, которое так трудно было привести к власти. Уж во всяком случае, у нас не было бы таких проблем с МВФ, если бы ранее согласованная программа не была отправлена в корзину.

От Кириенко к Примакову

Конечно, коллапсы, подобные 17 августа, положено завершать отставками тех лидеров, при которых они случились. И это не только у нас.

Но, с другой стороны, совершенно ясно, что Кириенко никак не повинен в кризисе. Более того, именно его правительство предложило реалистичную программу его преодоления и обладало необходимой энергией и компетентностью для ее реализации.

Пардон, вспоминаю анекдот про ученика, которого выгнали из класса за то, что он испортил воздух: где же логика, почему выгнали меня, логичнее бы вывести остальных. В данном случае логичнее было бы именно Кириенко дать возможность расхлебывать кашу.

Наконец, и это главное, отправляя правительство в отставку в угоду благопристойным политическим манерам, президент опять открылся ударам оппозиционной Думы, которая, можно было ожидать, в этот раз отыграется за апрельское унижение. Так и вышло.

Те из президентского окружения, кто затевал эту интригу, полагали, видно, что для удаления из правительства фигур, желающих сохранять независимость от олигархов, подвернулась лучшая возможность. Они также думали, наверное, что возвращение Черномырдина Дума встретит с облегчением и быстро его утвердит.

Жизнь показала, сколь тяжелым был просчет. Утверждение премьера затягивалось в самый острый период кризиса. Пришлось идти на унизительные уступки в политической и экономической областях. Соответствующие документы, с колоссальным трудом согласованные к началу сентября, представляли собой полную сдачу позиций.

Будь после этого утвержден Черномырдин, была надежда, что он, по обыкновению, не станет выполнять всех обещаний.

Но тут коммунисты резко изменили тактику, соглашения были отброшены. Очень похожи на истину утверждения, что Лужков, начинающий президентскую кампанию, переманил или перекупил фракцию КПРФ, чтобы отодвинуть Черномырдина и самому занять место премьера. Ему оно нужно как трамплин к президентскому креслу, позволяющее расстаться с имиджем мэра Москвы, непривлекательным в провинции. После этого начались разговоры о левоцентристской коалиции во главе с Лужковым и с участием НПСР. Наверное, и Макашов с Илюхиным получили бы шанс быть причисленными к лику левоцентристов.

Итог всех этих игр: Лужков премьером не стал, президент не решился в третий раз предлагать Черномырдина, рисковать роспуском Думы, импичментом и вообще резким обострением политической обстановки. Появилась компромиссная фигура Е.М. Примакова, принятая Думой на ура. Выиграли только коммунисты.

Когда формирование нового кабинета в основном завершилось, когда он начал предпринимать первые робкие действия, стало ясно, что период либеральных рыночных реформ в России закончился. У власти утверждаются умеренные, как говорят, вменяемые левые горбачевского толка, я бы сказал — консерваторы.

Кто либералы и кто консерваторы

Краткое отступление о терминах. Поясню свою мысль. У нас, глядя на Запад, на роль консерваторов порой претендуют либералы, радикальные реформаторы. Консерватор в этом смысле противостоит коммунистам, которых там воспринимают как революционеров. А консерваторы выступают за сохранение или реставрацию прежних порядков, традиций, за старину.

У нас именно коммунисты и националисты играют роль консерваторов. Им противостоят либералы как сторонники реформ и демократии.

«Либерал», «демократ» — ныне термины, не модные на Руси. Хочется как-то откреститься, переименоваться, чтобы не указывали пальцем или не плевались уже в название. Я думаю, для сторонников либеральных и демократических ценностей это равносильно отказу от своей идентичности, от принципов только потому, что в данный момент это невыгодно. Но нельзя жить одним днем. Исторически окупается только принципиальная позиция, даже если ее сторонникам порой приходится выступать «под крики озлобления» и проигрывать выборы.

Смена курса

Вернемся теперь к политическому кризису. Итак, он завершился приходом к власти умеренных консерваторов. Примаков, Маслюков, Абалкин как идеолог — деятели горбачевской эпохи. Молодой Глазьев — их единомышленник как сторонник протекционизма, повышения роли государства, не верящий в созидательную силу рыночных механизмов, по крайней мере в переходный период.

Эти люди не против рынка, на словах и не против реформ. Они против радикализма в их проведении, за здравый смысл, за гуманность и социальную ориентированность преобразований. Все последние годы, наблюдая за процессами реформирования российской экономики, за углублением кризиса, они пришли к убеждению, что проводившийся курс неверен, что допущены серьезные ошибки, которые придется исправлять.

После ряда публичных выступлений Е.М. Примакова и Ю.Д. Маслюкова в октябре — ноябре стало ясно, что смена курса — это твердое намерение правительства. Политические партии, представленные в парламенте, большей частью поддерживали правительство, каждая по своим причинам. Сказалось и то, что оно сформировано на коалиционной основе. Впервые с 1992 г. правительство опирается на парламентское большинство. Это важнейшая цель политики Примакова, и она достигнута.

Самое существенное — правительство поддерживают КПРФ и его сателлиты в парламенте. Еще бы, в правительстве на видных постах — члены КПРФ. Курс его, по крайней мере, декларируемый, во многом повторяет давние идеи левой оппозиции. В этих условиях говорить о ней как об оппозиции стало просто неудобно.

Таким образом, политический кризис, вызванный событиями 17 августа и решением президента об отставке правительства Кириенко, завершился сменой курса экономической политики, к которому давно призывала оппозиция. При этом почти за 2 года до истечения срока своих полномочий президент практически утратил возможность влиять на экономическую политику. И дело не только в его здоровье, а в том, что он уже не сможет вопреки воле Думы призвать к власти команду реформаторов, не станет ради этого снова рисковать общенациональным политическим кризисом.

Все же еще рано делать окончательные выводы, поскольку реальная политика будет складываться под давлением реальных обстоятельств, таких, на-

пример, как необходимость договариваться с МВФ и кредиторами, привлекать инвестиции и в то же время беречь поддержку со стороны левого большинства в Думе.

Нет оснований считать, что курс будет каким-то экстремистским, вероятнее всего, напротив, — взвешенным, разумно-умеренным. Но он будет другим.

5. Текущий момент в контексте переходной экономики

Итак, текущий момент характеризуется, с одной стороны, острым финансовым кризисом и серьезными угрозами для российской экономики в среднесрочной перспективе, а с другой — сменой курса, фактическим отказом от политики либеральных рыночных реформ.

Хочу подчеркнуть, речь идет не об оценке, хорошо это или плохо, только о констатации факта. Прежде чем делать оценки, надо посмотреть, как ложатся эти события в контекст общих закономерностей перехода к рыночной экономике и развития страны.

Цель реформ — эффективная экономика

Вернемся еще раз к трем исходным постулатам.

Первый. Необходимость рыночных реформ в России по существу не вызывает возражений ни у кого, разве что у левых экстремистов. Вопрос, однако, в том, что видеть в качестве конечной цели этих реформ: какую-нибудь рыночную экономику либо экономику эффективную? Ответ, казалось бы, очевиден. Тем не менее в процессе перехода всякий раз возникает желание остановиться, прекратить болезненные преобразования, не наступать больше никому на мозоли сегодня ради того, чтобы кто-то послезавтра вкусил плоды процветания. Если так, то уже можно остановиться, ибо какая-никакая рыночная экономика в России уже есть.

Но если речь идет об эффективной рыночной экономике, способной давать результаты аналогичные тому, что мы видим в США, Европе, Японии, то должен быть выполнен комплекс условий, хорошо известных по опыту этих и иных стран. В их числе:

- преобладание частной собственности включая землю; на ее долю должно приходиться не менее 80–85% национального имущества и ВВП;

- надежная защита прав собственности, хозяйственных партнеров, инвесторов, кредиторов; эффективное законодательство и авторитетная судебная система. Низкие транзакционные издержки;

- сильно конкурентная среда, свободный вход на рынки. Конкурентоспособная продукция.

Монопольный сектор, включая естественные монополии, занимает не более 10–15% ВВП;

- открытая экономика, импортные тарифы на уровне 3–5%. Устойчивый платежный баланс, опирающийся на сильный экспорт;

— эффективная система социальной защиты, построенная на принципе разделения ответственности между государством, работодателями и гражданами. Доля граждан в финансировании системы социальной защиты — примерно 50%;

— накопительная пенсионная система, развитая система частного страхования, в том числе медицинского;

— сильная банковская система, наличие развитых финансово-инвестиционных институтов, обеспечивающих мобилизацию и перераспределение капиталов в сферы наиболее эффективного приложения;

— сильное, но небольшое государство. Оно обеспечивает выработку и неукоснительное соблюдение законов: правовое государство, законопослушные граждане.

Государство также обеспечивает стабильность национальной валюты и сбалансированность бюджета. Доля государственных расходов — не более 30–35% ВВП, а в период, когда необходимы высокие темпы экономического роста — 25% ВВП;

— гражданское общество: высокая ответственность граждан за состояние общественных дел и демократических институтов, развитое местное самоуправление.

Свобода, права человека, равенство возможностей — вот те основные ценности, на которых зиждется общество, в котором стоит жить, ради которых стоит трудиться и переносить трудности.

Мы ушли от общества, которое во многих отношениях было противоположностью этого идеала, и уже прошли определенную часть пути к нему. Но нетрудно заметить, что мы еще довольно далеки от выполнения указанных условий, и, стало быть, чтобы создать в России эффективную рыночную экономику, нужно продолжать преобразования.

Более того, если Европа, сталкиваясь с проблемой чрезмерно большого государства и высоких социальных расходов, еще может ждать, то для России преобразования — жизненная нужда, важнейший фактор преодоления затяжного кризиса.

Закономерности структурной перестройки

Второй постулат. Неизбежность в переходный период спада производства и снижения уровня жизни обусловлена прежде всего тем, что производственная структура, созданная в плановом хозяйстве, не годится для рыночной экономики. Она производит, кроме некоторых исключений, продукцию низкого качества, с высокими издержками, бедную по ассортименту. Предприятия строились крупные, способные реализовать основной источник эффективности при социализме — экономию на масштабе производства, но негибкие, ориентированные не на рынок, а на минимизацию внешних связей: все свое.

При переходе к рыночным отношениям при жестких бюджетных ограничениях, без опеки государства, после открытия экономики, большая часть старых производственных структур, особенно в обрабатывающей промышленности, приходит в упадок, обуславливая общий спад производства. Нередко в закры-

той экономике эти структуры были рентабельны. В новых условиях они производят отрицательную добавленную стоимость, выживая какое-то время за счет субсидий государства, регионов, естественных монополий, долгов другим предприятиям.

Одновременно благодаря экономической свободе возникает новый, более эффективный рыночный сектор экономики. Это и новые предприятия, и старые, подвергнутые приватизации и нашедшие эффективных собственников, прошедшие реструктуризацию. Главное то, что они оказываются конкурентоспособны в новых условиях, осуществляют экспансию на рынках, наращивают производство, производят положительную добавленную стоимость. В известном смысле содержание переходного периода в плане динамики производства схематично можно представить в виде рис. 1.

Я уже приводил этот график в своих предыдущих работах и использую его снова для объяснения новых явлений.

Посмотрим, как отражается на этом графике та или иная экономическая политика.

На рис. 2 показан случай политики шоковой терапии, которая состоит не только в жесткой финансовой стабилизации, но также в быстрой приватизации, максимальной либерализации, массовых банкротствах несостоятельных предприятий.

В этом случае спад может оказаться очень глубоким, вызывая массовую безработицу, резкое снижение уровня жизни населения, опасность серьезных социальных конфликтов. Но время спада самое короткое, рост нового рыночного сектора самый быстрый, поскольку он сразу получает доступ к ресурсам старого сектора. Условия для роста и привлечения капитала в стране самые благоприятные.

Переходный период в целом получается коротким, но пережить его труднее всего.

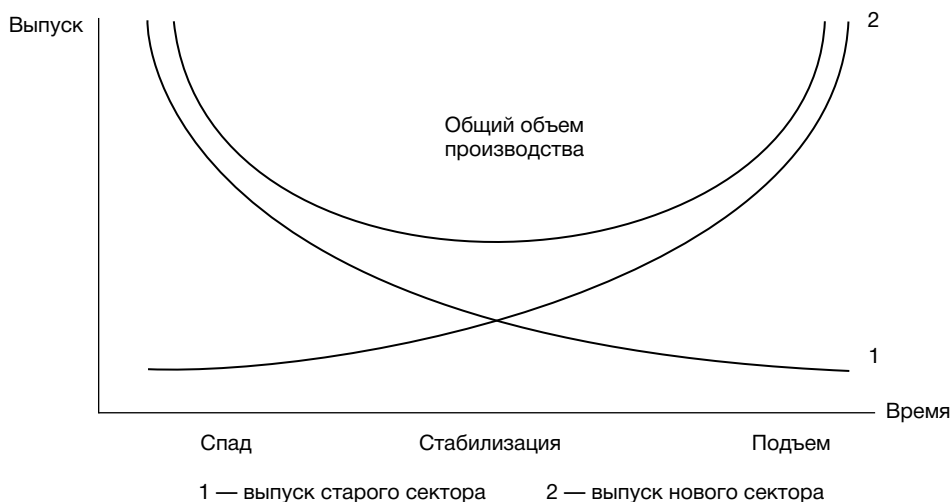

Рис. 1. Динамика производства в переходный период

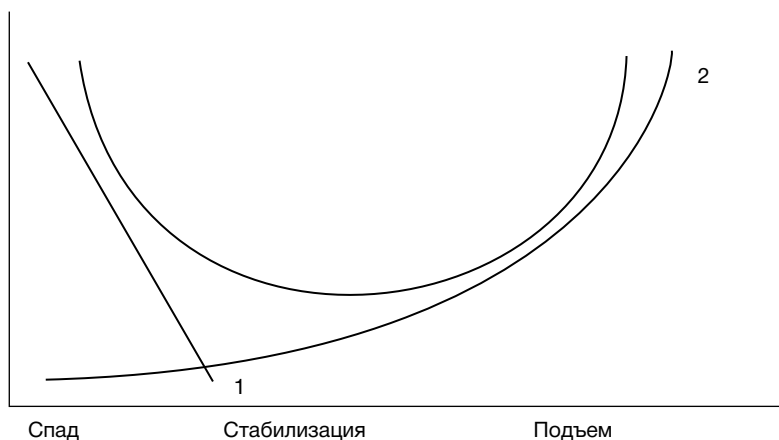

Рис. 2. Шоковая терапия

Другой вариант политики в переходный период — консервативный. Целевая ориентация — смягчить процесс перехода, минимизировать напряжения в каждый данный момент: реформы без шока. Финансовая политика позволяет поддерживать производство ценой более высокой инфляции, смягчением бюджетных ограничений. Влияние этой политики на производство показано на рис. 3.

В случае консервативной политики спад в старом секторе протекает медленней, социальное напряжение размывается. На кривой 1 показаны участки плато, образующиеся в периоды денежных вливаний с целью поддержать производства, естественно достигающихся крупным предприятиям старого сектора, «флагманам» социалистической индустрии. К подъему это привести не может, но на время либо уменьшаются темпы спада, либо он приостанавливается. В это время развитие нового сектора тормозится, он не получает ресурсов, которые могли бы высвободиться. Старый сектор тоже не получает их в достатке, поскольку сокращается их общий объем. Период спада затягивается, утрачивается научно-технический потенциал, сокращаются эффективные мощности вследствие как износа без должного обновления, так и относительного роста

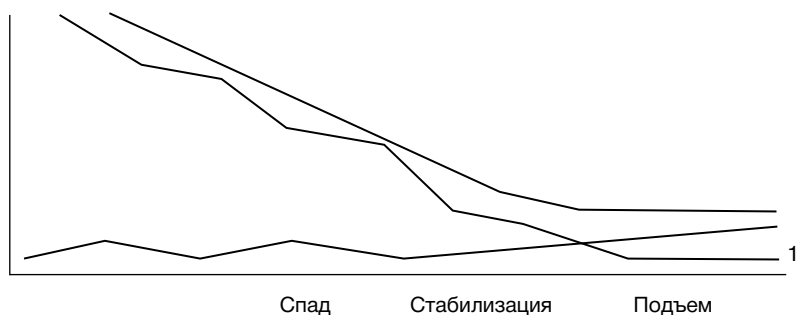

Рис. 3. Консервативная политика

издержек. Накапливается отставание от других стран. Перспективы для подъема после стабилизации оказываются хуже, намного более вероятна длительная депрессия. В целом интегральная величина потерь оказывается много больше, чем в случае быстрых радикальных реформ.

Разумеется, есть оптимальный вариант, лежащий между этими крайностями. Но давайте посмотрим, к какой картинке ближе то, что происходило в России в 1992–1998 гг. Конечно, это рис. 3. Очевидно, что мы не шли не только по линии шоковой терапии, но и по оптимальному варианту, а были очень близко к предельно консервативному и что именно этим вызваны и многие проблемы переходной российской экономики, и нынешнее обострение кризиса.

На Западе большое впечатление в кругах, интересующихся Россией, произвела появившаяся не так давно статья Гадди и Икеса «Стоит ли спасать виртуальную экономику». Авторы отмечают, что российская экономика не только не двигалась к рынку, но даже не маршировала на месте. То, что у нас возникло, они называют виртуальной экономикой. Примерно то же в трудах Экспертного института, было названо специфической адаптационной моделью переходной экономики с большими начальными диспропорциями.

Суть виртуальной экономики демонстрируется на четырехсекторной модели:

- 1) домашнее хозяйство;
- 2) правительство;
- 3) сектор, создающий добавленную стоимость, — близко к нашему рыночному сектору (кривая 2 на рис. 1);
- 4) сектор, уменьшающий добавленную стоимость, — близко к нашему «старому» сектору (кривая 1 на рис. 1).

Вследствие социальной неприемлемости немедленной ликвидации сектора 4 формируется некая адаптационная модель, в которой продукция этого сектора получает фиктивную положительную цену, используемую в бартерном обмене и при исчислении налогов. Реально заплатить работникам и своему поставщику, сектору 3, он не может, но тот соглашается на фиктивную оплату за счет налоговых освобождений и иных суррогатов. Бюджет не получает налогов от 4 вовсе, а от 3 — частично, не финансирует армию и бюджетную сферу, но живет взаимозачетами и т.д. Домашние хозяйства не получают зарплаты.

Знакомая картина. Выскочить из порочного круга можно только устранив источник виртуальности — неэффективные производства сектора 4, сократив до минимума затрачиваемое на этот процесс время. Таково же условие окончательного выхода из кризиса.

Ясно, что любая политика, которая ради социальной ориентации затягивает процесс, на деле наносит больший ущерб, тащит страну в пропасть.

Нет ли какого-либо иного способа поднять производство, чем через рост нового сектора? Есть, но только в очень ограниченных пределах, если понизятся процентные ставки и предприятия получают доступные кредиты на пополнение оборотных средств. И это не альтернатива закрытию неэффективных производств, а дополнение к нему. Процесс наблюдался в 1997 г.

Для некоторых отраслей окно возможностей дает девальвация рубля. Однако эффективных мощностей, позволяющих производить конкурентоспособ-

ную продукцию с приемлемыми издержками, становится все меньше. Нужны инвестиции, а их выгоднее делать в новом секторе или в реструктуризацию предприятий, переводящую их в этот сектор. Поэтому обойти закономерности активизацией промышленной политики в виде государственной помощи Ростсельмашу или АЗЛК вряд ли удастся.

Есть, правда, еще один способ, тень которого нет-нет да и мелькнет в предложениях искателей легких решений: закрыть экономику либо посредством высоких пошлин, квот и лицензий, либо введением госмонополии внешней торговли, поддержать слабых дотациями и субсидиями, увеличить госзаказ и госрасходы, чтобы стимулировать спрос. Это и есть откат. За ним последует государственное регулирование цен, товарный дефицит и rationирование потребления. Белоруссия, кажется, уже попробовала. В терминах предложенной модели переходного процесса, очевидно, что это не выход, а конец.

Новый выбор

Драматизм ситуации состоит в том, что финансовый кризис дал толчок не реформам, не ускорению преобразований, а их новому торможению под флагом смены «обанкротившегося» либерального курса.

Третий постулат. Рост социального недовольства вследствие ухудшения экономического положения, снижения уровня жизни, невыплат зарплаты и пенсий, потерь в науке, образовании, охране здоровья; вследствие также упадка России как великой державы, ущемления национального достоинства, уже привел ранее к протестному голосованию на выборах 1993 и 1995 гг., отдавшему большинство в Думе оппозиции, левым и националистам. Это привело далее к постоянному конфликту между законодательной и исполнительной властью, к противодействию Думы реформам, к всемерному их торможению. По факту эти обстоятельства вместе с давлением вне парламента (шахтеры, учителя) тормозили преобразования, толкали нас к консервативному курсу, который реально проводился, несмотря на присутствие в правительстве либералов-реформаторов.

Сейчас именно Гайдара и Чубайса считают виновными во всем, хотя они-то всегда стремились ускорить реформы. Они, пожалуй, и виноваты, но, может быть, скорее в том, что не отмежевались решительно от консервативной политики, не перешли на позиции критиков, как некоторые другие, сохранившие свое реноме. Они остались в надежде на то, что все же что-то, возможно, удастся сделать. Ельцин на посту президента предоставлял им такие условия, на которые в дальнейшем вряд ли можно будет рассчитывать.

Теперь рост социального недовольства привел и к смене курса. Реформаторов изгнали из правительства.

Да и бог с ними, когда-то это все равно должно было случиться. Реформы и реформаторы надоели, народ хочет, чтобы порадили другие, может быть, у них получится лучше. Неслучайно правительство Е.М. Примакова поддерживают в парламенте, в директорском корпусе. Опросы показывают высокий уровень доверия к новому премьеру и со стороны населения.

Объективно ему приходится действовать в условиях более сложных, чем его предшественникам (пожалуй, кроме Гайдара в 1992 г.). И у него есть основания списать на них все проблемы; сказать, следуя голосу масс, что они, либералы, виноваты во всех бедах. Пусть, если это поможет. В конце концов, не столь важно, что человек говорит, важно, что он делает.

И здесь мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией: чтобы выбраться из кризиса, нужно быть монетаристом больше, чем те, кого сейчас обличают; нужно двигать реформы быстрее, чем это делали реформаторы. А для того чтобы сохранить поддержку парламента и населения и после первых 100 дней, надо бы действовать точно наоборот.

Е.М. Примаков стоит перед ответственным выбором, ему надо будет разрешить это противоречие. Не на словах.

6. Что надо делать

Разумеется, в сложившейся ситуации всех более всего волнует, что надо делать и что нас ожидает. Перспектива, которая чуть более года назад казалась достаточно ясной, затуманилась и помрачнела.

Первый вопрос, что надо было бы делать, чтобы оздоровить экономику и финансы? Вопрос поставим в чисто экономическом плане, оставляя в стороне политические ограничения и состав исполнителей. Рассмотрим отдельно первоочередные и среднесрочные меры.

Первоочередные меры

С учетом сказанного выше первоочередные меры должны состоять в том, чтобы остановить нарастание кризиса, отразить основные угрозы:

- предотвратить инфляцию, не допустить масштабной эмиссии. Для этого составить и утвердить реальный бюджет, лучше максимально консервативный, рассчитанный на худшие условия. Ограничить другие каналы эмиссии, находящиеся в руках ЦБ;

- предпринять максимум усилий для улучшения сбора налогов. Это — ключевая проблема;

- восстановить функционирование банковской системы, прежде всего прохождение платежей;

- как можно быстрее начать и настойчиво вести переговоры о реструктуризации внешнего долга, наладить взаимопонимание с МВФ, предложить приемлемую для Фонда экономическую программу, исключив из нее меры, которые он считает неверными, тем более что чаще всего они действительно оказываются неверны;

- осуществить меры по дополнительной социальной поддержке граждан, попавших в трудное положение в связи с кризисом. Главные проблемы в связи с этим — падение реальных доходов и увеличение бедности, невыплаты зарплаты и пенсий, нехватка топлива на электростанциях в северных районах и отсут-

ствие тепла в домах. Если усилится инфляция, эти проблемы могут обостриться. Нужна, по крайней мере, система мониторинга, упреждающего появление очагов социального бедствия. Возможно, сейчас подходящее время, чтобы ввести адресное пособие по бедности взамен многочисленных льгот для конкретных категорий граждан.

Правительство в первые месяцы своей деятельности, в общем, занималось в основном указанными первоочередными делами, хотя и потратило какое-то время на осознание их приоритетности.

Однако очевидных успехов пока нет ни на одном из направлений.

Среднесрочная программа

Что касается среднесрочной перспективы, хотя бы на 2–3 года, опять же в экономическом плане, отвлекаясь от влияния предстоящих выборов и сопутствующих им политических кампаний, речь должна идти о мерах, соответствующих новому, с коррекцией на последствия 17 августа, пониманию глубины кризиса и масштаба вызова, перед которым сегодня стоит страна.

Цель среднесрочной программы — остановить кризис, устранить его причины, возобновить экономический рост. Для этого надо как можно быстрее снова добиться финансовой стабилизации, но уже на здоровой основе, снизить процентные ставки для конечных заемщиков до уровня не более 20–25% годовых. Это основная предпосылка оживления экономики, развязки неплатежей, повышения уровня монетизации. Это своего рода промежуточный результат, стартовая площадка, без которой подъем не получится, как бы нам того не хотелось.

Основные направления действий для достижения этой цели следующие.

1. Прежде всего необходимо преодоление бюджетного кризиса. Ни занимать, как прежде, ни печатать деньги мы не можем. Более того, чтобы восстановить доверие кредиторов и иметь возможность прибегать к заимствованиям в будущем, а без этого развитие российской экономики невозможно, на этот счет не может быть двух мнений — в течение не менее трех предстоящих лет федеральный бюджет должен сводиться с первичным профицитом в 2,5–3% ВВП, чтобы все убедились: правительство всерьез намерено отдавать долги. И это рамочное условие, не подлежащее обсуждению. Уход от него сделает поставленную цель недостижимой на длительный период.

Прежде брали займы легко, теперь отдавать придется тяжело. И это главный упрек предыдущим правительствам.

Если даже удастся добиться реструктуризации внешнего долга так, чтобы ежегодные платежи составляли не более 7–9 млрд долл., все равно это слишком тяжелая нагрузка для истощенной экономики.

Отсюда следует, что ни существенное сокращение налогового бремени, ни активная промышленная политика, опирающаяся на государственные инвестиции, в этот период невозможны.

2. Искключительной важности задача — снова и снова сбор налогов. Первичный профицит бюджета на указанном уровне возможен, если налоговые и прочие его доходы составят не меньше 12–13% ВВП. В этой величине нет ничего невозможного, столько мы собирали в 1995–1996 гг., правда, с учетом КО, КНО и прочих взаимозачетов. Однако ныне эти цифры выглядят чересчур опти-

мистичными. На 1999 г. запланировано 11,8%, а специалисты предсказывают 9,4–9,7%.

Тем не менее резервы есть, только они лежат не в плоскости повышения ставок налогов или введения новых, типа экспортных пошлин, не в увеличении бремени предприятий, а в переносе нагрузки на потребление и на налоговое администрирование.

По расчетам Бюро экономического анализа, в 1997 г. налогооблагаемая база одного подоходного налога реально составляла 175 млрд руб., тогда как ГНС ее оценивала в 95 млрд, по сумме начисленной зарплаты. Уплачено подоходного налога — 75 млрд и ГНС может отчитаться о высокой собираемости, $75 : 95 = 79\%$. На самом деле недоимки составили 100 млрд руб., из них 68 млрд недоплачено самыми состоятельными гражданами, двумя верхними децилями распределения по доходам. И это только один налог.

В нефтяной промышленности почти вся тяжесть обложения приходится на добывающие и перерабатывающие предприятия. Последние работают в значительной части на давальческом сырье и налогов платят мало. А посредники, трейдеры, практически и вовсе не платят. На внутреннем рынке сырой нефти фактически применяются трансфертные цены вертикально интегрированных компаний, поэтому резко заниженные. Соответственно занижаются и налоги. Примеры можно продолжить.

3. Сокращение государственных расходов. Хотя они уже урезаны, казалось бы, донельзя, придется резать дальше, чтобы выйти на критические показатели первичного профицита. Особенно если не удастся поднять сбор налогов.

Дело идет не только о сокращении фактического финансирования, но и о снижении обязательств государства, сохранение которых обуславливает рост долгов бюджета. Если фактические расходы федерального бюджета в 1998 г. составят примерно 14% ВВП, то обязательства — около 25%. В их числе идущие еще от советской эпохи, но также принятые бывшим Верховным Советом РСФСР и Государственной думой в пику негуманным реформаторам, включая индексацию зарплаты бюджетников, детские пособия, выплаты офицерам при увольнении в запас или отставку и т.д. Кроме того, долги бесчисленных бюджетных организаций по оплате топлива, энергии и т.п.

Если же брать бюджет расширенного правительства, включая территориальные бюджеты и внебюджетные социальные фонды, то общий объем обязательств государства составит примерно 45–50%, что абсолютно непосильно сейчас для российской экономики, да и для процветающей германской тоже, как сейчас признано, слишком много: канцлер Г. Коль намерен был к 2000 г. сократить госрасходы ФРГ с 50 до 46%

Наличие таких обязательств, даже если они не выполняются, порождает неплатежи и подрывает авторитет государства. Здесь мы как раз видим, что чем больше государство, тем оно слабее.

Когда заходит речь о снижении налогов, то вперед надо говорить о снижении обязательств государства.

Однако сокращение государственных расходов, если резать по живому, без соответствующих изменившимся условиям структурных реформ, будет крайне болезненным. Например, просто снизить абсолютный размер всех пенсий без пересмотра пенсионного возраста, без перехода на новые условия формирова-

ния профессиональных пенсии, без перехода на накопительную систему с персональными пенсионными счетами, такой шаг — просто жестокость.

4. Реформы. Поэтому сокращение государственных расходов и обязательств должно сопровождаться осуществлением комплекса реформ, прежде всего в социальной сфере.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть: эти реформы не блажь реформаторов, желающих реформировать ради самого процесса реформирования. Не будет реформ, сокращение расходов все равно произойдет, но в самой болезненной форме, через провалы, беды и социальные конфликты, через подрыв государства. Реформы — это ныне вынужденная необходимость, способ ввести неизбежные изменения в приемлемое, контролируемое русло, минимизировать потери и создать предпосылки для будущего развития, для будущих конкурентных преимуществ российской экономики.

В их числе:

- военная реформа;
- реформа жилищно-коммунального хозяйства;
- пенсионная реформа;
- реформа системы социальной защиты (переход к пособиям по нуждаемости);
- реформы в образовании и здравоохранении.

5. К этим реформам в социальной сфере, прямо ведущим к сокращению обязательств государства, необходимо добавить реформы, призванные обеспечить структурную перестройку и повышение эффективности экономики:

- реформу трудовых отношений с целью легализации реального рынка труда и создания действенных правовых механизмов защиты прав трудящихся;
- реформы в отраслях естественных монополий;
- реформу предприятий, т.е. их реструктуризацию с целью либо обеспечения их конкурентоспособности и перехода в новый рыночный сектор, либо ликвидации;
- реструктуризацию банковской системы;

Особо хочу подчеркнуть роль реформы предприятий. Она должна создать существенно более благоприятный климат для бизнеса и инвестиций. И здесь главная роль принадлежит государству.

Вторая линия — повышение уровня корпоративного управления, в центре которого — отношения управляющих и собственников (акционеров). Итогом должно стать доминирование эффективных собственников, повышение качества управления, основной слабости нынешних российских компаний; закрытие неэффективных производств, активизация структурной перестройки.

Короче говоря, необходимо осуществить реформы, предусмотренные в программах правительств Черномырдина и Кириенко.

Конечно, их можно и не делать или же так изменить содержание, чтобы фактически ничего не делать. Но тогда, надо это хорошо понимать, Россию ждет либо крах, либо длительное прозябание в бедности, на третьих ролях.

6. Перестройка системы межбюджетных отношений с целью укрепления финансовых основ Федерации и повышения заинтересованности регионов в сокращении федеральных трансфертов и повышении эффективности использования бюджетных средств, в продвижении рыночных реформ.

7. Бескомпромиссная борьба с преступностью, перевод в легальное русло большей части теневой экономики.

Надо прямо признать, что предыдущие правительства, другие ветви власти, делали на этом направлении постыдно мало. Можно искать объяснения распространению этих опасных явлений в особенностях переходного периода, в слабости государства, которое старается соблюдать демократические нормы. Но оправдания нет, ибо полно доказательств срачивания интересов представителей власти, бизнеса и криминальных кругов, пренебрежения ради этих интересов законами и интересами общества.

Хотелось бы надеяться, что новое правительство, свободное от многих связей деятелей прошлых правительств, сможет серьезно продвинуться на этом направлении.

Таковы мои семь главных дел на среднесрочную перспективу. Нетрудно видеть, что эта программа — курс на реформы, не только на их продолжение, но и на более энергичное и последовательное их проведение. Повторю: это по-крупному то, что надо делать исходя из чисто экономических соображений, чтобы как можно скорее преодолеть кризис и создать основы будущего процветания страны.

7. Что будет

Другое дело, что будет на самом деле. Что придется делать и что не удастся сделать в силу объективных социальных, политических и иных ограничений. И что намерено делать нынешнее правительство в свете понимания им ситуации, т.е. нужно учесть влияние и субъективного фактора.

Объективные факторы

Нельзя не видеть те позитивные обстоятельства, которые благоприятствуют сегодня продвижению реформ.

Во-первых, нынешнее правительство не несет ответственности за то, что было в последние 7 лет. Оно вправе вновь говорить о доставшемся ему тяжелом наследстве и необходимом времени на то, чтобы разгрести завалы. При этом совершенно неважно, насколько эта позиция соответствует действительности. Важно, что общество ее охотно воспринимает.

Во-вторых, впервые за 7 лет правительство может рассчитывать на поддержку парламентского большинства. Есть известные предпосылки, хотя и не слишком надежные, для достижения согласия основных политических сил по поводу жестких мер, необходимых для выхода из кризиса. Во всяком случае, если коммунисты готовы проголосовать за профицитный бюджет, то это знак надежды для страны, кстати, определенно разоблачающий КПРФ.

Значит до сих пор, разглагольствуя о народных интересах, они сознательно наносили ущерб стране, лишь бы навредить «антинародному режиму». Действовали по принципу «чем хуже, тем лучше». Для них.

Тем не менее смена их отношения к «своему» правительству и готовность поддерживать предлагаемые им непопулярные меры для России полезны.

В-третьих, как отмечалось, девальвация рубля создала известное окно возможностей для ряда отраслей российской экономики. Если их активно использовать, то в течение обозримого периода можно добиться стабилизации или даже некоторого роста производства.

В-четвертых, нет худа без добра: сама острота ситуации, бо́льшая чем когда бы то ни было ранее, будет толкать власти на решительные и консолидированные действия. То, что не удалось «монетаристам» (профицитный бюджет), может быть осуществлено их недавними оппонентами. Преступность и коррупция настолько обнаглели, что власти, загнанные в угол, вынуждены перейти в наступление.

В то же время негативные социальные и политические ограничения не будут давать правительству делать то, что надо, даже если бы оно хотело.

Низкий уровень жизни значительной части населения, глубокая дифференциация по доходам и материальной обеспеченности станут препятствовать реформированию социальной сферы, точнее — всем мерам, которые будут задевать интересы хотя бы какой-то социальной группы. Север, нужда в переселении, города-предприятия — это ограничения для активизации структурной политики с точки зрения свертывания неэффективных производств.

Узкое поле маневра в макроэкономической политике: увеличение денежной массы — инфляция и падение рубля; сжатие ее — рост неплатежей, натурализация экономики, снижение собираемости налогов.

Наконец, в близкой перспективе нас ждут парламентские и президентские выборы, которые уже сейчас дестабилизируют политическую обстановку. В этих условиях поддержка правительства со стороны думского большинства не безгранична: когда речь пойдет о непопулярных мерах в преддверии выборов, депутаты могут вспомнить рефлексы противостояния всему что надо, но им невыгодно.

Субъективные факторы: исправление ошибок

Теперь о субъективных факторах. Новое правительство, во всяком случае, его ключевые члены и их доверенные советники, пришли во власть, чтобы реализовать выношенные в оппозиции идеи. Ю.Д. Маслюков сказал: «Мы пришли не мстить, а исправлять ошибки». Отлично! Какие именно?

Мы их уже упоминали выше:

— монетаризм, т.е. борьба с инфляцией посредством ограничения денежной массы;

— преуменьшение роли государства, расчет на то, что рыночные силы сами по себе могут привести экономику к подъему. Иными словами, по крайней мере отчасти, отвергается либерализация, включая открытие экономики;

— приватизация «по Чубайсу», т.е. задаром и быстро.

Во всяком случае, эти «вины» все время вменяются реформаторам. В начале доклада под рубрикой «Доводы оппонентов» именно этими «ошибками» объяснялся нынешний кризис.

Отсюда следовали ожидания, что правительство, намеренное исправлять ошибки, будет:

— во-первых, осуществлять эмиссию в крупных масштабах, дабы преодолеть монетаристские заблуждения предшественников и повысить монетизацию экономики;

— во-вторых, повышать роль государства в регулировании экономики, в том числе посредством административных мер типа замораживания цен, нормирования рентабельности и т.п., обычно вызывающих каскад негативных последствий, однако тем самым исправлять «ошибки либерализации»;

— в-третьих, исправлять ошибки приватизации, осуществляя национализацию «неправильно» приватизированных компаний или установление контроля над ними иными методами.

Такие действия были бы прямо направлены против реформ, представляли бы собой откат и поэтому, учитывая присутствие в правительстве левых, вызвали превентивную критику в прессе в период, когда правительство еще ничего не сделало, а еще только поручило «новым людям» писать проекты программных текстов.

На самом деле по прошествии 100 дней стало ясно, что пока такого разворота событий нет. Правительство определенно эволюционирует в своих взглядах. Эмиссия началась. При утверждении поправок к бюджету — 98 правительство использовало «форточку», оставленную в законодательстве, и получило разрешение на покрытие бюджетных расходов за счет продажи ЦБ нерыночных облигаций. Кроме того, ЦБ поддерживал отдельные коммерческие банки и покупал валюту. Епитимья, которую наложило на себя правительство с 1995 г., таким образом, была снята.

Но денежные власти прониклись все же спасительной мыслью о том, что новая волна инфляции означала бы страшный удар по слабой российской экономике и их собственное поражение. Поэтому они проявляют сдержанность и не исключено, что масштабы роста цен в 1999 г. не превысят критических значений.

Бюджет — 99 представлен с первичным профицитом и имеет шанс быть принятым, о чем Черномырдин и Кириенко могли только мечтать. Правда, в нем заложены сомнительные предположения о кредитах МВФ, реструктуризации внешнего долга и увеличении собираемости налогов, но ясно одно: новое правительство вынуждено проводить жесткую монетаристскую политику.

Е.М. Примаков успокоил сторонников рыночных реформ в России, что национализации не будет, хотя возможно придется рассмотреть отдельные случаи незаконной приватизации. Напротив, продано 2,5% акций Газпрома.

Область, в которой правительство Примакова еще продолжает попытки уйти от политики предшественников, — это повышение роли государства, и прежде всего использование его возможностей, для организации подъема производства.

В этой области есть меры, которые абсолютно необходимы и будут поддержаны любым здравомыслящим человеком. Слабость институтов государственной власти в современной России — очевидная и хроническая проблема. Не было ни одной правительственной программы начиная с 1993 г., где бы задача укрепления государства ни ставилась. Другое дело, что достижений было мало. Если бы нынешнее правительство добилось реальных сдвигов в деле укрепления авторитета закона и правопорядка, в борьбе с преступностью и коррупцией — ему никто от-

крыто не посмел бы возразить. Я готов поддержать большинство мер, предложенных правительством в части усиления таможенного и валютного контроля.

Но есть меры по повышению роли государства административного порядка, посредством которых правительство намерено преодолеть провалы рынка. А вот здесь нужна осторожность.

Замысел, который хочет реализовать правительство, состоит в том, чтобы стимулировать рост производства посредством:

1) снижения налогов на производство, в том числе НДС и на прибыль;

2) активизации промышленной политики, увеличения инвестиций в реальную сферу посредством создания специальных государственных институтов, мобилирующих ресурсы на нужды развития экономики.

Налоговая реформа по Боосу

Что касается снижения налогов, то эта идея не нова и имеет весьма широкую поддержку. Оно предусматривалось проектом Налогового кодекса, внесенного Черномырдиным, а также антикризисной программой Кириенко. В последней для облегчения финансового бремени предприятий реальной сферы планировались также меры по сокращению перекрестного субсидирования и по снижению цен и тарифов в отраслях естественных монополий, которые могли составить в среднем 15–20%. Это было бы более ощутимо, чем даже снижение НДС на 10%.

Логика налоговой реформы, предложенной Г.В. Боосом и поддержанной Ю.Д. Маслюковым, такова. Налоги все равно собираются на 50–60%, обуславливая лишь рост недоимок бюджета. Если сократить их вдвое, то собираемость возрастет, а положение предприятий облегчится, и они смогут высвободившиеся средства направить на инвестиции. Самый «плохой» налог — НДС, поскольку положенный возврат средств, уплаченных в ценах на ранее уже обложенные НДС сырье и материалы, происходит не сразу, отвлекая оборотные средства. Поэтому прежде всего надо снизить НДС.

Обещания Бооса: да, первое время сбор налогов может снизиться, надо найти способ заложить «яму». Но затем, уже через полгода, начнется рост производства. Появятся дополнительные доходы, и потери бюджета будут перекрыты.

К сожалению, здесь что ни утверждение, то заблуждение. Ему легко поддаться, потому что хочется поверить в давно ожидаемый результат. Даже либералам, ибо снижение налогов всегда написано на их знамени.

Пойдем по порядку.

Если налоги собираются на 50%, то снижение ставок само по себе не приводит к повышению собираемости. Напротив: кто платит, будет платить меньше, кто не платит, платить не начнет. А если вы намерены укреплять налоговую дисциплину, то с этого и начните. Докажите, что способны добиться сдвигов. Тогда и решать бы.

Логическое противоречие: если налоги не платятся потому, что велико налоговое бремя, а вы, сократив ставки, намерены повысить эквивалентно собираемость налогов, то в чем будет облегчение налогового бремени? Ведь ожидают, что в итоге денег в бюджет поступит не меньше, а больше.

Да, говорят, но производство возрастет, увеличится налогооблагаемая база и ту же сумму налогов заплатить будет легче. Извините, но кто доказал, что налоги — главное препятствие для повышения производства? Не низкий спрос, не отсутствие доступного кредита, не неумение делать конкурентоспособную продукцию и завоевывать рынки, а именно налоги? Доказать это невозможно, но доказывать легче. Потому что здесь всего один субъект, который потеряет — государство, а на его стороне так мало защитников. Один Минфин да пара незоружившихся монетаристов.

А они говорят: если хотите сократить налоги — вперед, сокращайте обязательства государства, сокращайте расходы. А если не можете, если по уши влезли в долги и стоите на пороге государственного банкротства, то впору налоги не сокращать, а повышать, на что и пошло всеми осуждаемое правительство Кириенко.

Самый «плохой» налог — НДС. Ибо его приходится платить, от него труднее отвертеться. Кроме того, он оберегает бюджет от потерь в период инфляции, а ее угроза пока не исчезла; напротив, возрастает.

Напомню, НДС был введен в 1992 г., когда после либерализации цен ожидали высокую инфляцию и хотели предупредить известный эффект Оливейры — Танзи, когда расходы бюджета растут быстрее доходов. Теперь сходная ситуация.

Отвлекаются оборотные средства, так как есть возврат? Неверно! Отвлекаются, так как нет возврата. Государство не вернуло положенных сумм возврата на 15 млрд руб. Это половина ожидаемого эффекта для предприятий от снижения ставки. Верните! Не можете?

Нет денег, это верно. Но разве это не антигосударственная логика: если я не могу дать деньги, то снижу налог, т.е. отдам их источник?

По просьбе коллег подчеркиваю: я за снижение налогов. Других. Но НДС должен быть «священной коровой», это главная опора бюджета. Подрывать ее в период острейшего бюджетного кризиса — диверсия. Снижение ставки НДС даже на 5% — первая реальная стратегическая ошибка правительства Примакова.

В 1999 г. будет не то, что обещает Боос, а «непредвиденное» сокращение доходов бюджета, и немаленькое, которое можно будет закрыть только масштабными недофинансированием и/или эмиссией.

Промышленная политика

Для обеспечения подъема производства и стимулирования инвестиций в реальную сферу правительство запланировало ряд мер (упоминаю только принципиально важные).

1. Освободить от налога на прибыль все средства, направляемые на инвестиции. Одновременно усилить государственный контроль за использованием средств, выводимых из-под налогообложения.

2. Отделение бюджета развития от текущего бюджета. Создание для его реализации Российского банка развития, возможно, на базе ряда банков с государственным участием.

3. Участие государства в гарантировании и страховании инвестиционных рисков. С этой целью предусмотрено создание специального Агентства по гарантиям и страхованию инвестиций от некоммерческих рисков.

В предшествующих версиях правительственной программы были и иные меры, в том числе по амортизационной политике, по поддержке предприятий, которые весьма показательны для взглядов ее составителей в духе «исправления ошибок». Однако в итоге они были исключены, и поэтому мы не станем их обсуждать. Хотя кто знает, в программе не предусмотрено, а постановление соответствующее инициативные авторы уже могут готовить.

Обсудим перечисленные меры. Идея освобождения от налога на прибыль всех инвестиционных расходов из прибыли не нова. Ее применяют в других странах. Надо, однако, оценить своевременность ее использования сейчас и у нас.

Напомню, сейчас на инвестиции используется менее половины амортизационных отчислений, прежде всего по причине недостатка оборотного капитала. Нормы амортизационных отчислений серьезно повышены. Стало быть, сокращение инвестиций происходит не из-за чрезмерного обложения прибыли или недостатка льгот, а из-за недостатка финансовых ресурсов вообще и особенно из-за высоких рисков, неопределенности прав собственности и т.п. Я уже не говорю о том, что сегодня амортизация и прибыль большей частью счетные категории, не воплощаемые в живых деньгах. Иначе говоря, факторы, препятствующие инвестициям, лежат в совершенно иной плоскости, и дополнительная льгота делу не поможет, а только создаст еще один канал для увода денег из-под налогообложения. Неслучайно упоминание в программе задачи усиления государственного контроля. Чем дело кончится, известно заранее.

А вот планка предельной эффективности вложений будет понижена, тогда как на деле мы сегодня заинтересованы не столько в объемах, сколько в эффективности инвестиций.

Бюджет развития — также идея не новая и в принципе правильная. Лично я убежден в том, что в период структурной перестройки государство обязано способствовать формированию передовой структуры производства, характерной для развитых индустриальных стран. Однако и прежде формирование бюджета развития упиралось в отсутствие ресурсов, а сейчас это обстоятельство будет ощущаться еще сильнее.

Аналогичные институты уже были созданы ранее. Напомню, ГОСИНКОР задумывался как государственная компания по страхованию инвестиций; Российская финансовая корпорация — для мобилизации ресурсов под инвестиционные проекты. Есть еще Росэксимбанк и Росэксимгарантия. Ни одна из этих организаций не отличилась ничем, кроме, пожалуй, одного: она «пристроила» группы заинтересованных лиц. И их даже нельзя винить, поскольку ресурсов больше, чем на это, им их учредитель не дал. Поэтому своих, так сказать, уставных функций они выполнять не могут.

Напомню, есть также Российский банк реконструкции и развития (РБРР), задуманный точно для тех же целей, что сегодня Банк развития. Из-за отсутствия денег у государства к его созданию привлекли частный капитал. Сейчас это частный банк, из которого государство практически выкинули.

Есть ли основания полагать, что у вновь создаваемых институтов будет иная судьба? Боюсь, что нет. Их время, видимо, еще не пришло.

Впрочем, исподволь в нынешних правительственных кругах вынашивается «конструктивная» идея: если уж решили печатать деньги, то надо отдать их напрямую в бюджет развития, на высокоэффективные инвестиционные проекты.

Проекты скоро начнут окупаться, и под пустые вначале деньги будет подведено материальное обеспечение. При этом ссылаются на Кейнса и на позитивный опыт рузвельтовского Нового курса после Великой депрессии.

На самом деле экономическая теория не отрицает того, что увеличение денежного предложения может привести к росту выпуска, но утверждает, что всегда эффект будет делиться между ростом выпуска и цен. Только с низкой вероятностью и на время эмиссия, куда бы она ни направлялась, приводит к росту выпуска, но почти всегда — к пропорциональному росту цен.

В данном случае до того, как появится доход от инвестиций, хоть самых эффективных, деньги сразу будут потрачены на зарплату, материалы и т.п., вызывая рост цен, если в экономике сильны инфляционные ожидания. На завершение проектов уже понадобится больше денег.

Далее, эффективность проектов — сильное допущение. Качество проектов сомнительно. Если брать по эффективности, то лучше всего вкладывать в прирост оборотных средств на предприятиях со свободными и эффективными мощностями. Но это сфера кредита. Это как бы не те инвестиции, от них ожидаются технологические сдвиги, новые мощности. Значит, сроки придется увеличить, и инфляционный эффект усилится.

Наконец, раз государственные средства, то начиная от истоков и на всех этапах их движения появляются люди, желающие хотя бы тонкую струйку отвести от основного потока в свой карман. Уверения, что «сам министр лично будет контролировать» и т.п. не должны восприниматься всерьез, таков, по крайней мере, наш опыт 1992–1994 гг., к которому сейчас кое-кто призывает вернуться.

Поэтому вероятнее всего инфляцию получим, воровство тоже, а позитивный эффект — нет.

В каком отношении действительно необходима и возможна активизация промышленной политики, так это в усилении процесса выведения старых мощностей, неэффективных производств, в интенсификации процесса банкротств. Но как раз это вряд ли будут делать. Во всяком случае, отмена постановления Кириенко об ускоренной процедуре банкротства было одним из первых решений нового правительства.

Тезисы о поддержке крупных предприятий были изъяты из государственной программы, кажется, только под давлением МВФ. И это еще вовсе не значит, что отказались от соответствующей политики. То, что нынешнее правительство более прежнего подвержено отраслевому лоббированию, кажется очевидным. Во всяком случае, об этом свидетельствует и списание 25 млрд долга АПК, и принятый бесконкурсный порядок распределения «гуманитарного» продовольствия из США, и, судя по прессе (Сегодня, 26 декабря 1998 г.), подготавливаемый отказ от конкурсного распределения индийского долга. Это только по ведомству Г.В. Кулика. Не случилось бы так, что именно в этом и будет заключаться «промышленная политика», огромными усилиями преодолевавшаяся в 1995–1997 гг.

Реформы

И с высокой степенью уверенности можно утверждать, что правительство Е.М. Примакова не будет проводить никаких реформ, упоминавшихся выше,

связанных так или иначе с ростом напряжения, с необходимостью преодолевать сопротивление.

Парадокс текущего момента. До сих пор правительства, считавшиеся реформаторскими, на самом деле реализовали крайне консервативную политику. Теперь для выхода из кризиса от правительства умеренных консерваторов гораздо настоятельнее требуется проводить более жесткую монетарную политику и ускорять структурные реформы, наверстывать упущенное. Вряд ли оно станет это делать.

Легко понять почему: усталость большинства населения, непопулярность реформ; силы, поддерживающие правительство, всегда выступали против реформ; время до новых президентских выборов — время политической неопределенности, когда важнее сохранить стабильность, а не будоражить вновь людей. Увы, это так, хотя жаль, что еще минимум 2 года Россия вновь потеряет. И дорого заплатит за это.

Подведем итог. От нынешнего правительства не следует ожидать резких движений. Отката реформ не будет, продвижения — тоже. Финансовая и денежная политика будут жесткими. Снижение налогов — самый решительный шаг правительства, — вероятнее всего закончится неудачей с тяжелыми последствиями для бюджета. Промышленная политика будет, видимо, декларироваться, но не проводиться на деле, просто из-за отсутствия денег.

8. Поражение или отступление?

Теперь вернемся к вопросу в заголовке доклада.

Можно ли говорить о поражении российских рыночных реформ в итоге августовского кризиса? Если понимать поражение в терминах отката назад, реставрации командной системы, то нельзя. Именно сейчас реформы проходят испытание на прочность. И пока, если судить по тому, как пришедшие к власти оппоненты намерены исправлять ошибки реформаторов, важнейшие достижения реформ — либерализация и приватизация — испытание выдерживают.

Но финансовая стабилизация сорвана. Поражение потерпела консервативная политика, стремящаяся откладывать на потом решение острых проблем, готовая ради этого залезать в долги. Это поражение и реформаторов, мирившихся с этой политикой и тем самым разделивших ответственность за нее.

В целом же для российских реформ последний кризис — отступление, или, может быть, точнее, остановка, пауза. Она очень опасна, поскольку может затянуться на 10–15 лет, в течение которых страна будет находиться в промежуточном, переходном состоянии, лишенная сильных импульсов развития. Но эта пауза, видимо, стала неизбежной. Она, по крайней мере, позволит зафиксировать результат: ослабленная, ободранная Россия вырвалась из западни планово-распределительной системы, и обратно туда ее уже не загонишь.

Начинается новый этап борьбы. Борьба за преобразования, способные создать в России эффективную рыночную экономику и социальную базу демокра-

тии. Теперь это действительно борьба, поскольку сторонники этих преобразований теперь оказались в оппозиции и вынуждены начинать почти с нуля.

Я закончу доклад кратким политико-экономическим прогнозом.

1. «Оптимистический» сценарий. Предположим невероятное, и сторонники реформ вновь вошли в правительство. Преодолевая сопротивление, они делают то, что надо делать с чисто экономической точки зрения.

Тогда мы получаем сравнительно низкую инфляцию, стабилизацию или даже небольшой рост производства, но наряду с ним — усиление социального напряжения и почти наверняка крупную победу левых и национал-патриотов на парламентских и президентских выборах с последующей мрачной перспективой новых социальных экспериментов над Россией.

Так что этот сценарий вряд ли можно считать на деле оптимистическим. Слава богу, его вероятность практически равна нулю.

2. «Пессимистический» сценарий. Нынешнее правительство пытается справиться с нарастающими угрозами методом исправления ошибок, корректировки реформ, усилением их социальной направленности.

Тогда мы получаем высокую инфляцию, сначала оживление, а затем более глубокий спад производства, еще большую натурализацию хозяйства, серьезное снижение уровня жизни и рост бедности. Однако население на опыте убеждается, что умеренные консерваторы или левые радикалы неспособны решить ни одной проблемы России, а вот погубить ее — запросто. Мы как бы получаем прививку от популистской политики и национал-социалистической демагогии. Тогда, если конечно сохраним демократию, на выборах есть шанс выстроить сильную правую оппозицию, иметь президента и правительство, которые не будут стесняться слова «реформы».

Так что этот сценарий, несколько вероятнее первого, вряд ли можно считать таким уж пессимистическим.

3. Реалистический сценарий состоит в том, что правительство проводит сбалансированную политику: немножко борется с инфляцией, немножко поддерживает производство, немножко борется с коррупцией и преступностью, немножко потрафляет отдельным лоббистам, открывая отдельные щели для воровства.

Итог. До парламентских и президентских выборов держится сравнительно «умеренная» инфляция — до 100% в год. Производство вяло падает, производя впечатление некоторой стабилизации. То же и с уровнем жизни. Вроде бы ситуация особо не ухудшается, но и не улучшается. Мы получаем кредит МВФ, но минимальный; реструктуризацию долгов, которая ничего не решает.

К парламентским и президентским выборам приходим в состоянии максимальной неопределенности. Что будет со страной после них? Не ясно: несемся как знаменитая птица-тройка с Чичиковым на борту.

Боюсь, что этот сценарий и самый реалистический, и самый пессимистический. Без кавычек. Необходима мобилизация всех общественных сил, на деле выступающих за демократию и рыночную экономику, чтобы он не осуществился.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

**По материалам
Научного семинара
под руководством
Е.Г. Ясина**

Приживется ли демократия в России (презентация книги Е.Г. Ясина)

22 июня 2005 г.

Научному сообществу была представлена книга Евгения Ясина «Приживется ли демократия в России». В дискуссии приняли участие: Никита Белых, Виталий Третьяков, Игорь Клямкин, Марк Урнов и другие¹.

Евгений Ясин:

Сегодня я представляю вашему вниманию свою новую книгу «Приживется ли демократия в России». Эта книга появилась на свет отнюдь не потому, что я считаю себя специалистом в политологии или истории, а потому, что у меня вызывает сильное беспокойство то, в какую сторону поворачивается в последнее время вектор развития России. Хотелось бы верить, что после всего пережитого страной, после реформ 1990-х годов мы уже не попадемся на ту же удочку, но опасения все-таки есть, и есть вопросы, на которые я не нахожу однозначных ответов. Поэтому я и занялся делом, которое, в общем, не относится к сфере моей профессиональной деятельности. В этой книге я попытался изложить свою точку зрения на то, каковы преимущества демократии и зачем она нам нужна, поскольку, как мне кажется, эти вопросы обсуждаются сегодня только в узком кругу профессионалов. Также в моей книге я честно говорю о минусах демократии. О них, как правило, охотно вспоминают, только когда хотят доказать, что лучше обойтись без нее, что нам она якобы не очень подходит.

В области изучения демократии в мире существует огромный массив литературы, и важнейшие, на мой взгляд, теоретические работы я использовал в процессе подготовки книги. Однако, к сожалению, в нашей стране международный опыт используется мало. Например, в Высшей школе экономики

¹ Должности участников семинаров приводятся в приложении.

отсутствует курс демократии на факультете политологии — говорят, незачем, если есть общий курс политологии. Но ведь то, что мы пока считаем неважным, на Западе внушается людям с детского сада, становится существенной частью национального генотипа, критерием того, что хорошо, а что плохо. Мне казалось необходимым об этом сказать, причем не столько с профессиональной точки зрения, сколько с точки зрения неопита, человека, который в этом предмете не очень хорошо разбирается, но считает, что разбираться нужно. Я говорю и о том, что демократия, несмотря на то что она родилась в Древней Греции, на самом деле очень молода, поскольку права в качестве современной системы политического управления она получила сравнительно недавно, примерно 300–400 лет назад. И поэтому мы не безнадёжны. Хотя, честно говоря, при беглом знакомстве с попытками учредить демократию в России я насчитал всего пять таких эпизодов: Совет всей земли в Смутное время, земские соборы, затем реформы Александра II, революция 1905 г. и появившийся в результате Манифест от 17 октября, Февральская буржуазная революция.

Все эти попытки предпринимались на волне слабости государства и заканчивались, когда оно укреплялось, всякий раз в деспотической форме, и ни о каком народовластии говорить уже было нельзя. Вернее, можно, но — только говорить. И чем больше развивалась демократия за границей, тем больше в России было разговоров о том, что вот, мол, и у нас демократия, все демократические институты присутствуют, но на деле ничего не получалось.

Горбачевскую демократизацию, перестройку я считаю одним из самых интересных эпизодов в нашей истории. В стране начались либеральные реформы. Однако я пока не нашел для себя ответа на вопрос: была ли это шестая попытка установления демократии или Россия уже к тому времени стала другой, демократической страной? Во всяком случае, то, что мы наблюдаем после избрания президентом Путина, свидетельствует, что демократические завоевания перестройки и реформ 1990-х годов шаг за шагом утрачиваются. Почему это происходит и как — отдельный вопрос.

У меня сложилось такое впечатление, что на первом этапе мы получили не демократию, а скорее протодемократию — когда на волне общественного подъема были предприняты определенные действия по устранению ряда институтов прошлого режима, но созидательный порыв отсутствовал. Для установления демократии революции недостаточно — для этого нужно равновесие сил, которые потом согласятся на соблюдение общих правил в общих интересах. И если привычка к соблюдению общих правил укоренится, то тогда уже можно говорить о более или менее настоящей демократии.

Сейчас мы наблюдаем шаги к политической стабилизации, но одновременно — и от демократии. Я не могу сказать, что у нас нет демократии. У нас управляемая демократия, неполноценная демократия, однако и ее становится все меньше. Проблема, которая встает перед каждым правителем — максимизировать энергию общества или навести порядок, — все в большей степени решается в пользу порядка. А для страны, которая вступает в постиндустриальную эпоху, это сомнительное достижение.

Я спрашиваю себя: кто виноват в том, что сегодня мы удаляемся от демократии — президент Путин, его окружение или мы сами такие по натуре? В по-

исках ответа на этот вопрос я часто обращаюсь к трудам Светланы Кирдиной, которая пишет, что у нас такая институциональная X-матрица, которая, что бы мы ни делали, все равно вернет нас обратно. Октябрьская революция — это ответ на либеральные реформы Александра II, а политика Путина — ответ на либеральные реформы 1990-х годов и попытки демократической перестройки. По крайней мере, я так понял.

А мы сами годимся для демократии или нет? Я попытался ответить на этот вопрос, проанализировав настроения, царящие в обществе, и его менталитет, и пришел к выводу, что они, к сожалению, не таковы, чтобы утверждать: наш народ больше всего мечтает о том, чтобы в России была свобода и демократия.

Далее я попробовал посмотреть на проблему с другой стороны. Говорят, мы не можем себе позволить демократию, потому что у нас очень бедная страна. По международным критериям, демократическая система становится устойчивой, если в стране валовой внутренний продукт на душу населения превышает 5 тыс. долл. Так вот, по расчетам Всемирного банка, на сегодняшний день в России ВВП на душу населения составляет примерно 9 тыс. долл. И хотя бедность у нас по-прежнему высока, в последние годы она быстро сокращается (с 1990 по 2004 г. — вдвое).

Также говорят, что у нас слишком велик разрыв между бедными и богатыми, что с этим ничего поделать нельзя, что у нас нет среднего класса. Да, разрыв действительно большой, но примерно такой же, как и в странах со схожим уровнем развития. Децильный коэффициент у нас, по данным Росстата, составляет 14,8 раза, а по данным RLMS — 20 раз. Эти показатели намного лучше, чем, скажем, в Бразилии, и близки к показателям развитых стран. Главная проблема заключается в том, что тот разрыв в уровне жизни, который мы наблюдаем в последние годы, сильно вырос — например, коэффициент фондов вырос с 4,9 до 14,8 или даже до 20. Это тяжелое испытание.

Тем не менее в целом у меня сложилось впечатление, что по объективным показателям Россия готова к демократии как никогда раньше. Сегодня у нас 73% городского населения, тогда как все прочие эксперименты с демократией проходили в крестьянской стране с очень низким уровнем образования. Кроме того, большинство населения составляют не просто горожане, а горожане во втором поколении. Если же говорить о таких проблемах, как демографическое состояние страны, здоровье нации и т.д., то для их решения демократия нам просто жизненно необходима. Не потому, что она способна повысить рождаемость и улучшить здоровье, а потому, что только в условиях демократии реально возрастает цена человеческой жизни. Этого в России не было никогда, и это чрезвычайно важно.

На мой взгляд, более или менее жизнеспособная система демократического устройства — элитарная демократия. Это не означает, что я против демократии участия в любых ее формах. Просто практика показывает, что объективно присущему людям стремлению участвовать в общественной жизни всегда противостоит нежелание властей допускать простых граждан до решения каких-то серьезных вопросов, требующих профессионального рассмотрения, и т.д. Демократия участия получила распространение в основном в небольших странах и в странах с давней демократической традицией, например в Скандинавских

странах, Нидерландах, Швейцарии, отчасти в Великобритании и США. В то же время я считаю Соединенные Штаты как раз примером элитарной демократии.

Элита — это не собрание богатых и наглых, а собрание лучших, тех, кто в своей профессиональной области может в демократической стране выполнять важные социальные функции и обладает чувством общественного долга, миссией. Если же в элите набирается слишком много балласта, то она эту миссию выполнять не может, и тогда следует задуматься о перспективах развития страны.

Я попытался понять, какая элита у нас. Все, что я по этому поводу прочитал, сводится в основном к тому, что она у нас очень корыстная, совсем не думает о народе, а только нагло потребляет, и т.д. и т.п. По большей части спорить с подобными утверждениями трудно, однако, на мой взгляд, это не вся правда. Дело в том, что, когда созревают обстоятельства — появляются и люди, берущие на себя ответственность. Уж чего только не говорилось о советской номенклатуре, но в ней нашлись такие люди, лидеры, которые способны были возглавить процесс реформ в Советском Союзе и России.

Таким образом, я не считаю нашу элиту безнадёжной, но в то же время ее состояние меня серьезно беспокоит, потому что я наблюдаю процесс порчи элиты. Она утрачивает способность выполнять миссию, связанную со стратегическим развитием страны, а у России, на мой взгляд, только в том случае появится шанс, если она будет осуществлять стратегический проект демократической модернизации на перспективу не менее чем в 30–40 лет, потому что за более короткое время институты, ценности и национальный менталитет не меняются. Во всяком случае, я в истории таких случаев не знаю.

Однако вероятность того, что мы в ближайшее время двинемся по этому пути, не очень велика. Сегодня избран другой путь — не демократической модернизации, хотя все необходимые слова произносятся, а авторитарной, — и мне кажется, этот путь безнадёжен. Не то что он приведет нас к кризису, к катастрофе — просто, на мой взгляд, идя по этому пути, мы никуда *не придем*, останемся там же, где есть, и тем самым подтвердим правоту теории Светланы Кирдиной. Мне кажется, это серьезная опасность. На этом я хотел бы остановиться, чтобы не пересказывать книгу, а дать возможность людям самим с ней познакомиться. И передаю слово первым читателям своей работы.

Никита Белых:

Меня в последнее время серьезно беспокоят участвовавшие разговоры и публикации в прессе по поводу того, что либерально-экономические реформы возможны и без демократии. При этом ссылаются на Хайека, Гоббса. Данная книга очень четко и недвусмысленно разъясняет, что ни о каком развитии экономики, ни о каких экономических реформах без демократии в нашей стране речи быть не может.

По этому поводу вспоминается следующая история. После того как в 1922 г. было принято положение о гарантировании вкладов, власти рассчитывали, что нэпманы теперь станут размещать свои капиталы в советской экономике. Однако предприниматели заявили, что они этого делать не будут, потому что государство гарантировало сохранность вкладов, но не сохранность жизни вкладчиков.

Вот примерно так же обстоят дела с либеральными экономическими реформами в условиях отсутствия демократии. И поэтому вопрос «Быть или не быть демократии в России?» на самом деле тождествен вопросу «Развиваться экономике России или нет?» В стенах Высшей школы экономики данный вопрос может звучать как приоритетный.

Виталий Третьяков: «Если будет Россия, то не исключено и даже очень вероятно, что в ней будет и демократия; но если будет демократия, то совсем необязательно, что будет Россия».

Когда Евгений Григорьевич мне позвонил три недели назад и предложил поучаствовать в качестве одного из главных выступающих в дискуссии по поводу его книги, я задал себе вопрос: какую цель он преследовал? Ведь из всех присутствующих здесь демократов и либералов я, наверное, демократ в самой меньшей степени и уж точно не либерал. Вернее, демократом себя считаю, а либералом — весьма условно. То есть, по всей вероятности, я должен сыграть определенную роль недемократа и нелиберала...

Если я, будучи демократом и весьма условно либералом, был бы к тому же Владимиром Лениным, то, внимательно прочтя эту книгу, об авторе мог бы сказать так: талантливый, но чрезвычайный путаник. На мой взгляд, оставив фактуру и многие ценные наблюдения, которые приводятся в книге, нужно отбросить ее схему и саму концепцию и, конечно, правильно интерпретировать изложенный в ней гигантский фактический материал.

Во многом я с Евгением Григорьевичем согласен. Я, например, тоже считаю, что бюрократия есть единственный правящий класс в России, только начиная не с XIX в., а по меньшей мере, с Петра Великого, а то и с Грозного... Но, по мере продвижения вперед от исторических фактов и теоретических обобщений, очень точных, сжатых и честно сформулированных, и по мере вхождения в нашу реальность замечаешь, как Евгений Григорьевич, будучи чрезвычайно честным человеком, что его отличает от большинства известных мне либералов, все-таки опускает некоторые моменты.

Например, в книге полностью игнорируется то обстоятельство, что за последние 15–20 лет организованная преступность стала одним из субъектов российской политики. В книге много говорится о баронах-бандитах, об олигархах и о том, что они «тоже грешили» и проч., но этот феномен не анализируется. А между тем это существенное возмущение для любой системы.

Или второй момент. Евгений Григорьевич не говорит, сколько современных русских демократов и либералов остались демократами и либералами после того, как оказались в Белом доме, в Кремле и других подобных заведениях. Лично мне не известен ни один человек, исключая самого Евгения Григорьевича, который, перейдя «за кремлевскую стену», остался бы таким же, каким был. Люди, которые у нас называют себя либералами, ни по поступкам, ни по действиям, тем более во власти, таковыми не являются. Я не знаю, какой характер носит этот феномен — этнический, социально-психологический, политический или исторический. Я только знаю, что он существует — и в нашей реальной жизни, и в реальной политике.

Но главное, в чем я расхожусь с Евгением Григорьевичем, — я не принимаю авторской концепции, выраженной в финальной фразе книги: если будет демократия, будет и Россия. Это утверждение совершенно ничем не подкреплено, несмотря на убедительность многих приведенных в книге аргументов и фактов. Лично я считаю, что в корректном научном изложении эта фраза должна была бы звучать так: если будет Россия, то не исключено и даже очень вероятно, что в ней будет и демократия. Но если будет демократия, то совсем необязательно, что будет Россия.

Далее. Евгений Григорьевич пишет, что ради мифа об «имперском величии» и тому подобного отказались от одного, другого, десятого демократического завоевания. Допустим, не нужно было отказываться, хотя, с моей точки зрения, введение полномасштабной, полноценной, полновесной демократии в теоретическом ее понимании моментально приведет к разрушению России. Но, повторю, допустим... Тогда я хотел бы услышать от людей, которые предлагают по-пробовать такой вариант, каковы их планы. Я хочу знать, чего мне и моей семье ожидать на следующий день после введения в России полноценной демократии. Что останется от этой страны? Мне нужны расчеты, чтобы я мог по их поводу поспорить, взвесить все «за» и «против».

В завершение своей недемократической короткой устной рецензии на эту выдающуюся книгу одного из немногих честных либералов и демократов приведу всего один пример нашего отечественного либерализма. Лет десять назад я опубликовал программу Либеральной партии, которую в тот момент возглавляли Ирина Хакамада и Борис Федоров. И когда опубликовал, тогда только прочитал и обнаружил пункт по поводу укрепления семьи — там, в частности, предлагалось ограничить право на развод. Я позвонил Хакамаде и говорю, что усиление борьбы с разводами никак не вписывается в программу Либеральной партии. А она мне на это отвечает: ты, конечно, прав, но «Боря очень хотел вставить этот пункт». Вот это наше «но Боря (Вася, Петя, Толя) очень хотел...» сразу как-то заставляет во многом сомневаться.

Я думаю, что в управлении крупными системами, тем более такими колоссальными, как Россия, неизбежно должна присутствовать, с одной стороны, демократическая, или сетевая, тактика и стратегия, а с другой — авторитарная, или иерархическая. И к Кремлю у меня претензии исключительно по поводу соотношения, пропорции этих составляющих. Это, на мой взгляд, очень важно.

И последнее. Евгений Григорьевич утверждает, что у России нет врагов и нет никаких ощутимых внешних угроз. С этим я категорически не согласен и сожалею, что эти версии в книге не рассматриваются. Для меня совершенно очевидно, что и враги есть, и угрозы есть. И я не уверен, что широкоментально развернутая демократия способна им противостоять.

Игорь Клямкин: «Надежды на то, что систему можно “перехитрить”, кажутся мне иллюзорными».

Сначала мне хотелось бы высказать некоторые соображения по поводу выступления Виталия Третьякова. Главный вопрос, полагает он, не в том, будет ли в России демократия, а в том, будет ли Россия. Виталий Товиевич считает, что это разные вопросы, друг с другом не связанные. Хочу напомнить, что со

времен Екатерины II примерно так же рассуждали о крепостном праве. Власть понимала, что его надо отменять, но сделать это в течение целого столетия не решались. Потому что всегда находились люди, которые доказывали: освобождение крестьян Россия не выдержит, это чревато для нее гибелью. И подобно тому, как Виталий Товиевич обеспокоен сегодня, что не сможет защитить от демократии свой дом, так эти люди опасались, что с отменой крепостного права окажутся беззащитными в своих усадьбах. Но в середине XIX в. Крымская война показала, что России грозит гибелью не освобождение крестьян, а их удержание в несвободе. В свою очередь, последовавшие после 1861 г. события продемонстрировали, чем грозит стране запаздывание с решением назревших вопросов. Россия рухнула именно потому, что слишком долго медлила с ответом на вызовы истории.

В условиях современного мира вопрос об утверждении демократии для страны — не менее судьбоносный, чем когда-то вопрос об отмене крепостного права. В этом — пафос книги Евгения Григорьевича Ясина, который я полностью разделяю. В книге выдвигается и обосновывается идея безальтернативности демократии как стратегического вектора развития России, причем обосновывается достаточно убедительно. Столь же убедительно доказывается и то, что реально страна движется совсем в другом, противоположном направлении. Соответственно аргументированной выглядит и жесткая критика автором сложившегося при президенте Путине политического режима.

Среди достоинств книги я отметил бы почти не встречающуюся сегодня тематическую широту, которая позволяет квалифицировать работу Евгения Григорьевича как своего рода мини-энциклопедию современной российской социально-экономической и политической жизни. С содержательной точки зрения чрезвычайно важным представляется то, что в книге дается достаточно объективный анализ ельцинского правления, во время которого многие особенности нынешнего режима уже были заложены. Важно также, что в анализе причин постсоветской авторитарной эволюции автор не соблазняется широко распространенной точкой зрения о неготовности народа к демократии, являющейся фиговым листком современного элитного конформизма. В книге приводятся данные социологических опросов, из которых следует, что политическая база либерализма и демократии в современной России намного шире, чем совокупная электоральная база «Яблока» и СПС. Но здесь-то, мне кажется, в логике Евгения Григорьевича начинаются сбои, о которых я тоже считаю нужным сказать.

Удивительно, но факт: в книге, при всей жесткости критики политики Путина, нет слова «оппозиция». Точнее, оно не используется в тех разделах, в которых Евгений Григорьевич рассуждает о желательной стратегии тех сил, которые могли бы этой политике противостоять. И я не могу рассматривать такое «упущение» иначе, чем неосознанное желание адаптировать позиционирование либералов к сложившейся в стране политической системе и ее возможностям. К сожалению, для подобных толкований книга дает и более очевидные поводы.

Автор, например, предлагает «всемерно поддержать» планы Кремля, если таковые существуют, относительно создания «ручной правой партии» и «способствовать их реализации» (с. 330). Но это и есть стремление адаптироваться

к системе, найти в ней свою нишу с надеждой ее преобразования изнутри. Я думаю, что такого рода надежды иллюзорны, а такая стратегия ни к чему, кроме очередной самодискредитации либералов, привести не может. Доказательство тому — весь их политический опыт последних лет. И «перехитрить» систему, на что рассчитывает Евгений Григорьевич, не получится тоже. Тем более после того, как желание «перехитрить» открыто продекларировано в книге одного из самых влиятельных общественных деятелей либерального фланга.

Покоробил меня, честно говоря, и призыв автора обогатить политическую практику либералов «обязательной солидной долей популизма и демагогии» (с. 329). И дело не в том, что мне чужда мысль об отличии политики от морали. Она мне вовсе не чужда. Дело в том, по-моему, что либералы, учитывая особенности их потенциальных избирателей, не имеют никаких шансов на успех, выступая эпигонами Суркова, Павловского и других творцов технологий политического обмана. Эти технологии вполне пригодны для обслуживания нынешней политической системы в силу ее имитационной природы. Они неплохо показали себя и в исполнении людей типа Жириновского или Рогозина, которые хотели бы воспроизвести ту же систему, но с несколько иным идеологическим фасадом и с другими рулевыми, на роль которых они и претендуют. Но чем такие технологии могут помочь тем, кто хотел бы трансформировать саму систему, я лично не знаю. Или идея такой трансформации чужда и нашим либералам?

То, о чем я говорю, в большой книге Евгения Григорьевича занимает всего несколько страниц. Но это — та ложка дегтя, которая портит впечатление от очень полезной работы. Впрочем, и в данном отношении нет худа без добра. Возможно, те суждения, который представляются мне спорными, станут поводом для широкой дискуссии о том, что такое политический реализм в современном российском либеральном дискурсе. И если книга даст ей толчок, то в суждениях, которые я оцениваю как минусы, могут обнаружиться и свои побочные плюсы.

Марк Урнов: «Следует работать на всех возможных фронтах для того, чтобы попытаться сконцентрировать тот малый потенциал либерализма, который в обществе, в том числе и во власти, есть».

Я, как говорится, «Пастернака не читал» (книгу Евгения Григорьевича я пролистал), но высказаться могу. Сначала по теории, потом по практике, тактике и стратегии.

Виталий Третьяков развернул классическую антилиберальную критику книги, и в этом как раз и заключается ее слабость. Что предлагается? Некая абстрактная схема: а давайте сейчас введем идеальную демократию. Но что такое идеальная демократия, как мы ее сейчас введем и можно ли вообще ее ввести? Демократия не вводится, она выращивается. И выращивать ее необходимо в первую очередь для создания конкурентной среды, чтобы наша элита не была такой дрянной, безграмотной, коррумпированной и аморальной, какая она в основном сейчас.

Следующий момент. Евгений Григорьевич говорит, что у нас нет врагов, мы с Виталием Товиевичем говорим, что есть, однако видим их на разных направлениях. Я считаю главным врагом врага внутреннего — это аморальная коррумпиро-

ванная часть нашего общества, и не только элитарная. Вторым враг — внешний, но не с Запада, как считает подавляющее большинство великодержавников, а с Юга. Я имею в виду радикальный исламизм. Кроме того, существует опасность на Востоке — поднимающаяся великая китайская цивилизация.

Если же мы будем ощущать себя великой державой, только показывая кукиш Соединенным Штатам и испытывая от этого внутреннее удовлетворение, то могу сказать, что это опасная игра. Это именно игра во врагов, а не осознание реальных опасностей, это спекуляция на стереотипах холодной войны, которые существуют в массовом сознании, и этим сейчас все наши великодержавники балуются. Именно поэтому такую классическую антилиберальную критику я считаю слабой.

Теперь по поводу собственно книги и выступления Евгения Григорьевича. С чем я не согласен? Евгений Григорьевич говорил о разных демократиях и о том, что нужна элитарная демократия. С моей точки зрения, демократия не может не быть элитарной. Демократия не элитарная — это толпа, это охлократия. Про нее и говорить не стоит. Кроме того, будучи большим пессимистом, чем Евгений Григорьевич, я утверждаю, что у нас нет 40–50 лет спокойной жизни. Если мы будем продолжать идти по той дороге, по которой идем, то дестабилизация с возможным разрушением страны начнется значительно раньше, чем через 40 лет.

Кроме того, я не считаю, что потенциал либерализма в нашей стране так высок, как явствует из некоторых социологических исследований, потому что тот набор ответов наподобие «да, я за свободу печати», на который эти исследования ориентируются, не есть свидетельство склонности к либерализму. Либерализм — это синдром, во многом связанный с принятием политической конкуренции как нормы, что в массовом сознании напрочь отсутствует, а также отрицание сакральности власти, взгляд на власть как на нанятого менеджера.

Теперь по поводу тактики. Мы находимся в очень сложном положении. Либеральный фланг слаб. Если в стране начнется дестабилизация, надо понимать, что победят не либералы, а разного рода коричневая дрянь. В этом смысле мы должны по одежке протягивать ножки. И если Кремль создает правую партию, то просто отворачивать от нее нос и говорить: «Фи, вы из Кремля» — с моей точки зрения, неразумно. Это не значит, что не надо критиковать режим. Критиковать надо, и очень жестко. И продолжать попытки выстраивания оппозиционных либеральных движений абсолютно необходимо. Но не надо самоизолироваться от тех инициатив, которые исходят из Кремля.

И Кремль, и нынешняя властная элита, какой бы некачественной она ни была, страшно разнородны. Там есть огромное количество людей со склонностью к либерализму, равно как и огромное количество людей со склонностью к фашизму. Поэтому не надо играть в отстраненную оппозицию, которая видит только себя. Следует работать на всех возможных фронтах для того, чтобы попытаться сконцентрировать тот малый потенциал либерализма, который в обществе, в том числе и во власти, есть, и использовать этот потенциал для влияния на политический процесс. Тогда, может быть, что-нибудь получится. В противном случае мы рискуем больше, чем собственными жизнями, — мы рискуем жизнями собственных детей и внуков.

Владимир Дворкин:

Блестящее выступление Виталия Третьякова напомнило мне известную историю с «Капиталом» Маркса. Когда книга вышла, поначалу ее никто не покупал и не читал. Но стоило Энгельсу написать яркую критическую статью с большими цитатами из книги, как «Капитал» стали стремительно раскупать. Полагаю, если выступление Виталия Товиевича опубликовать, это послужит очень сильным стимулом к тому, чтобы с нужной книгой познакомилось как можно больше людей.

Светлана Кирдина:

Есть такие слова — триггеры, — которые играют роль сцепки в определенной системе понятий. Особого смысла они не имеют, но помогают понять, о чем идет речь. Демократия, государство, любовь — одни из таких слов. Мне кажется важным понимать демократию как некую форму осуществления обратной связи в социальных системах — именно этот ее аспект в нашей стране развит недостаточно, и его нужно развивать. Такую постановку вопроса я могу только приветствовать.

Я также согласна с тем, что необходимо искать какие-то оптимальные пропорции авторитаризма и демократии. Возможно, миссия российских ученых в том и должна заключаться, чтобы предложить некоторые рецепты такого оптимума, которые в разных странах могут быть разными.

Георгий Сатаров: «Без демократии Россия в нынешних границах не уцелеет».

В первую очередь, я не согласен с противопоставлением демократии участия и элитарной демократии. На самом деле эти понятия суть призраки, порожденные неточным переводом, потому что речь идет не о разных демократиях, а о разных аспектах демократии, которые в разных демократиях могут по-разному функционировать. Не может быть демократии без демократии участия. Другое дело, в какой форме она будет осуществляться. Понятно, что в стране масштаба России не может быть веча, но местное самоуправление — это демократия участия.

Книга называется «Приживется ли демократия в России?», а ключевым вопросом, на мой взгляд, является следующий: приживется ли Россия без демократии? И моя претензия к книге состоит в том, что об этом в ней говорится меньше, чем хотелось бы. Я-то как раз отношу себя к тем, кто считает, что без демократии Россия в нынешних границах не уцелеет. В доказательство можно было бы приводить теоретические соображения об институциональной адаптивности по Толкотту Парсонсу, но это ни к чему, поскольку есть экспериментальные факты под названием Советский Союз, который распался именно потому, что не был институционально адаптивен. А то, что институциональную адаптивность обеспечивает только демократия, с точки зрения политологии в доказательствах не нуждается.

Я не хочу по этому поводу спорить с Виталием Третьяковым, но уверен, что вне демократии Россия в нынешних границах не выживет. Авторитаризм приемлем только как метод ускорения построения демократии на отдельных территориях, на которые при таком раскладе неизбежно расколется Россия. Где-то

будет каганат, где-то — паханат, как у нас сейчас в целом по стране, где-то — демократия. И тут менее чем в 40 лет можно уложиться.

Альтернативы я не вижу просто по самой природе России. И дело тут не в институциональных матрицах. На мой взгляд, Светлана Кирдина писала не об обреченности России, а о том, что три компонента институциональной матрицы нельзя изолированно менять, один без другого. И наши проблемы реформирования были обусловлены как раз тем, что мы одно меняли, а другое нет.

Я очень рад появлению этой книги, какие бы претензии к ней ни предъявлялись, и чрезвычайно скорблю, что подобных книг мало и что тактические соображения заставили Евгения Григорьевича снизить ее стратегический пафос. Но идеальных книг в природе не существует, точно так же, как и идеальных людей.

Александр Коновалов: «Надо поддерживать людей, которые понимают, что из индустриального в постиндустриальный этап с помощью авторитаризма не прыгнешь».

Говоря об элитарной демократии, Евгений Григорьевич затронул одну очень важную проблему. Сегодня Россия страдает от процесса, который я бы назвал деэлитизацией страны. Может мне кто-нибудь ответить, что такое политическая элита России? Она у нас есть? Я при всем желании не могу ее обнаружить.

Что я имею в виду, говоря «политическая элита»? Я имею в виду те общественные группы, которые думают о мегапроекте «Россия» не в категориях распиловки бюджета и электоральных циклов, а в категориях десятилетий, и имеют возможность влиять на политический процесс. Мне кажется, что у нас начал было формироваться эмбрион политической элиты среди людей, представлявших интересы «большого бизнеса». Они стали думать о стране как о месте, где будут жить их дети и внуки, на них лежала большая ответственность, они имели опыт управления крупными контингентами людей. Но по этому «эмбриону» так долбанули «делом Ходорковского», что теперь эта самая «элита» сидит в приемных у клерков и дрожит, ожидая, во-первых, возьмут или не возьмут то, что она принесла, а во-вторых, разрешат или не разрешат то, что она просит. Это элитой быть не может.

Говорилось также, что в России традиционно очень важна роль чиновничества. Но чиновничество у нас никогда не было элитой, при всем своем засилии, начиная с петровского времени, не могло быть по определению. Элита у нас была другая, а вот сейчас как-то все слилось. Все в руках у чиновника, который никогда не станет элитой, но который сегодня является в России управляющим классом, причем на фоне очень интересного политического мифа.

Считается, что при Ельцине был бардак, а вот при Путине — порядок, это вроде как наш Пиночет. Однако все объективные замеры показывают, что управляемость страны при ельцинском бардаке была несопоставимо выше, чем при нынешнем порядке. Власть окончательно окуклилась и, отделившись от общества, функционирует сама в себе, за кремлевскими зубцами. От общества ей нужны только поддерживающие ресурсы, а больше она с ним ничем не связана.

Единственное, что мне непонятно в этой вполне понятной ситуации: почему от властей предрежающих исходят такие волны страха? Отчего они так не уве-

рены в себе? В стране Стабилизационный фонд перевалил уже за триллион, золотовалютные резервы в разы больше, чем в Америке, а такое впечатление, что белые прорвали фронт и все жгут документы.

У меня ощущение, что действительно *такая* власть долго продержаться в России не может. Наши державники, которых здесь пытался представлять Виталий Третьяков, говорят, что Россия должна родить новый глобальный проект для конкуренции с либерально-демократическим проектом. И пока она его не родит, у нее нет будущего, особенно учитывая нашу демографическую ситуацию и пространство. В самом деле, если не начать ломать хребет и надрывать жилы, то очень скоро у нас с Запада до Волги будет Евросоюз, справа, до Урала, — Китай, а между ними — халифат со всеми вытекающими отсюда последствиями.

И тем не менее, мне кажется, что изобретать какой-то мегапроект в противовес либеральной демократии было бы для России сейчас смертельно опасно. Напротив, надо воспользоваться ситуацией, когда у нас действительно мало внешних врагов, и это сейчас не главное. Надо понять, что нет у нас более страшного врага, чем мы сами.

Еще меня беспокоит отсутствие демократической базы. Надо поддерживать людей, которые уже понимают, что такое роль персональной свободы, роль личности, понимают, что это необходимо для развития общества и что из индустриального в постиндустриальный этап с помощью авторитаризма не прыгнешь. Нам надо, чтобы демократические ценности у нас приживались, но, к сожалению, за спиной у нынешней власти стоят те, кто топает ногами от нетерпения. И это отнюдь не продвинутые демократы — это совсем другие силы. Никаких продвинутых демократов я на политической арене не вижу, а вижу господ вроде Рогозина и далее по списку — если они придут к власти, то нынешний режим нам покажется потерянным раем.

Дмитрий Катаев: «Россия отличается от Европы тем, что у нас правящая партия ни правая, ни левая, ни социалистическая, ни консервативная, а бюрократическая».

Наше сегодняшнее обсуждение мне напомнило московскую трибуну 3 октября 1993 г. До пяти вечера мы спорили о том, как мирным путем разрешить конфликты, которые тогда бушевали, а когда я, не дождавшись разрешения спора, все-таки ушел на совет представителей «Демократической России», мне сказали, что путч уже в разгаре.

Московская бюрократия продавливает согласие бюрократии федеральной на 10%-ный барьер на выборах в Мосгордуму, чтобы уж никто не пролез, кроме тех, кого поддерживает администрация. Кроме того, сборщики подписей избирателей должны будут заверять свои подписи у нотариусов, а этих сборщиков в Москве будет тысяч пятьдесят. Готовятся и другие маленькие «радости» — всего их порядка десятка, и каждой достаточно для того, чтобы на 100% манипулировать выборами. И я спрашиваю вас, что можно этому противопоставить?

Со всех сторон ко мне идут импульсы, направленные на объединение. Когда одна наша депутат вступила в контакт с коммунистами, чтобы они ее поддержали, поскольку ясно, что «Единая Россия» будет топить, они ей сказали, что

готовы поддержать ее и Катаева. Потому что понимают — без демократии не будет ни их, ни СПС.

Сегодня много говорилось о бюрократии, но окончательный вывод не был сформулирован. А вывод такой: Россия отличается от Европы тем, что у нас правящая партия ни правая, ни левая, ни социалистическая, ни консервативная — бюрократическая. Был момент в 1990-х годах, когда нашим основным противником были коммунисты, но сейчас мы можем удержаться только общими усилиями, хотя я прекрасно понимаю, насколько это сложно.

Я не могу согласиться с термином «обугленная оппозиция». Почему обугленная? И почему мы так долго и нудно спорим, нужна ли вообще в России оппозиция? Оппозиция — нормальная, необходимая вещь для гражданского общества. Она нужна хотя бы для того, чтобы поддержали правящую элиту. Ведь Ельцина не поддержали бы в 1996 г., если бы коммунистическая оппозиция не была такой ортодоксальной. Так что это коммунисты выбрали Ельцина. И сейчас, по-видимому, должно произойти нечто подобное. Будет ли наш выбор, если он состоится, хуже или лучше — покажет история, но без этого нам не обойтись.

И наконец, по поводу элитарности. Разумеется, наша бюрократия никакая не элита. Не вяжется с ней это слово.

Аполлон Давидсон: «Идея о нашей особости, возможно, на каких-то этапах чем-то нам помогала, но, вообще говоря, всегда очень сильно мешала — отодвигала от нас другие народы».

Мне книга показалась важной и нужной, и было бы очень хорошо, если бы она появилась раньше. Евгений Григорьевич перечислил помехи на пути строительства демократии в нашей стране — я бы хотел добавить еще один пункт.

Я имею в виду традиционную эксплуатацию идеи об особом пути России, идеи, которая сегодня пропагандируется абсолютно со всех трибун и на которой играют рогозины всех мастей, так что начинает казаться, что с другими у нас и общего-то ничего нет и не может быть. И еще мы очень гордимся красивыми словами Тютчева по поводу того, что «умом Россию не понять» и т.д. Простите, если умом не понять, то каким тогда органом?

Так вот, эта идея о нашей особости, возможно, на каких-то этапах чем-то нам помогала, но, вообще говоря, всегда очень сильно мешала — отодвигала от нас другие народы. И сейчас, в эпоху глобализации, это особенно важно. Если эксплуатация этой идеи будет продолжаться, мы не только в мировом масштабе не сможем навести мосты, но даже внутри нашего, постсоветского пространства сделать этого не сумеем.

Евгений Григорьевич говорил о том, что у нас обязательно должен быть учебный курс демократии. Абсолютно с этим согласен и считаю, что изучение демократии в других странах, а не подчеркивание того, что наша страна — особенная, должно лечь в основу такого курса и, очевидно, многих других.

Сегодня, в первую очередь в выступлении Виталия Третьякова, звучала жесткая критика либерализма и демократии. Я просто хочу напомнить присутствующим, что это тоже, к сожалению, традиция нашей страны. Либералов у нас критиковали всегда.

Сергей Марков: «Существует проблема неэффективности демократических институтов, и именно эта проблема породила идею управляемой демократии».

Я очень рад, что Евгений Григорьевич сделал такую книгу еще и потому, что, с моей точки зрения, подходящей теории демократизации для России сегодня нет. Имеется неплохой теоретический багаж на примере стран естественной демократии — это Западная Европа и Северная Америка, но понятно, что это во многом другая реальность. То же самое можно сказать о странах Южной Америки и Южной Европы. От всех них Россия отличается многими характеристиками, хотя бы тем, что у нас одновременно осуществляется экономическая, социальная революция и происходит кризис государственности. Там кризиса государственности не было.

Есть также интересные теории по поводу демократизации стран Центральной и Восточной Европы, но и от них мы существенным образом отличаемся. Польше, например, оказали колоссальную поддержку, в том числе финансовую, другие страны. Еще у них был такой «приз», как вступление в Евросоюз, и перед ними не стояла проблема суверенитета. Так что я воспринимаю книгу Евгения Григорьевича как первый шаг на пути создания нашей собственной теории демократизации.

Теперь по поводу основных проблем, с которыми мы сталкиваемся. Мне представляется, что главная проблема заключается не в том, что у России есть какие-то враги. Я также не думаю, что есть противники демократии. Скорее существует проблема неэффективности демократических институтов, и именно эта проблема породила идею управляемой демократии. В чем она заключается? В том, что мы используем демократические институты там, где они работают, а там, где не работают, переходим к методу «ручного управления».

В конце 1990-х годов существовали такие проблемы, которые, как предполагалось, с помощью демократических институтов решить было нельзя, поэтому решено было использовать сочетание демократических и авторитарных методов управления. При этом в 1990-х годах не было демократии. Было сочетание авторитарных и демократических институтов и анархии, хаоса, которые извне выглядят как большое пространство свободы. Как мы знаем, население не захотело терпеть этот хаос и эту анархию и потребовало от политиков восстановить государство — это была главная идея, с которой Путин пришел к власти.

Многие критикуют чекистов, мне тоже они не очень близки, но в условиях полураспада государственности мы не смогли построить эффективные демократические институты, и тогда за работу восстановления государства взялись чекисты. Они заявили, что готовы это сделать. В этом состояла их историческая миссия.

С этим связаны и другие проблемы. Одна из них та, что у нас правящий класс во многом глубоко недемократичен. Здесь уже говорилось о недемократичности бюрократии, которая не желает быть ограниченной законом и общественным контролем. Российский бизнес также продемонстрировал отсутствие социальной ответственности и, подобно бюрократии, нежелание терпеть любые ограничения.

В России правит коалиция либералов и чекистов. Либералы во многом понимают демократию как политический плюрализм, при этом игнорируя интересы большинства населения. А это не вполне демократия. Чекисты понимают демо-

кратию как власть в интересах большинства, но не через большинство и при отсутствии политического плюрализма, что тоже не вполне является демократией. В целом же правящая группировка понимает, к сожалению, демократию не с точки зрения ценностей, а инструментально. В нашей же ситуации для развития демократии важно, чтобы отношение к ней было не чисто инструментальным, а имело, в том числе, ценностный характер.

Правящая группа методологически, по-марксистски подходит к проблеме демократии. Во-первых, ей кажется, что в нищей стране демократии не может быть. Во-вторых, она считает, что по мере развития экономики будет расти независимость бизнеса и гражданская активность, это приведет к развитию гражданского общества, и, таким образом, автоматически создадутся предпосылки для демократии.

На мой взгляд, такая позиция ошибочна. Маркс не во всем был прав, а кроме того, мы знаем, что политические институты не жестко детерминированы экономикой. Мне кажется, что развитие демократических институтов должно быть отдельным направлением политики правительства, как экономический рост, обеспечение безопасности и проч.

Коснусь проблемы суверенной демократии, одной из основных концепций сегодняшнего дня. Понятно, из-за чего она появилась, — из-за того, что суверенитет был историческим выбором нашего народа. В отличие, кстати, от исторического выбора народов Польши и Чехии, которые готовы отказаться от своего суверенитета ради вхождения в Евросоюз.

Плюс к этому мы наблюдаем «розовые», «оранжевые» и т.д. революции. Я недавно был в Тбилиси и смею вас заверить, что демократии при Саакашвили стало, безусловно, не больше, а меньше, чем при Шеварднадзе. Думаю, то же самое произойдет при Ющенко — демократии на Украине будет становиться все меньше. Это не демократические, это геополитические революции. Мы видим, как одновременно создаются механизмы внешнего контроля.

Поэтому я призываю сторонников либеральной демократии не атаковать концепцию суверенной демократии, а принять ее и развивать, понимая, что демократия в России возникнет не в результате внешнего давления, а прежде всего как внутренний процесс развития.

Борис Надеждин: «Центральной проблемой нашей страны является отсутствие честной, открытой конкуренции — во всем и везде».

После призыва Сергея Маркова объединиться вокруг чекистов в связи с необходимостью развития либерализма очень бы хотелось, чтобы создание партии на правом фланге «Единой России» поручили лично Сечину и Патрушеву, и, я думаю, практически все получится. Но тогда мне придется подумать о своих перспективах, да и вам всем тоже.

А теперь серьезно. Честно вам скажу: считая себя либералом, я ненавижу демократию. Для меня главное — личные права и свободы, иерархия меня, моей семьи, другого человека и т.д. Для меня идеальное государство — это такое государство, где нет ни налогов, ни полиции, а каждый подстригает свой газон, и все нормально. Понятно, что жизнь сложнее, и демократия является для меня вещью приемлемой, но только при одном условии. Как бы она ни называлась —

управляемой, суверенной, какой угодно, — она должна гарантировать, что лица, попадающие на публичную должность, будут интересоваться тем, что я хочу, и пытаться как-то в этом смысле действовать. В противном случае оставьте меня в покое. Это о личном.

Теперь об общественном. Центральной проблемой нашей страны является отсутствие честной, открытой конкуренции — во всем и везде. В начале 1990-х годов был элемент вброса в конкурентное политическое поле всех на свете, был элемент здоровой конкуренции нарождающегося бизнеса в том, кто быстрее оторвет госсобственность. Сейчас, к сожалению, реальная конкуренция в бизнесе уменьшается. «Газпром» скоро съест вообще все секторы российской экономики.

То же самое происходит и в политике. Нет никакой интриги в том, кто будет президентом страны, во всяком случае, не народ на выборах будет это решать. Нет никакой интриги в том, кто может выиграть губернаторские выборы, и т.д. А в отсутствие реальной конкуренции любая система вырождается, особенно если на верх иерархии попадают серые и никчемные люди, озабоченные на личном уровне исключительно сохранением и приумножением собственности, а на вербальном — проблемами защиты страны от внешних врагов.

Но есть две вещи, которые вселяют в меня большой оптимизм. Во-первых, несмотря ни на что в стране стремительно увеличивается количество образованных людей, а также людей, способных купить себе компьютер, выйти в Интернет, поехать за границу. Уровень жизни народа растет. Поэтому рано или поздно уже сложно будет с помощью ОПТ поголовно всем мозги вправлять.

Во-вторых, человеческий управленческий потенциал российской бюрократии вырождается. Мне посчастливилось последние несколько дней работать в комитете Госдумы по доработке нового избирательного закона, вы все об этом слышали. «Единая Россия» внесла напоследок несколько потрясающих перлов. В законе 2001 г. написано, что президенту, министрам и другим лицам категории «А» запрещено заниматься предвыборной агитацией на выборах. А теперь одобренная поправка: президенту, министрам и другим высшим чиновникам разрешается вести предвыборную агитацию, но при этом запрещается использовать преимущество своего служебного положения. Каково? А самое гениальное — это обсуждение темы бесплатного эфира. «Единая Россия» внесла поправку, в которой говорится, что бесплатный эфир надо предоставлять — вслушайтесь! — всем партиям на равной основе пропорционально количеству мест в Государственной думе.

Я радуюсь тому, что народ становится умнее, образованнее, начинает шире видеть мир, а бюрократия вырождается, об этом свидетельствует уровень маршма людей из фракции «Единая Россия», которые сегодня принимают решения в Думе. О чем говорить, если работой над избирательным законом руководит генерал МЧС, и т.д. Поэтому я полон оптимизма. Я призываю всех не бояться. Надо делать свое дело, и у нас все получится.

Дмитрий Зимин:

По концентрации мысли я считаю книгу Евгения Григорьевича заметным и очень достойным явлением в нашей сегодняшней интеллектуальной жизни.

Жалко лишь, что тираж — всего 2 тыс. экземпляров. Книга должна как-то пропагандироваться, возможно, на «Эхе Москвы», поскольку на телевидении, видимо, бесполезно. Ее надо раскручивать, она того стоит.

Александр Иванченко: «Книга Евгения Ясина — это попытка остановить процесс скатывания России к авторитарному государству».

Считаю выход в свет книги Евгения Григорьевича событием в жизни нашей страны и гражданского общества. Мне кажется, это гражданский призыв, который, по стечению обстоятельств, совпал с паникой на корабле штатных функционеров, управляющих сегодня демократией, причем управляющих в штатном ручном режиме, что в принципе невозможно. Это могут делать только люди непрофессиональные, и делать из корыстных, эгоистических, каких угодно других подобных соображений.

Благодаря газете «Коммерсантъ» я мог сравнить интервью замглавы администрации президента Суркова, которое вышло год назад в «Комсомольской правде» и вот теперь — в журнале «Шпигель». И это сравнение убедительнейшим образом доказывает, что люди не ведали, чем 4 года занимались, а ведь Сурков персонально отвечает за реформирование партийно-политической системы нашей страны.

Борис Надеждин напомнил о поправках, которые Кремль рукой президента внес в Государственную думу. Сейчас Дума их примет, Совет Федерации одобрит, президент подпишет. И от выборов по этим законам у граждан не останется ничего. Останется лишь проголосовать за лояльности партии нынешней бюрократии.

Я еще раз хочу поблагодарить Евгения Григорьевича за гражданскую смелость, за попытку остановить процесс скатывания России к авторитарному государству и напомнить, что мы живем в демократической России, мы живем, согласно действующей Конституции, в Республике.

Александр Яковлев: «Надо предложить нормальные идеи для развития демократии».

Я уверен, что мы обречены на демократию, несмотря на сегодняшний период сомнений. Во-первых, мы живем в разомкнутом обществе, в мировом сообществе, и говорить о какой-то суверенной демократии — это просто бред. Тем более что наш президент и его команда пользуются для проведения своей политики поддержкой администраций и США, и Германии, и Италии и т.д. Во-вторых, интеллектуальный потенциал демократических сил несоизмеримо выше, чем у бюрократии, и соответственно от нас с вами, от нашего труда зависит, насколько мы сумеем этот потенциал использовать.

Проблема слабости демократических сил на выборах заключается в отсутствии культуры при организации выборных процессов. Наши партийные руководители не хотят использовать опыт США, когда административный аппарат обслуживает тех лидеров, которые способны обеспечить поддержку общества и голоса, но при этом они не хотят или не могут воспользоваться интеллектуальным потенциалом высоких технологий. Я уверяю вас, что научно-промышленную среду составляют в подавляющем большинстве сторонники как раз демократических процессов.

Наконец, как не демонизировать спецслужбы, но их представители получили советское образование, не самое плохое образование в мире, там тоже достаточно много интеллектуальных людей, и диалог с ними необходим. Надо просто предложить нормальные идеи для дальнейшего продвижения демократии.

Ксения Юдаева: «Необходимо построение правового государства, обеспечение верховенства закона, институционализация политического процесса, плюрализм, воспитание терпимости к мнению других, умение формировать коалиции и работать с избирателями».

В отличие от Дмитрия Зимины я мыслю в терминах не уличных лозунгов, а учебных программ, и, мне кажется, было бы полезно, если бы эта классная книга вошла в учебные программы вузов.

Хотелось бы остановиться на некоторых внутренних политологических факторах. Если мы говорим о строительстве либеральной демократии, то, безусловно, это длительный процесс, и ни к 2008-му, ни к 2012 г. мы его, конечно, не пройдем. Во многих развитых демократических странах он занял столетия, причем с большими пертурбациями. Для того чтобы успешно пройти этот процесс, нужна институционализация многих факторов как в экономике, так и в политике. Необходимо построение правового государства, обеспечение верховенства закона, институционализация политического процесса, плюрализм, воспитание терпимости к мнению других, умение формировать коалиции и работать с избирателями.

К сожалению, вынуждена согласиться с Сергеем Марковым. Мне приходится сейчас много общаться с людьми с Украины и из Грузии, и все они говорят, что главная проблема — отсутствие оппозиции. Приходит к власти новая сила, но демократия не институционализируется. Мы можем говорить о более или менее демократических лидерах, но не о демократичности системы. Видимо, должно пройти время, чтобы это произошло. Хотя, конечно, хотелось бы, чтобы новые демократические лидеры этот процесс ускорили.

Евгений Григорьевич считает, что нам нужна элитарная демократия. Сегодня, я бы сказала, она у нас элитистская. Наши партийные лидеры не видят избирателя, они обычно видят Кремль и с ним работают, а с избирателем работать не умеют и не любят. Мне кажется, это серьезная проблема, и пока наши партии не научатся обращать внимание на избирателя, демократии мы не построим. В связи с этим очень остро стоит проблема 2008 г.: к нам идет новое поколение, «поколение Икс», про которое мы ничего не знаем. Хорошо бы его не потерять, потому что люди, умеющие работать с избирателями, начиная от национал-большевиков и кончая Рогозиным, здесь у нас перехватывают инициативу.

Теперь немного о том, в чем я больше разбираюсь, чем в политологии, и чего нет в книге, — о влиянии экономических факторов. Среди них я бы отметила два — один со знаком «минус», а другой соответственно со знаком «плюс». Оказывающий отрицательное влияние фактор — это, безусловно, нефть и рентная экономика. Хотелось бы, чтобы в следующей книге эта проблема была затронута, а именно: каким образом Россия могла бы выйти из этой ловушки, поскольку избавиться от нефти, я думаю, мы не можем и не хотим.

Положительный фактор — это влияние глобализации на экономическое и политическое развитие России. Есть несколько экономических исследований, которые показывают, что в длительной временной перспективе, скажем, 100 и больше лет, волны глобализации и волны демократизации начинают воздействовать друг на друга. Это значит, что, если процесс глобализации не будет свернут, есть надежда на некую оптимистическую перспективу для России с точки зрения постепенного перехода к демократическому обществу.

Андрей Здравомыслов:

В соответствии с концепцией Евгения Григорьевича российская демократия началась с земских соборов и избрания Романовых. Но, если говорить по существу, само понятие демократии, гражданства, гражданских прав возникло только в связи с Великой французской революцией. Только тогда человечество впервые задумалось над одной очень важной проблемой, я бы сказал, краеугольной для понимания демократии. Великая французская и Октябрьская революции показали, что есть связь между насилием и демократией, т.е. господством большинства, интересами народа. И эта сторона дела, к сожалению, не получила в книге должного освещения — в большей степени в ней показаны «оптимистические» линии развития демократии.

Также мне хотелось бы обратить внимание на необходимость практически подойти к вопросам образования населения и культуры государственного управления. Очень часто в дискуссиях по этому поводу справедливая антибюрократическая критика системы управления смешивается с отрицанием государства в целом. Но пока существуют государства, в том числе и российское, важно, как и кому будет передаваться власть. Кроме того, необходимо проработать предложение президента Путина относительно всеобщего бесплатного образования до 11-го класса, усилиями общества и Думы превратить это предложение в закон. При втором издании книги, мне кажется, эти два момента надо учесть.

Владимир Жаринов: «С тоталитарным мышлением в постиндустриальное общество не войти».

Любая проблема имеет стратегические, оперативные и тактические аспекты. Вопрос, на который мы пытаемся ответить — перейдет ли Россия к демократии, — также имеет стратегический, а именно философский аспект, поскольку, несмотря на то что сами философы в «Вестнике российского философского общества» именуют свою науку трепом, значения логики никто не отменял.

Обычно, обращаясь к корням, говорят, что Россия всегда была самодержавной, и в этом ее романтика, поэзия и святыня. Но не так ли жили при своих королях Англия, Франция и прочие державы? Иными словами, есть прошлое и есть перспектива, и в этом смысле Россия небезнадежна. Здесь мне хочется сказать и о декларируемой пресловутой неспособности нашей страны к демократии. После того как абсолютизм достиг своей кульминации — а это было между Петром и Екатериной, — Екатерина пошла на демократические послабления. Что такое городское управление в это время? Чуть ли не создание городских советов. Не верите мне — загляните в историю. Мы плохо изучаем деятельность наших монархов.

История развивается этапами. Сначала жесткая, силовая конкуренция, потом экономическая, потом противоречия между классами как-то сглаживаются, потому что появляется уравнивающая сила — интеллигенция. Конкуренция начинает осуществляться на выборах — это этап политической конкуренции. Сегодня конкуренция носит интеллектуальный характер, а если заглянуть далеко-далеко вперед, она, наверное, станет духовной. С тоталитарным мышлением в постиндустриальное общество — когда достаточно три умных слова сказать, и суть проблемы схвачена на основе общей закономерности — не войти.

В каком направлении двигаться? Общество не знает: в головах наших правителей полная неразбериха. А все элементарно. Когда восточноевропейские страны социализма, подобные нашей, вступили на дорогу демократии, они прошли пять этапов. Сперва партия отказывается от монополизма, потом в действующем тоталитарном парламенте создается кустарная оппозиция, потом свободные выборы, потом коалиционное правительство и свободные выборы, потом демонтаж системы.

На каком этапе находимся мы? Мы подошли к этапу создания коалиционного правительства. Если оно не будет создано, мы получим свой «Майдан незажности» или даже ситуацию, которая сложилась в Киргизии.

Леонид Поляков:

Мне представляется, что книга Евгения Григорьевича сопоставима с классическими текстами фон Хайека, Шумпетера. Эта работа чрезвычайно важна потому, что теории демократического процесса в России пока не существует, и с этим связаны, в том числе, и преподавательские проблемы. Те курсы, которые сегодня читаются, в частности у нас на факультете, например, о политических процессах и политической системе России, — это пока еще некие наброски, попытки понять логику процесса демократизации. И в этом смысле обсуждаемая сегодня книга в качестве текста для преподавания будет нам очень нужна, тем более что Евгений Григорьевич обладает редчайшим даром просто излагать сложные вещи.

Наиболее важным я считаю то, что автор создал очень специальное и полное меню возможностей рассмотрения проблемы демократии. Существует несколько концепций (не только теоретических, но и практических) трансплантирования демократии. Первая рассматривает демократию с позиции импорта и проблемы приживания этого «саженца» на не очень благоприятной почве. Согласно второй концепции, по Солженицыну, демократии у нас никогда и не было, поэтому нечего жаловаться, что у нас ее отбирают. Согласно третьей концепции, демократия в России понемногу растет.

Те, кто помнит Советский Союз, сегодня, казалось бы, должны быть удовлетворены: по сравнению с теми временами демократии у нас по горло. Но нам всё мало. И вот эта неудовлетворенность тем, что достигнуто, блестяще выражена в книге. Было бы очень полезно проследить и сравнить темпы изменений в экономике и в политике — может быть, всё синхронно? На мой взгляд, это был бы еще один важный штрих в этой изящной и очень стимулирующей концепции.

Юрий Рубинский: «Прав был профессор Преображенский из «Собачьего сердца», утверждавший, что разруха, будь то экономическая или политическая, у людей в головах».

Я хочу развлечь собравшихся, раскрыв одну «государственную тайну». Когда при Брежневе открывали новое здание нашего посольства во Франции, установили огромный, в человеческий рост, мраморный бюст Ленина, такой большой и тяжелый, что сначала его поставили, а потом уже лестницу соорудили. Впоследствии Ельцин велел бюст срочно убрать. Однако из-за его габаритов ничего не получалось — надо было ломать или бюст, или лестницу. И тогда было принято гениальное решение: бюст закрыли огромной коробкой из фанеры, которую украсили трехцветным флагом, на флаг повесили золотого двуглавого орла, так он и висит до сих пор. А Ленин сидит внутри.

Мне кажется, наша страна сегодня поразительно напоминает эту коробку: сверху трехцветный флаг с позолоченным орлом, а внутри по-прежнему Ленин. И дилемма остается: или бюст, или коробка, или лестница. Мы этот выбор никак не можем сделать.

Я со многими выступавшими, к сожалению, не согласен в том, что касается детерминизма вообще и экономического детерминизма в частности. В Веймарской республике городского населения было еще больше, чем у нас, и тоже не в первом поколении, и с экономикой дела обстояли не так уж плохо, потом, правда, случилась депрессия, но у нас бывало и похуже.

Или другой пример. Я очень люблю Португалию, много раз там был и с удивлением обнаружил, что Салазар, второй фашистский диктатор Европы после Муссолини, был профессором политэкономии и ортодоксальным экономическим либералом. Тем не менее при нем страна загнивала, а диктатура была совершенно тоталитарной.

Так что, мне кажется, прав был профессор Преображенский из «Собачьего сердца», утверждавший, что разруха, будь то экономическая или политическая, у людей в головах. И книги, подобные работе Евгения Григорьевича, постепенно эту разруху убирают, приводят ее в систему. Это самое главное.

Анатолий Ермолин: «Пока мы не вырастим демократию снизу, никаких революций нам лучше не затевать».

Сегодня прозвучал вопрос: почему такие волны страха исходят от нашей элиты? Я полагаю, потому, что проект проектирования управляемой демократии завершен. Все, что хотели, сделали: губернаторы построены, в СМИ невозможно ничего оппозиционного, неконтролируемого разместить и т.д. И наш истеблишмент застыл в ужасе: а что дальше? Если следовать их же логике — дальше только национал-шовинизм, но они, очевидно, мараться не хотят. А теперь ложка дегтя в бочку демократической тусовки: волны-то нашего страха еще больше. Почему молчим?

И несколько слов о методах борьбы с режимом. Тут много говорили о том, что, мол, кагэбэшники пришли к власти. Не могу не возразить, так сказать, от имени цеха, потому что сам около 15 лет носил погоны, и мой первый вопрос такой: а кто сказал, что КГБ пришел к власти? К власти пришло Управление КГБ по Ленинградской области и городу Ленинграду в лице некоторых его представителей.

Я служил в «Вымпеле» и по специализации являюсь организатором подполья и партизанского движения. Все время жду, когда меня упрекнут в том, что я и есть тот самый «специалист» по подготовке «оранжевых революций». Пока не упрекнули, хотя уже говорят, что все наши программы направлены на то, чтобы подготовить штурмовиков и т.д.

И вот, как человек, который участвовал в мероприятиях по борьбе с инакомыслием на Кавказе в советское время и по предотвращению распада советского Кавказа, я понял одну вещь, которую важно понять тем, кому очень не нравится то, что сейчас происходит в стране, и кто готов бороться с этим не на жизнь, а на смерть. Пока мы не вырастим демократию снизу, никаких революций нам лучше не затевать. Мой личный опыт говорит о том, что криминал, бандиты только чуть-чуть послабее нашей государственной машины и нашего административного ресурса.

Однажды, спустя 5 лет после событий в Нагорном Карабахе, мне пришлось разговаривать с одним из руководителей партизанского движения — разговаривать спокойно, по-людски, а не через прорез прицела. И он мне тогда сказал: понимаешь, как только мы расшатали власть, нас, молодых, патриотичных, любящих свою страну, начали убивать в спину. Мы все должны отдавать себе в этом отчет. И главный путь, я думаю, — это все-таки просвещение. И конечно, не молчать.

Леонид Васильев: «У нас нет внутренней готовности к демократии».

Приживется ли демократия в России? Всей душой я бы хотел, чтобы она прижилась, но, в отличие от многих, у меня есть серьезные сомнения в том, что это случится, так сказать, в реальности. *Может ли прижиться* — это, согласитесь, совсем другой вопрос.

Начнем с того, что Россию никоим образом нельзя сопоставлять с Западом — ее надо сопоставлять с Востоком, да и то не в полной мере. В Китае, например, даже не знают, что такое демократия, а живут все лучше, работают все лучше и больше. Япония, которой силой навязали демократию, тем не менее имела к этому внутренние предпосылки много большие, чем у нас. У нас нет внутренней готовности к демократии. Россия всегда страдала сервильным синдромом, красной нитью проходившим через всю ее историю, — сначала крепостное рабство, затем колхозное рабство и, наконец, казарменное рабство сегодня. Такова наша психология, и от нее никуда не денешься.

Не то что у нас нет понятия о демократии, как в Китае; это понятие есть, но слишком у небольшого количества людей. И слишком тяжело далось нам последнее 15-летие, когда демократия прививалась. Было сделано много ошибок. Смысл моих умозаключений в том, что нам не повезло. В нужный момент в России не оказалось такого великого человека, который бы хорошо представлял себе, что нужно делать, и мог это осуществить. Возможно, он бы не справился, но, по крайней мере, был бы соответствующий замах, а так и замаха не было — те попытки, которые были предприняты, оказались не на уровне проблемы, стоявшей перед страной. И вот вам результат: авторитаризм и демократия.

Бывает ли в истории сочетание авторитаризма и демократии? Бывает, но это сочетание, как правило, временное и далеко не всегда заканчивающееся

в пользу демократии. Если бы от тоталитаризма мы пошли к демократии через авторитаризм, мы могли бы застрять на авторитаризме. Но мы двинулись от тоталитаризма прямо к демократии, и я лично тогда очень горячо поддерживал эту идею. Но в тот роковой день 3 октября 1993 г., когда я вел заседание московской трибуны, случилось то, что мы говорили о демократии, а в это время уже шел антидемократический мятеж. И это была не случайность, а своего рода закономерность. Те же закономерности действуют, к сожалению, и сегодня. Так что психологически страна скорее не готова к принятию демократии.

Виталий Третьяков:

У меня буквально две реплики. Первая — в связи со словами Бориса Надеждина о том, что ему в первую очередь нужен газон, который он мог бы подстригать. Это не либерализм и даже не демократия, а филистерство. К сожалению, подобные высказывания и портят впечатление о русских демократах и либералах. И если они думают, что они могут с *этим* прийти к российскому народу, то в этой стране власть они не получают никогда.

Вторая реплика адресована автору книги, который, возможно, будет готовить второе ее издание или даже какой-то новый вариант. Все мы мыслим в рамках парадигмы эпохи Просвещения. А кто, строго говоря, доказал, что прогресс — это есть поступательное движение, допустим, от авторитарных методов управления к демократическим? Неплохо было бы рассмотреть гипотезу о том, что скоро демократии не будет вообще, а будет что-то после нее, и в этом смысле, возможно, Россия вновь опережает весь мир.

Евгений Ясин:

Я хочу выразить искреннюю благодарность всем, кто согласился прочитать книжку и выступить. У меня только два замечания. Во-первых, по поводу выражения «Будет демократия, будет и Россия». Могу сказать точно, что я написал книжку плохо, если такой опытный читатель, как Виталий Третьяков, не увидел в ней доказательств этого тезиса. Я постараюсь исправить эту и другие свои ошибки.

Мне казалось, что ситуация складывается таким образом, что альтернативы демократии нет, что еще одной попытки авторитарной модернизации, модернизации сверху — а это желание всех правителей, — Россия не выдержит. Выход один: принять определенные правила, тогда не надо будет критиковать бизнес, не надо будет критиковать власть, а просто надо будет следовать правилам.

Говорят, что у нас бизнес плохой. Он такой, каким и должен быть, только нецивилизованный, потому что нет правил игры. Нет их и для чиновников. От этого мы сегодня и мучаемся. Я убежден, что демократия не нужна только одному слою людей — тем, у кого власть. Потому что власть делить никто не хочет.

Каждый раз, когда мне начинают доказывать, что мы не созрели, мы не такие и т.д., всегда стараюсь понять, кому это выгодно. И это вопрос принципиальный. Доказательства и обоснования я готов принимать от тех людей, которые скажут, что они готовы участвовать в свободных выборах, что они готовы уйти и потому ничем не манипулируют. А до тех пор, пока это не так, я буду оставаться при своем мнении.

Второе замечание — по поводу того, что я предлагаю объединить все силы с демагогическими и популистскими лозунгами и т.д. Я это не предлагаю. Просто я глубоко убежден, что демократия начинается не тогда, когда происходит революция, а когда есть равновесие социальных и политических сил. Это равновесие сил — обращение к большим массам избирателей. Если вы идете к избирателям только с искренними словами по поводу святых истин и с хорошими пожеланиями, то вы до них не дойдете, эти разговоры хороши только для домашнего кружка. А на каком языке разговаривать с массами?

Я стараюсь быть реалистом и понимаю, что быстро демократия не победит. Да и как может быть иначе, если мы все или боимся, или равнодушны? И до тех пор, пока мы будем такими, власть обязательно будет этим пользоваться, так же как бизнесмен всегда будет стараться получить больше прибыли, в том числе всякими нечестными методами, если не будет закона, независимого суда и свободы прессы. Это, мне кажется, совершенно естественно и очевидно. И я думаю, что роль элиты состоит в том, чтобы постоянно обращаться к народу, доводить до него эти мысли с тем, чтобы люди, в конце концов, поняли, что это важнее, чем кусок хлеба и бутылка водки.

Я хочу надеяться, что осенью мы вернемся к этому разговору, но будем обсуждать уже не книгу как таковую, а те проблемы, которые в ней поставлены. И еще я хочу обратиться к профессиональным политологам — пишите! На полках книжных магазинов либо какие-то фашистские издания, либо переводы. Серьезных российских авторов практически нет. Газеты пытаются освещать тему, но, если речь идет о либерализме и демократии, то — с таким ерничаньем. Однако у меня такое ощущение, что время ерничанья проходит и наступает время нравственности, возможно, даже романтики.

Программа демократической модернизации России

23 ноября 2005 г.

Обсуждение провели Фонд «Либеральная миссия» совместно с ГУ ВШЭ и Международным университетом в Москве.

Евгений Ясин:

Я постараюсь быть кратким. Все равно всего не изложишь, а тем более не обоснуешь. Все что я хотел сказать более пространно, я сказал в книжке, которая называется «Приживется ли демократия в России». Кроме того, я хочу сказать следующее. Я открыл последний номер журнала «Эксперт» и прочитал там статью моего друга Александра Николаевича Привалова, в которой он пишет о том, что для демократии нужны по крайней мере две партии, а у нас только одна партия, и та КПРФ. Поэтому что нельзя же считать такой партией «Единую Россию», которая является не инструментом создания программ и выработки идеологии, а придатком к власти, к кремлевской администрации, которая и вырабатывает для всех нас определенные программы.

Что касается либерального фланга, то, цитирую: «...мы видим унылую картину в нынешних “Яблоке” и особенно СПС. Из такого стройматериала парламентскую республику построить нельзя...». По крайней мере, на роль федеральной партии либералы не годятся. Я говорю «либералы», потому что после 4 ноября уже боюсь говорить «правые». И он говорит далее, что никто не в состоянии выработать какую-то программу и, цитирую: «...что освещают все, буквально все наши партии? Одни и те же три вещи, излагаемые чуточку разными словами. Всяческая забота о народе — это раз. Обращение на благо народа природных богатств — это два. И переход от сырьевой экономики к наукоемкой — это три. Но позвольте, какая же это стратегия...» — и так дальше. Я подозреваю, что он, может

быть, имел в виду левые партии, которые одни присутствуют в парламентской оппозиции, потому что не все партии эти три пункта провозглашают, хотя, конечно, в любви к народу клянутся все.

Но все-таки мне хотелось показать, что на самом деле можно предложить программу, не говоря уже о том, что это мое хобби. Я много лет занимаюсь написанием программ, мне показалось, что в этот раз я тоже должен. Программа была написана некоторое время назад, и я ее рассматриваю не как некую истину в последней инстанции, а как предложение к дискуссии. И полагаю, что если сторонники подлинной либеральной демократии соберутся вместе, то они смогут использовать этот материал для того, чтобы некую совместную программу выработать и предложить ее обществу. Меня побуждает и то, что из правительственного лагеря раз за разом доносятся возгласы, что никто ничего предложить не может, с правого фланга особенно ждать нечего. Если кто и представляет правые либеральные силы, то это как раз «Единая Россия». Я не претендую на то, чтобы быть оракулом, я высказываю свое собственное мнение. Понимаю, что там есть вопросы для дискуссии. Но, тем не менее, осмелился на это дело и пригласил тех людей, которые представляют все-таки либеральную демократию в России, в качестве диспутантов.

Прежде всего я хотел бы начать с оценки ситуации. Буду краток, потому что про нее говорят многие, и я не буду особо оригинален. Просто хочу сказать, что, с моей точки зрения, мы сталкиваемся сегодня с довольно сложным процессом, который включает, во-первых, необходимость каким-то образом считаться с наследием Советского Союза, в том числе деформированной экономикой, подрывом трудовых и хозяйственных мотиваций, что было принципиальной особенностью плановой социалистической системы. И консервацией архаичного менталитета, что также было связано с советской системой, по той причине, что она воспроизвела сословную иерархию, очень похожую на иерархию феодального общества, и соответственно те ценности, те институты и тот менталитет, который был свойствен сословно-феодальной системе.

Во-вторых, это последствия трансформационного кризиса, в том числе снижение уровня жизни, рост социального неравенства, коррупции, потеря научно-технического потенциала. Это все также осложняет ситуацию. Если вследствие наличия первой части проблемы коммунисты понесли урон в глазах населения, то в силу трансформационного кризиса урон понесли демократы. Хотя либеральные рыночные реформы были проведены, демократические силы, свергшие коммунистический режим и открывшие дорогу радикальным переменам, также утратили доверие народа. Народ ждал быстрых и безболезненных улучшений от демократии, но его очевидно завышенные ожидания не оправдались. И страна оказалась перед довольно безрадостной реальностью, к которой заново надо было приспособливаться. Взамен коммунистов и демократов мы получили режим Путина, который, поддержанный высокими ценами на нефть, обещал политическую стабильность и продолжение либеральных реформ, но практически так ничего и не сделал. Устроив охоту на бизнес в интересах бюрократии, его команда в исключительно благоприятной ситуации получила снижение темпов роста экономики и увеличение инфляции. Стабильность первых лет его правления сменилась дестабилизацией, вызванной чересчур прыткими маневрами,

предпринимаемыми с целью остаться у власти любой ценой. Что же дальше? Получая кучу денег, страна потеряла перспективу.

Особое принципиальное значение имеет наша низкая конкурентоспособность. Мне было интересно, когда на днях я участвовал на Первом канале вместе с Валерием Александровичем Фадеевым, главным редактором журнала «Эксперт», в программе, где он доказывал, что нужно выбрать такую политику, которая обеспечила бы повышение конкурентоспособности. Ясно, что сегодня наша конкурентоспособность поддерживается главным образом наличием природных богатств, и действительно есть очень серьезная проблема — научиться делать готовые изделия, которые люди хотели бы покупать у нас в стране и за рубежом. Эта проблема исключительно сложная.

Затем — это низкий уровень доверия и солидарности в стране. И последнее — это свертывание демократии и угроза возврата к традиционной российской модели распоряжения властью, что было бы колоссальной бедой для страны (рис. 1). Вслед за коммунистами и демократами путинские государственники-силовики оказались перед лицом дискредитации.

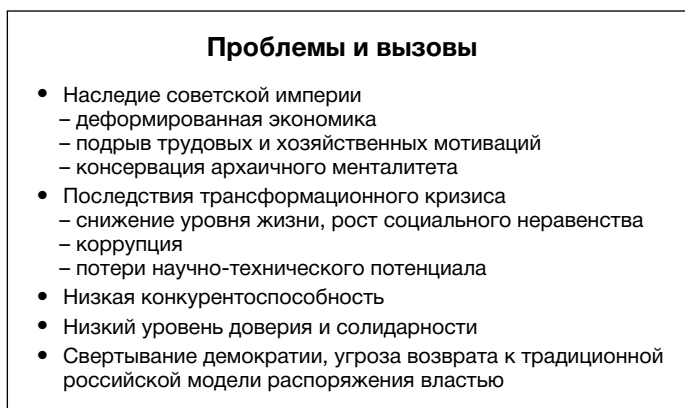

Рис. 1. Проблемы и вызовы

В любом случае мы оказываемся перед императивом модернизации. Модернизация все равно нужна. Ее конечная цель — это достижение конкурентоспособности и соответственно какой-то уверенности в будущем. Когда я говорю о конкурентоспособности, я не исключаю нефть и газ, но все-таки имею в виду не только их. Обществу предлагаются две основные альтернативы. Одна — это бюрократическая модернизация, модернизация сверху, в которой главными инструментами являются давление государства на общество, на бизнес и концентрация ресурсов. И есть вторая альтернатива — это демократическая модернизация, модернизация снизу, имеющая в виду мобилизацию активности граждан, которая опирается на свободу и доверие. Инструментом является трансформация институтов, переделка системы ценностей, менталитета (рис. 2).

Сегодня побеждает первая версия. Но у меня очень большие сомнения относительно того, что эта версия может принести позитивный эффект. Мне кажется,

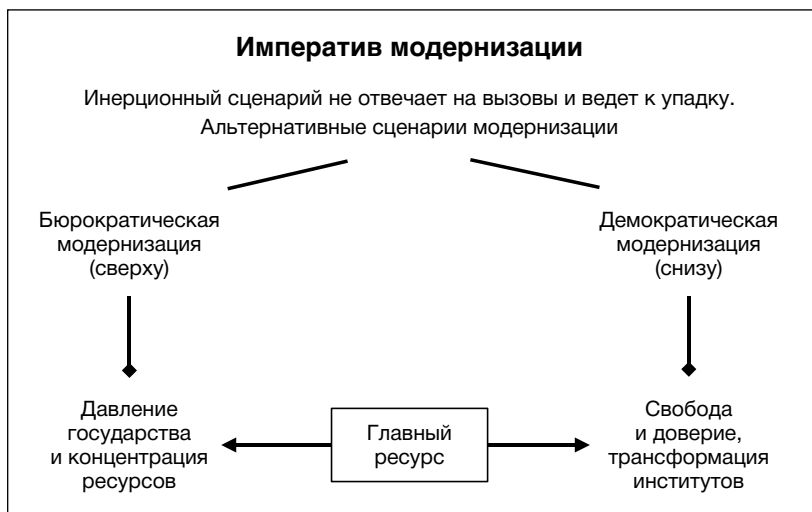

Рис. 2. Императив модернизации

ся, что то время, когда эта модель могла давать позитивные результаты в России, уже оказалось позади. Хотя, конечно, есть некоторые любопытные идеи. Я слышал их недавно по телевидению от таких авторитетных людей, как Вячеслав Володин, генсек ЕдРа, Андрей Макаров, представлявший единокороссовских либералов, и Андрей Исаев, представлявший единокороссовских социалистов. Там прозвучала очень богатая идея о том, что у нас уже складывается полупартийная система, которая 34 года была работоспособной в Японии, а также в Италии, Мексике, и вполне эта система может работать и у нас. У меня на этот счет есть большие сомнения, по очень простой причине. Потому что ни одна страна не пережила то, что переживала в XX в. Россия. У нас уже была не полупартия, а просто однопартийная система, которая опиралась на мобилизацию сил людей через подавление и подчинение, а не на раскрытие возможностей свободной личности. Но это приходилось на фазу индустриализации, когда такого рода методы могли работать, поскольку мобилизовались в основном массы простого труда, а сейчас мы сталкиваемся с переходом в постиндустриальное общество, где ситуация принципиально иная. Если вы игнорируете человеческие творческие способности, если вы не даете возможности развиваться человеческой индивидуальности и не открываете возможности для самореализации максимально большего количества людей, вы выиграть в мировой конкуренции не сможете, в этом мое убеждение.

Второй вариант — демократическая модернизация. Мне кажется, что именно демократическая модернизация, которая опиралась бы на повышение уровня свободы и доверия, на благоприятный деловой климат как факторы достижения конкурентоспособности и процветания страны, и является той основой, той программой, которую может и должна принять российская либеральная демократия (рис. 3). И это для страны по-настоящему единственный позитивный выход.

Программа демократической модернизации

Задача: повысить уровень свободы и доверия, чтобы обеспечить благоприятный деловой климат, конкурентоспособность и процветание страны.
Осуществить необходимые для этого институциональные изменения и структурные реформы.

Три ключевых слова:

- Демократизация
- Свободная экономика
- Гуманизация

Рис. 3. Программа демократической модернизации

Три ключевых слова в этой программе, которые мне представляются важными: демократизация, свободная экономика и гуманизация. Я таким образом структурирую программу, и эти слова будут обозначать ее разделы.

Я считаю, что самое главное — это демократизация. Как экономист, поднабивший в написании экономических программ, я считаю, что возможности продолжения реформ в экономике ограничены, они почти что бессмысленны. Не в том смысле, что в экономике больше нечего делать, а просто, если не будет соответствующих политических изменений, если не будет демократизации, то эти реформы не будут приносить никакого результата. То, что мы наблюдаем в последнее время, является ярким тому подтверждением. Вы знаете, что в 2000 г. была принята программа, которую условно назвали программой Грефа. Она как-то реализовывалась до 2003 г., после чего были приняты решения, носившие явно политический характер. Произошла смена курса, и это была прежде всего смена политического курса. И стало ясно, что все эти реформы, о которых мы говорили, либо не будут реализованы, либо это будет исполнение некоего ритуала, за которым не последует никаких позитивных результатов. Поэтому с моей точки зрения демократизация является изначальной точкой, без нее мы не сможем двинуться вперед, не сможем обратиться к людям, чтобы призвать их участвовать, к соучастию в тех позитивных изменениях, которые должны происходить в стране. Здесь приведен список тех основных институтов, тех основных моментов, которые составляют содержание демократической модернизации (рис. 4).

Демократизация

- Свобода печати
- Верховенство закона и независимый суд
- Свободные выборы, политическая конкуренция
- Федерализм
- Гражданское общество через местное самоуправление
- Общественный контроль бюрократии

Демократия — порядок для свободных людей.
Демократия рождается не от революции, а от равновесия сил.

Рис. 4. Демократизация

С помощью следующих шести слайдов я вкратце раскрою содержание названных пунктов. Можно говорить на эту тему много. Я же попытался выделить самое главное в каждом из этих пунктов.

Первое — свобода печати. Необходимо прекратить негласный контроль над СМИ и последующие санкции. Любая цензура должна преследоваться по закону. Я считаю, что мы должны вернуться к вопросу об общественном российском телевидении. Собственность на СМИ должна быть обременена ограничениями, вытекающими из прав журналистов подавать и интерпретировать информацию. Объясню в двух словах, о чем идет речь. Напомню вам, что у нас очень хороший закон о СМИ, который сочинен был тогда, когда российская демократия была в зените. Но он ничем не помог свободе слова по очень простой причине — потом приняли закон об акционерных обществах, и весь разгром российской свободной прессы произошел под лозунгом споров между хозяйствующими субъектами. Я внимательно изучал документы дискуссии, которая велась в последние годы уже после гибели старого НТВ по этому вопросу. Я увидел, что проблема состоит в том, что за рубежом либо принимается закон, либо — чаще — уставы соответствующих средств массовой информации, в которых оговариваются права журналистов. И как у земельных собственников, бывает, есть определенные, предусмотренные правовыми актами сервитуты, которые позволяют людям писать то, что они думают, и доставлять действительно информацию, а не ее подобие (рис. 5).

<p style="text-align: center;">Свобода печати</p> <ul style="list-style-type: none">• Прекратить негласный контроль над СМИ и последующие санкции. Любая цензура преследуется по закону• Демократии необходимо общественное российское телевидение• Собственность на СМИ должна быть обременена ограничениями, вытекающими из прав журналистов подавать и трактовать информацию
--

Рис. 5. Свобода печати

Второе — верховенство закона и независимый суд. Я думаю, что это, наверное, самое трудное и одновременно самое важное из того, чего нам нужно достичь. Потому что просто свободные выборы, просто хорошая избирательная система без привычки населения к тому, что в суде можно добиваться справедливости или законности, будут приводить к власти тиранов и демагогов. С моей точки зрения, здесь важно прекратить вмешательство исполнительной власти в отправление правосудия. Кто-то прямо говорил о том, что наша власть уже не исполнительная, а повелительная. Это в полном смысле относится и к суду. Затем это обновление и профессиональное обучение корпуса судей. Судьи тоже люди. Они выросли и сложились в тех условиях, в которых сложились все мы. Если их не заставляют принимать определенные решения власти, то они податливы коррупции, и без определенной очень серьезной воспитательной работы и профессионального обучения, без определенного формирования этики судейского корпуса нам не удастся добиться успеха. Затем — прекратить распределение

дел между судьями и председателями судов. Это важное положение. Уже ясно из практики, что судьи, даже если хотят быть честными и соблюдать этику, не могут этого сделать, потому что от председателя суда зависит, какие дела будут предложены данному судье, будут ли они ему предложены вообще и т.д. И еще: для суда необходимо постоянное внимание общества. Они должны чувствовать, что обществу безразлично, что будет происходить в суде (рис. 6). Я счел необходимым также использовать это выражение: «Независимость суда — это состояние души судьи». И чтобы стать исполнителем тех функций, которые положены в демократическом обществе, он (судья) должен «убить в себе дракона».

Верховенство закона и независимый суд

- Прекратить вмешательство исполнительной власти в отправление правосудия
- Обновление и профессиональное обучение корпуса судей
- Прекратить распределение дел между судьями и председателями судов
- Постоянное внимание общества

Независимость суда — это состояние души судьи.
«Дракона надо убить в себе» (Е. Шварц).

Рис. 6. Верховенство закона и независимый суд

Третье — свободные выборы. Здесь также пункты, на которых, как мне кажется, важно настаивать и под которые нужно подводить определенные действия демократической общественности. Нам нужны свободные выборы и политическая конкуренция. Надо прекратить манипуляции на выборах. Пропорциональная система по партийным спискам, которая сегодня стала законом, неприемлема хотя бы по одной простой причине: люди хотят голосовать за конкретного человека, а не за список, сформированный в Москве. Нужно отменить лимитирование численности партий, понизить избирательный барьер до 5%. Партия большинства формирует правительство. Вы скажете, что и партия власти то же самое предлагает. Это правда. Но мне кажется, что пришло то время, когда мы должны смотреть, кто предлагает, когда предлагает, при каких обстоятельствах. Потому что время революционной целесообразности прошло. Нужно выдвигать и отстаивать принципиально важные положения. И мне кажется, что это именно так. Потому что если партии не борются за самый главный приз, а именно за власть, то они никогда не будут играть достойной роли в обществе.

Постоянные разговоры о том, что партии у нас плохие, что у нас нет традиций, что это не подходит для нашей системы, для нашего менталитета — может быть, это и так. Но скорее всего это не так, потому что никогда в нашей России партиям, кроме как КПСС, такие возможности не предоставлялись. Поэтому мы имеем дело с администрацией президента, которая очень похожа на ЦК КПСС, но только она в этом не признается. Рассчитывать на то, что «Единая Россия» сможет играть роль идеологической партии при администрации президента, конечно, не стоит. Надо принять закон об администрации президента с тем, чтобы

положить конец традиции царского двора и ЦК КПСС, когда у нас в политической системе есть орган, который принимает все основные решения и ни за что не отвечает, потому что его полномочия, его ответственность нигде не прописаны (рис. 7).

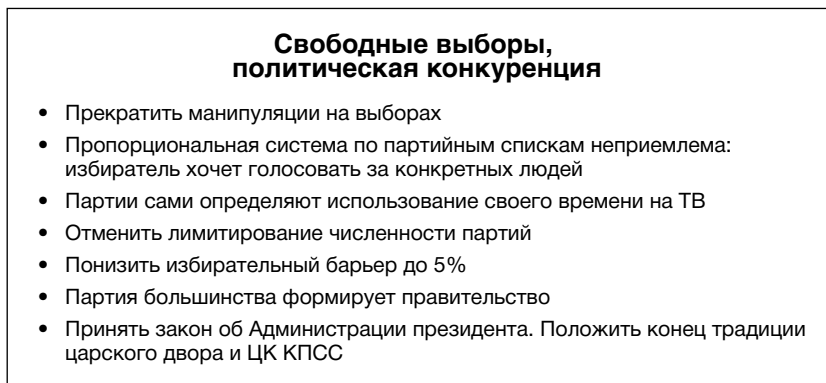

Рис. 7. Свободные выборы, политическая конкуренция

Следующий вопрос, на который хочу обратить внимание, — это федерализм. Конечно, это прямые выборы глав субъектов Федерации. Конкурентный бюджетный федерализм, который предполагает право регионов устанавливать свои налоги и сборы. Я считаю это принципиально важным. Если вы внимательно посмотрите на практику последних лет, то увидите, что сначала производилась централизация финансов, доли регионов определялись каждый год в бюджете, и каждый год они становились все меньше. Сейчас, после того как глав регионов стали назначать, раздается голос того же Козака, что теперь можно вернуть какие-то полномочия, потому что (об этом уже не говорят прямо, но это всем ясно), если назначаются губернаторы, то можно от них потребовать все что необходимо и тогда можно дать им больше полномочий, которые они — под управлением — будут исполнять.

Международный опыт ясно показал, что большинство из тех проблем, с которыми мы сталкиваемся во взаимоотношениях центра и регионов, — это вопросы распределения бюджетных денег. Федеральный центр хочет иметь как можно больше власти, а регионы хотят получать как можно больше денег. Поскольку источником денег является федеральная власть, то они обращаются к ней за трансфертами. Поэтому у нас как было, так и есть — из 88 субъектов Федерации 70 являются реципиентами, остальные — донорами, потому что они добывают нефть, газ или еще что-то такое, или сама власть там находится. И эта ситуация не изменится до тех пор, пока руководители регионов, местные власти, а также местное население не будут влиять на свой бюджет. Поэтому нужен так называемый конкурентный бюджетный федерализм. Пользуясь выражением немецкого ученого Хорста Зиберта — который как раз продемонстрировал различие между «кооперативным федерализмом» в Германии и «конкурентным федерализмом» в Соединенных Штатах, — я бы наш федерализм назвал уни-

тарным. Эти понятия формально несовместимы, но по смыслу соответствуют нашей реальности.

Я также считаю, что мы должны прекратить разговоры о перекраивании административно-территориального деления страны. Я знаю, что уже нашлось много людей, которые собираются на этом делать карьеру, — кто с кем будет объединяться и т.д. Я думаю, что, может быть, в свое время нарезали уделы не лучшим образом. Можно что-то подправить, например, объединить Коми-Пермяцкий округ с Пермской областью, но перекраивать так, чтобы Татарстан оказался внутри Средневолжской области и т.д. — упаси Господь. Мне кажется, что когда уже существует определенное административно-территориальное деление, там вырастает определенная инфраструктура и культура, и с этими обстоятельствами надо считаться, потому что человеческие связи в гражданском обществе гораздо важнее, чем те границы, которые удобны для бюрократов (рис. 8). Не хочу сейчас дискутировать по национальному вопросу, это отдельная проблема.

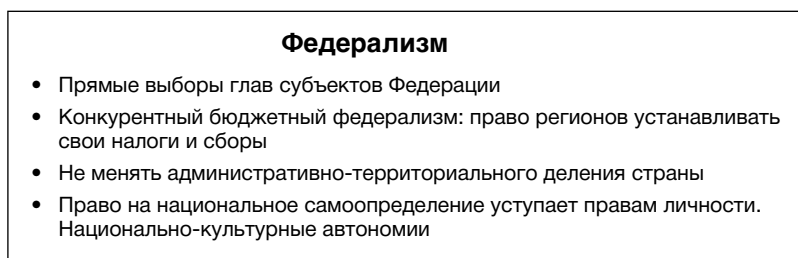

Рис. 8. Федерализм

Я считаю, что проблема местного самоуправления исключительно важна именно с точки зрения формирования гражданского общества. Почему написана первая строчка [на рис. 9], что Россия готова к демократии? Потому что очень распространен тезис, что мы не готовы к демократии, и поэтому не надо начинать раньше времени. Во-первых, по секрету вам скажу, я уверен, что это быстро и не случится. И не думаю, что к моим призывам прямо завтра в Кремле прислушаются или даже прислушаются за пределами Кремля. Но мне важно, чтобы мы понимали, что лозунг о неготовности России к демократии очень сильно эксплуатируется властями. И лучше, если у людей будет созреть представление, что ничего подобного, что мы к ней готовы. Если бы ничего не меняли начиная, скажем, с 2003 г., то ничего бы с Россией не случилось, Россия была бы гораздо более демократической и более успешной страной.

А если мы возьмем какие-то объективные показатели, известный показатель производства ВВП на душу населения, который у нас значительно выше 5 тыс. долл., — эту сумму Линсети и Фарид Закария, известные авторитеты, считают пределом, начиная с которого демократия возможна. Если мы будем брать какие-то другие показатели, характеризующие уровень бедности, неравенства, отсутствие или наличие среднего класса, — ничего такого, что было бы непреодолимым препятствием, не существует. Но если не делать шаги к демократии,

то мы никогда не сможем поднять нашу экономику и наше общество до того уровня, когда можно было бы говорить, что мы полностью готовы к демократии. Это проблема, которая решается в пути.

Я думаю, и это важный вопрос, что гражданское общество на самом деле не является условием перехода к демократии. В книжке, которую я считаю обоснованием этой программы, я описываю позаимствованные из разных источников различные виды демократии. Я считаю, что принципиально важным для демократии является не то, чтобы все были равны, а наличие политической конкуренции, возможности выбора у граждан. Это минимум того, что должно быть сделано. Лучше, чтобы было гражданское общество, но «гражданское общество» не означает общество, в котором каждый человек так понимает свой гражданский долг, что готов всякий раз пожертвовать своей жизнью ради интересов отчизны. Это не гражданское общество, это стадо. А если вы хотите иметь гражданское общество, то должны исходить из того, что это совокупность людей, которые готовы бороться за свои права, за свою свободу. И для этого готовы объединяться в какие-то организации, в какие-то ассоциации, выступать на выборах и т.д. Если подходить с этой точки зрения, то мы должны сказать, что в этом смысле гражданское общество вообще-то существует в довольно небольшом количестве стран. Это Скандинавские страны, это Нидерланды, это Швейцария.

В основных демократических странах, будь то США или Великобритания, Франция или Германия, мы наблюдаем другую демократию, которую скорее можно назвать элитарной демократией. В ней партии борются за власть и, получив ее, реализуют свои идеи. Но элитарная демократия не означает управляемая демократия. Потому что между ними есть небольшая грань — это то, что есть политическая конкуренция. Есть некое равновесие сил в обществе, сил, которые отстаивают свои интересы и являются важнейшим инструментом общественного регулирования.

Необходимо противодействие любым попыткам ликвидировать или ограничить выборность органов местного самоуправления. На время этот процесс остановился, но никто не знает, в какой момент он начнется снова. Кроме того, (после того как будет принят новый закон о некоммерческих организациях), выборность органов местного самоуправления и их право хотя бы отчасти формировать свой бюджет останутся последним бастионом всех тех демократических завоеваний, которые были достигнуты начиная с 1987 г. Также для регионов и для органов местного самоуправления необходима финансовая независимость: право местного самоуправления устанавливать налоги и сборы. Можно ответить на это: где же вы найдете такое количество грамотных людей, которые могли бы составить бюджет, и т.д. Вообще, как известно, в России есть единственный европеец — это правительство. И поэтому мы не можем пойти на децентрализацию. Ну, если не можем, тогда будем жить так, как мы живем сейчас, или хуже. Потому что люди, если не сталкиваются с определенной социальной практикой, когда нужно их участие, нужна их квалификация, — они никогда соответствующих свойств не приобретут. И надо прекратить все попытки ограничения деятельности некоммерческих гражданских организаций.

Я думаю, что до конца года будет принят закон, который сегодня обсуждался в Думе. Это закон, который, с моей точки зрения, является просто позорным,

постыдным. Сегодня господин Попов, глава Комитета Думы по общественным организациям, уже начал немножко оправдываться, он стал говорить в таком ключе, что это же в интересах самих гражданских организаций. Но вот как он при этом не подавился своим языком, я не знаю. Тем более что третьего дня говорил, что Дума не станет учитывать никаких замечаний, так как они инициированы иностранными спецслужбами. Тем не менее как-то у него это получается. Я так полагаю, что все равно это остается предметом политической борьбы. Потому что неправительственные организации, которые получают деньги от кого угодно, но только не от государства, должны противостоять государству и обеспечивать зависимость государства от общества, они должны существовать и иметь все возможности привлечения ресурсов для своей деятельности. А их подконтрольность Регистрационной палате и любым другим бюрократическим органам неприемлема.

Я, выступая на «Эхе Москвы», привел сведения, которые услышал от госпожи Шери Бут, жены Тони Блэра. Она сказала, что в Соединенном Королевстве 600 тыс. неправительственных организаций и 60% из них нигде не регистрируются. О них знают только те, кому они оказывают свои услуги. А если этот закон будет принят, то нам скажут, конечно, «умные» депутаты, что там предусмотрен уведомительный порядок, вы можете и не регистрироваться. Но если вы вчитаетесь, то ситуация будет следующая: в уведомительном порядке организации сообщают, а там, в палате, их регистрируют. Но если в течение определенного срока сведения о регистрации к вам не поступят, то вы незаконны и с вами можно делать все что угодно, в том числе закрыть. Как раз господин Попов сегодня сказал, что нам известно большое количество замечаний, но эти замечания обусловлены тем, что люди и организации боятся того, как будут действовать бюрократы, исполняющие этот закон. А чего нам тогда бояться, если не этого? А зачем тогда пишутся законы? Я считаю это исключительно важным (рис. 9).

Гражданское общество через местное самоуправление

- Россия готова к демократии
- Не допустить замещения местного самоуправления государственными полномочиями
- Противодействие любым попыткам ликвидировать или ограничить выборность органов местного самоуправления
- Финансовая независимость: право местного самоуправления устанавливать налоги и сборы
- Прекратить все попытки ограничения деятельности некоммерческих гражданских организаций

Рис. 9. Гражданское общество через местное самоуправление

Необходим общественный контроль бюрократии. Административная реформа должна быть не вместо, а вместе с демократией. И без демократии административная реформа успешной не будет. Также необходима публичная отчетность и общественный аудит органов государственной власти. Не могу сказать,

что это не пытаются делать, но, по-моему, об этом говорит один Греф, а всем остальным это до лампочки. Надо узаконить полноценные парламентские расследования. Подчеркиваю, я все это писал тогда, когда парламентские расследования еще не обсуждались в Думе, соответствующие предложения не вносились. Я ничего не вычеркнул: как я думал, так и предлагаю. Просто обращаю ваше внимание на то, что закон о парламентских расследованиях в том виде, какой он сегодня имеет, позволяет этой самой повелительной власти прекратить или не допустить любого парламентского расследования, которое хотели бы провести определенное количество депутатов. 90 депутатов должны подписаться для того, чтобы провести парламентское расследование. Учитывая то, что общее число членов во фракциях, кроме «Единой России» и ЛДПР, всегда меньше чем 90, никогда ни одного парламентского расследования в нынешних условиях проведено не будет.

Общественный контроль правоохранительных органов и служб безопасности. Это общеизвестное и давнее требование демократических сил. Я думаю, мы все должны его принять.

Независимая прокуратура, административные суды и борьба с коррупцией. Здесь я приведу слова Ли Куан Ю, бывшего премьер-министра Сингапура, они мне очень понравились, потому что это действительно правда: «Чтобы избавиться от коррупции, надо прежде всего очистить от нее верхи».

Общественный контроль бюрократии

- Административная реформа: не вместо, а вместе с демократией
- Публичная отчетность и общественный аудит органов государственной власти
- Узаконить полноценные парламентские расследования
- Общественный контроль правоохранительных органов и служб безопасности
- Независимая прокуратура и административные суды
- Борьба с коррупцией

«Чтобы избавиться от коррупции,
надо прежде всего очистить от нее верхи»
(Ли Куан Ю, премьер-министр Сингапура)

Рис. 10. Общественный контроль бюрократии

Свободная экономика. Здесь начинаются вещи, которые я повторял много раз. Сегодня мне стала известна еще одна новость: кажется, есть намерение национализировать «Автоваз». Это еще один шаг назад. Мало того, что мы национализируем рентабельные предприятия типа «Сибнефти», мы теперь еще будем национализировать предприятия, которые надо спасать. Это уже, как говорится, «полное множество». Вопрос о том, чтобы прекратить огосударствление экономики, играет исключительно важную роль.

Не буду повторять здесь про налоговую службу и налоговый терроризм. Вот здесь сидит Александр Александрович Аузан, мы вместе с ним проводим исследование на эту тему. Когда наши либеральные министры говорят, что нужно

улучшить инвестиционный климат, то я не понимаю, к кому они обращаются. Наверное, к президенту. Потому что деловой климат испортился вследствие «дела «Юкоса»» и налогового терроризма. Не только вследствие этого, но и огосударствления и т.д. Но это именно то, из-за чего темпы роста экономики упали, а инфляция стала расти.

Я предлагаю принять закон о лоббизме. «Либеральная миссия» выпустила книжку, посвященную этому. Она написана Алексеем Павловичем Любимовым. Я это предлагаю по очень простой причине, потому что реально свободная экономика предполагает не только ограничение властей, но и определенное ограничение бизнеса, введение его в определенные рамки, в определенные границы. Так, чтобы он не нарушал коренных общественных интересов. Наше исследование показало, что закон о лоббизме в России не принят формально по вине правительства. Всякий раз, когда предлагалось его рассмотреть, а долгое время его отстаивали только левые, правительство выступало и говорило, что нет, не надо по той или иной причине. А оснований всегда было более чем достаточно. Я думаю, что определенный конфликт интересов между бюрократией и бизнесом будет всегда. Но вопрос заключается не в том, чтобы кто-то победил, а в том, чтобы эта борьба проходила в законных рамках. Закон о лоббизме — это одна из таких рамок.

Должностные лица, виновные в незаконном преследовании бизнеса включая давление на органы правосудия, должны отвечать перед судом. Это требование мы должны выдвигать. Потому что если такого рода случаи произвола над бизнесом будут сохраняться, мы не можем говорить о свободной экономике, о равенстве условий конкуренции и процветании.

Политика конкуренции и конкурентоспособности. Я сожалею, что нет господина Клепача, он был бы моим оппонентом. Но когда я это говорю, то имею в виду одно обстоятельство. Вы знаете, что во всех газетах очень много пишут о том, что нужно проводить новую промышленную политику и что эта политика главным образом должна заключаться в том, чтобы взять государственные деньги, заработанные от высоких цен на нефть, в том числе Стабилизационный фонд, и поделить, и в качестве государственных инвестиций вложить в какие-нибудь проекты, в том числе национальные. Я не против того, чтобы были какие-то проекты, даже национальные. Я не против того, чтобы была новая промышленная политика. Просто я считаю, что когда вы в начале XXI в. опять начинаете говорить про промышленную политику, то вы как-то попадаете в XIX в. или по крайней мере в эпоху начала индустриализации. Сегодня это прежде всего политика конкурентоспособности. А раз конкурентоспособности, значит конкуренции, значит должно быть как можно меньше государственного вмешательства в экономику (рис. 11).

Пакет необходимых структурных реформ я не буду особо комментировать, потому что это известные вещи, которые все время повторяются (рис. 12). Но они ведь повторяются не просто потому, что мы добились каких-то успехов. Они повторяются потому, что мы, в общем, не двигаемся на этих направлениях. Я думаю, что любое ответственное руководство страны обязано думать не только о своей популярности, но и о том, чтобы решать стоящие перед страной актуальные задачи. Последние предложенные стране национальные проекты я под-

Свободная экономика

- Свобода предпринимательства: экономику поднимает бизнес, а не государство
- Защита прав собственности. Закрыть вопрос об итогах приватизации
- Прекратить огосударствление экономики
- Равенство прав налоговой службы и налогоплательщиков. Прекратить налоговый терроризм
- Принять закон о лоббизме
- Должностные лица, виновные в незаконном преследовании бизнеса, включая давление на органы правосудия, должны отвечать перед судом
- Политика конкуренции и конкурентоспособности

Рис. 11. Свободная экономика

держал, потому что их список охватывает самые больные точки. Но чем больше знакомлюсь с их содержанием, тем больше я воспринимаю их как подмену реформ, а не как их осуществление. Наши исследования показывают, что государство должно выкупать реформы. Оно должно повышать заработную плату бюджетникам, повышать пенсии, компенсировать потери населению, при этом с превышением того, что люди теряют, со значительным превышением. Но оно должно это делать таким образом, чтобы после этого оставались новые институты, которые будут содействовать функционированию эффективной рыночной экономики. Пока я думаю, что мы не можем чем-то похвастаться в этой сфере. Поэтому не зазорно для сторонников либеральной демократии повторять бесконечно эти лозунги, до тех пор, пока они не будут претворены в жизнь.

Пакет необходимых структурных реформ

• Реформы естественных монополий • Реформа ЖКХ • Реформа бюджетных учреждений		<p>Сокращение
нерыночного сектора
экономики</p>
• Реформа здравоохранения • Реформа образования • Пенсионная реформа • Военная реформа • Повышение оплаты труда бюджетников и пенсий — полная и с превышением компенсация потерь населения от роста стоимости публичных и коммунальных услуг		Социальная сфера

Рис. 12. Пакет необходимых структурных реформ

Гуманизация. Я глубоко убежден в том, что до сих пор демократические силы, может быть, кроме «Яблока», не поднимали вопросы гуманизации, вопросы социальной справедливости. Между тем мне они представляются исключительно важными, органичным дополнением к лозунгам демократизации и свободной

экономики. Не из особых гуманных соображений или моей приверженности к справедливости и т.д. Можно предполагать, что я не чужд этих ценностей, но экономика — это вещь не всегда гуманная. Мне кажется, что в том периоде, в который мы вступили, главным резервом развития России является доверие, солидарность. Доверие — это такая вещь, которой мы сегодня не имеем. Мы имеем сегодня один из самых низких уровней доверия в мире. Поэтому мы оказываемся в конце списка по конкурентоспособности, по экономической свободе и по другим вещам. Я так думаю, что это в то же время и наш резерв, если мы серьезно будем работать. Но для этого нужно совершенно другое отношение к людям. Я здесь говорю о повышении ценности человека. Нас становится все меньше и каждый должен стоить дороже. Если этого поворота в сознании людей не будет, нам будет очень трудно.

Недавно я присутствовал на вручении премии Александра Меня бывшему немецкому послу в России Эрнсту-Йоргу фон Штудниц. Должен сказать, что сам Александр Мень и вся его судьба — это путь человека, который жил в ожесточенном обществе. И мы продолжаем жить в таком обществе. Фон Штудниц получил свою премию заслуженно, потому что кроме того, что он укреплял в свое время дружбу между российским и германским народами, он и сейчас продолжает работу с помощью возглавляемого им фонда в местах заключения, в женских колониях по облегчению участи заключенных. Он и его жена Полли. Я просто думаю о том, как мало у нас людей, которые занимаются такого рода деятельностью. Альтернативная служба в Германии состоит в том, чтобы посылать волонтеров, в частности в Россию. Но мы своих волонтеров не посылаем даже к себе. И дальше не обращать внимания на эти вещи, на то, что без этого не возникнет в обществе доверия и ощущения солидарности, мы не можем. А без них нельзя построить успешную экономику и процветающее общество. Я считаю, что это вещи чрезвычайно важные (рис. 13).

Гуманизация

- Доверие. Не нефть и не газ, а доверие — главный ресурс страны, основа социальной солидарности, объединяющей нацию
- Повышение ценности человека: нас меньше и каждый стоит дороже
- Социальная поддержка нуждающихся:
 - жилищные субсидии;
 - программа для инвалидов;
 - помощь молодым семьям;
 - социализация молодежи;
 - поддержка занятости
- Добровольцы солидарности. Гуманизация — дело всего общества

Рис. 13. Гуманизация

И последнее. Я попытался проанализировать результаты двух стратегий. На графике (рис. 14) кривая I характеризует результаты модернизации сверху. А несколько выше нее кривая III — это то, что я считаю более реалистичным

вариантом развития России на ближайшие 30–40 лет. Разница между ними не очень большая. Но я просто хочу сказать, что если мы будем идти по этому пути даже с некоторыми ответвлениями вверх, с поправками в Закон о некоммерческих организациях, то будем теми, кем были, и теми, кто мы есть. Нам тогда ничего лучшего не светит. Я не ожидаю никаких больших кризисов. Я думаю, что Россия все свои основные кризисы пережила лет на пятьдесят. Просто мы будем на том же месте в списке стран, на котором находимся сейчас, на котором находились в конце существования Советского Союза и в 1913 г. Я имею в виду показатель валового внутреннего продукта на душу населения. Это трудно идентифицировать более точно, потому что список стран все время удлиняется, но мы все равно всегда оказываемся в середине, и никаких перемен не происходит. Взамен у нас всегда есть гордость своей великой державой и зависть к другим людям, которые живут в более благополучных странах. Хотелось бы, чтобы величие нашей державы состояло в том, чтобы мы жили не хуже, чем другие.

А вторая линия — это та кривая, которая сулит нам выход на показатели ВВП на душу населения стран «золотого миллиарда» (35–40 тыс. долл. на душу населения в год), которые являются членами ОЭСР, это примерно через 30–40 лет. Это вполне возможно, но нужно понять, что для этого мы должны пройти путь демократической модернизации. Это безусловно должно сопровождаться работой каждого над собой, должно вести к определенному изменению менталитета и т.д. Потому что именно с этим связаны повышение конкурентоспособности национальных институтов и, в конце концов, нормальное развитие страны в семье цивилизованных наций. Это непросто, трудно, легче добиваться национального

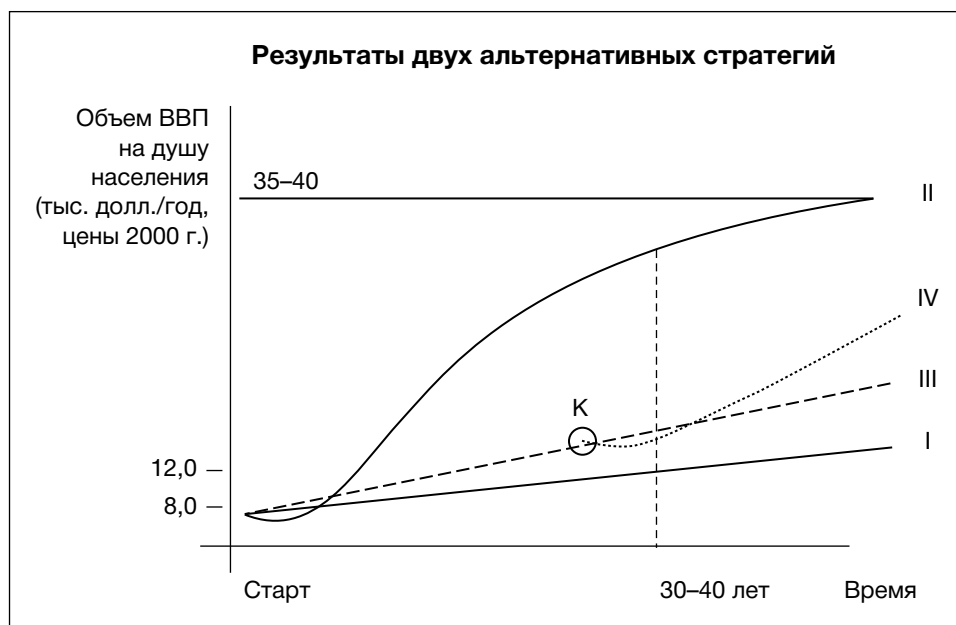

Рис. 14. Результаты двух альтернативных стратегий

могущества, ссориться с Грузией или еще с кем-то. Но это вполне реально, если будет консолидация демократических сил, если мы все объединимся.

Я лично думаю, что демократия — это не революция. Революция никогда не приводит к демократии. Демократия — это равновесие сил. Если возникает определенное равновесие сил, то возникает и реальное условие для политической конкуренции и для функционирования демократических институтов. А значит, для этого в России должна быть сильная демократическая партия. Я думаю, что две, три или пять партий, которые должны остаться на нашей политической сцене, все должны быть демократическими, например, так, как это произошло в Испании. И как раз со сцены должны уйти те, кто настаивает на том, что мы не готовы к демократии. Спасибо за внимание.

Владимир Рыжков:

Я депутат Государственной Думы, представляющий Сибирь, откуда я сегодня утром прилетел. Начну со съезда «Единой России», который напомнил мне прозу Михаила Афанасьевича Булгакова. Помните, там показывались опыты с последующим их разоблачением. «Единая Россия» занимается ровно этим. Она показывает фокусы с последующим их разоблачением. Сначала лидер «левого» крыла «Единой России» Андрей Константинович Исаев организовал нашему народу монетизацию... Просто представьте себе — лидер левого крыла организовал монетизацию! А сегодня закон о разгроме некоммерческого сектора докладывал лидер «либерального» крыла «Единой России» Андрей Михайлович Макаров. Поэтому я специально с этого начал свое выступление, чтобы все, кого попытаются подцепить на эту обманку — что вот в «Единой России» есть левые, — пусть всегда помнят о том, что эти левые организовали монетизацию в том виде, в котором она была сделана, а те, кого попытаются подцепить на либеральную обманку, должны помнить, что автором закона о разгроме некоммерческого сектора является Андрей Михайлович Макаров — известнейший единороссковский «либерал». Так что произошел такой фокус с последующим разоблачением.

Второе. Когда меня пригласили на сегодняшнее мероприятие, я испугался. Потому что звучало это так: нужно выступить оппонентом Евгения Григорьевича Ясина. Я был сильно напуган, потому что выступать оппонентом Евгения Григорьевича Ясина, с которым я всегда согласен и согласен решительно по большинству вопросов, — меня это испугало. Но потом мне объяснили, что оппонентом нужно быть в хорошем смысле, т.е. в академическом. А в академическом смысле, как правило, оппонент — это тот, который поддерживает выступающего с основным докладом. В таком хорошем смысле я сегодня и выступаю оппонентом.

Третье замечание. Мне кажется, что сегодня было поставлено два очень правильных и кардинальных вопроса. Первый вопрос: созрел ли наш народ до демократии? И второй вопрос: есть ли у демократов программа? Так вот, на оба вопроса я лично, как и Евгений Григорьевич Ясин, отвечаю положительно. **Да, наш народ до демократии созрел!** Потому что если мы предположим обратное — что наш народ до демократии не созрел, — каждый из нас, кто на такую точку зрения встанет, вынужден будет встать на точку зрения

народа-подростка, народа-недоумка, народа-погромщика. Мне не нравится после 4 ноября, после «марша правых», что даже некоторые наши либеральные коллеги говорят: «Да, конечно, нашему народу нельзя дать волю, потому что он устроит погромы». Но этого совершенно не видно из социологии! Если вы серьезно занимаетесь социологией, посмотрите исследования Юрия Александровича Левады, никаких погромных настроений там нет. Точно так же как нет там никаких антидемократических настроений. Наш народ вполне себе даже хочет иметь свободу информации, свободу выбора, выбирать себе губернаторов, выбирать себе мэров, выбирать себе депутатов, и никаких там погромных и антидемократических настроений нет. Поэтому эта антидемократическая модель навязывается сверху. И в этом смысле наш народ созрел до демократии. И когда его допускают до честных выборов, он с удовольствием этим правом пользуется. Точно так же, когда наши оппоненты говорят, что у демократов нет программы. Это ложь. **У демократов есть программа, и она вполне внятная.** Ведь что такое программа? Это умение оценить вызовы, которые стоят перед обществом и страной, и дать на них внятные ответы. Ну неужели мы с вами согласимся с тем, что у нас нет четкого представления, какие вызовы стоят перед страной? Есть, и об этом сегодня шла речь. Этих вызовов, на наш взгляд, пять.

Первый вызов — демографический. Мы можем собираться в этом зале, можем не собираться, но факт остается фактом: Россия теряет миллион населения ежегодно. По данным Госкомстата, население страны сократилось за первые 6 месяцев этого года ровно на 538 тыс. человек. Вот первый вызов — быстрое сокращение населения. По темпам потери населения в мирное время Россия — на 1-м месте в мире. Ни одна другая страна не теряет население с такой пугающей скоростью, как Россия.

Второй вызов — деградация человеческого капитала. Деградация знаний, деградация технологий, деградация здоровья, деградация социальной среды и т.д.

Третий вызов — быстро ухудшающаяся структура экономики. Экономика становится олигархической и госкапиталистической. Это реальный вызов, с которым мы столкнулись. Причем я хочу обратить внимание на то, что все эти вызовы во многом рукотворные. И эти проблемы, о которых я говорю, созданы нынешней властью. Ведь почему так быстро сокращается население? Потому что Виктор Петрович Иванов протасил через Думу новое миграционное законодательство, которое закрыло страну даже для соотечественников. Сразу началась быстрая убыль населения. Мы даже знаем фамилию того, кто ее организовал. Почему укрепляется олигархическая и госкапиталистическая экономика? Потому что эти «товарищи» производят национализацию. Евгений Григорьевич, действительно теперь большинство в совете директоров «Автоваза» будет принадлежать силовикам — представителям государства. Происходит фактически национализация «Автоваза». Это рукотворная проблема. Происходит деградация человеческого капитала. Ведь есть очень простые цифры: доля в ВВП на образование, доля в ВВП на здравоохранение, доля в ВВП на науку и доля в ВВП на бюрократию, на силовые структуры и т.д. В России диаметрально противоположная картина по сравнению с развитыми

странами. У нас в 2–3 раза ниже доля ВВП на образование, здравоохранение, науку, социальную политику и в 2–3 раза выше доля расходов на административные структуры, силовые структуры и госинвестиции. Нас постоянно зомбируют и говорят, что в России маленькая доля госинвестиций. Ложь. В России колоссальная доля госинвестиций, просто половина из них разворовывается в условиях непрозрачной коррумпированной бюрократии. Поэтому мы должны говорить: «Ребята, вы сами создаете ситуацию, когда человеческий капитал деградирует».

Четвертый вызов России — силовые структуры. Вдумайтесь в цифру: 5 млн мужчин под ружьем. 1,2 млн — Вооруженные Силы, 2 млн — МВД включая внутренние войска, 500 тыс. — ФСБ и еще по мелочи МЧС и проч., и 1 млн в ЧОПах — в частных охранных предприятиях. Пять миллионов взрослых молодых мужчин вместо того, чтобы производить товары, оказывать услуги, что-то изобретать, создавать и т.д., что-то охраняют. Доля расходов на силовые структуры и доля населения в этих структурах чудовищная. Я могу сказать, что есть только одна страна, где, видимо, примерно такая же структура, — это Северная Корея. Мы должны говорить об этом открыто и прямо.

И последний вызов — отчуждение регионов и провинций от центра. Все этнополитические исследования Эмиля Паина показывают, что национальные республики в составе России становятся все более мононациональными, нетерпимость и отторжение федерального центра нарастает, скрепы, скрепляющие Россию, ослабевают. **Под лозунгами централизации страны на самом деле идет децентрализация страны!** Вот пять вызовов, я их еще раз повторю: демографический кризис; деградация человеческого капитала; быстро ухудшающаяся структура экономики, которая становится все более монополизированной и госкапиталистической; чрезмерность и неререформированность силовой составляющей российского государства и децентрализация, дезинтеграция страны под лозунгами вертикали власти. Есть ли у нас, демократов, ответы на эти вызовы? Безусловно есть. Даже в этом зале немало специалистов, которые знают ответы на эти вызовы. Вот Владимир Дворкин, который находится здесь, один из лучших специалистов по военной реформе. Демографический кризис — тоже есть ответы и по поддержке семьи, и по либерализации миграционного законодательства. Изменение структуры бюджетных расходов, перенос центра тяжести с госаппарата силовых структур и непрозрачных госинвестиций на развитие человеческого капитала. Демократизация политической системы. Антикоррупционные меры. По всему этому у демократов есть технологичные и конкретные ответы. Приведу вам три примера.

Пример первый — борьба с коррупцией. Год в Государственной Думе находится внесенный мной закон об информационной прозрачности органов власти. Принятие одного этого закона вдвое снижает коррупцию в нашей стране. Кто саботирует? Товарищ Плигин, один из главных «либералов» «Единой России», правительство, администрация президента.

Пример второй — 55% мест в российских вузах платные, но в стране нет института образовательных кредитов. **Несколько месяцев в Госдуме лежит разработанный нами закон об образовательных кредитах**, тормозится думским большинством, невозможно принять.

Пример третий — страна сверхмонополизирована, естественные монополии душат экономику. Рост тарифов естественных монополий значительно превышает инфляцию в стране. Но при этом парламент не утверждает тарифов, не смотрит на издержки естественных монополий, парламент не имеет возможности контролировать естественные монополии. Мы внесли закон о государственном регулировании тарифов естественных монополий, который делает их затраты прозрачными, тарифообразование — обоснованным. Он тормозится думским большинством, правительством, администрацией президента. Поэтому, когда говорят, что демократы ничего не могут предложить конкретного, — я вам привел только три примера, а сколько их еще можно привести! Закон о парламентских расследованиях — мы с Борисом Надеждиным в эти дни сражаемся, внесли целый блок поправок. Закон о некоммерческих организациях... Я могу десятки примеров приводить, когда демократы совершенно внятно, конкретно и технологично предлагают решать проблемы с монополизацией экономики, проблемы с коррупцией, проблемы федерализма, проблемы деградации человеческого капитала и т.д. Нам в ответ говорят, что вы ничего не можете предложить, у вас пустой портфель и т.д. **Это ложь. Такая же ложь, как и то, что Россия не доросла до демократии.**

И последнее. Я думаю, что сегодня уже сложился широкий консенсус среди демократов. Та программа, которую изложил Евгений Григорьевич Ясин, сильно перекликается с программой того же «Союза правых сил», с программой «Яблока», с программой «Республиканской партии России», которой я сейчас активно занимаюсь. Но проблема заключается в том, что есть консенсус демократический, есть основа демократической платформы, есть прекрасные наработки по всем этим приоритетам. **Но нет той политической силы, которая могла бы защитить эти ценности, которая могла бы победить на парламентских и президентских выборах и реализовать эту программу.**

Сегодня демократические партии избрали глубоко ошибочную «стратегию выживания». Точно так же как у нас власть избрала стратегию выживания, сохранения статус-кво и себя у власти, так и демократические партии избрали стратегию сохранения самих себя и выживания. Эта стратегия провальная, ошибочная и бесперспективная. **Я 1,5 года говорил и еще раз повторю, что России нужна новая демократическая партия: по названию, по программе, по методам работы, по мобилизации людей.** Во-вторых, **это должна быть объединенная демократическая партия.** В-третьих, **она должна быть оппозиционной, но оппозиционной содержательно, со своей альтернативной программой.** Основы этой программы были названы здесь сегодня, и я думаю, что это не составит большого труда. В-четвертых, **делать это нужно чем быстрее, тем лучше.** На самом деле это нужно было делать сразу после провала СПС и «Яблока» в 2003 г. на парламентских выборах. Вместо этого было 1,5 года цепляния за старое, вместо этого 1,5 года каких-то передвижений ползком, вместо этого — 1,5 года всякой перебранки друг с другом. Мы со своей стороны делаем все возможное для того, чтобы эта партия появилась. Вчера «Республиканская партия России» превысила порог численности в 50 тыс. И не надо улыбаться и иронизировать, потому что это 50 тыс. демократов, которые готовы прийти в новую объединенную демократическую партию. И огромная работа, которая

проделана нами, уверен, не пропадет. Поэтому я сегодня хочу воспользоваться этой прекрасной аудиторией и поддержать последний призыв Евгения Григорьевича Ясина. **Народ России созрел до демократии! У демократов есть программа развития страны! Осталось сделать третий шаг — объединиться и победить на следующих выборах!**

Пользуясь возможностью, хочу сказать, что 4 декабря на выборах в Московскую городскую Думу я поддерживаю объединенный список «Яблока» и СПС. Спасибо.

Никита Белых:

Если господин Рыжков представляет Сибирь, то я представляю Урал. На самом деле, когда меня пригласили оппонировать Евгению Григорьевичу, я испугался вдвойне. Поскольку полгода назад эту программу Евгений Григорьевич мне подарил по случаю моего избрания председателем Федерального политического совета партии. Он сказал, что это программа для работы. И я, честно говоря, по ней полгода работаю. И поэтому, когда мне предложили выступить оппонентом, возникло некоторое недоумение по тем причинам, о которых сказал Владимир Александрович. Я буду в основном говорить о поддержке.

На самом деле, когда я говорю, что «Союз правых сил» работает по этой программе, я не использую этот термин для красного словца. Во всяком случае, часть тех позиций, которые обозначены в программе, мы реально отстаиваем в суде. То есть, если в программе Евгения Григорьевича написано, что необходимо отстаивать выборность губернаторов, то мы выборность губернаторов отстаиваем в Конституционном суде.

Итак, чего, на мой взгляд, не хватает в этой программе демократической модернизации? Первое. Вопрос свободной политической конкуренции в России — это слишком слабый аргумент на сегодняшний день. Я считаю, что нам необходимо говорить о нормальной антимонопольной политике в области политики. Дело в том, что на сегодняшний день мы столкнулись с ситуацией, когда монополия в политике приобрела не просто угрожающие, а чудовищные размеры. Естественных монополий в политике не бывает, все монополии здесь носят противоестественный характер. Но я убежден, что если просто на сегодняшний момент объявить о том, что с завтрашнего дня вся политическая конкуренция носит абсолютно свободный и честный характер, это еще не является залогом того, что нормальные, здоровые демократические силы смогут одержать решительную победу. Слишком инерционно их восприятие не только собственно людьми, но и той структурой, тем аппаратом, который сегодня страной реально управляет и руководит. Поэтому нужно не просто обеспечение свободных и честных выборов — необходима здоровая антимонопольная политика.

Второе. Я не соглашусь с Владимиром Александровичем по национальному вопросу. Я не верю в социологию. Социология, на которую ссылается Владимир Александрович, крайне противоречива. И когда речь идет о том, что у нас больше 60 или 70% людей за демократию, я напому, что те же 60–70% людей поддерживают Владимира Владимировича Путина, видимо, как главного демократа в нашей стране. Поэтому, когда мы говорим, что нет националистических настроений в обществе, нет желания что-либо громить, — к сожалению, это не

так. И на сегодняшний день совершенно точно можно сказать, что программа демократической модернизации не может не содержать вопроса о межнациональных отношениях. К сожалению, те события, которые происходят в стране в последние 2–3 месяца, заставляют говорить об этом очень аргументированно. Те националистические и даже фашистские выходки отдельных партий на самом деле не встречают должного сопротивления, а по сути дела, гласно или негласно им покровительствуют власти. Поэтому одним из элементов программы демократической модернизации должен стать вопрос о предложении решений межнациональной проблемы. Это один из вызовов, на который мы должны ответить.

Соглашусь, что нельзя не ответить на демографический вызов. Я считаю, что это тоже та проблема, которая в том числе завязана на решении межнационального вопроса, на вопросах об управляемой миграции и прочих элементах.

Считаю, что вопросы в части раздела «Свободная экономика» должны формулироваться несколько иначе. Я читал и саму книгу, и приложение, у Евгения Григорьевича встречаются вопросы о проведении налоговой амнистии и амнистии капиталов. Мое глубокое убеждение, что в России на сегодняшний момент крайне необходима не только и не столько амнистия капиталов и даже не амнистия некоторых капиталистов — нам крайне необходима амнистия капитализма, нам необходима государственная политика популяризации предпринимательства. Проблемы, которые отразил Евгений Григорьевич в своей программе, касаются одной связки «власть и бизнес», на самом деле есть еще третий элемент — общество. И проблема не только в том, что власть не любит бизнес, а бизнес не доверяет власти — то же самое происходит и с обществом: общество не любит бизнес, а бизнес не любит общество. И пока мы в этом треугольнике не сможем сформировать то самое доверие, которое является основным ресурсом, боюсь, что дальше нам продвинуться здесь не удастся.

Теперь немножко на общеполитические и общеполитические вопросы. Считаю, что одной из идей программы демократической модернизации должна стать идея о прекращении дискредитации реформ. На сегодняшний день в обществе те реформы, которые производились в 1990-е годы, дискредитированы. Практически не осталось ни одной реформы ни в области экономики, ни в социальной сфере, ни вообще в обществе, которые не были бы дискредитированы исполнением. И это то, от чего страдаем мы, либералы. Нам предъявляют монетизацию, нам предъявляют пенсионную реформу и, помяните мое слово, нам еще будут предъявлять реформу местного самоуправления. Считаю, что крайне важно в нашей программе демократической модернизации объявить о том, что именно объединенные демократы являются гарантами преемственности и позитивного завершения реформ. Потому что в противном случае это опять-таки и вопрос общественного настроения, и вопрос отношения средств массовой информации к тому, что связано с реформами.

Насколько своевременен данный документ? Владимир Александрович уже сказал одну очень важную вещь, что данный документ может считаться базой или основой программы либеральных демократов. Проблема в том, что на сегодняшний день на этом фланге несколько операторов. И пока мы не решим вопросы объединения, данная программа не сможет быть действующим документом.

И еще один важный момент. Мне кажется, что именно структура документа, который предложен вам как программа демократической модернизации России, должна дать ответ в виде формулы о том, что требуется России. России с точки зрения демократов нужен не левый поворот, России нужен правый поворот плюс гуманизация. Спасибо.

Евгений Ясин:

Я объявляю открытую дискуссию. Есть ли ко мне вопросы?

Борис Надеждин:

У меня два простых вопроса. Я понял из доклада, что демократия возникает там, где есть равновесие как минимум двух сил для конкуренции. Что бы это могли быть за силы в России 2007 г.?

Второй вопрос. Как бы Вы посоветовали технологически объединить этих двух симпатичных молодых людей?

Евгений Ясин:

На второй вопрос я ответить не могу, я рассчитываю только на их добрую волю. Но я так думаю, что над этим печется наша уважаемая администрация президента, или даже не администрация президента, а в данном случае московское правительство и Московская дума. Потому что они приняли решение о 10%-ном барьере. Я полагаю, что если бы не было принято решение о 10%-ном барьере, наши молодые приятные люди Белых и Явлинский тоже бы не объединились. Просто стала настолько очевидна глупость и тупость хождения в разные стороны и пререкательства на одном поле к вящему удовольствию всех наблюдателей вокруг, что вот договорились. С моей точки зрения, абсолютно необходима консолидация элиты для того, чтобы реализовать то, о чем я говорил. Я ни на что не претендую, я просто излагал свои размышления. Я глубоко убежден, что консолидация элиты на демократической платформе — это абсолютно необходимый шаг. Будут там левые, будут правые — это не имеет значения. Когда заходит разговор, скажем, о роли государства в экономике, коммунисты начинают говорить то, что я просто не могу с ними обсуждать. И мы по этому пункту не договоримся. Есть вопрос о том, кто участвует, а кто не участвует. Я думаю, что история разберется. Важно, однако, чтобы те люди, которые действительно преданы демократии, каким-то образом нашли общий язык.

Я думаю, что политические партии есть эманация в том или ином виде тех идейных течений, которые в обществе присутствуют. У нас всегда присутствуют в обществе три силы в разных пропорциях: левые — социалисты, защитники интересов трудящихся; либералы — защищают налогоплательщиков, свободную экономику; националисты — отстаивают традиции и добиваются того, чтобы мы, не дай бог, не двинулись вперед. Любые партии, которые будут возникать, будут возникать на этих идейных течениях либо в чистом виде, либо в какой-то пропорции. Я думаю, что направление либеральной демократии должно выкристаллизоваться и будет в ближайшее время противостоять партии власти — поскольку она явно против демократии, по крайней мере на ближайших выборах, — а дальше посмотрим.

Дмитрий Катаев:

Евгений Григорьевич, Вы только что перечислили три силы и до того тоже о них говорили. Это, так сказать, Ваша рабочая схема. Но разве это соответствует нашей действительности? У нас же главная сейчас политическая сила, самая агрессивная, самая радикальная, не считая совсем уже люмпенов, — это бюрократия. Это бюрократический класс со своей партией, со своими интересами, в том числе огромными экономическими интересами. Здесь все это понимают. Это сейчас наша основная партия и политическая сила. И в этом наше огромное отличие от европейской цивилизации в широком смысле этого слова. И в этом наше основное сходство, может быть, с азиатской цивилизацией. А правые, левые, либералы — они в общем-то находятся далеко в стороне от этой силы, и они во многом даже и объединены общими демократическими интересами. Ну а что касается националистов, то они, конечно, порождены той же самой бюрократией. Вы с этим не согласны?

Евгений Ясин:

Когда я говорил о трех идейных течениях, я говорил об идейных течениях, а не об определенных группах интересов. Бюрократия не является идейным течением. По моим наблюдениям, она постоянно пользуется теми аргументами, которые поставляют ей те или иные идейные течения, которые в России существуют. Сегодня власть опирается в основном на смесь аргументов, которые черпаются в левых и в националистических течениях. Есть и либеральное представительство, и нам порой говорят такие вещи, против которых я не могу возражать, я согласен. Но каждый раз акценты меняются. Каждый раз другие комбинации. Потому что если вы берете советский период, то было господство левой идеологии, а собирались вместе в оппозиции кто — Сахаров и Шафаревич. А как будет выстраиваться та или иная партия, как они будут использовать разные лозунги — это дело ситуации. Мы должны понимать, что если речь идет о завоевании большинства голосов в парламенте, то вы должны говорить то, что нравится людям. Хотя что вы сделайте, у демократии есть свои минусы. Поэтому, если вы будете выступать с той программой, которую я сегодня предлагаю, я прекрасно отдаю себе отчет в том, что это программа меньшинства, которое борется за свободу, а она нужна не всем, отстаивает свои права на жизнь, на существование, на то, чтобы в будущем получить и большинство голосов. Но когда она станет массовой партией, она должна будет тоже заниматься своего рода популизмом. Это идейное течение может позволить себе чистоту риз, а партия такой чистоты, если она хочет получать большинство голосов, не может себе позволить.

Дмитрий Катаев:

Все-таки именно идеологическая пестрота и неразборчивость бюрократии как раз говорит о том, что для нее это не главное.

Евгений Ясин:

Главный вопрос сегодня — демократия. Потому что сама демократия, какие бы силы в ней не собирались, она противостоит бюрократии.

Дмитрий Катаев:

Так вот именно поэтому Вы и признаете бюрократию главным противником. Ни одна партия сейчас, ни правая, ни левая, демократии не возражает.

Теперь второй вопрос. Мы говорим о классической схеме партии, а не насколько применима к условиям России классическая схема партии. Вообще-то их и в мире не так уж много, классических партий. Мы ведь все время ВКП(б) представляем себе как классическую партию. А не пора ли нам перейти к немного другой схеме партии? В субботу у меня в избирательном округе собираются председатели ЖСК и комитетов самоуправления. Мы соберем аудиторию больше, чем соберет любая партия. В воскресенье там же недалеко собираются гаражники, которых сейчас сгоняют с земли, отнимают у них гаражи и будут строить дорогие многоэтажные гаражи. Мы тоже соберем больше, чем любая партия сейчас сможет собрать. Так не пора ли это признать как политическую реальность и опираться именно на такие заинтересованные группы населения, а уж потом их как-то объединять в партии на политической платформе?

Евгений Ясин:

Я согласен.

Галина Ракитская:

Евгений Григорьевич, отдаете ли Вы себе отчет в том, что главная опасность, перед которой мы сегодня находимся, — это опасность очень близкой реставрации тоталитаризма в открытой форме, в такой форме, которая ближе даже к гитлеровскому фашизму, чем к сталинизму? И в связи с этим Ваша программа блистает чистотой либерализма, но игнорирует то обстоятельство, что действительно за эту программу проголосует меньшинство, как Вы сказали. Как Вы относитесь к такой мысли, что надо бы поступиться чистотой либеральных идей, сделать эту программу хотя бы программой более близкой к правой социал-демократии, для того чтобы за нее проголосовало такое количество людей, чтобы был какой-то шанс на реализацию, на изменение политической ситуации в стране? И только это может предотвратить такую угрозу, чтобы нынешнему поколению российских людей не пришлось жить при фашизме.

Евгений Ясин:

Галина Яковлевна, я не склонен так драматизировать ситуацию, хотя признаю, что она довольно сложная. Именно поэтому я у себя в книге предлагаю две программы. Одну программу очень короткую, на одну страницу, в которой перечислены основные требования демократии. И на этой платформе, я полагаю, могли бы объединиться все, кто выступал против авторитаризма или тоталитаризма. Я полагаю, что если делать большую программу, на почве которой призывать объединяться различные политические силы и широкие круги населения, такого объединения не получится. Против моих тезисов выступали мои близкие товарищи, и это вполне нормально. Но когда мы расширим рамки, будет еще сложнее. Поэтому я думаю, что борьба за демократию носит такой широкий характер, что может объединить многих. Ну а дальше различные партии должны формулировать свои требования. Честно Вам говорю, я не думаю, что

социал-демократия является сегодня для России конструктивной силой. Я готов вести дискуссию, обсуждать, я понимаю, что уж кто-кто, а социал-демократия, бесспорно, является силой, которая стоит на демократической платформе. Но с точки зрения решения национальных задач сегодня, мне кажется, идеи социал-демократии не годятся. В эту программу, на эту платформу я социал-демократов не приглашаю, я приглашаю их на первую платформу. Она тоже опубликована в книжке, я просто здесь ее не предлагал.

Ходорковский предложил левый поворот. Я думаю, он прав в том смысле, что при демократизации первым влияние получают левые. Осознавая это, я все же с ними не пойду, потому что социальный популизм, усиление роли государства, рост налогов, которые ассоциируются с социал-демократическими программами, для России противопоказаны. Ну, если Вы имеете в виду людей типа Тони Блэра или Герхарда Шрёдера, которые, придя к власти, начинали проводить ответственную политику, а не такую, как обещали, — можно вернуться к дискуссии.

Иван Стариков:

Уважаемые коллеги, дорогие друзья, оппонировать Евгению Григорьевичу сложно, но все-таки я попытаюсь.

Относительно стратегии выживания. Я думаю, что главное, что мы должны сделать, — объявить мораторий на походы в Кремль различным лидерам политических партий, которые сегодня не присутствуют в парламенте, и даже те, которые присутствуют в парламенте и вроде бы не являются нашими союзниками или даже являются нашими серьезными оппонентами. Я очень коротко восстановлю хронологию событий. Вы помните 1999 г., партия власти договорилась тогда с коммунистами, у нас отобрали тогда портфели и Кириенко тогда говорил: утрите слезы, это же политика. Потом чуть-чуть приподнялись коммунисты, уже в сговор вступили с нами, с правыми, отобрали у коммунистов портфели и перераспределили между партией власти и правыми. Мне стыдно, что моя партия участвовала в этой неблагоприятной вещи. Уже в этой Государственной думе, в которую мы не попали, господин Rogozin проголосовал за то, чтобы отменить выборы губернаторов, активно поддержал запрет на создание блоков, потом его этим же жестоко наказали и переселили в известное место. Поэтому они морально неизлечимы. И нужно отказаться от иллюзий, что мы туда сходим и каждый по отдельности решим какие-то задачи. Как только мы договоримся о том, что любой человек, который туда пойдет и начнет договариваться, получает черную метку, они начнут приходить к нам. Это принципиальная вещь. Я для себя эти иллюзии выплюнул три недели назад вместе с пятью зубами рядом со своим домом. Поэтому для меня все абсолютно очевидно.

Никита, в чем я с тобой не согласен. В том, что на самом деле угроза другая, не столько бюрократическая, сколько угроза возврата ультраправых или фашистов и т.д. Я тебя умоляю, никогда бы этот марш не состоялся, если бы он не был санкционирован властью. Фашистская повестка специально накачивается властью, это же абсолютно очевидная вещь, для того чтобы оправдать приход авторитаризма. Дело в том, что власть не ставит никаких задач, наращивая авторитаризм, переходя к тоталитарному государству, она не ставит никаких по-

литических задач, это же очевидно. Задача только одна — беспрепятственно воровать. Поэтому сравнения с Муссолини или еще с кем-то здесь некорректны. Здесь, абсолютно очевидно, нет никакого национального проекта. Набить карманы и свалить отсюда, а потом нам придется эти вещи расхлебывать.

Теперь об амнистии капитализма. Я думаю, что все-таки мы с вами, я имею в виду правые силы, либералов, провели приватизацию. Да, мы действительно в 1991 г. провели страну над бездной, по краешку пропасти, удержали ее и от распада, и от полного экономического коллапса. Но вся проблема в том, что все равно общество не примирилось с этой приватизацией, и это объективный факт. Оно не считает ее справедливой. И власть этим пользуется. Она сейчас спокойно ввела такой феодальный институт условного держания. Видит феодал, т.е. бюрократия, что ты себя «хорошо ведешь», — ты можешь сохранить собственность. Если ты начинаешь вести себя, с ее точки зрения, плохо — у тебя эту собственность можно изъять. Поэтому, я думаю, один из важнейших пунктов нашей программы — это легитимация приватизации. Мы должны ее провести, примирить народ, у которого устойчивое недоверие к той власти, которая провела приватизацию. Надо вернуть уважение к институту собственности как таковому, примирить власть и примирить бизнес. Я считаю, что в своей статье «Левый поворот — 2» Ходорковский эту тему достаточно широко поднял. Необходимо принятие специального национального пакта через мировые соглашения. Я только что прилетел с Украины, был на Майдане, вращался там и чувствую, что там такая эйфория после спешной продажи «Криворожстали», что сейчас можно пойти по пути реприватизации, насколько это на самом деле получилось успешно, такие огромные деньги и т.д. Я думаю, это ошибка. Вчера мы общались и говорили, что нам необходимо пойти по пути мировых соглашений, доплатить и специальным национальным пактом утвердить, определить, какие активы подлежат легитимации.

И последнее: о том, что касается непосредственно инструмента, который есть. Сегодня 372 депутата проголосовали за этот позорный закон. Я сегодня с удивлением услышал, что Минпромнауки уже теперь ректоров решило назначать, как назначаются сегодня губернаторы. То есть логика абсолютно очевидна. Еще раз надеяться на то, что они одумаются, нет никаких оснований. Поэтому нам необходимо создавать свой информационный ресурс. Нужно собирать деньги, делать постоянное, в режиме онлайн, интернет-телевидение. Пока власть не может положить на это глаз, потому что это всемирная система. Ставить эту задачу, условно говоря, в течение следующего 2006 г. как обязательный инструмент новой объединенной демократической партии. Спасибо.

Владислав Иноземцев:

Я постараюсь сказать несколько соображений в качестве оппонирующего мнения к докладу Евгений Григорьевича.

То, что мы сегодня услышали о программе демократических сил, было очень интересно и очень содержательно, но, на мой взгляд, обладало двумя принципиальными недостатками. Во-первых, тем, что мы говорили о демократии в основном в терминах экономики, в то время как в действительности демократические проблемы связаны с экономикой, но все же в нашей стране, на мой взгляд, де-

мократическая повестка дня и сама по себе достаточно широкая, чтобы в ней затрагивать в полной мере экономические проблемы. Во-вторых, с той программой, которая была изложена, можно дискутировать, ее можно обсуждать в случае если есть хоть какая-то надежда на то, что она будет реализована. Сегодня этой надежды нет. Сегодня на основе этой программы ни одна политическая сила не сможет собрать голосов достаточных не то чтобы для прихода к власти, но даже для какого-то серьезного участия в политической общественной жизни.

Поэтому я хотел бы отметить три момента. В первую очередь то, что касается сегодняшних демократов и что они могут требовать. Единственное, что могут требовать сегодня демократы — это демократии. Сегодня не конкуренция программ может стать существенной подмогой для демократических сил, а реальное нарушение властью ее обещаний и действительно широкое возмущение против этого нарушения. Я думаю, что реальным поворотным пунктом могут быть либо выборы 2007 г., которые могут быть перенесены, отменены, еще раз пересмотрены, либо президентские выборы 2008 г., на которых никакого преемника не будет, а будет изменение Конституции и третий срок для Владимира Владимировича Путина. И по сути дела именно жесткое возмущение всех политических сил против этого изменения или против третьего срока может стать началом для широкого демократического движения. Фактически то же самое, что было в Чили во времена референдума по продлению полномочий Пиночета. Тогда объединились и коммунисты, и консерваторы ради демократических преобразований. И сегодня, когда мы говорим о демократах, мне кажется, что надо говорить о демократах гораздо шире, чем мы это понимаем, потому что самый известный демократ в нашей стране, на мой взгляд, был господин Зюганов в 1996 г., который наиболее решительно оппонировал президенту Ельцину, и, может быть, в случае его победы, которая была в общем-то украдена, развитие нашей страны пошло бы гораздо лучше, чем оно пошло в той ситуации, когда демократы обеспечили победу демократическим силам в 1996 г. Старт демократической компании может быть только в качестве не пропаганды программ, а реакции на вопиющие нарушения прав, и объединение сил здесь должно быть до того, как господин Путин со своей командой будет отстранен от власти. После этого никакой объединительной программы, может быть, и не нужно.

Второй момент. История российской государственности после 1991 г. показывает, к сожалению, что эта государственность не может быть самодостаточной. Если мы посмотрим на нашу парламентскую историю, то ни одни выборы в Верховный Совет или в Думу, если учитывать, что парламент состоит из Думы и Совета Федерации, не прошли по одним и тем же правилам. Мы не можем соблюдать правила, мы не можем придумывать правила и мы не можем действовать в этих рамках. Поэтому любой политик, который начнет говорить о необходимости укрепления государственности, не может быть в демократическом лагере. Российская государственность в том виде, в каком она сейчас существует, является самым большим врагом российского народа. Если мы посмотрим на историю демократических движений последних лет, особенно успешную в Восточной Европе, мы увидим, что залогом этого успешного движения была по сути дела сдача суверенитета, в данном случае в руки Брюсселя, в руки Европей-

ского союза. На мой взгляд, тот же самый лозунг доминировал в прошлом году на Майдане, и он должен быть слышен среди российских демократов, но абсолютно отсутствует, — лозунг о том, что суверенитет этой власти должен быть ограничен. То есть фактически не может быть демократической программы вне четкого понимания того, что это государство не может управлять само собой. И у меня нет надежды на то, что новые люди, которые придут, могут управлять им так же без жестких ограничений со стороны более серьезных структур, которые сидят в Москве.

И последнее. Я хотел сказать, что действительно сегодня в программе Евгения Григорьевича не звучали проблемы, связанные с национальным вопросом, а в вопросах, в дискуссии они прозвучали. Действительно, национальный вопрос очень важен сегодня, и вопрос о тех фашистских проявлениях, которые сегодня существуют, тоже очень важен. Но я пошел бы еще дальше. Дело в том, что сегодня одним из наиболее неконструктивных, опасных и порочных проявлений, порочных тенденций в российском обществе, в том числе инициируемых властью и которым не противостоит ни одно демократическое движение, является фантастический рост не только национальных, но и религиозных настроений. И в данном случае одним из лозунгов демократических сил совершенно очевидно явился бы жесткий курс на отделение церкви от государства. Сегодня насильственная христианизация и православизация, обращение России в православие, которое становится шизофреническим в действиях нашей власти, является более опасным с точки зрения потенциального распада России, чем любые эксперименты по отмене губернаторских выборов.

Владимир Дребенцов:

Я собирался оппонировать Евгению Григорьевичу, хотя не буду расписываться в любви к демократическим идеалам, но на самом деле я уже даже буду оппонировать оппонентам, и связано это с тем, что мы только что услышали. Конечно, есть большой соблазн сказать, что вообще хорошая идея — передать часть суверенитета России международным организациям, ну можно не Брюсселю, а можно МВФ и Всемирному банку, наверное, это найдет поддержку в некоторых кругах. Но все же, исходя из реалий сегодняшней России, я думаю, что гораздо более интересно то, что говорил Евгений Григорьевич, когда он честно признался, что это — программа меньшинства. Мне как экономисту не кажется, что мы сегодня услышали много экономики. Мне кажется, мы сегодня услышали даже недостаточно. Почему? А есть ли примеры успешных демократий, где нет либеральной экономики? Нет, наверное, сейчас в мире все они взаимосвязаны.

А что мы получим, если вдруг представительная демократия победит в России сегодня? Я не хочу спорить с тем, созрел российский народ до демократии или нет. Ну созрел, хотя такие механистические критерии Закария, наверное, к России не применимы в связи с дифференциацией доходов. Ну, допустим, созрел. А что мы получим от этой демократии? По-моему, все согласились, что реализации программы, которую мы сегодня услышали, мы не получим. Более того, реформа ЖКХ, пенсионная реформа — как они должны быть проведены в России, чтобы Россия стала конкурентоспособной страной? Ну не будет их. А зачем тогда такая демократия? А почему мы тогда все же ограничиваемся

дилеммой, которая была представлена на вашем слайде, что либо демократия снизу (а она, к сожалению, сегодня нам скорее всего не даст, чего мы хотим как люди, задумывающиеся о будущем России, которое будет даже не завтра, а послезавтра), либо бюрократия сверху. И в некоторых выступлениях тут вообще бюрократию объединили как главного врага. Андрей Николаевич Клепач не пришел, но мне за него обидно. Я не согласен со многим из того, что он отстаивает, но сказать, что вся бюрократия едина, что там нет никого — мне кажется, это преувеличение. Более того, это опасное преувеличение, потому что демократы должны использовать те силы в правительстве, которые действительно хотят либеральных преобразований.

В выступлении господина Иноземцева прозвучал пример Чили. Банально его вспоминать, но тем не менее интересно вспомнить, что говорили экономисты, что говорили Милтон Фридман и Арнольд Харбергер, которые советовали тогда Пиночету. Их спрашивали: «Что же вы делаете, вы ненавидите демократию?» Тогда была опубликована статья с очень поэтическим названием, я сейчас точно его не помню, «Хрустальная цена свободы» или что-то такое. В ней они сказали: «Вы знаете, если мы создадим либеральную экономику, это будет самый большой вклад в становление демократии в Чили». И они оказались правы. Поэтому мне кажется, что не надо ставить крест на тех людях в правительстве и вокруг правительства, которые все же собираются превратить Россию в либеральную экономику.

Сергей Алексашенко:

Мне так повезло, что я сейчас буду оппонировать предыдущему оппоненту. Потому что в свое время где-то в 1999 г. на одной встрече с Александром Стальевичем Волошиным, который тогда еще был руководителем администрации президента, произнес примерно тот же самый тезис: нет в мире ни одной демократической страны без свободной экономики, а есть пример обратного — есть свободная экономика без демократии. Мы очень долго эту теорию обсуждали, и у нас получилось следующее. Что наша власть, которая воплощена в президенте Путине, пошла как раз по этому пути. Они посчитали, что строят либеральную экономику. То, что мы сейчас слышим — «оставьте им делать то, что они сейчас делают», — Евгений Григорьевич часто защищает эту позицию — что там, в правительстве, есть такие либералы, как Кудрин, Греф, Зурабов, что они такие хорошие, что они такие прогрессивные. Да ничего подобного, никакие они не прогрессивные, ни о каких либеральных реформах они не мыслят.

Мне кажется, что если вернуться к картинке, которая была у Евгения Григорьевича, где он рисует бюрократическую модернизацию, демократическую модернизацию, то никакой бюрократической модернизации нет, у нас есть бюрократическая реставрация. Если посмотреть на все эти признаки, о которых Вы говорите, Евгений Григорьевич, то там восстановление Советской власти немножечко под другим идеологическим соусом. Как это у нас было — социализм с человеческим лицом. И на самом деле эти люди движутся быстро и уверенно в сторону социализма с человеческим лицом.

И когда мы говорим о политическом противостоянии, равновесии, мне все-таки кажется, мы четко должны понимать, что та правящая группа, которая се-

годня есть у власти, опирается на интересы доминирующей силы в экономике. Как мы привыкли, что в Америке есть демократы, которые опираются на высокие технологии, а есть республиканцы, которые опираются на нефть, на ВПК, так вот у нас есть то же самое: одна доминирующая сила в экономике — сырьевой сектор. И та властная группировка, которая сегодня есть, она, по большому счету, выражает интерес этого сырьевого сектора. И обратите внимание: она не делает вообще ничего, чтобы как-то всерьез ущемить интересы сырьевого сектора. Все даже поверили, когда наши нефтяные компании объединились и сказали, что мы замораживаем цены, только государство нам за это компенсируй, и государство тут же сказала «есть», и побежали обсуждать снижение налогов. Поэтому нужно что понимать — что есть такая группировка политическая, она опирается на реальные экономические интересы, и бороться с ней безумно тяжело.

Мне хочется поддержать тезис Иноземцева, который сказал, что, для того чтобы их победить, объединиться должны все остальные начиная от Зюганова, включая Рогозина, Белых, Явлинского, Чубайса и т.д. Объединение Белых и Явлинского ничего не даст, потому что это будет как раз та самая идеология меньшинства, это 10, 15, 20% при очень оптимистическом раскладе. Это не дает победы. В итоге остается власть у нынешней группировки, и у вас нет выбора. Либо вы говорите, что мы партия меньшинства, играете в белых фраках, в чистых жилеточках — и тогда мы дискутируем с Надеждиным, как объединить Белых и Явлинского. Да никак. Они не хотят объединяться. И когда Белых говорит, что нужно закончить монополию на власть, так нужно закончить монополию Чубайса, монополию Явлинского. Потому что они двое персонально несовместимы, но у них есть монополия, у одного на одну партию, у другого — на другую. Их нельзя объединить. И поэтому, пока они будут дискутировать и мы с вами будем обсуждать эту тему, мы точно проиграем выборы. Спасибо.

Федор Шелов-Коведяев:

На самом деле то, что с программой Грефа мало что получается, связано не только с тем, что справедливо отметил Евгений Ясин. Но и с тем, что культура — это система, а экономика — только подсистема внутри культуры, и поэтому экономика, взятая сама по себе, вне общей системы, ничего решить не может. Беда же России заключается в том, что наши администраторы не работают как с системой даже с экономикой в целом или ее отраслями, а в лучшем случае системно подходят к отдельным явлениям в экономике. Не имея системного видения объекта своего воздействия, они рассыпают и конечный результат.

Опять же: в антропологии (интегральной науке о человеке и его мире, включая социум, экономику и т.д.) уже давно трюизмом считается следующее заключение. Любое самое замечательное заимствование, взятое из одной культурной системы, где оно замечательно работает, попадая в другую культуру, даже близкую первой, именно потому, что сталкивается с иной системой, начинает вести себя иначе, чем в родной среде, часто непредсказуемо. Но когда говоришь это в нашей экономической или административной аудитории, то производишь эффект откровения. То есть банальность, известная миру сотни лет, оказывается абсолютно неведомой людям, которые принимают управленческие

решения. Стоит ли удивляться, что они получают совсем не то, на что рассчитывают? И мы вместе с ними!

Это, в частности, относится и к заимствованию институтов. В свое время Бердяев высказал серьезное предупреждение: внедрять в жизнь абстрактные политические схемы очень опасно. Он также говорил, что во избежание возникающих тут рисков все политические суждения и решения должны учитывать существующие в каждой стране традиции и быть к ним приспособлены.

В этом смысле я не очень понимаю, что имеют в виду, когда говорят о том, что сейчас наблюдается возврат к привычной для России традиции центральной власти. Таковая — с 862 по 1917 г. — заключалась в разных формах родового правления. Не династического (это другая вещь), а именно родового. Единственный, кто ее последовательно сокрушал, был товарищ Сталин. Как только в коммунистической верхушке возникала мимикрия родового правления, его репрессии в элите обрушивались именно на традицию, которая до него существовала в стране более тысячи лет. И поэтому, когда оперируют понятиями управленческой традиции, ее нужно лучше себе представлять, как и культуру Отечества в целом.

В контексте своей культуры нам как раз теперь крайне необходимо осознать нашу ответственность перед европейской цивилизацией, к которой мы принадлежим изначально и перманентно. Мы обязаны не реформировать русские образование, науку, культуру и медицину по американскому узкоспециализированному образцу, но сохранить их фундаментальный характер. И осуществить прорыв именно на их базе. Не только потому, что это наша конкурентная ниша: сейчас Россия — единственная страна в родной цивилизации, которая может самостоятельно производить фундаментальные знания. Но и потому, что технологии не живут без фундаментальных знаний. И если мы утратим способность их производить, то технологическая евроатлантическая цивилизация в ближайшие несколько десятков лет прекратит свое существование. А ей на смену придет китайская цивилизация. Что это будет? Вспомним монголо-татарское иго, которое, как известно, было устроено по заказу монголов китайскими администраторами. И не говорите, что у вас не было опыта.

И последнее: демография. Я беру на себя смелость утверждать, что проблема демографии не решаема в рамках утилитаризма включая, кстати, иммиграцию. Впрочем, мне симпатично видение Г.Х. Поповым роста семейных благ по мере увеличения числа детей в семье от одного до четырех. Хотя бы потому, что у меня пятеро детей, и плюс к тому, что он нарисовал, видимо, у меня должна быть еще яхта или самолет, на выбор. Но пока мы не вернем людям понимания того, что ребенок — не обуза, не головная боль, не помеха карьере, не проблема с завтрашним днем, а радость, благо, счастье и благословение Божие, — до тех пор никаких демографических проблем ни здесь, ни в так называемых благополучных странах мы не решим.

Кстати, я не очень понимаю, что стратегически имеется в виду, когда произносят это словосочетание. О каких более успешных экономиках можно говорить, если страны Европы и Америка стали вымирать раньше и вымирают быстрее России? Какая польза от эффективности экономики, если ее субъект исчезает? Кому нужна экономика, когда ей некого обслуживать? В последнее время при обсуж-

дении демографии приходится приводить один очень жесткий пример. Страшный XVI в. страшен был для всех по-разному. Но для евреев он был страшен особенно тем, что 100 лет людей преследовали по всей Европе. Притом в каждом поколении, а сменилось четыре поколения, в каждой семье было от 8 до 12 детей. Вот и вопрос: какая уверенность в завтрашнем дне была у второго поколения, которое уже в детстве не знало, куда спрятаться от сволочи, его преследовавшей. Но у людей было понимание своей миссии, ответственности — перед Богом или миром, как хотите, — и они рожали. То же самое — после Холокоста. Секуляризированные евреи не рожают, а религиозные — рожают, дай им бог.

Вот и получается: если есть нравственное отношение к жизни, эта ответственность — значит, с демографией все в порядке. Если их нет — как и в рамках секулярного гуманизма, который неразрывно связан с гедонизмом и утилитарным отношением людей к жизни и друг к другу, релятивизмом ценностей и экономизмом, — проблема не решается, какие блага не сули. Спасибо.

Константин Сонин:

Я буду для разнообразия спорить с докладчиком, а не с оппонентами. Два года назад, в декабре 2003 г., я написал колонку в «Газету.Ру», в которой объяснял, почему Евгений Григорьевич Ясин — лучшая кандидатура на пост единого кандидата от демократических сил. И я очень рад, что мой кандидат обзавелся программой.

У меня два больших комментария к тому, что говорил сегодня Евгений Григорьевич Ясин. Можно было бы подумать из Вашего выступления, что оппоненты, с которыми мы спорим, те, кто сидят в Кремле, какие-то глупые и жадные, и по этой своей жадности и глупости они не отвечают на те вызовы, которые Вы правильно описали и на которые Вы хотите ответить. Дело, видимо, не в их глупости и жадности, а дело отчасти в том, что у них есть свой ответ, у них есть свое понимание. Они не исключают, что даже если их понимание популярно сейчас, оно может не быть популярным завтра — поэтому им так сильно мешают все демократические процедуры, средства массовой информации и выборы, — этот ответ у них есть. Например, в области экономики ясно, что они предпочитают модернизацию через полное огосударствление. Мы видим, как восстанавливаются все вертикальные холдинги Советского Союза. «Русский алюминий» — это в очень большой степени Министерство цветной металлургии. Сейчас РАО «ЕЭС России» покупает «Силовые машины», и я лично увидел в интервью Анатолия Борисовича Чубайса, что, возможно, РАО «ЕЭС России» не собирается прекращать своего существования. И это вполне конкретный курс. Представьте, в последние годы Советского Союза мы экономически были на низкой стороне оврага, и от передовых технологий нас отделял целый овраг. С помощью обстоятельств и реформ мы спустились в низ оврага. Вот теперь мы последние 5 лет с невероятным энтузиазмом поднимаемся обратно вверх на низкую сторону. И мы видим рост, видим локальное повышение эффективности. Действительно, мы движемся вверх, но только обратно на низкую сторону оврага. Если этот курс будет доведен до конца, то мы восстановим 1985 г., что дает обратный повод для оптимизма, потому что все начнется с начала. 20 лет, конечно, будет потеряно, но что такое 20 лет для России?

Евгений Сапиро:

В одном выступлении прозвучала такая пессимистическая фраза: «Мы, демократы, не имеем шансов на выигрыш». Наверное, это будет справедливо при одном условии: если мы будем думать только о содержании, но не о форме. Для профессорских дискуссий достаточно содержания, для выборов очень важна форма. Избиратель любит, когда говорят не только за, но и против, избиратель любит популизм и т.д. Вот если мы сумеем эту программу перевести на язык популизма, конечно, не сплошь, а элементами, то тогда шансы будут. И если к тому же найдутся люди, которые достойно озвучат эту программу с учетом этого перевода — надо смотреть реально, — шансы тогда будут. Спасибо.

Александр Полыгалов:

Я сегодня услышал много умных мыслей, но, видимо, по недостатку умудренности все-таки не все понял. Хотел бы немножко разобраться. Сегодня много говорили о демократии — видимо, считается, что по умолчанию всем понятно, что это такое. Одно из определений, которое я слышал до этого: демократия — это контроль общества над властью и бизнесом. Я думаю, что с таким определением легко согласиться. И сложно поспорить с тем, что, если будет общественный контроль над властью и бизнесом, это необходимый атрибут демократии.

Сегодня здесь активно дискутировался тезис о том, созрело или не созрело российское общество для демократии. Владимир Александрович начал эту дискуссию, он сказал, что на самом деле российское общество созрело для демократии, а потом, видимо, чисто случайно, оговорился, что если российскому избирателю устроят честные выборы, то он придет и проголосует, а если не устроят, то, видимо, он голосовать не будет. На мой взгляд, это и есть определение незрелого избирателя, потому что зрелый избиратель сам устраивает себе честные выборы, это мое личное мнение. Поэтому я так и не понял из речей выступавших, на их взгляд, созрело российское общество для демократии или не созрело.

Тут был тезис даже о том, что необходимо передать часть суверенитета страны внешним каким-то организациям. Это, на мой взгляд, тоже свидетельствует о том, что тот, кто поддерживает этот тезис, разделяет идею о том, что все-таки не до конца созрело.

Тут был тезис о том, что наше общество, к сожалению, почему-то не поддерживает демократов. Видимо, это тоже свидетельствует о том, что на взгляд того, кто выдвинул этот тезис, российское общество не созрело для демократии, коль скоро оно не поддерживает демократов. Может быть, по опытности лет, но я все-таки не понимаю, в чем же тут проблема. Если все согласны с тем, что надо делать, если все, скажем, ратуют за демократию, то почему же ее нет у нас в стране? Топчемся на одном месте. Частично можно понять это, если сопоставить то, что говорили сегодняшние докладчики.

Сегодняшняя дискуссия мне лично напоминает ситуацию: однажды лебедь, рак и щука везти с поклажей взяли воз, но только воз и ныне там. Почему? А потому что у каждого — свои методы, каждый исповедует разные взгляды на то, что нужно делать. А вместе пока что они очень сложно объединяются. Еще и потому, что все-таки сегодня мы сюда все пришли, чтобы обсудить доклад

Евгения Григорьевича, но уже с третьего или четвертого выступающего начали обсуждать не сам доклад, а политические и экономические взгляды каждого из выступавших по очереди, а о самом докладе как-то забыли. Мне это показалось странным, но опять-таки, наверное, по молодости лет я не понимаю, почему так случилось. Я, конечно, понимаю, что очень выгодно сказать о своих политических взглядах и тут же уйти по нужным делам куда-то во внешний мир. Можно было вообще не прийти. Всякое бывает, мы люди занятые. Но если так будет продолжаться и дальше, я боюсь, что вот так и останется там. Спасибо.

Евсей Гурвич:

Евгений Григорьевич, на мой взгляд, представил очень серьезную программу, в которой обозначены все наши проблемы, все цели, к которым мы должны стремиться. Нет в ней одной только вещи, но очень важной. Как перейти от нынешнего состояния к этим целям? Как можно добиться свободы средств массовой информации, не имея доступа к средствам массовой информации? Как можно добиться политической конкуренции, не имея никакого представительства в Думе? Поэтому мне кажется, что нужно очень серьезно подумать над тем, на что можно опереться для решения тех задач, которые здесь поставлены. И, судя по вопросам, это беспокоит многих присутствующих.

Предложены несколько вариантов. Первый — это сдвинуться в сторону популизма, в сторону социал-демократии, а сам Евгений Григорьевич говорит, что это программа для меньшинства. Но мне кажется, что нет предопределенности выбора только из этих трех вариантов. Мне кажется, что можно все-таки придумать и четвертый вариант, реализовать эту программу, завоевав для нее более широкую поддержку. Нужно проанализировать, а кто может быть базой поддержки этой программы. Этого, мне кажется, как раз нет в программе. Ну невозможно все в одной программе уместить. Есть стратегия и есть тактика достижения этих целей. Но с этой точки зрения, мне кажется, упущена еще одна существенная вещь в программе. В принципе общепризнанно, что демократия неразрывно связана с децентрализацией собственности. И, мне кажется, что в этой программе упущен вопрос о демократизации собственности. Что сейчас происходит? Собственность находится наполовину в руках крупных собственников — олигархов, а наполовину — в руках государства. Они борются между собой. Ну есть еще небольшой средний класс менеджеров и мелких предпринимателей, который не очень велик и политически себя почти не проявляет. Основная борьба, и экономическая, и политическая, идет между государствами и олигархами. Большая часть народа не только в ней не принимает участия, но индифферентна, поскольку не затрагиваются ее интересы. Если бы у нас собственность была распределена, то результат был бы совсем другим и отношение народа к событиям было бы совсем другим. Поэтому я считаю, что один из возможных вариантов состоит в том, чтобы поставить цель построения народного капитализма, широкого распределения прав собственности, чтобы каждый гражданин был акционером и собственником.

Что касается популизма, мне кажется, нет нужды в популизме, в самой программе есть много лозунгов, которые являются очень популярными, например, борьба с коррупцией. Нужно просто серьезно выпятить именно такие лозунги и

не только на словах, но и серьезно заниматься этим. Выбрать несколько таких движущих сил для программы, которые получают вполне широкую поддержку.

Игорь Николаев:

Евгений Григорьевич, в 1998 г., когда Вы непосредственно участвовали и были главным автором антикризисной программы в правительстве Кириенко, помнится, Вы тогда сказали: «Ну всё, в последний раз». Не выдержали. Я Вас прекрасно понимаю, потому что знаю Вас хорошо, Вы человек очень неравнодушный, болеющий, не могли выдержать. Родилась новая программа. Конечно, я могу подписаться под большинством тезисов, изложенных в программе. Но чего не хватает? По-моему, не хватает очень значительного куска в этой программе. Либералам и демократам вообще, на мой взгляд, не хватает самокритики. Критического анализа, самокритики не хватает. И мы анализируем справедливые упреки в адрес властей, совершенно резкие суждения об этом. Но вот если критически проанализировать, а не во многом ли нынешняя ситуация, мягко говоря, была спровоцирована теми же либералами и демократами?

В этом смысле я вспоминаю давнишний диалог, это был примерно 1992 или 1993 г. Я работал тогда в одном из федеральных министерств. И коллега, начальник управления, говорит: «Слушай, я что-то не пойму, мы, чиновники, здесь делаем вроде, трудимся так, а посмотри, что происходит: приватизация-прихватизация вовсю идет. Что будет через пару-тройку лет? Мы также будем здесь трудиться, а там?» Там получилось, что он и говорил. В одночасье. Мы знаем, какие схемы, как это использовалось. Появились олигархи и т.д.

Я это хочу сказать к тому, что во многом то, что произошло, явилось результатом реальной деятельности демократов. И без самокритичного анализа, без самоочищения двигаться дальше невозможно. Я вообще боюсь, что если по-нормальному разобраться, так откровенно к себе подойти, то доля этой самокритики будет такова, что придется признать: ни СПС, ни «Яблоко» не имеют морального права представлять демократов, эти слова о новой объединенной демократической партии — действительно не только слова. Этого не хватает. Спасибо.

Никита Белых:

Мне Евгений Григорьевич разрешил ответить, поскольку реплика была и в адрес нашей партии. Игорь Алексеевич, помилуйте, мы готовы к самокритике. Во всяком случае, я это говорю за себя. Именно поэтому мы готовы к созданию объединенной демократической партии. Давайте только согласимся, что заниматься самокритикой под тем наплывом критики со стороны... Мы ведь хотим, чтобы просто по-честному было. То есть те наши минусы, проблемы и недостатки, которые существовали у либералов, можно и нужно признать в том случае, если адекватно будут признаны и заслуги. Сейчас же происходит совершенно другое. То есть все что плохо — это виноваты либералы, все что хорошо — это четкая, сильная рука правительства добилась благодаря невероятным умственным или иным достижениям. Давайте по-честному. Мы признаем свои промахи, но важно, чтобы общество и власть признали наши достижения.

Евгений Ясин:

Большое спасибо, дорогие друзья. Вас уже осталось мало, намного меньше, чем в начале, и я вас прекрасно понимаю, потому что скоро уже 3 часа, как мы заседаем.

Сегодня этот семинар, обычно научный, откровенно говоря, в определенном смысле носил политический характер. Я пригласил в качестве оппонентов людей, объединения которых на платформе демократической модернизации желал бы.

Я прекрасно понимаю все недостатки того текста, который написал. Моя задача состояла в том, чтобы дать повод для разговора. Если хотите, повод такой, когда сидят в аудитории люди, которые пускай спорят, препираются, но находятся на единой платформе, которые все призывают избирателя прийти 4 декабря и проголосовать за объединенный список, и чтобы потом так же выступали. Если бы только это было достигнуто, если бы средства массовой информации этот лозунг бы распространили, я был бы удовлетворен и признал бы с удовольствием все ошибки — и прошлые, и те, которые можно прочитать в моей книжке или в этой программе.

Никита Юрьевич просил меня вспомнить высказывание Локка, которое я привожу в своей книжке и которое он хотел упомянуть, а я ему посоветовал этого не делать, сейчас поймете почему. Евсей Томович говорил о народном капитализме. Напомню вам, что о народном капитализме Чубайс говорил в 1993 г. обещал, что будет 40 млн акционеров. Я вас уверяю, этого не получилось не потому, что он не верил в то, что говорил, но, тем не менее, не получилось.

Я так думаю, что как раз в связи с этим уместно вспомнить об этом высказывании Локка. Он говорил, что свобода нужна немногим, но они обязаны обмануть всех членов общества в том, что им тоже нужна свобода, и в конце концов окажется, что все выиграют, но все равно свобода нужна немногим. На самом деле политика — это такая вещь, в которой нужно сочетать высокие нравственные ценности одновременно с пониманием того, что такое есть реальная политика и с тем, что мы имеем дело с обществом, которое пропитано определенными предрассудками, определенными настроениями, которые меняются, зависят от тысяч факторов, и не считаться с этим обстоятельством нельзя. Вот сидит Николай Иванович Лапин, который уже несколько десятилетий изучает настроения российского общества, изменение ценностей и т.д. Замечательный ученый. Он показывает в своих исследованиях, что шаг за шагом ценности меняются под влиянием тех изменений в реальных отношениях, которые происходят. У меня нет никаких сомнений в том, что в конце концов эти изменения приведут Россию к желанному результату, или, если мы припозднимся, это уже, наверное, будет другая страна.

Я понимаю, что есть своя программа и у тех людей, которые управляют страной сегодня. Это программа модернизации сверху. Они хотят модернизации. Просто они считают, так же как Дребенцов, что нам на самом деле нужен Пиночет, что надо провести либеральные реформы в условиях авторитаризма, а после этого уже будет расчищена платформа для демократии. Я, может быть, с этим бы и согласился, но я же вижу, что идет время, авторитаризм есть, нарастает, и они не собираются проводить никаких реформ, кроме тех, что укрепляют

их власть. Я в свое время высказывался, что если Путин проведет пенсионную реформу и повысит пенсионный возраст, я готов ему простить многие из тех политических шагов, которые он совершил. Но он же этого не сделал. Он выступил недавно перед избирателями по телевидению и сказал, что при его власти этого не будет. Я подозреваю, что, может быть, он думал нечто другое, что он знает, как сделать так, чтобы по Локку обмануть народ, повысить возраст так, чтобы все думали, что на самом деле ничего не повысили. Но мне почему-то кажется, что он этого не думает.

Просто я вспоминаю последнюю встречу с господином Вулфовицем, нынешним президентом Всемирного банка, там разные люди говорили о ситуации в России. И там был очень уважаемый человек, Вячеслав Алексеевич Никонов, который руководит Фондом «Политика» и одновременно является одним из авторитетных идеологов партии «Единая Россия». И каждый раз, когда я говорил слово «реформы», он говорил «политический риск». Да, правильно, всякая реформа, всякие изменения институтов, которые необходимы для развития страны, которые делают ее более современной, более успешной, связаны с политическими рисками.

Когда мы пойдем на политический риск? Я подозреваю, что не раньше 2012 г. И то это самый ранний срок. Поэтому я, предлагая некую программу, создавал повод для дискуссии. Я надеюсь, что эта дискуссия продолжится, по крайней мере она будет сигналом. На самом деле, либеральная демократия имеет эту программу и без труда составит единую программу. Вопрос заключается в том, чтобы собирать силы и убеждать людей в тех ценностях, которые нужны для торжества демократии.

Всем большое спасибо и всего самого наилучшего.

Барьеры на пути реформы ЖКХ (презентация брошюры Е.Г. Ясина «Политическая экономия реформы ЖКХ»)

8 декабря 2006 г.

Владимир Гимпельсон:

Разрешите начать наш очередной семинар из серии «Экономическая политика в условиях переходного периода». Любые реформы сложны, структурные реформы сложны вдвойне, реформы, которые затрагивают интересы практически каждого человека, сложны особенно. Реформа жилищно-коммунального хозяйства затрагивает интересы каждого россиянина. Когда есть тема, к которой трудно подступиться, и когда есть проблема, которую непонятно как решать, Евгений Григорьевич всегда готов принять огонь на себя и выступить с очередной работой. Такой работой, которую нам всем очень интересно читать, обсуждать, спорить. Сегодня мы обсуждаем проблему реформы ЖКХ. Любая реформа предполагает, с одной стороны, некий технократический проект того, что и как можно делать. Но с другой стороны, любая реформа не сводима к технологии и включает политико-экономическую компоненту, поскольку затрагивает интересы разных групп населения.

Тема сегодняшнего семинара — это не просто реформа ЖКХ, а политическая экономия реформы ЖКХ. Участники семинара получили книгу Евгения Григорьевича Ясина «Политическая экономия реформы ЖКХ», и, возможно, многие ее уже прочитали. Ряд специалистов, экспертов любезно согласились выступить в качестве дискуссионтов или оппонентов. Давайте я представлю тех, кто уже здесь. Это Надежда Борисовна Косарева, президент Фонда «Институт экономики города», Сергей Иванович Круглик, руководитель Федерального агентства по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству, Михаил Эрикович Никольский, генеральный директор компании

«НОВОГОР», и Александр Сергеевич Пузанов, генеральный директор Фонда «Институт экономики города». И после этого краткого введения разрешите представить слово Евгению Григорьевичу.

Евгений Ясин:

Я постараюсь объяснить, почему появилась эта книжечка. Я выпустил книгу о российской экономике в 2002 г. У нее подзаголовок «Истоки и панорама рыночных реформ». Я обязался написать вторую часть, которая тоже будет называться «Российская экономика», но, наверное, с подзаголовком «Панорама и перспективы реформ». Так, шаг за шагом, но что-то она сейчас плохо идет. Несмотря на это я все-таки стараюсь работать над ней, и каждый раз беру тему за темой, и каждый раз немного перехлестываю по объему.

Итак, это работа над одной из глав будущей книги, так, по крайней мере, по замыслу начиналось. Я давно понимал, что эта область — одна из самых важных в экономике страны и наиболее трудных. Я какое-то время потратил на изучение проблем нашей электроэнергетики и столкнулся с тем, что это — две соприкасающиеся области. Реформы в энергетике и в газовой промышленности будут упираться в то, как будут разворачиваться события в жилищно-коммунальном хозяйстве. На жилищном рынке, может быть, в меньшей степени, потому что, с моей точки зрения, жилищный рынок по сравнению с другими рынками особой специфики не имеет. Он достаточно стандартный. На нем, конечно, творятся безобразия. Монополизация есть, в особенности локальная. Есть злоупотребления, есть колоссальное воздействие местной администрации и т.д. Но, в конце концов, этот рынок достаточно стандартный. Если вы набираетесь политической воли для того, чтобы навести порядок, чтобы раздвинуть монополии, то тогда эти вопросы решаются сравнительно просто. Конкурентная среда там потенциально есть.

На рынке жилищно-коммунальных услуг, на мой взгляд, ситуация обстоит намного сложнее, потому что там есть ряд естественных монополий, которые затрудняют создание конкурентной среды. Во-вторых, там есть очень важный фактор, — то обстоятельство, что потребители очень неконсолидированные, почти так же, как пациенты в здравоохранении. Это обстоятельство создает сильную асимметрию информации, и организовать нормально этот рынок, особенно если у вас на стороне жильцов нет ясных отношений собственности, довольно трудно.

В моей работе мне очень помогли, в значительной степени ее инициировали коллеги из Института экономики города, прежде всего сама Надежда Борисовна Косарева, во-вторых, мне очень сильно помог Александр Сергеевич Пузанов, снабдив литературой. Я советовался с ними. Мне также помог Роман Мартусевич, который здесь тоже присутствует.

Теперь по существу. Когда мы делали работу по электроэнергетике, то была попытка изучить особенности этого рынка. За эту попытку взялся Револьд Михайлович Энтов с М. Левиным и В. Бусыгиным. Они сделали это на свойственном им высоком теоретическом уровне. Когда я увидел их работу, она меня задела, заразила, и я подумал, применительно к каким другим рынкам целесообразно произвести такую же оценку. У нас же как было в 1991 г.? Сейчас я пролью капельку елея на голову Виктора Мееровича Полтеровича: мы ничего не пони-

мали, а брались реформировать. На самом деле это было правильно, знать все сразу нельзя. Надо действовать и решать проблемы по мере их поступления. Для нас переход к рынку был «рынок вообще», а «рынка вообще», оказывается, не бывает. Это мы узнаем потом. У каждого продукта, в каждом секторе какой-то свой рынок, со своими особенностями. Если вы их не учитываете, не можете там толком что-либо сделать.

Я попытался в этой брошюре посмотреть на особенности рынка в секторе ЖКХ. Оказалось, что там довольно сложная ситуация. Кроме того, уже давно Надежда Борисовна мне сказала: «У нас же просто произошла драма, мы сами себе создали ловушку: мы приватизировали квартиры, а дома оставили, непонятно, что с ними делать». Лифты — в муниципальной собственности. Причем люди не получили тех обязательств, которые они должны были получить в качестве собственников. Но раз они не получили, они считают, что так и надо. Но вот мы с этим живем, отказаться от этого невозможно.

У нас была произведена довольно радикальная приватизация квартир. Соответственно, когда вы читаете, что у нас преобладание частной собственности в жилищном фонде, знайте, что имеются в виду квартиры, а большая часть городского жилого фонда — это многоквартирные дома. Вроде бы государственной собственности немного, муниципальной побольше, но в целом отношения собственности у нас на рынке ЖКХ чрезвычайно сложные. И разрешить эти проблемы, в том числе посредством тех приемов, которые уже предложены — как товарищество собственников жилья, а затем управляющие компании и т.д., — не просто. Я боюсь, что мы еще нахлебемся, потому что ситуация исключительно сложная.

Вот Владимир Ефимович Гимпельсон, который живет в новом большом доме, я бы сказал — бизнес-класса, где есть товарищество собственников жилья, этот дом очень большой, там много квартир. Они там в каком-то количестве собрались, избрали 20 лет назад председателя своего товарищества, после этого заметили, что он скоро стал ездить на мерседесе, что у него завелись красивые секретарши, а переизбрать его невозможно, потому что собрать всех вместе нельзя. И значит, получается так, что сами по себе товарищества ситуацию еще не спасают, т.е. они не создают консолидированного и компетентного собственника или представителя собственника на стороне жильцов. И это важно, потому что кто-то должен заказывать услуги, кто-то должен управлять всем этим делом. И за менеджерами нужен контроль.

Я попытался с помощью Александра Сергеевича изучить ситуацию в других странах. Вот Скандинавские страны. Они в каком-то смысле являются примером по очень простой причине: там довольно высокая доля форм коллективной собственности, общественный сектор довольно большой и т.д. Здесь пестрая картина по разным странам, хотя они так похожи друг на друга. Если бы они входили в качестве республик в Союз скандинавских социалистических республик, наверное, было бы проще. Но они не входили, каждый из них сам себе сочинял законодательство. И единственный можно сделать вывод: если такое пестрое законодательство, то, значит, они так же сталкивались с очень большими проблемами и сталкиваются. Но у них есть одно важное достоинство: Скандинавские страны обладают самым развитым в мире гражданским обще-

ством. Они очень большие индивидуалисты, но в то же время готовы к участию в общественных делах. Проблемы с участием всех граждан Скандинавских стран в каких-то общественных или муниципальных делах там не возникает. Каждый датчанин состоит по крайней мере в пяти каких-то обществах и активно в них сотрудничает. И там коллективные формы не вызывают сомнения, они сравнительно легко с ними справляются. Там работающая низовая демократия позволяет решать те проблемы, которые не решаются рыночным путем.

Что мне очень понравилось, это рынок ЖКХ в США. Я считаю, что это идеальный рынок жилищно-коммунальных услуг. Почему? Там сегодня две формы: собственники и арендаторы. Посмотрите на то, какой там публичный сектор в процентах от общей величины жилого фонда, — 1,8%. Еще есть арендаторы, которые получают субсидии. Они получают их, как правило, из местных бюджетов. Их 4,2%, это все. В 200 городах Америки цены на жилищно-коммунальные услуги регулируются муниципалитетами. Но население этих 200 городов составляет 4% от численности населения Соединенных Штатов. Редкостная ясность отношений собственности. Поэтому в данном секторе в Соединенных Штатах существует полноценный конкурентный рынок. Я подозреваю, что редко в какой другой стране мы это могли бы найти.

И самое главное, что если мы станем задумываться, сможем ли нечто подобно выстроить в конечном счете у нас, то у меня большие сомнения, что это возможно. Не знаю. По идее, это обозначало бы, что те люди, которые получили свои квартиры, приватизировали их. Они должны либо купить весь дом, либо продать свою квартиру и стать арендаторами, чтобы какая-то частная компания стала бы заниматься этими домами, купив их.

Я посмотрел также ситуацию в странах с переходной экономикой в Центральной и Восточной Европе. Я увидел, что там начинали эти реформы самые разные люди. Там были прыткие реформаторы, например, в Венгрии или Албании, в Хорватии, в Румынии. Кстати говоря, в странах Южной Европы, которые менее культурные, больше радикальных реформаторов, а в более культурных странах Центральной и Восточной Европы — менее радикальные реформаторы. Какая доля государственного сектора в странах с переходной экономикой в Восточной Европе была приватизирована? В Албании — 94%, в Румынии — 84%, но в Чехии — 1,4%. В Латвии вообще ничего. Но что можно сказать в целом. Я понял так, что в основном картина в странах с переходной экономикой такая: реально реформ, которые принесли бы пользу и которые позволили бы сказать, что удалось создать конкурентный рынок, на котором жильцы, квартиросъемщики, владельцы чувствуют себя уютно, очень мало. Таких больших успехов нет. Это действительно тяжелая сфера.

Один из самых главных параметров — сколько в семейном бюджете занимают расходы на жилищно-коммунальное хозяйство. Обратите внимание, что в Соединенных Штатах, где самый «гнусный» капитализм, тем не менее сравнительно низкие расходы в семьях — 15,8%. Может быть, я ошибаюсь, но связываю это с наличием конкурентного рынка. В других странах: Франция, бюрократическая страна, — 24%, в Скандинавских странах — еще выше. Почему в Португалии такие низкие расходы — не понимаю, но, может быть, специалисты объяснят.

Я почему на это обращаю внимание? Потому что для нас это очень важно. Мы считаем, что должны заставить наше население платить полную стоимость жилищно-коммунальных услуг. И как бы в этом видится в некотором смысле суть реформы жилищно-коммунального хозяйства. Я за то, чтобы платили, но хочу напомнить, что еще нужно, чтобы они заплатили полную стоимость электроэнергии, газа — когда эти товары будут выведены на рынок. Кроме того, они должны платить отчисления в Пенсионный фонд, на медицинскую страховку. Это обязательно.

Что-то в последнее время вокруг Пенсионного фонда все тихо, а там на самом деле назревает взрыв. Сейчас «наехали» на Батанова в смысле того, что там государственные закупки не так делают. Дело более важное в том, что фонд не добывает денег, и наш федеральный бюджет скоро будет платить половину дотации в не менее чем половину бюджета Пенсионного фонда. Надо искать решение, но мы задержали занавески и едем до ближайших выборов, а там посмотрим.

Значит, семьи и это должны оплачивать, и медицинское страхование тоже, т.е., иначе говоря, они должны платить за все, что входит в состав расходов по воспроизводству рабочей силы. Но, стало быть, у них должна быть и такая зарплата. А как иначе? Начнем просто с бюджетника. Бюджетник получает деньги из бюджета, фиксированный доход. Представьте, что вы хотите добиться того, чтобы он еще и не брал взятки. У некоторых и нет возможностей брать взятки — им никто не дает. А как они будут платить вот эти полные 100%? Я не понимаю. Но, правда, говорят, что есть один город в России, где платят. Это Череповец. Но там Мордашов гребет ренту с условий торговли, получает приличные доходы, может себе позволить. Поэтому там получается. Я помню, что Сысуева Олега Николаевича взяли в 1997 г. в правительство, а он тогда был мэром Самары, знаете за что? За то, что он добился 70%-ных платежей. Колоссальный успех.

Я думаю, что все-таки нарушать экономические законы нельзя. Если вы хотите строить рыночную экономику, делайте так, чтобы доходы людей позволяли оплачивать полную стоимость рабочей силы. И это касается жилищно-коммунальных услуг в первую очередь. Вот на графике (рис. 1), который как раз Роман Мартусевич построил для меня, показано, что кривая стоимости жилищно-коммунальных услуг резко ушла вверх, она обогнала инфляцию в среднем, она обогнала рост доходов, хотя у нас доходы растут сумасшедшими темпами, гораздо выше производительности труда. Это эффект Баласса — Самуэльсона работает на полную катушку. Тем не менее ситуация именно такая.

Обращаю ваше внимание, что цены на жилищно-коммунальные услуги у нас все регулируемые. Что же они так растут, если их регулируют? Я думаю, потому что с самого начала они были занижены. Мы проблему финансирования жилищно-коммунального хозяйства при таком состоянии цен не решили. Тем более что нет стимулов экономить, рыночных стимулов. Насколько я помню, где-то около 70% предприятий жилищно-коммунального хозяйства убыточны. Это не означает, что у них мало денег, но они убыточны.

Один мой приятель, я не буду говорить в каком городе, решил заработать на этой ниве и купил несколько котельных. В первые же 3 месяца он обнаружил, что его издержки могут быть снижены в 3 раза, но меня предупредил: «Дорогой

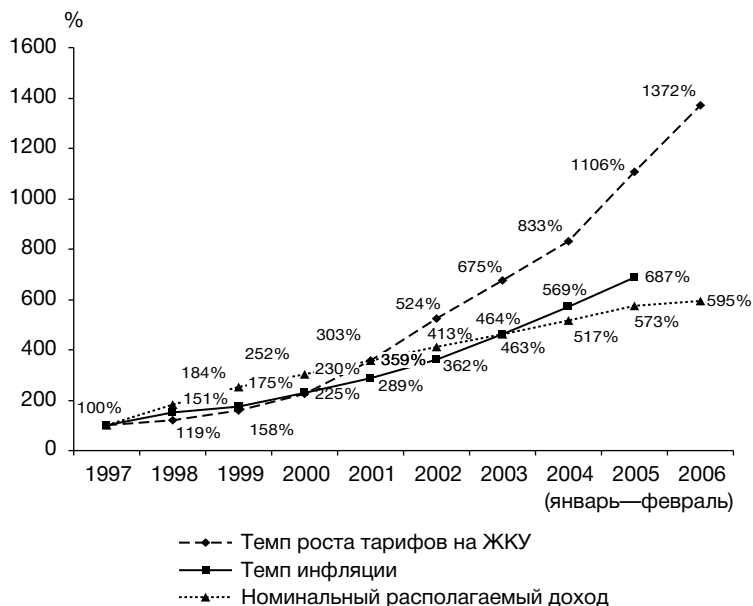

Рис. 1. Темпы роста тарифов на ЖКУ, инфляции и номинального располагаемого дохода населения относительно базового 1997 г.

мой, я, конечно, никому, кроме Вас, говорить об этом не буду, и я буду брать те цены, которые берут все вокруг. Зачем мне надо снижать цены? Это хороший заработок». Понятно, заработок для него, а не для жильцов, у которых нет денег, чтобы оплатить инвестиции. Таким образом, здесь есть целая серия общеэкономических проблем, которые нуждаются в решении. Эти решения связаны с тем, что сфера нерыночных отношений должна быть сокращена.

Сфера жилищно-коммунального хозяйства вполне годится для рыночной экономики. В то же время мой вывод состоит в том, что в этой сфере никогда не будет совершенной конкуренции, т.е. она не будет работать как полноценный рынок. Более того, с этим будут большие сложности. Отсюда следующий вывод: несовершенная конкуренция — это наличие монополий, естественных или полуестественных, должно быть наполнено местным самоуправлением, низовой демократией, политической конкуренцией. Если этого не будет, если для этого не будут созданы соответствующие условия, то именно в силу специфики рынка там всегда будут господствовать монополии административные со стороны муниципальных органов и монополии естественные со стороны водоканалов, энергетических компаний, газовых компаний и т.д. У меня такое впечатление, что если откуда-то должна развиваться российская демократия, то с этой точки.

Я заканчиваю свою статью разделом, посвященным памяти Виктора Ивановича Доркина. Он выступал у нас за несколько месяцев до того, как его убили. И высказывал очень разумные вещи. Он подвергал острой критике Закон о местном самоуправлении в редакции или по замыслу Дмитрия Николаевича Козака за то, что этот закон подрезает инициативу тех, кто способен уходить

вперед, проявлять инициативу и налаживать гражданское взаимодействие, равняя всех по худшим, по тем, кто к этому менее всего расположен, т.е. он не решает проблему, а загоняет ее вглубь. Я думаю, что это мудрые слова. Вот, собственно, основные идеи, которые я хотел изложить в своем докладе. И я на этом закончу свое длинное выступление и буду рад выслушать критику, а также мнения, которые важны для решения проблем.

Владимир Гимпельсон:

Евгений Григорьевич, спасибо большое. Мы переходим к обсуждению и предоставляем слово нашим дискуссионным оппонентам. Надежда Борисовна Косарева.

Надежда Косарева:

Спасибо большое. Прежде всего я хотела бы поблагодарить Евгения Григорьевича за то, что он обратил внимание на жилищно-коммунальную тему. Дело в том, что так называемая «реформа ЖКХ» идет у нас с 1992 г., т.е. уже 14 лет, и за все это время ни один серьезный политэконом, макроэкономист не проявил интереса к данной проблеме. Она была в центре внимания либо политиков, либо хозяйственников — первые пугали тем, что народ выйдет на улицы, а вторые обсуждали проблему исключительно «на уровне канализации». Вообще, ЖКХ воспринималось, да и сейчас еще воспринимается, как некий черный ящик: вроде бы он есть, все его видят, а что внутри — никто не знает. Открыть этот «ящик» как раз и позволяет серьезный макроэкономический анализ проблем отрасли.

Именно поэтому мне было интересно читать книгу Евгения Григорьевича. Как будто ничего нового автор не говорит, но каждое слово вписано в совершенно другой контекст — проблема освещается не изнутри, а сверху, и это чрезвычайно важно для ее понимания. Мы с Евгением Григорьевичем являемся единомышленниками практически по всем вопросам, тем не менее я хотела бы дополнить собственными оценками те выводы, которые сделаны в его работе.

Один из выводов заключается в том, что очень важно развивать институты, которые сегодня существуют как бы «на вырост» и не всегда в полном объеме реализуются. Это, безусловно, так, и в работе нашего Института экономики города мы исходили и исходим именно из этого. Но сегодня у меня отношение к этому осторожное, и вот почему.

Первые базовые институты были заложены еще в 1992 г. — с принятием Закона «Об основах федеральной жилищной политики». Это странный закон, больше напоминающий манифест: давайте развивать конкуренцию, демонополизировать рынок, давайте переходить на полную оплату жилья и коммунальных услуг, давайте вводить программу жилищных субсидий, развивать ипотеку. С точки зрения формирования институтов практически ничего нового за 14 лет к перечисленному не было добавлено, но, к сожалению, за исключением института ипотечного кредитования и программы жилищных субсидий, которые я считаю состоявшимися, подавляющее число институтов находятся в зачаточном состоянии.

Вот, например, что происходило все эти годы с реформой оплаты жилья и коммунальных услуг? В 1985 г. среднестатистическая семья из трех человек,

проживавшая в стандартной трехкомнатной квартире, тратила на оплату коммунальных услуг 5% своих доходов. Причем к 1992 г. при либерализации цен эта доля снизилась примерно до 2%. Сегодня подобная семья тратит 9–10%, а не 18–20%, как в США и других странах.

Таким образом, бесплатная приватизация жилья у нас произошла в условиях, когда люди практически ничего не платили за содержание жилья и коммунальных услуг, поскольку 2% — это, по сути, ничто. На этой базе, конечно, невозможно было сформировать институт собственника в жилищном секторе: человек получил право вести себя как собственник в процессе продажи и покупки жилья, но не в процессе содержания жилья и управления им. К жилью как к недвижимости никто не относился и не относится, и то, что в праве называется «бремя собственника», напрочь отсутствует и в психологии, и в поведении людей. Поэтому когда предпринимаются попытки выправить ситуацию по принципу «если вы собственники, то должны нести бремя содержания своего жилья», эти попытки, естественно, производят отталкивающий эффект, чем и пользуются на протяжении всех этих лет политические оппоненты реформы. Иными словами, социальной базы для формирования института реального собственника жилья не существовало и, я боюсь, еще долго не будет существовать, если ситуация не изменится.

Вообще, наша приватизация жилья была уникальна. Ни в одной стране, о которой здесь рассказывалось, она не происходила так, как у нас: выдадим квартиросъемщику соответствующую бумажку, и будет он собственником. Всегда и везде имелась в виду задача последующего управления многоквартирным домом: сначала жильцы должны были договориться о том, что все они хотят стать собственниками и взять на себя управление домом, и только после этого происходила приватизация. Даже решение нашего Конституционного суда о том, что нельзя заставлять человека становиться членом товарищества собственников жилья, тоже уникально, такого нет ни в одной стране. Если большинство принимает решение о совместном управлении недвижимостью, то меньшинство должно подчиниться.

Таким образом, как мне кажется, основная проблема заключается в том, что из 75% людей, которые де-юре считаются сегодня собственниками жилья, лишь 25–30% собственников индивидуальных жилых домов де-факто являются собственниками, все остальные, в нормальном понимании этого слова, — нет.

Но, несмотря ни на что, конечно, все эти годы ситуация потихонечку менялась к лучшему, и сегодня, например, уже можно закрыть тему перехода к полной оплате текущих издержек на содержание жилья и коммунальные услуги. Действительно, пусть не 100%, но 85% затрат на текущий ремонт и текущее предоставление коммунальных услуг сегодня покрываются населением, не важно, из какого кармана — самого человека или за счет предоставляемых ему субсидий и льгот. И лишь 15% составляют неадресные дотации, которые до сих пор покрывают непосредственно убытки предприятий. Но эти 15 пунктов — несущественный фактор, они находятся в пределах неэффективных затрат. Поэтому, повторю, в настоящий момент эта проблема, если не говорить о таких перспективных вещах, как капитальный ремонт и инвестиционные затраты, более или менее решена.

Почему нужно было сначала решить именно ее? Все политики всегда используют лозунг: «Реформа ЖКХ свелась к повышению платы за жилье и коммунальные услуги». На сегодняшнем этапе это действительно так — потому что проводить реформы по демополизации, развитию конкуренции, привлечению частного бизнеса невозможно в условиях, когда сектор больше чем наполовину «сидит» на дотациях государства. И только сейчас, когда эти дотации сократились до 15–20%, по крайней мере от текущих затрат, сектор становится инвестиционно привлекательным, что и показывает практика последних 2–3 лет. Бизнес заинтересован в приходе в этот уникальный инфраструктурный сектор, отличающийся гарантированным потреблением и гарантированным спросом. Риск того, что вы свой товар не продадите на рынке, практически отсутствует.

Теперь что касается вывода Евгения Григорьевича о том, что надо добиваться равновесия цен на жилищно-коммунальные услуги и доходов населения, что невозможно переходить к компенсации капитальных или инвестиционных затрат без изменения уровня доходов. Это так. С одной стороны, конечно, есть что-то неправильное в том, когда больше половины населения будут получать жилищные субсидии. Но, с другой стороны, сегодня, когда субсидии монетизируются, т.е. должны предоставляться получателям непосредственно в виде денег на их банковские счета, это и есть, по сути, увеличение дохода потребителей коммунальных услуг, только не всех, а тех, кто нуждается в такой социальной поддержке.

Следующая тема — это возможность демополизации жилищно-коммунального сектора, развитие конкуренции и т.д. и т.п. Здесь нельзя похвастаться никакими успехами, поскольку мы сейчас находимся на том же уровне, на каком были 14 лет назад, когда все только начиналось.

Конечно, надо разделить этот сектор на конкурентный, уже без всяких оговорок, сектор жилищных услуг, и на квазиконкурентный коммунальный сектор. Впрочем, в последнем конкуренция тоже вполне возможна, просто она в очень большой степени зависит от технологических схем, которые применяются в коммунальном секторе. На централизованных технологических схемах, конечно, конкуренция вряд ли будет развиваться, если же речь будет идти о каких-то автономных системах в теплоснабжении, водоснабжении и т.д., то и здесь будет возможно развивать конкуренцию.

Так вот, если говорить о развитии конкуренции даже в такой классически конкурентной среде, как управление и содержание жилищного фонда, то и тут мы находимся практически на нуле. Возможно, когда эта стратегия закладывалась в 1992 г., была совершена ошибка. Но скорее всего следует говорить не об ошибке, а о необходимости смены курса в зависимости от сегодняшних реалий.

В 1992 г. казалось, что нужно создать Службу единого заказчика жилищно-коммунальных услуг, а конкуренцию развивать среди поставщиков услуг по содержанию и ремонту жилищного фонда. Из этого мало что удалось сделать. Сегодня даже подрядные организации привлекаются на конкурсной основе лишь в 20–30% случаев. Система единого заказчика создала другую проблему — проблему монополизации уже со стороны заказчика. Задача развития конкуренции на рынке услуг по управлению жилищным фондом, о которой, наверное, как жители московских многоквартирных домов, знают все здесь присутствующие,

должна начать решаться с 1 января 2007 г., если, конечно, срок не перенесут опять. Но если перенесут, то, на мой взгляд, это будет огромной ошибкой.

Закон «О товариществе собственников жилья» был принят в 1995 г. Сегодня у нас лишь 4% городского жилищного фонда управляется ТСЖ, т.е. процесс с точки зрения заинтересованности населения и создания условий для этого стоит на нуле. Можно много говорить о том, почему это происходит, но факт остается фактом. Поэтому, если население пока не заинтересовано в создании структур, которые от лица собственников будут управлять жилищным фондом, нужно, по крайней мере, перейти к конкурентному рыночному механизму управления жильем профессиональными компаниями. Если в каких-то поселениях и этот рынок пока не развит — перейти к муниципальному, но пообъектному управлению жилищным фондом.

Кстати, 1 января 2007 г. не заканчивается право собственников квартир на выбор способа управления — это право перманентно. С 1 января возникает обязанность муниципалитетов провести конкурсы на управление многоквартирными домами и обеспечить заключение управляющими организациями договоров с собственниками квартир на управление конкретными домами — тогда станут прозрачными доходы, расходы и т.д. Депутаты, которые предлагают перенести этот срок, специально, из политических, популистских соображений утверждают, что 1 января заканчивается право собственников принять решение, хотя это, как я уже сказала, совершенно не так.

Что касается приватизации в коммунальном секторе, привлечения в этот сектор частных инвестиций, здесь дела тоже плохи. В пакете законов о доступном жилье принят Закон о тарифном регулировании коммунального сектора, но он практически не работает, хотя предпринимаются слабые попытки все-таки реализовать его на практике, чтобы создать действительно прозрачные условия формирования тарифов. Закон «О концессионных соглашениях» тоже пока реально не работает, тем не менее частный бизнес, несмотря на все препятствия, все равно прорывается в этот сектор.

Делаются фантастические ошибки. Например, договорились до того, что инфляция в стране происходит из-за роста цен и тарифов на ЖКУ. Как будто специально все делается для того, чтобы отпугнуть частный бизнес, однако, повторю, несмотря на все рогатки и препоны он в коммунальный сектор идет, и это очень важно.

Наконец-то появляется заинтересованная лоббирующая сторона — до сих пор ее не было. Были теоретики вроде нас, которые придумывали, что и как надо делать, политики, одной части которых было выгодно проводить реформы, а другой, наоборот, — критиковать, и население, которому вообще не надо было ничего, потому что реформы базировались в первую очередь на повышении оплаты жилья и коммунальных услуг. И вот теперь, наконец, будет кому пролоббировать, в хорошем смысле этого слова, предлагаемые институциональные изменения.

А вот что касается малоэтажного строительства, давним сторонником которого является Евгений Григорьевич (через 20–30 лет, говорит он, надо, чтобы 2/3 семей жили в малоэтажном жилье), то тут я с ним готова поспорить.

Евгений Ясин:

А посмотрите по Америке эти цифры. Прямо на глазах последних двух поколений Америка переехала в одноэтажные дома.

Надежда Косарева:

Я думаю, что строительство малоэтажного жилья предполагает эффективные действия государства и муниципалитетов по созданию инфраструктуры. Ведь речь идет не только о коммунальной инфраструктуре, это и электричество, и газ, и дороги, больницы, школы. Без такой поддержки мы получим дом в чистом поле, который никому не будет нужен, потому что от него надо до работы добираться 3 часа, потому что рядом нет ни школ, ни больниц — ничего. Мы сегодня не можем решить проблему обеспечения коммунальной инфраструктуры даже многоэтажного строительства, причем не в состоянии это сделать именно государство. Подчеркиваю, я совсем не против малоэтажного строительства, просто опасаюсь, что мы этого пока не умеем делать.

Евгений Ясин:

По последнему вопросу я хочу сказать, что поскольку я когда-то пытался предложить программу «Свой дом», то какие-то там оценки делал; проблема заключается у нас, кроме всего того, о чем правильно сказала Надежда Борисовна, в том, что у нас нет производственной базы, и никто не хочет об этом думать. Я не знаю, как сейчас, может, Сергей Иванович расскажет, но у нас в то время была такая ситуация, что страна застроена химическими заводами, на которых производится дикое количество полистирола, всего что хотите. Но один из самых выгодных вариантов стеновых материалов — это пенополистирол. У меня дом построен из пенополистирола, самый дешевый материал с отличными теплопроводными качествами. Лучше, чем OSB, лучше, чем деревянное строительство. Я пытался разобраться. Нам нужно научиться делать гранулы, из этих гранул делать блоки и т.д. Так у нас гранулы никто не умеет делать и не хочет. Я уже приставал к Шаймиеву, у него там колоссальная химическая промышленность, свел людей — они приехали и здесь изучали вопрос с фирмами, которые занимаются строительством этих домов. И что? В Нижнекамске все просто готово. Ничего. Все стоит. Поэтому я когда говорю об этом малоэтажном строительстве, согласен с тем, что должны быть предоставлены разные условия: хотите в городе, хотите за городом — пожалуйста, хотите дом иметь и там, и там, если у вас деньги, но то, что можно сделать дом, в котором квадратный метр будет стоить 500 долл., — это факт. И сейчас факт, вот что интересно.

Сергей Круглик:

Я уже года три не принимал в подобного рода обсуждениях участия, поэтому мне сложно, хотя в жизни мы все эти темы обсуждали стократно. И вот мне что нравится в этой книге: первое слово — политическая экономия реформы ЖКХ. Все проблемы этой реформы заключаются в том, что она как раз политическая. Если вы возьмете упоминавшийся здесь не раз Закон «Об основах федеральной жилищной политики», статью 15, то увидите, что все копы ломались вокруг нее на протяжении 10 лет. Одна Дума независимо от того,

городская она, «субъектовая» или федеральная, говорила, что нужно снизить планку, органы исполнительной власти — что нужно ее повысить.

Следующий этап политического противостояния — это жилищный пакет, который с огромнейшим трудом провели в принципе в Жилищном кодексе. Все аспекты законодательные отрегулировали. Начали что делать? Вносить поправки. И вот сегодня мы говорим о рынке жилья и тут же мы отменяем норму бесплатной приватизации, перенося ее на 2010 г. Что это такое? Это говорит о том, что мы наделяем собственностью людей, которые не в состоянии нести бремя собственников. А так мы обратили внимание, что всего лишь 4,2% в Америке получают субсидии в арендном секторе; там, где владеют, там не получают. Если он не в состоянии содержать, то должен избавиться от этой собственности. Это касается не только жилья. Мы азы вот этой экономики не учитываем абсолютно.

Аналогичная ситуация существует сегодня в коммунальном секторе. Если мы выбрали направление, что при сохранении во многих секторах коммунального хозяйства в собственности должны остаться те объекты, в частности по водоснабжению, то прийти на правление, на эксплуатацию, на обслуживание должны более эффективные частные компании. Мы провозгласили. Частники собрались. После этого мы вводим потолок по ценам. А ведь что такое привлечение инвестиций в коммунальный сектор? Это минимум 20–30 лет, особенно водный сектор, причем мы должны все понимать, почему вся вот эта неэффективность и почему там долги плодятся.

Меня поразила Мурманская область. Люди приезжают зимой, вот просто все в трубах, все дымится, это все за Полярным кругом, где соларку возят машинами, где кВт·ч стоит более чем 15 руб. Все настолько неэффективно. И после этого мы говорим: «Давайте ограничим рост тарифов». Вместо того чтобы искать какие-то другие компенсационные механизмы, мы начинаем ограничивать рост тарифов. Если люди сделали уже такие заимствования, значит, они банкроты. И сегодня уже настал период, когда бизнес по наитию, а где-то все-таки с точки зрения экономического расчета, увидел там свою прибыль и пришел туда. Вот Михаил Эрикович, не знаю, что будет рассказывать, но я сегодня узнал, что его компанию будут продавать. И это касается всех. А их всего было 4–5 серьезных компаний. Значит, что? Рынок становится неинтересным.

Теперь вы упомянули резкий рост цен. На самом деле рост цен, превзошедший инфляцию, начался где-то с 2003–2004 гг., а до этого он отставал местами в 200 раз от темпов инфляции и т.д. И когда мы говорили, что дошли до уровня 40%, там 90% лукавства. Вот это я могу доказать по каждому году. И никогда стоимость оплаты и себестоимость производства не совпадали. Мы дошли до того, что устанавливали для федерального расчета тариф для населения и для предприятий. И вот то, что устанавливали для предприятий, бывало, в разы отличалось от стоимости для населения, и разницу в этих тарифах никто никогда не компенсировал. И теперь мы, отработав в основном всю нормативную базу, которая позволяла построить рыночные отношения, отработав и распропагандировав это все, имеем то, что имели в 1992 г. То же самое противостояние на рынке. Не понятно, почему? Потому что присутствует в основном и доминирует политическая составляющая.

Если вы обратите внимание, то за эти 12–14 лет можно нарисовать несколько синусоид взлета внимания к этому процессу — есть резкое продвижение, потом забвение на несколько лет, потом опять всплеск. И вот на самом деле, что такое 14 лет для подобного рода реформ? Если обратили внимание, то в тех странах, которые здесь приводились — Литва, Латвия, Эстония. Не было приватизации в Латвии, но там была совсем другая «кухня», т.е. там была система возврата жилья прежним собственникам. Если брать Эстонию — они ждали, пока с крыши девятого этажа вода дотечет до первого, после этого там организовывались подобного рода товарищества. Там отсутствовала политика, там присутствовала экономика и сила закона. Когда у нас любой закон начинает обсуждаться, включаются политические рычаги, и вся экономика рушится. И до тех пор, пока мы не выйдем из этой ситуации, я полагаю, что преодолеть этот кризис в очень важном секторе экономики не удастся, а раньше мы считали...

Я вот напомним просто, наверное, где-то году в 1996-м Егор Тимурович нас собрал в Волынском. Нас там было всего лишь 5–6 мэров, вице-мэров небольших городов Российской Федерации. Мы, действительно, двигались в то время, веря, что это приведет к достаточно быстрому экономическому эффекту. И мы договорились, что в общем-то уже стоим на пороге новых серьезных преобразований именно в этой экономике, которая рождается на кухне и которая потом уже транспонируется во все секторы экономики. Потому что если мы не научимся управлять как раз на кухне, браться за микроэкономику, макроэкономику бессмысленно, все будет утилизироваться на уровне канализационной трубы.

Поэтому у меня просьба. Книга хорошая, ее нужно всем почитать. Но если мы соберемся еще через 4 года и будем на том же месте, поверьте, ситуация будет крайне печальная, поскольку это ведь ни что иное (я имею в виду объекты жилищной сферы), как объекты, которые требуют грамотного управления, у которых есть срок жизни. И если к нему плохо относятся, так же как к человеку, к его здоровью, он долго не живет. У коммунального сектора ситуация точно такая же. Сегодня вот этот политический аспект, он еще где-то подпирается в коммунальном секторе и жилищным административным ресурсом, но никоим образом не экономическими рычагами. Поэтому я предлагаю в деталях еще раз посмотреть в преддверии того, что в январе месяце будет президиум Госсовета, посвященный этому вопросу. Если есть вот такие возможности нам консолидировать и представить туда свою точку зрения развития событий. Спасибо.

Владимир Гимпельсон:

Позвольте предоставить слово Михаилу Эриковичу Никольскому. Послушаем, что думает по этому поводу бизнес.

Михаил Никольский:

Спасибо, уважаемый Евгений Григорьевич. Спасибо, уважаемые коллеги. Я представляю ту самую канализацию, об уровне которой сегодня так много говорилось. Понимаю, что в президиуме знают, что такое компания «НОВОГОР». Позвольте, немного расскажу остальным. Мы — коммунальная компания, которая предоставляет услуги водоснабжения и водоотведения (так на профессиональном сленге называется канализация) в городе Перми с населением 1 млн

человек, в городе Березники с населением 180 тыс. человек и в городе Краснокамске с населением 50 тыс. человек. Таким образом, 1230 тыс. человек — это прижатые к сердцу родные абоненты, которым мы те самые услуги и предоставляем.

Я, коллеги, управленец. Для меня всегда принципиально важным вопросом является, почему, что и как происходит. Совершенно согласен и с Евгением Григорьевичем, готов подписаться едва ли не под каждым словом, и с Надеждой Борисовной, и с Сергеем Ивановичем. Хочу поднять еще один очень серьезный вопрос: в какую точку упирается торможение жилищно-коммунальной реформы в стране? Я не могу сделать другого вывода, мне совесть не позволяет, кроме как сказать, что у нас отсутствует социальный заказ на качественные услуги ЖКХ.

Евгений Григорьевич, я тут по случаю принес с собой презентацию, но могу все это изложить своими словами.

Вот, коллеги, как смотрят народ и правительство на услуги жилищно-коммунального хозяйства. Народ смотрят очень просто: одно из свежих ВЦИОМовских исследований показало, что больше всего на свете россияне боятся техногенных катастроф. Но техногенные катастрофы — это далеко и не столько падение самолетов, сколько обезвоживание, «обессвечивание» и «обестепливание», да простит меня русский язык. Техногенные катастрофы для нас — это когда пришел, кран открыл, а воды нет. Вот она, техногенная катастрофа.

Во времена оные мы проводили в Перми фокус-группы, пытаюсь понять, что испытывает человек, когда у него в кране нет воды. Конечно, респонденты ответили, что раздражение. Но все психологи прекрасно знают, что раздражение — вторичная реакция, а первичная реакция, которую при этом испытывает человек, — это страх. Мы живем в XXI в. и мы хорошо понимаем, что когда в кране нет воды — это страшно. А когда в батареях тепла нет, а если это северный район какой-нибудь? Это уже не страх, а просто ужас в прямом смысле. И вот поэтому терактов боятся только 23%, это вторая строчка в печальном списке, а техногенных катастроф — 46%. Казалось бы, на это откликается правительство устами Михаила Ефимовича, и он на том самом последнем заседании правительства, где вопросы ЖКХ поднимались, говорил, что они входят в тройку самых актуальных вопросов. Я не знаю, какие еще два, но премьер сказал, что в тройку, значит, взяли под козырек — тройка есть тройка.

Итак, потребность в качественных услугах ЖКХ будем считать озвученной. Но мы с вами все прекрасно знаем, и экономический диплом к тому обязывает, что необходимо различать между собой потребность и спрос. Потребность — это «хотелка»: хотелось бы мне, чтобы у меня были качественные услуги ЖКХ. А спрос — это когда я свою потребность готов финансово подкрепить. И вот тут мы натываемся на очень простую вещь: на сегодняшний день потребность в качественных услугах ЖКХ оплачивать не готов никто. Не готово оплачивать население, хоть мы по показателю ВВП и догнали Португалию, как нам велели. Доля ЖКХ в размере 9% в расходах граждан — это реально маленький объем. При этом не готово платить и правительство.

Понимаете, коллеги, в мире было много разных моделей. Постфранкистская Испания имела точно такое же состояние коммунального хозяйства, как у нас

сейчас. Что сделало испанское правительство? Они восстановили коммунальное хозяйство за счет средств бюджета, после этого вызвали частных операторов и сказали: «Вот тебе отремонтированное. На! И чтобы ты больше за деньгами в жизни не приходил». В этой ситуации издержки реабилитации коммунальной структуры на потребителя не ложились, потребитель оплачивал текущий ремонт и те ремонты, которые по ходу эксплуатации накопятся, но это уже было по-сильно людям. И с этого момента в Испании нормально работает концессионная схема. Все довольны. Вопрос был снят с повестки дня.

У нас нет ни того ни другого: ни тарифной оплаты, ни оплаты в виде бюджетных вливаний. Теперь давайте посмотрим, что из этого получается. Не будем называть это «благодаром», но, тем не менее, заработные платы растут, и растут очень серьезными темпами. Родной Пермский край дал в прошлом году в среднем 25% роста номинальных доходов населения. Люди меняются в своих поведенческих привычках. У людей все становится лучше. У меня любимая привычка, исходящая из понятной пословицы, — все время воду с пивом сравнивать. Потому что, известное дело, не пиво людей губит. Так вот, приходишь в магазин, и того старого «Жигулевского», которое в рот нельзя было взять, уже на прилавках нет. Есть широкий спектр — хочешь, возьми пиво отечественных производителей, хочешь, возьми импортное по лицензии, хочешь, возьми импортное, из-за «бугра» приехавшее. У тебя широкий спектр, выбирай, что тебе по карману.

С коммуналкой не так. Вы вложились в шикарный дом. Замечательно! Знаете, сколько шикарных домов в Перми я отключал от водоснабжения? И люди только потом понимали, что тысячи условных единиц вложены в прекрасную коробку, но в которой воды почему-то нет. Потом, когда мы с ними чуть не на брюхе ползали по подвалам, выясняя, так почему же все-таки там нет воды, я видел выражение глаз этих людей — врагу не пожелаешь. Так вот что получается. Страна богатеет, обретает какие-то респектабельные привычки, а коммунальный комплекс, да и жилищный, строго говоря, каждый год по граммулечке, тихонечко ползут вниз. И как водится, когда один вниз, а второй вверх, разрыв-то все время увеличивается между тем, что люди могут себе позволить, и тем, что у них реально есть в наличии. Когда, в какую секунду этот разрыв даст по башке правительству, президенту, ведущей политической партии страны — лишь вопрос, когда же отлетит-таки наконец тщательно сжимаемая пружина. Но, наверное, физику все в школе изучали, она отлетит. Ждите. Будет.

Давайте посмотрим, что у нас получается. Вот у нас есть национальный проект. Он показал: если взять и сосредоточиться, то можно, по крайней мере, выдать социальный заказ на доступность жилья. Можно поставить какие-то численные параметры и спустить их губернаторам. После этого губернаторы начнут в квадратные метры включать площадь придомовых участков. Хоть как-то по-своему будут стараться показатель выполнить. Можно это освещать в прессе. Можно устраивать совещания на самом высоком уровне, т.е. какие-то есть инструменты. Но обратите внимание, что комфортность жилья — есть ли у вас вода, горит ли у вас лампочка в подъезде, уткнетесь вы лицом в груды мусора или нет — находится за пределами национального проекта. На это спрос не сформирован.

Сегодня мы с вами стали свидетелями того, что правительство, вернее президент, договорились с «Газпромом» и с РАО ЕЭС о том, что будет поэтапное повышение цен на газ и электроэнергию до мирового уровня. Здесь важно обратить внимание на две вещи. Во-первых, и правительство, и «Газпром», и РАО ЕЭС знают эти мировые уровни. А вот то, что происходит в Восточной Европе, например, с водой, я прошу прощения, кроме Сергея Ивановича, уверен, в правительстве не знает никто. Я вчера присутствовал на парламентских слушаниях по данному вопросу. Ну, коллеги, должен сказать, что дремучий лес — куда как более светлое изобретение человечества. Посмотрите, пожалуйста, вот та самая Восточная Европа — это стыдливое название нашего бывшего социалистического лагеря. Это наши бывшие братские страны Прибалтики, это наши бывшие страны социалистического лагеря. Обратите внимание, цена за кубический метр — коэффициент 5–6 раз к тому, что сегодня у нас. Казалось бы, что они должны платить в 5–6 раз больше, а не тут-то было! Потому что они отвечают на высокие цены весьма умеренным потреблением. И потребление этой самой холодной воды в тех самых странах Восточной Европы колеблется в интервале от 80 до 140 л на человека в сутки. В то время как мы с вами потребляем от 300 до 480. Мне приходилось 200 раз в этой жизни слышать, что эту фразу придумали мы, негодные коммунальщики, для того чтобы на людей списать все расходы.

Недавно мы провели чистый эксперимент перед телекамерами на всю страну. Владимир Олегович Потанин очередную серию шоу «Кандидат» снимал в Перми, и нам довелось принимать две соревнующиеся команды. Мы им дали простое задание: одной — дом в 240 квартир, второй — в 340 квартир — и сказали: «Ребята, попробуйте уговорить жителей экономить воду. Если у вас это получится, вы выиграли, не получится — физкультпривет». Точно так же в ходе игры и перед игрой мы проползли по всем подвалам — было сухо. Мы поставили самые дорогие прибора учета, которые только нашли. Они нам раз в полчаса показывали фактический объем потребляемый домом воды. Что мы увидели? Мы увидели громадное ночное потребление. Я думаю, что все присутствующие здесь с часу до пяти утра имеют традицию спать. В силу этого с часу до пяти потребление должно быть на уровне, близком к нулю. А у нас с часу до пяти потребление исчислялось в десятках кубометров воды на каждый дом. Это краны, это унитазы, это внутридомовая сеть, это просто-напросто вода утекает в канализацию без какой-либо пользы.

Коллеги, я также 200 раз проводил другой эксперимент. Поднимите руку, кто в этой аудитории помнит, сколько он в последний месяц заплатил за холодную воду? Отговорок я слышал много. Я не встретил ни одного человека, который бы сказал, сколько он платит за холодную воду. Никто из нас эту цифру в голове не держит. Я сам ее знаю лишь по долгу службы. Каждый среднестатистический пермяк платит за месячное потребление воды, за те самые 9 кубометров, 74 руб. с копейками. Бутылка паленой водки уже по нынешним временам столько не стоит. Особенно весело, когда мы говорим, что прирост тарифа громадный в процентах. Нам ФСТ говорит: «Не смей больше 15%». Ради бога. Значит, мы к той самой бутылке водки грамм 70–80 еще дольем, получим ту же цену, что за месяц пользования централизованным водоснабжением.

Есть еще одна цифра, на которой надо остановиться отдельно. Что такое наш тариф? Наш тариф — это в чистом виде эксплуатационные затраты. Соотношение эксплуатационных затрат к капитальным в размере 4 : 1, которые там у меня были написаны, — это наш героический подвиг в Перми. Это та цифра, на которую мы вышли за 3 года работы. А начинали мы с 95 : 5. Понимаете? Так вот, я торжественно вышел на 4 : 1, рву рубаху с высоких трибун, говорю, какие мы пионеры и отличники, а соседи в Польше не понимают, что такое тариф, если у них на каждый рубль эксплуатации не заложено 2 евро. На восстановление и улучшение системы. И когда я, как дурак, бегал и спрашивал у них: «Ребята, вы как экономите затраты?», они мне говорили: «Затраты экономить нельзя. Затраты — это же капитальные ремонты». Мы-то под затратами понимаем неприятности, а они — восстановление своей системы. Так вот, в этом месте у нас и зарыта собака. Как вы думаете, что мне ограничила ФСТ? Тариф? Ничего подобного. Мне ФСТ ограничила объем капитальных ремонтов. До свидания улучшение водоснабжения в Перми, кланялся вам господин Никольский.

Вот посмотрите, какая у нас энергонеэффективность. Мы дожили до того, что и газа не хватает. Не то что на экспортные поставки, а на внутривосточное потребление. Почему? Да потому что расход газа совершенно идет без ума. С водой ровно то же самое. Опять же в присутствии Евгения Григорьевича стыдно говорить, что в цене всегда заложена информация. В низкой цене всегда заложена информация о том, что это или товар, который можно не считать, или вообще не товар, а так как бы просто вмененный расход. Экономия на спичках всегда была предметом для шуток, экономия на воде та же самая получается.

Закругляемся. Вот теоретик коммунального комплекса капитан Врунгель совершенно четко нас учил, что яхта поплывет так, как мы ее назовем. Как названа наша яхта? Вертикаль власти выстроена и во многом унаследовала черты предыдущей вертикали власти. Но в предыдущей вертикали власти хотя бы на стенах висел слоган «Все во имя человека, все для блага человека». У нас в вертикали власти сегодня этого message нет. Поэтому для человека с его нуждами в жилище и в коммунальных услугах просто не предлагается менять ничего. Поэтому если яхта изначально так названа, что же мы удивляемся тому, куда она дрейфует. Спасибо.

Александр Пузанов:

Надежда Борисовна сказала уже, что она — единомышленница Евгения Григорьевича, я получаюсь в квадрате единомышленник.

Поскольку Сергей Иванович привлек внимание к слову «политическая» в названии книги, я хочу сказать спасибо за слова «политическая экономия» с ударением на второе слово. Потому что очень важен этот message для широкой аудитории, что все-таки у ЖКХ может быть политическая экономия. Это, мне кажется, очень важно. Я уже неоднократно говорил, что испытывал большие сложности, общаясь с зарубежными коллегами, в том числе собирая информацию о состоянии отрасли в разных странах, переводя на английский язык слова «жилищно-коммунальное хозяйство», так как они очень трудно переводятся на английский язык. А с другой стороны, слова «жилищная политика», которые

там в ходу, у нас — экзотика. За рубежом десятки серьезных академических журналов, у нас — «реформа ЖКХ», просто «ЖКХ», «ЖКХ и вода», «ЖКХ и коммунальный комплекс». То есть идет все-таки принижение уровня дискуссии, такая технократизация, которая не дает возможности выходить на действительно серьезные выводы и обобщения. Здесь много говорилось о разных неприятностях, связанных с политическим процессом. Я думаю, что все-таки есть еще некий резерв ресурсов, чтобы как-то активизировать дискуссию на чуть более высоком уровне, прорваться за пределы «реформы ЖКХ». Мне это кажется очень важным.

И второе, что я хотел бы сказать. В последнем выступлении тоже прозвучала мысль о проблеме соотношения текущих капитальных расходов. Это чрезвычайно важная тема, и ее ни в коем случае нельзя забывать, когда мы сопоставляем уровень оплаты жилищно-коммунальных услуг в России и зарубежных странах, потому что надо помнить, что наши 10% сегодня — это на 95% текущие платежи. Аналогом этих платежей является уровень 7–8% в странах Европы. 24% по Франции, которые приведены в книге, на самом деле раскладываются в их статистике на 17% (это капитальные издержки в разных формах) и примерно 7% на то, что у нас называется 100%-ной оплатой услуг ЖКХ. Конечно, для полной сопоставимости надо еще принять во внимание, что эти вот капитальные расходы, то, что стоит у французов 24%, — там есть все. Там есть и платежи по ипотечному кредиту, там есть и вмененный арендный доход для собственника, и собственные платежи. У нас неким аналогом являются те деньги, которые либо из накоплений, либо путем все растущего ипотечного сектора, либо участием в гораздо более распространенном механизме долевого строительства вкладываются в строительство нового жилья. Это тоже стоит принимать во внимание для продолжения расчетов и их уточнения. Но важно понимать, что не 10 и 24% по факту, а по сопоставимому кругу затрат это где-то 8–10%. И здесь мы как раз возвращаемся к эффективности предоставления услуг именно по содержанию жилья и предоставления коммунальных услуг, проблемам конкурентности этого рынка и всем тем вопросам, которым посвящена эта книга, которую я буду рекомендовать изучить студентам ВШЭ, в первую очередь специализирующимся по кафедре экономики города и муниципального управления.

Спасибо.

Владимир Гимпельсон:

Спасибо большое. И сейчас я хотел бы предоставить слово Валерию Михайловичу Зубову, депутату Государственной думы. И после этого мы переходим к вопросам и ответам.

Валерий Зубов:

Спасибо большое. Я тоже думаю, что правильный заголовок у книги — «Политическая экономия». Вопрос, действительно, политэкономический, и хотелось бы, чтобы больше экономики было, но сегодня, к сожалению, политики побольше.

Четыре тезиса. Первый. Вот то, что происходило 15 лет назад, не надо к нему особенно внимательно возвращаться. Я тоже в 1992 г. начинал государственную

службу, тогда как раз начинались реформы. Я был заместителем губернатора по экономическим реформам включая ЖКХ и приватизацию. Если бы в то время мы обладали теми знаниями, которые есть сегодня, мы, конечно, поступили бы по-другому. А тогда совсем другие силы давили. И те, которые сегодня критикуют в первую очередь приватизацию, они как раз давили: «Давай ее, и побольше». Те, кто ЖКХ, — им не до этого было, не знали, что появятся такие собственники, не могли предположить, что в одном подъезде будут совершенно разные собственники и с совершенно разными взглядами на жизнь. «Давай приватизацию», потому что двум-трем в этом подъезде надо было срочно меняться квартирами, поэтому они социально, политически давили. Вот как вышло, так вышло. Просто приходилось в то время более быстрые решения принимать.

Второй. Как бы мы здесь ни обсуждали такой вопрос, надо иметь в виду, что самой большой все равно будет проблема принятия решений. Вот самая хорошая книга, конспект, проект закона, идеи какие-то. Вопрос: как сработает процедура принятия решений? Вот с этим у нас, мне кажется, проблема. Что касается Государственной думы, то, конечно, если она подписывается под законами, когда у нас все меньше федерализма, все меньше местного самоуправления, то, конечно, усугубляется ситуация принятия правильных решений на жилищно-коммунальном уровне. Это неизбежно. Ведь самое главное, мы сейчас говорили, есть ли социальный заказ на услуги. Мне понравился пример с пивом. Но там есть и обратная сторона. Люди готовы платить за более высокое качество. Покажите его, продемонстрируйте. Когда у нас есть конкуренция регионов, конкуренция городов, местных уровней.

Вот Евгений Григорьевич, конечно, правильно эту главу посвятил Дворкину. Есть люди, которые идут впереди. Когда можно было показать, что вот на этом уровне, несмотря на то что принято вот такое, на первый взгляд, непопулярное решение. А полученный результат, качество есть. Его можно пощупать, посмотреть. Этого явно не хватает. И раньше не хватало, и сегодня не хватает. Поэтому нужна конкуренция идей, конкуренция регионов, конкуренция подходов к решению жилищно-коммунальной проблемы.

Третье, что хотелось бы сказать. Как так получилось, что... Я, честно говоря, считаю, что это самая тяжелая проблема и вообще краеугольная проблема того, что мы делаем в обществе. Все здесь концентрируется. Живем здесь. Задевает всех. Мы все разные. Самая неудовлетворенная проблема. И так получилось, что я в этом году, оказывается, четыре закона вносил. Они не были приняты. Я их вкратце назову, почему я их вносил и почему, мне кажется, все равно надо принимать.

Первый закон — о том, что надо все-таки отказаться от практики регулирования на федеральном уровне тарифа на жилищно-коммунальные услуги. Это полная глупость. И это один из сдерживающих факторов, на мой взгляд, — в первую очередь с точки зрения возможностей прихода бизнеса туда. Я не говорю про коррупционность, про то, что не просчитано. Это уже даже вторичные вещи. Вот это надо отменить. С этого начать.

Второе — надо обязательно принять закон о государственном регулировании монопольных видов деятельности. Почему это надо сделать? Вот сейчас, буквально вчера, комитет моего коллеги... его в четвертый раз отклонили.

Значит, Государственная дума будет отклонять. Почему его надо принять? Для того, чтобы четко прописать, а там есть предварительный план — прописать эти монопольные виды деятельности, что там, где они не монопольные, там рынок пусть идет вперед. А там, где монопольные, — либо регулировать, либо демополизовать. Вот одно из двух. Что-то надо делать. И так как уровни монополизма разные — федеральные, региональные и местные... Если на местном уровне где-то рынок жилищно-коммунального хозяйства монопольный — значит, его надо регулировать. А если его можно сделать немонопольным, пусть бизнес конкурирует. Во всяком случае, это будут прозрачные условия того, как будут устанавливаться тарифы на монопольные виды деятельности.

Третье. Вот здесь упомянули добрым именем Франко. Я не знал, теперь возьму на вооружение этот пример. Значит, у нас есть инвестиционный фонд, который в этом году так и не смог заработать. Две причины, почему он не смог в этом году заработать. Первая: те объемы, в рамках которых этот инвестиционный фонд сформирован в бюджете, не позволяют серьезно решать проблемы. Просто масштаб его слишком маленький. И вторая, когда на уровне министра экономики затягивается принятие решений в отношении бизнес-планов по использованию этих средств. Просто процедура затягивается, усложняется, и все. Вот если бы весь, и такое было мое предложение, этот инвестиционный фонд превратить в жилищно-коммунальный инвестиционный фонд и отдать на капитальные ремонты в регионы — сколько получится? По полмиллиарду, по миллиарду, по два. И тогда можно было бы, я не думаю, что это идеально будет, но по крайней мере, самые острые проблемы снять и сказать: их сняли, вот теперь вы имеете более качественную услугу, более надежную, ужаса у вас нет, теперь можно спрашивать и повышая тарифы на предлагаемые услуги, а если нет этого... Дело не в том, сколько процентов платят, люди готовы платить больше, но вы покажите, что есть улучшения, вы покажите, что не просто ради формального принципа — с 40 до 60, 70%, до 100%, в этом году на 100% оплаты жилищно-коммунальных услуг мы должны формально перейти. А что я за это получил? Если видно, что получил, тогда получается такая социально-политическая поддержка в этом вопросе.

Четвертый закон. Только когда я первое предложение скажу, сдержите эмоции, а вот со второго предложения критикуйте. Значит, я предлагал в этом году ввести тарифную паузу на услуги естественных монополий, не повышать вообще. Вот, правительство принимает решение — тариф не повышается ни для «Газпрома», ни для энергетиков, ни для железнодорожных перевозок. Если у вас есть аргументы повышать — давайте, публично показывайте, что надо повышать, почему это надо повышать. Две вещи, которые сегодня уже доступны. Но выпустите на свободный рынок тех, кто формирует затраты в жилищно-коммунальном хозяйстве. Что будет-то? Что будет для промышленности? Вы хотите сказать, что это рыночно. Пусть они перестанут быть монополиями, и тогда можно либерализовать оценку их услуг, но они же монополисты. Две цифры. Опровергнете их, и тогда можно сказать, что это глупость, про тарифную паузу.

Первое. По 2005 г. я посчитал. В «Газпроме» 1/3 занятых в непрофильных видах деятельности нанесли убытки «Газпрому» на сумму в 2 раза большую, чем

в этом году повышен тариф (на 11%) для «Газпрома». У вас там огромные резервы. Почему вы считаете, что другие должны снижать издержки, а вы нет? Это же госкомпания на самом деле. Вот докажите, что надо повышать тариф. Отрежьте непрофильные виды деятельности. Повысьте эффективность.

Вторая цифра. Да, конечно, в любой цене любого продукта в любом тарифе должна быть инвестиционная составляющая. Так, инвестиционная составляющая на то, чтобы улучшать качество, расширять объем услуг — это правильно. Но если у вас в том же «Газпроме» 70% расходов на инвестиции в этом году пока тратится на те виды деятельности, которые не связаны ни с увеличением добычи газа, ни с повышением производительности труда в этой отрасли, какой же смысл для общества и населения платить по повышенному тарифу? Вы только перекупаете собственность друг у друга, а это не есть наша цель сегодняшняя. То же самое, я знаю, что к энергетике в этой аудитории немного лучше должно быть отношение, но обратите внимание — сейчас начали продаваться все эти ОГК и т.д. Вопрос: куда пойдут деньги? Если «Новосибирскэнерго» делает заявку на участие в покупке активов в Турции, тогда надо задуматься, стоит ли на эту сумму повышать тариф для монополии. Если это не монополия, то ради бога. Но если это монополия?

И подводя маленький итог тому, что я сказал: конечно, не решаема эта проблема. Я не говорю про законы, конечно, пока их трудно принять. Можно спорить и т.д. Без решения таких задач, повторяюсь, как разделение действительных полномочий между федеральным, региональным, местным уровнем, когда каждый — за свое дело, невозможно. Невозможно, когда путем организации политического процесса у нас правые партии выдавлились из политического фланга, а решению проблемы проведения реформы ЖКХ, увы, левым партиям не под силу оказать поддержку, а правых выдавили. И невозможно формировать товарищества собственников жилья, когда вы сознательно придавливаете гражданское общество, не развиваете, не ищите там опоры, а наоборот, говорите, что все за вас тут сделаем. Ну делайте. Только пока это не так хорошо получалось.

И самое последнее: влияет ли ЖКХ как фактор на индекс инфляции — мы потом поспорим. Я хочу самое главное сказать: посмотрите, вот Евгений Григорьевич на самых первых страницах написал: «...Но когда пошли на все реформы в стране, в том числе и на реформы ЖКХ, количество квадратных метров стало прирастать». Спасибо.

Владимир Гимпельсон:

У меня есть две записки от желающих выступить, но, я думаю, сначала несколько вопросов зададим Евгению Григорьевичу и основным дискуссионкам, а потом я дам слово тем, кто желал выступить.

Елена Гусева:

Вот речь идет о том, что в состав расходов домов ЖСК и ТСЖ входили отчисления на капитальный ремонт. Но две реформы денежные, вернее денежная 1991–1992 гг. и 1998 г., — обвал. Фактически все ЖСК потеряли деньги, отложенные на капитальный ремонт, а в муниципальных домах в тарифы такие от-

числения никогда не закладывались. Как быть? Ведь это одна из существенных статей для восстановления и ремонта дома.

Евгений Ясин:

Я так думаю, что Валерий Михайлович на самом деле ответил на этот вопрос, и я готов присоединиться. По крайней мере мысль о том, что государство, передавая дома ТСЖ и т.д., должно подремонтировать, что-то сделать и потом передать, вполне корректна. Я имею в виду не государство, а муниципалитеты. Но, с другой стороны, я полагаю так, что окончательное решение вопроса возможно только в том случае, если будут либерализованы тарифы, т.е. цены будут либерализованы в этом секторе в той мере, в какой это возможно.

Я согласен с тем, что в монопольном секторе цены должны регулироваться. Это азы. Но они должны все-таки регулироваться на таком уровне, когда рука на пульсе, и вы чувствуете, где эта точка равновесия. Пускай вы ошиблись. Но не так же, чтобы оно лежало на полу, и вы говорите: «Давайте, ребята, еще ремонтируйте». Тут вопрос такой.

Воспользуюсь случаем и сразу скажу: слушал Надежду Борисовну, как хорошо, что она у нас есть. Вот она думает об этом обо всем. И знаете, одновременно я чувствовал, какой я счастливый человек. Знаете почему? Потому что я пережил тот момент, в 1992, 1993, 1994 гг., когда было ощущение, что можно сделать, что можно придумать. Потом возникают барьеры, барьеры, барьеры. И мне жалко и Надежду Борисовну, и Сергея Ивановича, всех людей, которые с тех пор преданы всем этим делам и понимают, что и как можно сделать. Но вся сила, вся энергия уходит на то, чтобы преодолевать какие-то мелочные препятствия, которые мы же сами за это время создали. Я чувствую, что уже невозможно сегодня прорваться через это все.

Вот Виктор Меерович смотрит на меня и думает: «Опять этот радикал все хочет поломать и т.д.». Ну а как? Если вы хотите решить проблему, вы должны понять, в чем она состоит, и затем выработать некий план ее решения. Пускай на это уйдет 3 года, 4 года, 10 лет, сколько хотите, но вы должны понимать, что это за проблема. Если вы этого не понимаете и все время делаете шажки в разных направлениях — никогда не выберетесь. Ведь на самом деле моя книжка про это. И тот вопрос, который вы ставите, тоже про это. Дайте возможность людям сделать в этом секторе рынок. Да, будут какие-то проблемы, их придется решать населению тем методом, который предложил Валерий Михайлович. Где-то это под силу муниципалитетам, где-то поможет регион.

Не знаю про инвестиционный фонд. Инвестиционный фонд в течении ближайших 3 лет будет уходить в Петербург. Это очевидно. Но возможности собрать деньги на то, чтобы сразу отремонтировать квартиры для всех, мне кажется, нет.

Сергей Круглик:

Я два слова добавлю к этому вопросу. На самом деле, это все было в 1996–1997 гг., когда параллельно начинали на отдельном счете муниципалитета формироваться деньги, которые расходовались исключительно на капитальный ремонт жилых зданий. Допустим, в 1996 г. это 10% от необходимого, в 1998 г. —

15%, 20% и т.д. Потом мы к чему подошли? Депутаты Государственной думы приняли решение исключить из состава затрат и отнести это к государственным затратам. После этого города вообще перестали собирать эти деньги. Два года ни копейки из государственного бюджета на эти цели не поступило. Сейчас опять мы вернулись к этой теме. Это просто как подтверждение. Нет чтобы по копеечке собирать по годам на конкретные цели и задачи — мы шарахнулись один раз и отбили все в течение 10 лет.

Валерий Zubov:

В той форме, как было принято решение о том, что тарифы на жилищно-коммунальные услуги будут теперь утверждаться на федеральном уровне. Этим решением из жилищно-коммунальных комплексов было изъято 110 млрд руб. Для сравнения: инвестиционный фонд — 69 млрд.

Евгений Ясин:

Я скажу так: за решение, принятое по поводу регулирования тарифов на федеральном уровне, в отставку должен был отправиться весь кабинет, вместе с либералами в первую очередь. Дурь просто предельная. Было очевидно. Причем каждый раз прихожу в министерство, мне говорят: «Мы тут продумываем вопрос о введении мясных квот». Я говорю: «Чего-чего? Что такое слово “квота”?» Когда я работал в правительстве, это была запретная тема. Как это так? А потом удивляются, что это мясо пропало или подорожало?

Владимир Гимпельсон:

Давайте теперь перейдем к вопросам.

Выступление:

Евгений Григорьевич, вот Вы можете оценить стоимость рабочей силы, говоря старым политэкономическим языком, стоимость воспроизводства рабочей силы, которая образуется в результате, скажем, полного проведения коммунальной реформы, повышения тарифов до мировых цен и т.д.?

Евгений Ясин:

В данный момент я не могу ответить. Мы такую работу проводили по отношению только к тарифам на газ, электроэнергию, жилищно-коммунальное хозяйство. Тогда по условиям 2001 г. мы получили оценку: для того чтобы население могло оплачивать эти услуги, нужно увеличить в среднем примерно на 700–800 руб. заработную плату бюджетников. Но это был 2001 г. Сейчас по моей просьбе, по моему заказу Лилия Николаевна Овчарова в Независимом институте социальной политики проводит такие расчеты. Я полагаю, что где-то к февралю я смогу назвать эту цифру. Но я так думаю, что по нынешним понятиям для бюджетников, которые не берут взятки, заработная плата должна быть повышена в 2 раза. Это с учетом некоторого перехлеста, который необходим для того, чтобы люди восприняли и чтобы не было такого разговора, как в январе 2005 г. Потому что это все институциональные реформы. Реформы надо выкупать.

Сергей Круглик:

То есть те бюджетники, которые повышения не получают, — они взяточники?

Выступление:

Можно второй вопрос сразу? Мы с Вами, во всяком случае, помним время, когда сплошные эксперименты были, что-то проводилось. Почему, скажем, в отдельных регионах не повысить зарплату бюджетникам, не удвоить пенсии?

Евгений Ясин:

Я отвечу Вам. Я проходил эту школу, и очень хорошо помню крупномасштабный экономический эксперимент. Я все это анализировал в Министерстве электротехнической промышленности, включая наряды с красной полосой и т.д. и т.п. Я выступаю против такого рода социальных экспериментов. Они никогда не воспроизводят тех условий, которые потом получаются на самом деле. Поэтому есть проблемы, сложные проблемы, но их надо решать, брать на себя ответственность и решать. Заложить больше денег, растянуть срок, иметь план, представить себе, на какие политические и социальные силы Вы будете опираться, но не отказываться. Понимаете? В политике тоже есть момент риска. Если Вы считаете, что у Вас самое главное, чтобы не было никаких политических рисков, то либо идите спать по домам, либо служите в правительстве у господина Путина.

Выступление:

У меня такой вопрос. Во всем мире многоквартирные дома имеют три вида собственности: либо кондоминиумы, либо частные доходные дома, либо муниципальное арендное жилье. Россия в результате приватизации породила четвертый тип этого конгломерата, который, кстати, тормозит все реформы в ЖКХ. Но сейчас в результате строительного бума вот эти вот конгломераты неэффективные, они всячески множатся. И есть ли какие-то соображения у правительства, как по формам собственности к мировому уровню прийти.

Сергей Круглик:

На самом деле ни одной из форм собственности мы не запретили, если Вы обратили внимание, наоборот, в Жилищном кодексе прописаны арендные отношения. Это говорит о том, что Вы можете обладать не только квартирой и домом, но и огромным количеством домов и сделать этот бизнес доходным. Что касается товарищества собственников жилья, то это не только в нашей стране. И сейчас мы готовим еще один закон. Он будет касаться кооперативного движения, где Вы не будете обладать, допустим, долей, квартирой и т.д. Вы будете обладать паем. И вот то, что сейчас перечислялось по Скандинавии, это как раз их опыт. Мы его тоже распространим, и те люди, которые захотят, так будут жить. Муниципалитет может точно так же иметь свои дома. Но мы как раз двигались по тому принципу, чтобы не было вот такой сегрегации, что вот здесь живут только малоимущие, а вот здесь живут только богатые. И поэтому у нас получилась несколько разношерстная картина по домам, где живут и достаточно

обеспеченные люди, и те, которые в общем-то живут в социальных квартирах, принадлежащих муниципалитету. Поэтому все данные аспекты учтены в нашем законодательстве. Развиваться будет все со временем.

Евгений Ясин:

Но все-таки вы учтите опыт. Я немного здесь написал про это. Но, в конце концов, самая лучшая система с точки зрения конкурентного рынка — это американская. Я не знаю, сможем ли мы до нее добраться или нет. Но, мне кажется, что лучше и легче добраться до американской конкурентной модели, чем до гражданского общества.

Владимир Гимпельсон:

Евгений Григорьевич, я думаю, что если переехать в Америку, то можем. Последний вопрос.

Григорий Глазков:

Вот когда размышляешь на эти темы и слушаешь подобного рода обсуждения, действительно, складывается картина очень безотрадная, потому что кругом сплошные препятствия к тому, чтобы что-то произошло в этой сфере хорошее. И экономические препятствия, и политические. И в общем совершенно не понятно, с какого конца вообще все начнет хоть как-то решаться. Действительно, очень много здесь правильных слов звучит о том, что надо сделать то, надо сделать это, это делается неправильно, но вот ситуация такая, какая есть, — и политическая, и экономическая, и финансовая, и инвестиционная. И состояние инфраструктуры именно таково, каково есть. Но вот я не знаю, у кого-то из докладчиков есть какая-то идея, с какого конца можно поджигать пух, чтобы она все-таки начала сама в какой-то момент гореть? Или такого решения не существует, и единственное, что нам остается, — это ждать, пока оно все рухнет, окончательно взорвется, и тогда, наконец, начнет что-то меняться. То есть видите ли Вы какие-то способы разбудить те силы, которые реально могут быть заинтересованы в этом процессе, и дать им власть, чтобы это было реально в современной экономической и политической ситуации? Спасибо.

Сергей Круглик:

На самом деле я еще раз хочу повториться: та программа преобразований в этом секторе, которая была утверждена в 1998 г. ...если бы мы по ней двигались, давно бы забыли эту тему. Но мы даже ее не пересматривая, не глядя и не оглядываясь на указ президента, резко меняем свои prerogatives. Прежде всего в лице правительства. Захотели придумать закон — придумали, захотели перенести в этом законе ответственность за эту меру на муниципальный уровень, а принятие решений по тарифам на другой уровень — и ничего нельзя было сделать, сохранилось это в законе. После этого накладывается ограничение по повышению. Все, я уже говорил на эту тему. Вот он сидит с красивым анализом, с хорошей компанией, а собственник решил его продать. Вот вам результат необдуманных решений. Поэтому здесь единственное, что нужно сделать пра-

вительству, — ту программу, которую когда-то наработали, понимаете, сколько бы мы ее ни обсуждали, она выверена экономически, нового туда ничего не привнесешь, ее нужно просто выполнить. Поставить срок и выполнить, прежде всего правительству Российской Федерации.

Григорий Глазков:

Но она не выполняется. Так оно и будет происходить дальше. И вопрос именно об этом. Есть ли какая-нибудь идея, чтобы это происходило, или нет? Или есть только призывы «надо-надо-надо»?

Надежда Косарева:

Я не верю, что правительство это будет делать, поскольку оно не делает этого вот уже 14 лет. Поэтому повторяю то, о чем я уже говорила, но что, возможно, осталось незамеченным: в коммунальный сектор начал приходить бизнес, и он уже не уйдет, если, конечно, его не начнут специально выживать, устанавливая предельные индексы по тарифам или что-нибудь в этом роде. Но даже в ситуации, когда тарифы устанавливаются сверху, бизнес всегда находит лазейки. Так вот, если сейчас еще создать условия для прихода бизнеса в сферу управления жилищным фондом, если ему это станет интересно — все, он эту стену проломит. Не правительство, не депутаты, не население, а частный интерес, конкретные инвестиции.

Пожалуйста, пример — ипотека. Я считаю, что государство слово «ипотека» может забыть. Там все уже идет само собой и темпами, которых мы вообще не ожидали, потому что бизнесу это стало интересно, и он эту стену проломил. А всего-то приняли один-единственный правильный закон. Правда, здесь сказались и макроэкономические успехи — инфляция снизилась до 10%, реальные доходы населения растут. Так что у меня надежда только на бизнес.

Евгений Ясин:

Вот видишь, сколько надежд. И у меня надежда на низовую демократию. Вот как раз Елена Сергеевна Шомина может про это рассказать.

Владимир Гимпельсон:

У нас есть несколько желающих выступить. Уже пришли записки. И я сейчас буду давать слово в порядке их поступления. Потом все остальные. Елена Сергеевна.

Елена Шомина:

Я пришла сюда поблагодарить Евгения Григорьевича за своевременную и полезную книжку, но особо — за восьмую часть его книжки, «ЖКХ и демократия». Этот раздел мне кажется чрезвычайно важным, потому что на протяжении последних 16 лет вопрос участия жителей в жилищной реформе (а она действительно началась не сейчас, а уже тогда, когда была приватизирована первая квартира) стоит очень остро. А сейчас, когда новый Жилищный кодекс диктует жителям-собственникам обязанность самим выбирать пути управления своим домом, это вопрос стал еще острее. Именно сегодня вопросы прав, обязанно-

стей, возможностей жителей в этом процессе становятся не вопросами теории, а вопросами повседневной практики. Я все эти годы занимаюсь организациями защиты жилищных прав. Они появились еще в 1991 г., а сейчас серьезно активизировались.

В ходе сегодняшней дискуссии несколько раз мне очень хотелось подать некоторые реплики. Во-первых, поблагодарить «НОВАГОР — Прикамье». Я только сейчас приехала из Перми, где сотрудники «НОВАГОР — Прикамья» участвовали в нашем большом семинаре по поддержке прав квартиросъемщиков. Это одна из тех немногих российских организаций — современная, ориентированная на работу с жителем как с клиентом и заказчиком, — чей опыт очень полезен. Их позиция — нечастая позиция сегодня в современном коммунальном бизнесе. И спасибо им за это еще раз.

Следующее. Только сейчас поднимался вопрос о конгломерате — многоквартирном доме, где под одной крышей живут и богатые, и бедные, и собственники, и квартиросъемщики. Жизнь в таком доме требует разработки и соблюдения определенных правил. Сегодня я выступала на семинаре, организованном правительством Москвы для активных жителей Северного округа. Было примерно 300 человек: старшие по домам, представители домкомов, инициативные группы, члены ТСЖ. С одной стороны, действительно, у многих и многих — ужас в глазах. Они проучились уже 2 недели, и им стало еще страшнее, чем в начале курса. Огромный объем информации, помогающий понять всю серьезность современных изменений в жилищной политике и жилищной практике, особенно в сфере управления недвижимостью.

Во-вторых, реальные случаи дискриминации прав различных групп жителей, в первую очередь квартиросъемщиков в ТСЖ. Их просто выкидывают различными способами, в том числе прямым давлением, угрозами из домов, где созданы ТСЖ. Появилось «жилищное большинство» — собственники, обладающие многими правами, и «жилищное меньшинство» — квартиросъемщики, подвергающиеся дискриминации. Мы, к сожалению, идем по пути социальной и имущественной сегрегации. На этом фоне идет полное непонимание жителями своих новых прав, своих новых обязанностей, своих возможностей и неготовность брать на себя ответственность за содержание своего имущества. Сегодня ни у власти, ни у жилищных компаний, ни у самих жителей нет понимания новой роли жителя как заказчика коммунальных и жилищных услуг. На этом фоне крайне остро стоят все вопросы, связанные с жилищным просвещением. В этой сфере сейчас разворачивается большая работа. И здесь я с завистью смотрю на наш филиал в Нижнем Новгороде, где студенты-юристы уже активно участвуют в большом проекте «Школы жилищного просвещения». Он сейчас разворачивается и в Перми, и в Ярославле. Но в Нижнем Новгороде студенты консультируют жителей в комитетах территориального общественного самоуправления. Они активно занимаются жилищным просвещением.

Прошу вас обратить внимание на то, что и у нас — в Высшей школе экономики — начал работать жилищный клуб «Улитка». Посмотрите, пожалуйста, флаеры, которые сделали студенты. Это инициатива моей кафедры публичной политики, которую возглавляет профессор Н. Беляева, и кафедры экономики города ГМУ, которую возглавляет А. Пузанов, он консультант нашего жилищного клуба.

И мы надеемся, что будем работать вместе. Задачи-то очень простые — это жилищный ликбез, в первую очередь для наших студентов. Во-вторых, в будущем мы надеемся создать свой отряд жилищных консультантов и просветителей. И члены клуба смогут консультировать других студентов. Работой клуба заинтересовались и студенты-экономисты, и студенты-юристы, и студенты факультета государственного и муниципального управления, и группа студентов, проживающих в наших общежитиях. Предстоит большая и серьезная работа. В этой сфере жилищного просвещения просто поле непаханое, и мне кажется, целый ряд специалистов из ГУ ВШЭ могли бы внести свой вклад в развитие этого жилищного клуба и в сферу жилищной демократии, которая немыслима без просвещения.

В этом году ко мне приходили консультироваться наши сотрудники, которых интересует, «приватизировать или не приватизировать квартиру? Что делать?» Потребность в консультациях у сотрудников, которые работают в нашем таком красивом доме, достаточно велика. Я надеюсь, что мы внесем в это дело свой посильный вклад. И еще раз спасибо за жилищную демократию.

Иван Стариков:

Я очень коротко. Обычно такие семинары по средам проходят. Сегодня пятница. Я думаю, это сделано специально, поскольку сегодня Всемирный день борьбы с коррупцией. И в ходе обсуждения я понял, что родился новый феномен. Обычно коррупция подразумевает, что чиновники залезают в государственный бюджет, но исходя из того, что сказал Михаил Эрикович, значит, варварское потребление жилищно-коммунальных ресурсов породило другой феномен коррупционный, когда, наоборот, население залезает в карман государству. Я думаю, Евгений Григорьевич, это предмет отдельного научного исследования.

Мне кажется, что самая большая проблема в том, что в стране сейчас практически отсутствует атмосфера свободного обсуждения. Сергей Иванович, я очень рад, что будет Госсовет, посвященный этой теме, но я сильно сомневаюсь. Дай бог, чтобы я ошибся и кто-то из губернаторов поднимет вопрос о развитии гражданского общества в присутствии президента. Мне кажется, что над Россией висит нефтяное проклятие, поскольку качество государственной экономической политики обратно пропорционально ценам на нефть. Тоже вещь достаточно банальная.

Приведу несколько таких примеров, которые лежат на поверхности. Совсем недавно мы обсуждали проблему реформирования газовой отрасли. И когда сегодня в тарифе жилищно-коммунальном сидят услуги двух монополистов, которые ведут (и государство ведет) диаметрально противоположную экономическую политику. Я имею в виду, РАО ЕЭС, которое реформируется по рыночным принципам, и «Газпром», советское министерство, причем худшего образца в нынешнем его виде. Вторая проблема связана с тем, что когда президент говорит: нужно отделить бизнес от государства, — то, я думаю, следом должен быть указ, который немедленно бы отозвал высших государственных чиновников, в том числе и первых вице-премьеров, с постов председателей советов директоров. Я не обвиняю их в коррупции, но я посмотрел мировой опыт — нигде в

мире государственные чиновники ни исполнительной, ни законодательной ветвей власти не сидят председателями советов директоров крупнейших государственных компаний. Это наемные менеджеры, которые работают по контракту, профессионалы, над которыми осуществляется серьезный тройной контроль. Потому что мы упираемся в развенчивание двух мифов, которые здесь вот обсуждались. Первый: то, чего придерживается Глазьев,— это дирижистская модель. Но нынешняя дирижистская модель в условиях, когда качество государства значительно ухудшилось, невозможно из-за высокой коррупционности этого государства. Либеральная модель тоже здесь не срабатывает, потому что все слишком монополизировано. Значит, необходимо из этого делать вывод. Есть личное философское наблюдение, поддерживаю Михаила Эриковича, такое, что к горячей воде человек привыкает за один день, а отвыкает-то всю жизнь. На самом деле, я абсолютно согласен.

Здесь было сказано про раздел, связанный с ЖКХ и демократией. Очень коротко. 45 лет назад Хрущев был в Америке, и книжку в свое время я прочитал «Лицом к лицу с Америкой». Вот он привез оттуда кукурузу, но не увидел малоэтажную Америку. Вот тогда была такая развилка. Хотелось побыстрее переселить людей из коммуналки в так называемые «хрущобы», но вот если бы тогда было принято решение по малоэтажному строительству, страна имела бы совершенно другой вид.

Поэтому, Надежда Борисовна, я с Вами не соглашусь, что мы на самом деле не способны сегодня серьезно стимулировать рынок малоэтажного индивидуального жилья. Я убежден, это приведет к совершенно другому облику страны и системе ценностей. Я видел, что делал Савченко в Белгородской области, когда подводил электричество, газ и дорогу к земельному участку, даже при низких доходах сельских жителей. Они там дополнительно покупали 2–3 поросят, заводили 2–3 коров и начинали потихоньку строить вот это малоэтажное жилье. Поэтому я хотел бы здесь сказать, что вопрос, на самом деле, упирается в самое главное: стоит вопрос изменения государственной политики, которая лежит в основе улучшения качества российского государства. И без вопросов низовой демократии и демократии высшего эшелона здесь не обойтись. Спасибо.

Виктор Полтерович:

Я не занимался специально проблемой ЖКХ. Много занимался ипотекой. Не разделяю восторгов Надежды Борисовны по поводу того, что эта проблема уже решена. На мой взгляд, она очень далека от своего решения. Но говорить сейчас про ипотеку не буду, а выскажу какие-то соображения общего характера относительно того, что здесь обсуждалось.

Прежде всего, мне хочется выразить свое восхищение Евгением Григорьевичем. Он взялся за очень актуальную тему, очень интересную с точки зрения институционального экономиста. Мы с большим трудом стали переключаться на эту тему. Только-только я уговорил своего сотрудника этим заниматься, а вот уже появилась книжка, на которую можно ссылаться и брать ее как базовую книгу для обсуждения. Евгений Григорьевич — человек мудрый не только потому, что умеет выбирать правильно темы, он очень так сбалансированно еще и

приглашает людей. Он большую часть своих единомышленников пригласил, но не забыл и о тех, кто с ним, как правило, не согласен.

Так вот я, пожалуй, начну выражение своего несогласия с ключевых слов Надежды Борисовны. Она сказала: «Вот мы написали в 1992 г. программу. Все слова правильные, вот только ничего не получается». Вот для меня то, что «ничего не получается», означает, что большая часть слов или существенные слова здесь неправильные. Потому что правильные слова должны вести к тому, чтобы получалось.

Кстати говоря, это сейчас общий подход в новой политической экономии. Здесь вот многие жаловались, что в основном это политическая проблема, а еще было очень правильно сказано, что это проблема социальная, проблема социального заказа, которого нет. Так вот, когда мы делаем реформы, когда мы предлагаем какие-то планы, мы должны учитывать и политические условия, и социальные. Если нет социального заказа, нужно думать о том, как этот социальный заказ создать. Если мы предвидим сильное сопротивление лоббистских групп, то должны придумать способ, как перетянуть хотя бы часть этих групп на свою сторону. И я говорю, что это сейчас уже стандартный подход в новой политической экономии. Именно по этому пути надо следовать.

Что нам мешает? Мешает, мне кажется, прежде всего зашоренность в головах. Обстоятельства, они всегда мешают, но есть зашоренность. Люди думают по принципу «четыре ноги хорошо, а две — плохо». Либо мы все делаем полный упор на государство и будем уповать на него. Либо рынок все сразу решит; как он ипотеку вдруг неожиданно решил, так он и с ЖКХ все решит. На самом деле, история показывает, что за какую бы институциональную проблему вы ни взялись, особенно такую горячую, как ЖКХ, всюду видно, что ни рынок не решает проблему сам по себе, ни государство само по себе. Принципиальный вопрос состоит в том, чтобы понять, какую роль здесь две стороны должны играть. Что нужно отдать именно рынку? В чем должна состоять тут роль государства?

Меня ужасно удивляет, когда люди говорят, что у нас должно быть все так, как в Америке. Америка шла к тому, что у нее есть, сотни лет. И для того чтобы понять, как нам пройти этот путь, нам нужно понять, не что есть сейчас в Америке, а как Америка пришла к тому, к чему она пришла.

Вот в этой книжке много сказано о странах развитых, а вот о странах близких к нам, на самом деле, — очень мало. Там есть пара табличек. Но так же как случай с ипотекой, меня бы прежде всего интересовали страны близкие к нам. Та же Польша, та же Чехия, та же Словакия. Скажем, Чехия и Словакия в ипотеке ушли очень далеко от нас. Как они решали эту проблему? У них были аналогичные трудности, близкие к нам. Что они сделали для того, чтобы продвинуться в решении этой проблемы? Какие механизмы они здесь использовали?

Кстати говоря, эти страны, которые кажутся со стороны либеральными, — на поверку оказывается, что они используют государство очень серьезно, сочетая государственное финансирование с привлечением частного сектора. И мне кажется, что именно на этом пути нужно искать решение. Скажем, не можем мы повысить тарифы, потому что, понятное дело, население будет возражать, по-

тому что это политическая проблема. Давайте искать компромисс. Представьте себе, что завтра государство сказало бы, что хочет повысить на 30% тарифы, 15% платит население, 15% платит государство. Это облегчит дело? Вот мне кажется, что облегчит, если, конечно, ему поверят. Если население поймет, что будет реальное улучшение, в этом надо убедить его, конечно. Если оно поверит, что улучшение, т.е. та цена, которое оно заплатит, на самом деле будет не слишком высокой, возможно, здесь наступит прорыв.

Так или иначе совершенно ясно, что без роли государства, очень серьезной, очень существенной, здесь никак не обойтись. И вся история и ипотеки, и жилищно-коммунального хозяйства в ныне развитых странах говорит о том, что именно на определенных этапах государство играло решающую роль, потом оно постепенно из этой сферы уходило и передавало ее рынку. Но в принципе, надо понимать, что государство не может быть существенно лучше рынка, но и рынок не может быть намного лучше государства. Спасибо.

Владимир Гимпельсон:

Если можно, я хотел бы возразить вкратце Виктору Мееровичу Полтеровичу. Я бы согласился, что государство обычно примерно соответствует тому уровня рынка, который достигнут. Оно не может быть намного лучше рынка. Но мне кажется, что оно может быть хуже рынка. В зависимости от того, какое государство. И литература по новой политической экономии как раз этому уделяет много внимания. Один из аспектов этой проблемы — это тип политической системы в государстве. И многие исследователи показывают, что президентская система — это очень плохой тип государственного устройства. Здесь много аспектов, но ни один из них не связан с тем, как устроены точки вето, как они влияют на способность системы к совершенствованию, реформированию, адаптации. В любой политической системе есть сильная склонность к сохранению статус-кво, но в определенных политических системах эта склонность к статус-кво гораздо сильнее. В каких? Прежде всего в президентских. И мое ощущение от сегодняшнего обсуждения заключается в том, что реформа упирается в такое количество политико-экономических точек вето, что становится даже непонятным, с чего начинать и как подбираться к этим реформам. Это при том, что, собственно, до политико-экономических проблем, по моему ощущению, мы еще не добрались.

Надежда Косарева:

Полагаю, что моя позиция была неправильно понята. Когда я говорю, что эту брешь может пробить только рынок, я ни в коем случае не отрицаю роли государства. Это касается любого нашего подхода. Речь идет исключительно о формах участия государства.

Мы выступаем против участия государства на стороне производителя — коммунальной услуги, строительной услуги, услуги по ипотечному кредитованию. И считаем, что так должно быть не только в переходный период, а всегда. Государство со своими субсидиями должно быть на стороне потребителя — потребителя жилищно-коммунальной услуги, покупателя квартиры, получателя

ипотечного кредита и т.д. и т.п. Так что спор, повторю, идет о том, где быть государству, а не о том, быть ему или не быть.

Евгений Ясин:

Да. И причем государство должно быть на федеральном уровне. И регулировать там тарифы.

Владимир Гимпельсон:

Скажем, если взять историю жилищного кредитования и вообще развитие рынка жилья, например в Германии, то там субсидирование не ограничивалось только субсидированием потребителей. Субсидировали и фирмы. И это дало первоначальный толчок развитию этого рынка. Хотя, конечно, это ограниченная сфера.

Александр Веселовский:

Благостно узнать, что жилищный сектор движется в том числе и тем, что крупному бизнесу нужна площадка для отбора горячих голов и бьющихся сердец. По содержательной стороне, по серьезным вещам — у меня особенное чувство, потому что я 4 года назад изучал жилищную реформу в России, знакомился с работами на английском языке — практически все авторы больших работ здесь присутствуют. Поэтому не претендую на новизну идей, позвольте просто несколько комментариев.

Представляется, что реформа ЖКХ — это вопрос концентрации ресурсов на местном уровне, ресурсов, я имею в виду — интеллектуальных, экспертных, — чтобы все это двигать. Нельзя, конечно, ожидать, что за 5–10 лет будет создана система, которая была в запущенном состоянии достаточно долго; это ситуация, требующая планомерного приложения усилий, поэтапной работы, с тем, чтобы преобразования, компетенции на этих уровнях набирали бы вес.

Сегодня тематика уже была затронута — громадный комплекс задач и вопросов в рамках реформы лежит в области регулирования локальных естественных монополий, издержки на услуги которых составляют около 2/3 всей стоимости жилищно-коммунальных услуг. Здесь ключевая роль, возможность изменять ситуацию — на стороне муниципальных и региональных структур. В тарифном регулировании: надо прописать процедуры, обеспечить качественную экспертную проработку вопросов тарифообразования, проработать комплекс вопросов об отношениях собственности для предприятий коммунальной инфраструктуры, прописать контракты с поставщиками услуг. Это очень большой труд.

Про Череповец — то, что Евгений Григорьевич говорил сегодня, — насколько я слышал. Я не знаю, кто делал реформу в Череповце, что это были за люди, но я слышал, как «Северсталь» в Череповце решала задачи в другой области — нанимала людей. Это не была ситуация, когда люди платили за кого-то, это была ситуация, я имею в виду в другой области, когда крупный бизнес находил людей, специалистов, профессионалов, которые решали проблемы там. Представляется, что этот пионерный, исключительный опыт Череповца, когда была построена замечательная система регулирования, все прописано грамотно, четко и со

всеми деталями и все организовано — мне кажется, это вопрос как раз концентрации интеллектуальных ресурсов, профессионалов, грамотной проработки, в общем, серьезного отношения к делу.

Надежда Косарева:

Нет, там ведь главным был совсем не Мордашов — там был Ставровский, замечательный мэр, который после 10 лет пребывания на этом посту, между прочим, сейчас подал в отставку. В силу каких причин, я не знаю.

Александр Веселовский:

Комментарий относительно доли оплаты. В 1994–1995 гг. резкое увеличение стоимости услуг для населения, как я понимаю, — это переход от модели, когда сектор субсидировался государством, и уход от субсидирования со стороны промышленных потребителей. Сейчас это около 90% (называлась цифра) — доля оплаты потребителями. Я с большим сомнением смотрю на цифру 40%, представленную Сергеем Ивановичем. Подозреваю, что в некоторой степени перекрестное субсидирование со стороны промышленных производителей осталось. Представляется, что отрицательная интонация относительно степени оплаты населением здесь — излишнее сгущение красок в силу того, что переход от субсидирования отрасли был важен с той точки зрения, чтобы функционировала система, функционировали бюджеты региональный и муниципальный, на которые бременем ложились долги по ЖКХ. Я думаю, что здесь оптимистичная интонация в большей степени уместна, а относительно оценки 40% — есть подозрения, что она занижена.

Михаил Никольский:

Я могу прокомментировать. У нас по Перми, например, на каждые 4 л воды, которое выпивает население, промышленность выпивает 1 л. И на каждый рубль, который платит население, промышленность тратит 3. Поэтому говорить о том, что мы уже почти ликвидировали перекрестное субсидирование, нельзя, мы его ликвидировали постановлением правительства в 2004 г. Это я слышал. Оглядываюсь по сторонам — не вижу.

Евгений Ясин:

Я прошу прощения, это вообще при цене газа на внутреннем рынке 45 долл. за 1 тыс. кубометров. А она завтра будет 100 долл. И тогда придется начинать все сначала, потому что субсидированные цены не принимаются во внимание.

Владимир Гимпельсон:

Мы можем позволить себе еще несколько коротких выступлений. Только я прошу очень коротко.

Александр Мартусевич:

Очень хотел поблагодарить Евгения Григорьевича за эту публикацию и организаторов за то, что собрали сегодня таких экспертов. Почему я считаю это

важным? Потому что в действительности у нас наблюдается еще один большой разрыв наряду с тем, который Михаил Эрикович обозначил. Это разрыв между тем, что вопрос ЖКХ — политически очень важный, и между качеством дискуссии, которая ведется большинством политиков высокого уровня. В экспертном сообществе идут достаточно профессиональные дискуссии. А вот качество дискуссии, которая проводится на высоком политическом уровне, часто оставляет желать лучшего. Нужен был человек авторитетный, чтобы вывести дискуссию, которая идет в экспертной среде, на уровень политической дискуссии. Я думаю, что эта публикация и это мероприятие имеют шансы быть первым шагом в этом направлении.

Что в связи с этим я хотел бы подчеркнуть. Ценность публикации, на мой взгляд, в том, что кроме чисто отраслевых проблем в ней указаны очень многие важные связи. Потому что проблемы отрасли заключаются как в ней самой, так и вне ее. Например, считаю очень ценным то, что была отмечена связь с проблемой создания гражданского общества и низовой демократии, с проблемой укрепления финансовой базы местного самоуправления и некоторые другие вещи. Сюда можно было бы еще кое-что добавить. Это общее качество макроэкономической политики. Начиная от курсовой политики и политики социально-экономического развития территорий страны, потому что очень многие перекосы на рынке жилья вызваны как раз неадекватностью этой самой политики. Это можно показать.

Второе, что я бы хотел сказать: в нашей дискуссии сегодня прозвучала мысль, что все мы обладаем очень неполным и частичным знанием этого вопроса. При чем это беда не только российских экспертов, даже самых лучших. Но точно так же свои ошибки признают те, кого мы всегда считали лидерами, например, эксперты Всемирного банка. Неделю назад у нас в ОЭСР прошел глобальный форум по устойчивому развитию, который был посвящен теме государственно-частного партнерства, и не где-нибудь, а в водопроводно-канализационном хозяйстве. Так вот, на этом форуме сам Джамал Сагир, директор по муниципальной и природоохранной инфраструктуре, признал, что в 1990-е годы Всемирный банк с упорством, достойным лучшего применения, всюду пытался проталкивать концессии в ЖКХ, а потом выяснилось, что по каким-то причинам, непонятным до сих пор даже лучшим мировым экспертам, они там очень плохо приживаются. А вот долгосрочная аренда с инвестиционными обязательствами почему-то лучше приживается. Так вот, в связи с этим я хотел бы предложить, если нам все-таки удастся вывести эту дискуссию на уровень высокой политики, быть очень осторожными с рекомендациями. Это касается и рецептов, которые мы иногда считаем единственно верными: вот, давайте все вперед на концессии, или вот, давайте все вперед на малоэтажное строительство!

У нас, конечно, есть большой перегиб в структуре жилого фонда с точки зрения соотношения малоэтажных и многоэтажных домов, но в Штатах тоже возник перегиб, причем в другую сторону. Есть ряд работ, который показывает, что горизонтальное развитие американских городов стало геостратегической проблемой. И очень многие войны за нефть настоящего и будущего будут объясняться именно этим перекосом в сторону малоэтажного строительства.

Собственно говоря, у меня есть конкретное предложение: в порядке подготовки к заседанию Государственного совета, может быть, есть смысл подготовить консолидированную какую-то экспертную бумагу, чтобы, возможно, Сергей Иванович довел бы этот документ до Госсовета, хотя бы в качестве раздаточного материала. Пусть в нем, может быть, прозвучит всего несколько идей, но так, чтобы поднять качество дискуссии на Государственном совете. Да, и публикацию Евгения Григорьевича, само собой, тоже надо распространить. Но к ней есть ряд технических замечаний, я сейчас не буду на них останавливаться, это можно сделать в рабочем порядке: более точно прописать некоторые технические вопросы. Спасибо.

Владимир Римский:

Я бы хотел к всестороннему экономическому обсуждению, которое состоялось на этом семинаре, добавить описание некой социологической позиции.

Господа, я совершенно не согласен, что наши граждане никогда не будут платить за жилье. Будут, если это жилье реально станет их собственностью. Первый вопрос, который нужно решить в ходе жилищной реформы, — это обеспечить реальные права собственности на жилье. После этого и посмотрим, как будут вести себя наши граждане.

А сейчас наши граждане ведут себя абсолютно рационально. Действительно, какой смысл следить за расходом воды, ремонтировать туалеты в квартире? Никакого. В любой момент это все могут отобрать. Читайте наш Жилищный кодекс, в котором такие права у органов власти и частного бизнеса в определенных условиях появляются. Все граждане это отлично понимают, а кто не понимает, тот чувствует. Подумайте, если граждане убеждены, что собственность могут отнять в любой момент, они правы. И неправы те, кто считает, что все правильно написано в Жилищном кодексе. Граждане правы, потому что они ориентируются не на формулировки норм законов, а на складывающуюся практику решения их жилищных проблем. Все социологические опросы показывают, что граждане не доверяют решениям, принимаемым в ходе реформы ЖКХ. И наиболее вероятное объяснение этого их недоверия — сложившаяся убежденность, что тарифы будут повышаться, а проблемы жилья решаться не будут. Наиболее вероятное объяснение такого отношения к жилищной реформе — неуверенность в том, что жилье может быть в их реальной собственности. Это возможно только для очень богатых наших граждан. Поэтому остальным и не имеет никакого смысла вкладывать деньги в жилье.

Теперь несколько слов о том, чем отличаются США от России. В США в 1863 г. был введен в действие так называемый «Хомстед акт». Хомстед — это единица площади, принятая в Великобритании и США, а сам акт позволял раздать бесплатно 110 млн га сельскохозяйственных земель малоосвоенных территорий США. Правительство США раздало участки земли своим гражданам для того, чтобы они на них занимались фермерским хозяйством. На этой земле нужно было обязательно построить дом, обработать 10 акров (4 га) и обнести забором загоны для скота. На эти действия по обустройству участка давалось 5 лет, после чего земля становилась полной собственностью гражданина и могла быть

использована как его капитал. Господа, право собственности было записано в соответствующем документе, который оформлялся для каждого фермера один раз и не требовал никаких подтверждений. У некоторых семей в США сохранились такие документы, им уже более 140 лет. И ни у кого, ни у органов власти, ни даже у самого крупного бизнеса не возникает желания попытаться отобрать эту землю. Кто из потомков первых фермеров хочет, тот там и продолжает жить. Этот акт действовал до 1976 г., а на Аляске — до 1984 г. И именно «Хомстед акт» создал собственников из неимущих эмигрантов в США, он существенно способствовал созданию в США среднего класса. Вот поэтому американцы и платят за жилье. Государство США реально создает собственников и защищает их права.

В России такой уверенности у граждан нет, практика земельных и жилищных отношений постоянно подтверждает эту их неуверенность, поэтому у получающих жилье в собственность сохраняется и психология, и стереотипы поведения неимущих. В частности, наши граждане очень неохотно берут на себя обязанности по обеспечению эксплуатации и сохранности своего жилья. И решить эту проблему без обеспечения государством реальной защиты прав собственности каждого гражданина невозможно.

Надежда Косарева:

Можно Вас попросить как-то подтвердить то, что Вы говорите, чтобы это не было голословным популистским утверждением?

Елена Гусева:

В Москве землю не дают оформлять под домами ТСЖ и ЖСК. Не дают. Два года люди бьются, чтобы оформить землю, потому что Жилищный кодекс дает им эту возможность и они могут съехать на время и построить новый дом вместо своей пятиэтажки. Два года уже происходит борьба с властью. Ни один дом не получил в Москве землю в собственность.

Григорий Глазков:

Еще 20 лет назад, когда реформ не было, но перестройка уже была, у меня был приятель, который любил повторять: «Колхозы, ты думаешь, они для чего существуют в нашей стране? Думаешь, для того чтобы снабжать население продуктами сельского хозяйства? Для того чтобы в ней социализм был». Мне кажется, что про систему ЖКХ можно сказать то же самое. Она не для того существует, чтобы обеспечивать население услугами, а для того, чтобы в нашей стране сохранялся социализм в очень большой сфере. Я хочу сказать, что, на мой взгляд, масштабы задач реформы ЖКХ — это одна из причин, по которой эти реформы еще не происходят. Они сопоставимы, я бы даже сказал, что равны, всем остальным реформам вместе взятым, которые уже были проведены, экономическим и политическим. Это гигантская совершенно махина. Это первое замечание.

Второе замечание по поводу ЖКХ и низовой демократии. Стопроцентно согласен по поводу тесной взаимосвязи этих двух понятий. Только вот Вы, Евгений

Григорьевич, сказали, что в реформе ЖКХ надеетесь на низовую демократию, а у меня наоборот — все мои надежды на низовую демократию связаны с реформой ЖКХ. Пока реформы ЖКХ не произойдет в нашей стране, никакой низовой демократии в ней не будет, на мой взгляд.

И последнее. Вот что все-таки делать? У меня еще несколько лет назад был разговор с моим английским коллегой. Это человек 25 лет работает в консалтинге. Зашла речь о реформе ЖКХ. Я стал ему какие-то идеи излагать. А он на меня посмотрел и спросил: «Ты что, серьезно полагаешь, что что-то здесь начнется, пока население само этого не захочет?». К чему я это вспоминаю? К тому вопросу, который я пытался сегодня задавать. А собственно говоря, пока население само не захочет, ничего все равно не будет. Я согласен с тем, что бизнес обладает большой силой, играет большую роль, но вот в этой теме население политически намного сильнее, чем бизнес. Никаких шансов у бизнеса нет, на мой взгляд. По-моему, все, что происходило в этой области в последние годы, это подтверждает очень ярко.

Поэтому, пока не будет найден способ, во-первых, сделать население заинтересованным, а во-вторых, дать ему возможность этот интерес реализовать с помощью политически проходимых решений, реформа скорее всего будет оставаться там же, где она есть. Мне кажется, что такие решения возможны. И эти решения могут быть такие, которые одновременно будут интересны и для бизнеса, и для населения. Но это, я думаю, тема отдельного конкретного разговора. И большое спасибо за ту дискуссию, которая организована, и за книжку, которую Вы, Евгений Григорьевич, написали.

Владимир Гимпельсон:

Спасибо большое. Евгений Григорьевич, как всегда, написал очень своевременную книгу. Слово ему.

Евгений Ясин:

Спасибо, дорогие друзья. Я, конечно, чувствую вину за то, что я не прописал рецепты. Теперь вот от Григория Глазкова буду ждать, действительно, без намеков, без подыгрываний. Это на самом деле трудная очень задача. Понимаете, куча людей должна быть в это дело втянута. Сегодня они не втянуты. Я бы не стал это особенно спихивать на Путина, на недостатки нашего режима, я бы, наоборот, сказал, что это проблема, которая в значительной степени упирается в менталитет населения. Укоренившееся представление о том, что есть такая сфера, за которую кто-то должен нести ответственность, но меня это не касается, да гори оно все огнем, моя хата с краю. Но если идет речь о частном доме, то, конечно, люди понимают. Никто же не говорит о том, как это я буду делать капитальный ремонт. Так и придется за свои деньги и все такое. Или о том, а где взять водопровод, учитывая, что в городах он есть.

Жилье есть бесконечный колодец стимулов, которые делают человека гораздо более активным, потому что это — то, что его подвигает. Я имею в виду, что политикой занимаются любители, всегда в небольшом количестве, но улучшить свой дом, кусок земли, на котором он стоит, даже если это многоквартирный

дом, — это касается каждого. Я в Финляндии видел, там ученые Хельсинкского университета создали кондоминиум недалеко от города. Там очень было все хорошо устроено. Но были и ограничения ужасные: там дерево тронуть нельзя, там травку тронуть нельзя, там протекает речка, и вы обязаны с ней что-то делать. И на все на это соглашались, все это делали. Между собой не ссорились. По-моему, из-за лени. Работать они любят, но чтобы там с кем-то ссориться, лень берет.

У нас народ немного другой. Я не хочу сказать, что извечно другой, но просто у него отбили к этому желание. Да, я считаю, что нужно это желание снова как-то прививать. Для этого нужна демократия, для этого нужно, чтобы люди у себя в поселке могли установить налоги, чтобы они могли установить какие-то сборы для строительства моста или для того, чтобы пригласить хорошего врача.

Между прочим, это все было. Мы теперь Югославию вычеркнули из всех святцев, а там в системе самоуправления это было. И кстати, самоуправление вообще для государства федеративного — это, может быть, и ерунда, но для поселения, для города — это само собой разумеющееся. Если вы одновременно устанавливаете налоги и сами решаете вопрос с жильем, то это всё — практически основа для низовой демократии. Но только, как говорится, надо дать такие возможности.

Думаю, это начало для продолжения дискуссии. Мы немного подлили масла в огонь. Значит, коллеги, все здесь присутствующие, в том числе и в Перми, где СПС добился выдающихся результатов, будем продолжать. Потому что все равно от этого никуда не денешься. Хотим жить в этой стране более или менее нормально, пускай и не скоро, — надо работать.

Перспективы стран БРИК. Особенности России в мировом контексте

28 марта 2007 г.

Аббревиатурой БРИК некоторые эксперты в области геоэкономики в последнее время обозначают сразу четыре государства — Бразилию, Россию, Индию и Китай. При всех различиях этих стран у них находят общие черты — в частности, высокие темпы развития, сходную динамику структурных преобразований. Совпадают и ряд социально-культурных и политических особенностей. О БРИК шел разговор на очередном научном семинаре из цикла «Экономическая политика в условиях переходного периода».

С докладами выступили научный руководитель ГУ ВШЭ, доктор экономических наук профессор Е.Г. Ясин, заведующий секцией Китая и Японии ИМЭМО РАН, член-корреспондент РАН В.В. Михеев, доктор исторических наук профессор МГИМО С.И. Лунев и директор Института Латинской Америки РАН, доктор экономических наук В.М. Давыдов.

Евгений Ясин: «Мы не сможем пользоваться теми методами повышения конкурентоспособности, которые будут использовать Китай, Индия и Бразилия, потому что у нас иная конфигурация ресурсов».

Поначалу тема семинара должна была быть другой, но мы оказались к ней не готовы. И поэтому я несколько неожиданно для самого себя взялся делать доклад о конференции, которая состоялась 20 декабря прошлого года в Токио. Она была организована Институтом исследования развития при правительственной японской организации «Джетро» и посвящена гигантам XXI в. — странами BRIC. На эту конференцию были приглашены несколько человек, четыре человека, которые представляли соответствующие страны. Я был приглашен от России. От Китая — профессор Джанг Чжи. Возможно, я неправильно произношу. Он профессор Фуданьского университета и, судя по его докладу, человек очень неглупый и интересный в профессиональном смысле. Представителем от Индии

был Мурали Патибандла из Бангалора. И доклад от Бразилии делал профессор Жоао Феррес. Он работает в ООН, в Комиссии по Латинской Америке. Были еще люди, в том числе докладчик от Всемирного банка, Уилл Мартин. Он выступал от имени группы авторов, которые разработали модель международной торговли до 2020 г.

Я решил рассказать вам о том, что там было, и дополнить некими своими размышлениями по этому вопросу. Мы пригласили видных специалистов по этим странам. Вместо Михаила Эгоновича Дмитриева здесь присутствует профессор Владимир Михайлович Давыдов, директор Института Латинской Америки, а также Сергей Иванович Лунев, знаток Индии и профессор ГУ ВШЭ, и Василий Васильевич Михеев, член-корреспондент РАН, заведующий секцией Китая и Японии в ИМЭМО. Это мои оппоненты.

Я больше занимаюсь российской экономикой, поэтому у меня, возможно, смещенное представление. Из того, что услышал на конференции, я понял, что в ближайшие годы в мире будут происходить очень серьезные подвижки (они уже сейчас происходят), которые довольно существенно поменяют геоэкономическую и геополитическую картину мира. Самым важным является то, что есть страны, которые растут очень высокими темпами. При этом они располагают большой численностью населения. Есть страны, которые растут умеренными темпами. Есть такие, и среди них Россия, где население убывает или не растет. Это Европейский союз вместе с Ассоциацией свободной торговли. Прогноз, его как раз сделал Уилл Мартин на своей модели, такой: рост ВВП в среднем за год примерно 2,3% до 2020 г., а рост населения — -0,1% (табл. 1, здесь и далее см. приложение). Расчеты по России нет, только для бывшего СССР. Я, к сожалению, не смог сделать пересчет. Здесь поставлены сравнительно низкие темпы по сравнению с тем, что у нас сейчас есть и, видимо, что будет.

Пессимистический прогноз ЦМАКП: от 5,3% в 2010 г. до 2,9% в 2020 г. Население сократится со 142 млн человек в 2007 г. до 134 млн в 2020 г. Оптимистический прогноз — по населению такой же, по росту — 5,5–6% в год. В Японии примерно такая же картина, как в Европе. А вот в Китае ситуация другая. Причем характерно, что население Китая растет сравнительно медленно, но все-таки на 10 млн в год прибавляется. Есть ряд других стран, где высокие темпы роста и ВВП, и населения. Скажем, в Бразилии, Аргентине, Мексике. И совершенно очевидно, что расстановка сил будет серьезно меняться.

В табл. 2 данные о душевом ВВП и об их изменениях с 1980 по 2004 г. приведены по тем странам, которые являются нашими конкурентами в БРИК. Вы видите колоссальные достижения Китая. Довольно приличные достижения у Индии. В Бразилии они гораздо менее выражены, хотя прогресс тоже есть. Ситуация с неравенством в этих странах с точки зрения того, насколько это может быть барьером в повышении темпов экономического роста, такова. Вы видите, что наименьшие показатели неравенства в Индии (табл. 3). Самые высокие — в Бразилии. И, скажем, Бразилия по коэффициенту Джини, да и по другим показателям, сильно превосходит всех. У нас ситуация средняя. Хотя в действительности эти показатели уже устарели. У нас неравенство усиливалось все эти годы, и сейчас коэффициент Джини у нас, по-моему, где-то 0,42, а децильный коэффициент — 15,3.

Теперь я хочу сказать немного о Китае. В Китае я был недавно целый месяц. Производит он, конечно, большое впечатление. Но я, естественно, по вредности характера пытался понять, какие там есть проблемы. Вот мои самые беглые выводы, которые я иллюстрирую данными из доклада профессора Джанг Чжи. В табл. 4 представлена производственная функция Китая с указанием доли основных факторов, которые определяли развитие китайской экономики начиная с первых шагов реформ Дэн Сяопина. Итоги несколько неожиданные. Мы привыкли говорить о Китае в таком духе, что это страна, которая добивается больших успехов за счет дешевой, но достаточно качественной рабочей силы, привлекая большой объем иностранных инвестиций, опыта, технологий, и поэтому главный фактор — это рабочая сила. Но расчеты, которые здесь представлены, показывают, что рабочая сила играет важную роль, однако еще более важную роль играет капитал и быстрый рост производительности.

Я бы над этими результатами формальных расчетов, проводимых по известной методике, хорошо подумал. У меня впечатление, что рост производительности в значительной степени связан с крупными структурными сдвигами, которые происходили в китайской экономике в эти годы, с большим притоком сельского населения в города. В селе производительность низкая, правда, при высокой урожайности. Поток населения уходил в города и становился к станкам на построенных на иностранные инвестиции предприятиях, зачастую принадлежавших иностранцам. Но не обязательно. Есть и частный капитал, но все равно использовались иные, более производительные технологии, и это оказывало существенное влияние. В значительной степени китайская экономика является сегодня образцовой по достигаемым показателям.

С моей точки зрения, существенно то, что Китай проходит период индустриализации. Это процесс, который обычно практически во всех странах, где проходила индустриализация, был связан с высокими темпами экономического роста и с обновлением всей производственной и социальной структуры.

Другой момент, на который сейчас обращают внимание, — это фактор высоких сбережений. В табл. 5 показаны данные об уровне сбережений в Китае, Индии и ряде других стран. Мы видим, что в Китае сбережения самые высокие. Здесь только допущена ошибка: по домашним хозяйствам не 46, а 16%. Предприятия — это главный сберегающий сектор. В других странах, вы видите, скажем, в США, сбережения низкие. Эта страна привычно живет в кредит, и это до сих пор ей не мешало. Важно также обратить внимание на соотношение уровня сбережений в Китае и Индии. Здесь существенная разница. У нас сбережения составляют где-то порядка 33%, и из них только 18%, максимум 19%, составляют инвестиции в основной капитал.

Характерная особенность Китая в настоящее время — это страна, которая пользуется японской экспортной моделью с освоением западных технологий, с поддержанием стабильного курса национальной валюты по отношению к доллару. Привлекаемые иностранные инвестиции обуславливаются локализацией производства компонентов и определенной долей продукции, которую инвесторы должны вывозить за границу (рис. 1). Плюс передача технологий. Инвесторы соглашались. Обычно передача технологий — это трудный момент, но инвесторы соглашались, потому что рассчитывают на колоссальный китайский рынок.

Все-таки 1,3 млрд населения. Если они будут получать мало-мальски приличную зарплату, будут много покупать, и за этот рынок, самый перспективный в мире, стоит бороться. Поэтому идут на существенные уступки.

И сейчас ситуация складывается таким образом, что Китай стал одним из крупнейших экспортеров в Соединенные Штаты, причем 2/3 китайского экспорта в Соединенные Штаты — это продукция предприятий, построенных на американские деньги в Китае, производимая по американским лицензиям. И эти компании являются крупнейшими лоббистами Китая в Соединенных Штатах. В значительной степени этим обусловлены его успехи. Плюс к этому, конечно, административное поддержание постоянного курса юаня по отношению к доллару, что обеспечивает высокую конкурентоспособность китайских товаров на американском и европейских рынках. С учетом того обстоятельства, что в Китае 800 млн живет в деревне, одной из ключевых сегодняшних проблем страны являются вчерашние крестьяне, толпящиеся у ворот фабрик и заводов, которые строятся в городах. Перспективы роста довольно благоприятные. Китайский экспорт все больше связан с иностранными инвестициями, а доля инвестиций в отечественные предприятия, которые производят только отечественную продукцию, падает.

Теперь несколько слов об Индии. Учтите, я говорю об отдельных фактах и даже не особенно стараюсь их оценивать. Провоцирующее название статьи в журнале «Economist» — «Китайцы заимствуют, индийцы изобретают» — очень близко отображает суть доклада господина Патибандла, который обратил внимание на то обстоятельство, что Индия развивается по принципиально другой модели, чем Китай (рис. 2). Это тоже поздняя индустриализация, использование дешевой рабочей силы, но все же есть определенное своеобразие. Во-первых, это демократическая страна. Менталитет, культура сильно отличаются. Но достаточно сказать, что если мы посмотрим World Value Survey, то увидим, что, скажем, показатель доверия к религии в Индии у 86% опрошенных, а в Китае — у 4,5%. Довольно существенны культурные различия, которые обусловили, с моей точки зрения, большую подвижность населения в Китае, чем в Индии. Возможно, это будет иметь значение и для экономического роста.

Такое впечатление, что в Индии все время успешно развивался частный сектор. Никогда он не подвергался гонениям. Он всегда существовал, хотя индийский социализм с человеческим лицом, конечно, регламентировал экономику где-то до 1991 г. Но зато, когда у индийского правительства возникли проблемы с олигархами (это случилось где-то в конце 1980-х — начале 1990-х годов), оно не стало применять против них репрессии.

Патибандла называет крупные индийские фирмы инкубаторными. В том смысле, что они выросли под юбкой государственной власти. Они представляли собой громоздкие структуры типа нашего «Газпрома» и, в общем, работали довольно неэффективно, но в то же время пытались оказывать давление на правительство. Я имею в виду такие компании, как «Тата», «Бирла», другие крупные корпорации.

Тогда индийское правительство в соответствии со своими традициями не стало осуществлять репрессии, оно просто открыло индийскую экономику для транснациональных корпораций. И результат был довольно любопытный. До-

вольно сильный частный сектор, который, так сказать, кормит в общей сложности 200 млн человек, повышает конкурентоспособность. И в результате здесь появились компании, чаще всего упоминается «Инфазис», «Тата моторс», «Баджадж», которые стали не просто конкурентоспособными на мировом рынке, но и приобрели инновационный характер, что, вообще говоря, в развивающихся странах является редкостью.

Патибандла сопоставляет данные по сбережениям и по темпам роста в Китае и в Индии. Он обращает внимание на то, что Китай имеет очень большие сбережения, до 45% ВВП, и при этом достигает высоких темпов роста (9–10%), но немногим больших, чем Индия (8–9%), которая имеет более низкие сбережения (20% ВВП). Разница в том, что китайцы в основном заимствуют. Индийские же компании имеют собственные инновационные продукты. Я не могу удостоверить вас в том, что эти выводы правильные, но в них содержится мысль, над которой нужно подумать. И здесь какая-то подоплека, безусловно, есть, потому что само по себе решение выбрать усиление конкуренции вместо ужесточения государственного контроля — это любопытное, по крайней мере интересное, для нас решение.

Профессор Патибандла как раз обращает внимание на то, что Индия смогла добиться очень приличных успехов в развитии, притом что она имеет демократическое устройство, ничем не жертвует в этом плане, а наоборот, делает какие-то шаги к еще большей демократизации. И при этом там торжествуют принципы свободного рынка. У меня единственная оговорка: речь идет о секторе в 200 млн человек — это сектор индийской экономики, который является более или менее современным и больше живет на мировом рынке, чем у себя в стране. «Баджадж» делает мотоциклы, которые продаются и в Индии (они вытеснили из Индии мотоциклы «Хонда»), и в других странах тоже, они опираются на рынок, на нормы работы, которые приемлемы для мирового рынка.

В то же время существуют еще 67% сельского населения, в котором довольно много бедных. Индия — одна из самых бедных стран в мире, для которых все эти рыночные достижения большого значения не имеют. Возможно, я ошибаюсь, у меня недостаточно веских выводов. Но такое впечатление, что все-таки там важную роль играют культурные особенности включая кастовую систему. Речь идет о неформальных институтах, в законе это не предусмотрено, но данные институты оказывают сильное влияние на общественную жизнь. Они будут играть важную роль и в дальнейшем развитии индийской экономики и, возможно, станут создавать для нее какие-то препятствия.

Теперь следующая картинка. Таблица 6 представляет собой часть расчетов профессора Уилла Мартина, которые характеризуют последствия роста экспорта Китая и Индии для мировой торговли до 2000 г. В отрезке между 2005 и 2020 гг. Мартин предупреждает, чтобы мы рассматривали это не как прогноз, но просто как некую модель, которая позволяет определить влияние некоторых факторов. Как будет складываться дальше, мы не знаем, но существенно то обстоятельство, что, как бы вы ни делали расчеты, в этот период предстоит существенное повышение доли Китая и Индии в мировой торговле и практически по всем видам продукции. Мы видим здесь минералы, лес, химическую продукцию, металлы, машины и оборудование. В расчетах гораздо больше товарных групп,

но я просто не мог уместить их на слайде. У всех объемы экспорта и производства по этим товарным группам будут падать, исключая Китай, Индию и несколько других стран, поставщиков сырья и энергии для Индии и Китая. Соответственно доли Индии и Китая будут расти. У меня было общение с профессионалами. Они сказали, что это слишком приблизительный расчет, он неточный и не надо пугать мировую общественность. Но, тем не менее, это материал для размышлений, потому что в нем пока отражается сложившаяся тенденция.

Теперь о Бразилии. Надо сказать, что профессор Феррас — очень живой человек. Наверное, как все бразильцы. Он сказал, что Бразилию зря зачислили в эту компанию — BRIC. Собственно, данные, которые я здесь привел, среднегодовые темпы экономического роста за довольно большой отрезок времени, не подтверждают таких больших успехов Бразилии, которые были бы сопоставимы с Индией и Китаем (табл. 7). Хотя потенциал страны очень высок, и ситуация может существенно измениться. Поэтому авторы доклада «Голдман Сакс» в 2003 г. зачислили Бразилию в четверку. И к тому же надо добавить, что у Бразилии существенно выше уровень производительности, чем в этих странах и в России. Кроме того, это одна из немногих стран, которая осваивает изделия высоких технологий на уровне мировой конкурентоспособности. Я не скажу, что можно привести много примеров таких продуктов, но все приводят пример самолета «Эмбраер». Мы недавно подписали соглашение о закупках самолетов в обмен на наши истребители.

Более существенно, что Феррас таким образом описывает особенности развития бразильской экономики. Он говорит, что для бразильской экономики характерной является неопределенность перспективы, неопределенность стратегии, и поэтому местный бизнес проводит очень осторожную политику (рис. 3). Он старается не рисковать. Он старается минимизировать объем инвестиций, которые делаются в инновации, вообще в какие-то долгосрочные проекты. В верхней части слайда показаны способы адаптации к этой ситуации, которые, по его мнению, присутствуют в этой стране и позволяют существовать бразильской экономике в таком режиме. Что характерно? Политическая обстановка все время меняется. Вы помните, был длительный период военных переворотов, которые сменялись гражданскими правительствами. Потом было решительное либеральное правительство президента Кардозу, который стабилизировал финансы. После этого — социалистическое правительство президента Лулу. В результате в каждом секторе бразильской экономики сосуществуют предприятия, имеющие совершенно несходные, можно сказать, несопоставимые уровни производительности, резко различающиеся по эффективности. Феррас объясняет, почему и как это происходит.

Просто для сопоставления я привожу иллюстрацию, которую мы получили в нашем исследовании конкурентоспособности (ГУ ВШЭ проводила его со Всемирным банком (рис. 4)). Наверху нарисованы межотраслевые разрывы в производительности. Самый максимальный межотраслевой разрыв, максимальный показатель производительности — это химия и минимальный — это текстиль и швейная промышленность. Там 308 тыс. руб. на человека в год, здесь — 92. Разница примерно в 3 раза. Это межотраслевые различия, я обращаю ваше внимание на это обстоятельство. Это обрабатывающая промышленность. Как извест-

но, мы зарабатываем много на нефти и газе. Нужно, говорят многие, перераспределять средства в обрабатывающую промышленность и реструктурировать ее таким образом. Мы произвели соответствующие расчеты и показали, что с учетом энергетики, т.е. нефтяной и газовой промышленности, межотраслевые разрывы составят 8 раз. А разрывы внутриотраслевые в обрабатывающей промышленности составляют 25 раз.

Напоминает то, что происходит в Бразилии. Не исключаю, что объяснения этому тоже имеют определенные параллели и аналогии. Хотя, с моей точки зрения, у нас есть еще один существенный фактор — территориальный. Наше исследование показало, что самым главным фактором, который определяет уровень конкурентоспособности предприятий, является их размещение, их географическое положение. Предприятия, которые оказались вдалеке от центра, на большом расстоянии, без необходимой концентрации людей и денег, обречены на прозябание. В то же время, если вам повезло быть где-то в Москве или около Москвы, вы имеете шансы. Но Бразилия тоже не маленькая страна. Мне Бразилия в каком-то смысле напоминает Италию.

Северная Италия и Южная Италия — как бы страны с разными культурами. В Бразилии есть южная часть, это Сан-Паулу и провинция Рио-Гранде-ду-Сул, где большой процент европейского населения и где сконцентрирована большая часть современной промышленности и производительного современного сельского хозяйства. И есть северные районы, где большая доля коренного индейского или смешанного населения. Во многом тоже другая культура и так же будет создавать проблемы для развития страны.

Меня как раз интересовали культурные ограничения, которым у нас не принято придавать значения. А в данном случае мы как раз имеем дело со странами, принадлежащими к разным цивилизациям. Китай — это пример цивилизации конфуцианской, очень специфической. Индия — тоже понятно, культура индуистская. Что касается Бразилии... Л. Харрисон назвал всю Латинскую Америку областью иберо-католической культуры и охарактеризовал свойства этой культуры, в том числе в части распоряжения властью, по отношению к труду и по другим параметрам. Я бы сказал, что, действительно, много сходства с нами. Возможно, больше сходства, чем у нас с Индией или Китаем. Традиция распоряжения властью, например: если захватил власть — не отдавай ее никому. И пока у власти, разбогатеть как можно больше. Что-то мне это напоминает.

Вот теперь я взял табличку, которую заимствовал из книги Роберта Флориды, где показано лицо американской экономики (табл. 8). Чем я руководствовался? Страны, о которых мы говорили, — это страны, которые проходят индустриализацию, которые имеют значительный избыток рабочей силы, которые поэтому могут привлекать и реализовывать довольно существенные инвестиции. Они строят индустриальную экономику. Возможно, действительно оправдывается прогноз о том, что в эти страны переместится «мировая фабрика». Большая часть промышленности будет работать там. Не знаю, так это или не так, но, по крайней мере, тенденции направлены в эту сторону.

А в Соединенных Штатах мы видим пример инновационной экономики, принципиально иной в том плане, что Америка страдает сегодня как раз от того, что традиционные отрасли находятся в трудном положении, они сталкиваются

с острой конкуренцией со стороны китайских и индийских товаров, вы помните недавние меры президента Буша, когда он вводил повышенные пошлины на сталь, чтобы защитить американских металлургов? Там идут бесконечные споры. Они как раз характеризуют арьергардные бои старых отраслей.

В то же время интересно, какое место занимают Соединенные Штаты в секторах, которые представляют инновационную или креативную экономику. На самом деле, у них тоже нелегкая судьба, потому что они вынуждены все время что-то изобретать, делать что-то нестандартное. А иногда создавать вещи, переворачивающие мировую экономику, такие как персональные компьютеры, мобильные телефоны или Интернет. То же самое и в Европе. Может быть, только в меньших масштабах. Мне кажется, что в Великобритании даже в больших масштабах, потому что там, у меня такое впечатление, промышленности осталось намного меньше, чем в других странах, с которыми они конкурируют. И в значительной степени для Британии лондонский Сити — примерно то же самое, что нефтяная промышленность для России.

Последний слайд показывает позицию нашей страны в сравнении с соседями по БРИК, а также с Европой и исламским миром (табл. 9). Мои рассуждения очень простые. У нас нет трудовых ресурсов, которые могли бы нам обеспечить реализацию любых объемов инвестиций. Мы можем использовать только те инвестиции и в тех объемах, которые обеспечивают существенный рост производительности. А опираться на то, что было раньше, на экстенсивные факторы, мы не можем.

Вот здесь Ростислав Исаакович Капелюшников сидит, а может быть, и Владимир Ефимович Гимпельсон. Они говорят, что у нас нет дефицита рабочей силы, есть только дефицит качества. Но это лишь пока так. Если мы смотрим вперед, то убыль населения будет так или иначе оборачиваться дефицитом рабочей силы, в особенности квалифицированной. Собственно, дефицит квалификации есть уже сейчас. В Китае и в Индии этого нет. Они имеют очень серьезные трудовые ресурсы, которые позволяют им реализовать любые объемы привлекаемых инвестиций. Я просто напоминаю известную теорему Льюиса, в которой он показал, что для того, чтобы иметь соответствующие темпы развития, нужно обязательно иметь свободную рабочую силу. У нас есть преимущества в природных ресурсах по сравнению с Китаем и Индией, у которых природные ресурсы тоже есть, но в несравнимо меньших объемах, которых им будет не хватать. В Бразилии тоже есть, но Феррас отмечает, что как раз добывающая промышленность не привлекает капиталы и развивается очень медленно, хотя ресурсы там есть. Капитал, с моей точки зрения, охотно идет в Китай и в Индию, он не составляет проблемы и для России. У нас нет ограничений, но нет и преимуществ. Мы можем привлечь какое угодно количество капитала, но не сможем его эффективно использовать. Это в известном смысле касается и природных ресурсов: и ненадежность рынков, и консервация отсталости и зависимости.

Таким образом, сегодня для нас институты и культура являются главными факторами роста и в то же время — самым главным ограничением. Если мы станем делать ставку на то, чтобы не трогать институты, не проводить реформ, ничего не делать с тем, чтобы менять свой менталитет, как-то его приспособлять к новому времени, к новым условиям, то у нас дело не пойдет.

Я сравниваю нас с Китаем, с Индией. Мы находимся в таком положении, когда мы более этих стран подготовлены к соответствующим изменениям, институциональным и культурным. И мы могли бы делать упор на эти факторы, но при соответствующих условиях. У нас, в принципе, больше возможностей, чем в этих странах, для изменения институтов и культуры. И для нас это, кроме того, настоятельная необходимость. А они могут еще подождать, потому что у них «не горит». Может быть, в большей степени «горит» в Латинской Америке, в Бразилии, хотя у меня нет уверенности. Но пока в Китае и в Индии сохраняются резервы для продолжения индустриализации, они могут и так развиваться. Хотя, я уверен, они все равно наткнутся на культурные барьеры.

У меня лично такое впечатление, что заминка в Японии в начале 1990-х произошла именно из-за культурных барьеров, хотя там при объяснении акцент делается на экономических причинах, на плохом состоянии банковской системы, на перекрестном владении акциями. Эти факторы играют роль, но более глубоко лежит культурный кризис. Они использовали резервы своей традиционной культуры, которые работали до конца 1980-х годов, а потом начались проблемы.

И у нас они начались. Я не могу сейчас дальше развивать эту тему, просто назову несколько цифр. По данным World Value Survey, показатели доверия на горизонтальном уровне между гражданами в России — одни из самых низких в мире. Ниже только в Нигерии и в Южной Африке. Если мы берем вертикальные показатели доверия, к публичным институтам, то тоже очень низкие показатели, отличающиеся от всех стран. Есть показатели, близкие к показателям западных стран. Например, по уровню доверия к правительству, к исполнительной и законодательной власти. Но у них высокие уровни доверия к системе правосудия и к полиции. Это особенность всех западных стран. Это институты, которые пользуются высоким доверием. А кроме того, я подозреваю, что когда американцы, или немцы, или русские отвечают на эти вопросы, они думают о разных вещах. Когда американцы критически относятся к своему правительству, они про него думают иное, чем думаем мы. Они думают, что президент Буш зря полез в Ирак. А мы думаем о том, что там высока коррупция. И поэтому просто так, на веру, эти данные воспринимать нельзя.

В конце я хочу сделать такой вывод. Мне кажется, что наша страна оказалась в таком интересном положении, хорошо, если бы это осознали. Мировая экономика будет открытой, и мы не сможем отгородиться высокими таможенными пошлинами. Значит, мы должны добиваться высокой конкурентоспособности. Мы не сможем пользоваться теми методами повышения конкурентоспособности, которые будут использовать Китай, Индия, наверное, и Бразилия. Не сможем, потому что у нас иная конфигурация ресурсов. Мы свои ресурсы съели раньше, тогда, когда была наша индустриализация. Нам нужно уходить от индустриальной экономики. Необязательно свертывать промышленность, но все-таки делать акцент не на то, чтобы увеличивать производство угля, и стали, и даже автомобилей. Китай производит семь с лишним миллионов автомобилей, я поразился, когда увидел эту цифру, но, тем не менее, это факт.

Придется поворачивать в сторону инновационной экономики. Это у нас единственный выход. Но проблема состоит в том, что инновационную экономику на

наших институтах, культуре и на политике, которая проводится, не построишь. Политика сегодня ориентирована на то, что есть большой объем природных ресурсов, и мы всегда можем на них рассчитывать. Говорят и про инновационную экономику. Если вы внимательно послушаете выступления Путина, руководителей правительства, то там все слова сказаны. Но у меня такое впечатление, что построить инновационную экономику на том культурном и институциональном основании, которое у нас есть, невозможно.

Поэтому мы стоим перед вызовом. Либо мы найдем ответ на этот вызов и создадим условия, которые позволят развивать в России примерно такую же экономику, какой Флорида изобразил американскую. Либо мы не сможем ответить на вызов. Я не буду дальше раскрывать содержание последнего выражения. У меня все.

Вопрос:

Так почему же вы все-таки плюс поставили [в табл. 9]?

Евгений Ясин:

Плюс — это надежда. Я лично считаю, что мы должны смотреть не только на текущие обстоятельства. Мы должны смотреть немножко вперед и понимать, что возможности у нас действительно есть. Мы для либеральных реформ, для демократических реформ подготовлены в большей степени, чем, скажем, Китай. Так мне кажется.

Я предлагаю сейчас предоставить слово нашим оппонентам или дискуссионным, а вопросы после этого. Договорились?

Василий Михеев: «Понятие БРИК отражает стремление сторонников теории многополярного мира создать какой-то полюс из числа появившихся — с достаточной силой, но еще не претендующих на собственную глобальную самостоятельность».

Спасибо, Евгений Григорьевич, за очень интересное выступление. Я сначала сделаю несколько замечаний, потому что Евгений Григорьевич поставил много проблем. Часть из них постоянно обсуждается, когда встречаются те, кто хочет обсуждать китайскую тему, а другие просто требуют небольшого продолжения, развития, углубления.

Первое, очень коротко. Я понимаю, что цивилизационные факторы, или историко-культурное наследие, оказывают влияние на общественное развитие стран. Но при анализе современной мировой экономики и международных отношений я исхожу из того, что все мы принадлежим к одной цивилизации и делить страны на цивилизации неправильно. Понимая всю сложность процессов, связанных с человеческим капиталом, тем не менее я предпочитаю различать страны по геополитическим и геоэкономическим параметрам.

Сейчас в дискуссиях просматривается некоторый крен, как мне кажется, не совсем обоснованный. Когда говорят «цивилизация» или «цивилизационный фактор», как правило, понимают нечто положительное. Мне в связи с этим, например, вспоминается фильм Мэла Гибсона «Апокалипсис» и то, что сейчас происходит в Китае в преддверии Олимпиады: людей учат не плевать на улицах

и не толкаться локтями при посадке в автобус. Для чего я это сказал? Для того чтобы показать, что Китай развивается и укрепляет позиции, не консервируя свою старую цивилизацию, а вписываясь в глобальные современные мировые процессы.

Второе — приоритет покупательной способности. Я противник его использования применительно к странам, находящимся на принципиально иных структурных уровнях развития. Для стран с примерно одинаковой структурой потребления это годится. Для Китая — нет. Почему? Потому что не учитывается фактор нулевой цены. И более того, вот сейчас Всемирный банк столкнулся с проблемой: они пытаются вывести новый паритет для Китая. И у них получается, что Китай последние 5 лет деградировал в темпах роста.

Еще один аргумент. Если возьмете ВВП мира по обменному курсу и по покупательной способности, то у вас разница будет где-то 40%. В отношении Китая — это 4 раза. Проблема в том, что методология, которая используется, не включает фактор нулевой цены при огромной массе крестьянства. Получается неверный эффект. Более того, я предлагаю, и для себя это делаю, отталкиваться от того, что считают американские экономисты, когда предлагают своему правительству аргументы для давления на Китай в связи с курсом юаня. Они считают, что китайский юань завышен на 40%, а не в 4 раза. Это более или менее отвечает действительности. Поэтому ВВП Китая на душу населения не 5 тыс. долл., а 2,5. Это важно. А важно это потому, что даже наше высшее руководство делает курьезные для меня заявления о том, что ВВП Индии и Китая вместе больше, чем ВВП Соединенных Штатов. Это даже на интуитивном уровне вызывает отторжение.

И третье предварительное замечание насчет БРИК. Эта вот четверка стран. Я тоже не сторонник мистификации этого явления. Это, мне кажется, отражает стремление сторонников теории многополярного мира создать какой-то крупный, сильный полюс из числа появившихся новых полюсов с достаточной силой, но еще не претендующих на свою собственную глобальную активную самостоятельность.

Но здесь для меня встают два вопроса. А вот в этом новом полюсе, БРИК, Россия согласна будет на иную роль, кроме лидера? Нужна ли ей иная роль, а не роль лидера, для укрепления своих конкурентных преимуществ? А если так, то согласятся ли другие страны на то, чтобы именно Россию сделать таким лидером, и за что, собственно? Потому что это просто устоявшийся термин, и я хочу сказать, возвращаясь к Китаю, что китайцы используют это понятие, но именно в познавательно-аналитическом плане, не более того, чтобы не было никаких иллюзий, что кто-то хочет создавать какие-то коалиции.

А теперь о Китае. В последние пару лет в Китае происходит смена модели экономического развития. Вот какие компоненты этой новой модели. Прежде всего то, что внутренний спрос начиная с 2006 г. превратился в более важный фактор обеспечения темпов экономического развития, чем экспорт. Вот смотрите, они закладывают 8%, получают 11%. Почему? Почему также, скажем, наши прогнозные оценки говорят о том, что ВВП в Китае в ближайшей десятилетней перспективе будет расти темпом больше 9–9,5%, а не 6–7%? Почему? Именно за счет фактора внутреннего спроса.

Что происходит? Сформировались две основы такого спроса: быстрый рост численности среднего класса в городах и быстрая урбанизация. Евгений Григорьевич это уже упомянул с точки зрения факторов производства, но с точки зрения спроса это тоже мощнейший стимул. То есть возникает потребительский спрос, на который реагируют и правительство, и частные предприятия. Спрос на потребительские товары увеличивает спрос на инвестиции, и поэтому, несмотря на все усилия китайского правительства ограничить, сдерживать рост капиталовложений, сделать это не получается.

Говорить о «перегреве» экономики можно, но я не вижу в десятилетней перспективе опасности этого. Почему? А потому что действуют именно эти два обстоятельства: рост среднего класса и урбанизация населения.

Просто для справки: что считается средним классом. Сейчас в Китае это более 150 млн человек. Это доход на члена семьи более 1 тыс. долл. в месяц и собственность на сумму более 100 тыс. долл. Это параметры среднего класса, и число таких людей растет очень быстро. В Китае 10 официальных долларовых миллиардеров, причем ни один из них не связан с нефтегазовой сферой. Самому молодому из них 24 года, он преуспел в компьютерных программах. Это первый существенный момент.

Второй момент — это проблема, связанная с экспансией китайского капитала. Данная тенденция обозначилась в последние 2 года. Но в конце прошлого года произошло такое знаменательное событие: китайское правительство приняло программу борьбы с излишней ликвидностью, образующейся в стране в результате слишком большого плюса в торговле с внешним миром. Вот два главных компонента этой программы: стимулирование экспорта китайского капитала и стимулирование увеличения импорта. Так вот, если еще 1,5–2 года назад экспансия капитала рассматривалась китайским руководством стратегически с точки зрения того, чтобы выйти к энергетическим мировым ресурсам, закрепиться, обеспечить энергетическую безопасность Китая, то сейчас она связывается с макроэкономической стратегией в целом, поэтому носит более системный, как мне кажется, и долгосрочный характер.

Это рождает и возможности, и проблемы для китайцев. Китаец превращается в нового, агрессивного и богатого, человека, который приходит к джентльменам, уже привыкшим к какой-то системе отношений. Он хочет все покупать, а почему ему все не продать? Американец может, а китаец нет? Почему? Тут срабатывает стереотип — новый агрессивный игрок. Мы его не знаем. Мы его интуитивно опасаемся. Это рождает проблему. Но, тем не менее, это долгосрочный фактор. И здесь Китай, я думаю, будет составлять России конкуренцию, прежде всего на мировых рынках энергоресурсов, в том числе и в самой России. Но главное и самое болезненное, наверное, для нас — это конкуренция со стороны Китая на центральноазиатском энергорынке. Там идет прямое столкновение интересов.

Третий момент стратегии — это поощрение, активное стимулирование развития экономики знаний. Тезис о том, что китайский труд дешевый, становится менее актуальным. В прошлом году в стране увеличили потолок налогооблагаемой базы зарплаты. Это 200 долл. в месяц.

Когда я сейчас говорил о Китае, я говорил о городском Китае. Около 800 млн крестьян живут в тяжелейших условиях. Они, с одной стороны, — фактор роста, с точки зрения перспективного потребления, но его еще надо задействовать через раскрутку урбанизации. С другой стороны, это головная боль и проблема.

Тем не менее, если мы берем 400–500 млн жителей городов, то здесь мы действительно видим рост заработной платы. Скажем, ученые в Пекине получают 1–2 тыс. долл. в месяц. Это вполне нормальные доходы. Хотя цены там тоже растут, и квартиры тоже растут в цене, и квадратный метр в хороших районах Пекина тоже доходит до 2–6 тыс. долл.

Жизнь заставляет Китай идти по активному пути стимулирования внедрения в страну научных разработок. Но что они делают? Они не стараются изобретать велосипед. Они идут на научно-техническое сотрудничество с мировыми транснациональными корпорациями. Сейчас существует более 700 вариантов такого сотрудничества в разных формах. Хочу сказать, что наиболее ревностно по отношению к Китаю ведет себя Япония, которая, создавая в Китае совместные предприятия, всячески оберегает их от того, чтобы дать китайцам доступ к передовым технологиям. Но это уже специфика китайско-японских отношений.

Еще один очень важный компонент новой политики, которая сложилась при нынешнем руководстве, — это перераспределение не того, что создано, а вновь создаваемого богатства с учетом интересов тех, кто не выиграл от реформ. Почему это важно? Потому что руководство понимает, что существует социальная нестабильность, существуют огромные разрывы в доходах, особенно между бедными и богатыми в городах, между селом и городом, между западными и восточными провинциями. Это создает потенциал социального взрыва.

В прошлом году китайцы стали печатать данные о протестных выступлениях против властей. По официальным данным, в прошлом году их было больше 70 тыс. Если поделить это на количество дней, то там каждый день проходит по паре сотен таких выступлений. И руководство боится. Потому что пока там приросты ВВП хорошие, все можно компенсировать, но в случае каких-то сбоев, например, нового азиатского финансового кризиса или мирового китайского кризиса, они Китай так или иначе затронут, потому что страна развивается, становясь более интегрированной в мировые рынки, в мировые системы, не изолируясь от них. Поэтому, когда говорят, что китайский рост — это угроза, упускается тот факт, что Китай становится мощным, не будучи автаркическим, а становясь составной частью мирового хозяйства. Руководство поняло, что если не дать элементарных вещей бедным, можно лишиться всего. Поэтому огромные деньги сейчас направляются на развитие системы социального обеспечения и образования на селе. В прошлом году введена система бесплатного девятилетнего образования на селе. Раньше такого не было. Больше половины крестьян — полуграмотные люди. В этом направлении делаются и многие другие вещи.

Другое дело, что высокие темпы роста и большие доходы позволяют им это делать, но они используют возможности, которые создаются. И вот здесь, в этом месте, мы подходим к еще одной проблеме. Меняется модель управления, сокращается количество государственных предприятий. Доля частного сектора

в производстве растет. За последние десятилетия число государственных предприятий сократилось почти в 2,5 раза — с 7,3 до 3,4 млн единиц. Доля частного сектора ВВП в прошлом году была около 40%. Доля мелкого и среднего бизнеса — примерно на уровне 60%. Но у них мелкий и средний бизнес бывает еще и государственный, поэтому здесь одна цифра не перекрывает другую.

По мере роста экономики, по мере диверсификации источников экономической инициативы новый бизнес, представители новой деловой элиты начинают обретать свои политические интересы. К этому добавляется резкая информационная открытость: 130 млн пользователей Интернета в Китае, молодежь, которая получила доступ к мировой информации. Да, там идет блокирование по некоторым ключевым словам; вы не можете читать гадости про вождей, но все остальное вы вполне можете читать.

Китайцы понимают, что без политической реформы вся эта конструкция может от внутренних противоречий развалиться. Но как делать политические реформы? У них перед глазами опыт быстрых политических реформ в России. Это, естественно, для них не подходит. С другой стороны, Коммунистическая партия не собирается отдавать власть. Зачем? Нет такой мотивации. И вот направление политической реформы, которое мы наблюдаем сейчас, включает следующее: первое — это внутрипартийная реформа, развитие внутрипартийных дискуссий. И здесь, если сравнивать с Россией, в Китае есть инструмент, которого у нас, на мой взгляд, нет. Это диалог власти, бизнеса и интеллектуальных элит страны. Этот диалог обслуживает спрос власти на научно обоснованную стратегию экономического и общественного развития. Вот у нас этого спроса у власти на научно обоснованную стратегию нет. Этого эффективного диалога у нас нет. В Китае он ведется, в том числе через каналы расширения внутрипартийной демократии. Да, есть табу: политическая реформа в радикальных формах.

Второй элемент — это демократия снизу. Выборы, в том числе при помощи Евросоюза, на деньги Евросоюза, местных органов власти.

И третий элемент, это направление очень важно, — расширение власти закона. Не усиление роли КПК, а расширение поля закона. И на этой основе борьба с коррупцией. И КПК это делает не потому, что она такая хорошая, она понимает, что коррупция постигла и ее. В Китае говорят, что если мы будем бороться с коррупцией, то потеряем партию. А если мы не будем бороться с коррупцией, то потеряем страну. И вот это понимание существует. Крупные скандалы и процессы это отражают.

И, заканчивая выступление, хочу сказать, что на кулуарном уровне обсуждаются и такие взгляды, обращенные в будущее Китая, как возвращение, например, после объединения с Тайванем к бывшей двухпартийной системе: КПК и Гоминьдан. Националистические цели укрепления Китая у этих партий совпадают, совпадает и понимание необходимости рыночных реформ.

Завершая, хочу сказать, что вот этот новый этап развития экономической модели Китая, зарождение политических перемен являются очень важными для видения будущего Китая. Более заметных политических перемен, я думаю, можно ожидать после 2012 г., когда пройдет очередной съезд КПК, на котором к власти придет новое руководство партии. Спасибо.

Евгений Ясин:

Можно сказать, что я особенно не наврал, когда говорил про Китай? Нет?

Василий Михеев:

Я только насчет сбережений населения. Я видел цифры, они составляют сумму, равную размеру ВВП.

Евгений Ясин:

Но этого не может быть, потому что сбережения — это распределение ВВП. Поэтому 100% не может быть.

Василий Михеев:

Нет, не сбережения, а накопления населения на банковских счетах.

Евгений Ясин:

Нет, все-таки 46% — это общие годовые сбережения, и примерно половина из них — корпоративный сектор.

Сергей Лунев: «Очевидно, что сырьевой путь нашей страны, ее фактический статус “деревни” Запада ведут лишь к постепенной деградации».

Темпы роста Индии уступают, конечно, китайским показателям, но они выглядят достаточно впечатляюще, значительно превышая среднемировые. Средний ежегодный рост ВВП в Индии составил в 1980–1990-е годы около 6%, в первой половине 1990-х годов — 4% (из-за провала в 1990–1991 гг.), за последние 10 лет — более 7% (в 2004 г. — 7,4%, в 2005-м — 7,2%, в 2006-м — 8,5%).

Объем экономики Индии оценивался более чем в 4 трлн долл. по паритету покупательной способности (ППС). Многие эксперты, в том числе и присутствующие здесь, считают, что нет необходимости исчислять объемы экономики по ППС. Однако отказ от данного показателя не позволяет объяснить целый ряд конкретных вещей. Так, в Индии — огромный средний класс, который потребляет по европейским стандартам. Сами индийцы оценивают его количество в 300 млн человек, западные исследователи полагают, что это преувеличение, и говорят о 150–200 млн человек. Потребление только этого среднего класса превышает объем экономики страны, исчисленный по официальному курсу (800 млрд долл.). Лично меня не смущает, что Индия с Китаем уже сейчас имеют ВВП, равный американскому. Душевой доход Индии все равно составляет 8% от американского. А вот цифра 1,8%, получаемая при исчислении объемов экономик по официальному курсу, действительно вызывает неприятие. Представляется, что США и другие развитые страны в целом мало волнует сокращение их доли в мировом объеме экономики. Напомню, что в начале XIX в., когда начался крупномасштабный захват европейскими государствами всей Азии, в последней ВВП более чем в 2 раза превосходил совокупный объем экономики всей Европы и европейских «отпрысков» (между прочим, этот феномен заставляет задуматься, насколько лозунг удвоения ВВП может стать национальной идеей России).

Хотелось бы полностью поддержать мысли Е.Г. Ясина по поводу значения культурно-цивилизационного параметра для экономического развития. Именно цивилизационные факторы во многом определили различия существующих у Индии и Китая экономических моделей. Если цивилизационную парадигму Китая можно схематично назвать этатистско-эгалитарной, то в Индии (в которой государство еще в древности было несопоставимо слабее, чем в Китае) основной путь развития — элитарный, что непосредственно связано с кастовым наследием. Несмотря на все попытки улучшения политического, социального и экономического положения нижних страт (и реальные достижения на этом пути) разрывы в социально-экономическом развитии между различными кастами, городом и деревней, различными регионами снижаются несущественно. Кастовая замкнутость и эндогамия в течение тысячелетий способствовали тому, что, как правило, за человеком из варны брахманов стоят сотни поколений предков, занимавшихся интеллектуальным трудом. В результате Индия на верхнем этаже обладает колоссальным интеллектуальным потенциалом и высококвалифицированными специалистами мирового уровня. Одновременно у среднего далита (как стали называть бывших неприкасаемых) за несколько тысячелетий не было ни одного предка, который имел бы какое-либо образование и профессионально занимался умственной деятельностью. Более того, характер их физического труда, орудия и предметы труда были однотипными и примитивными. Именно поэтому Индия заметно проигрывает многим азиатским странам по качеству массовой квалифицированной рабочей силы.

Как раз в сфере образования наглядно видны отличия индийской цивилизационной парадигмы. Особенно они заметны при сравнении страны с Китаем, для которого характерна эгалитарная модель: заметно превосходство Китая в базовом образовании, а Индии — в высшем. Почти 40% населения Индии неграмотны (неграмотной остается почти 1/4 молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет), в то время как в Китае — менее 10%. Следует, правда, отметить, что количество неграмотных в Индии сокращается: в 1970 г. лишь 1/3 населения была грамотной. Ситуация начинает меняться в сфере высшего образования, даже еще на уровне полного среднего образования.

Основной проблемой, вставшей сейчас перед страной, стала возможность переноса нового возникающего строя с Севера, где возникло новое взаимодействие производства, науки и информатики и утверждается «экономика, основанная на знаниях». Проблемы восприятия достижений новейшей технологии, умения населения пользоваться ими, внедрения европейской системы знаний остаются крайне сложными для подавляющего большинства государств бывшего третьего мира. Однако для Индии свойственна качественно более высокая степень культурной динамики и научно-технической автономности. Безусловно, данные характеристики, как и наличие широкого слоя высококвалифицированных специалистов, обеспечивают способность этой страны вырваться из порочного круга отсталости, осуществить анклавную экономическую модернизацию и не только осваивать импортные высокие технологии, но и самостоятельно развивать научные исследования, встать на новую ступень научно-технической революции, что дает дополнительные возможности для расширения воздействия на процессы, проходящие в афроазиатском мире.

В техническом плане Индия показала способность осваивать импортные высокие технологии и создавать свои. Страна добилась колоссального прорыва в сфере информационных технологий. В связи с этим хотелось бы особо отметить, что индийское государство создает наиболее благоприятные условия для развития данной сферы. В 1986 г. Индия объявила информационные технологии приоритетным направлением национального развития, а в 1998 г. была поставлена задача превращения страны в мирового лидера в этой отрасли. Формы поддержки данной сферы индийским правительством разнообразны: введение единых норм для деятельности, создание льготного налогового режима, направление всех ресурсов научно-исследовательского комплекса страны, в том числе и за счет государства, на содействие информационной сфере. Так, до конца 2003 г. интернет-провайдеры ничего не платили за предоставление лицензии, а с 2004 г. была введена оплата — 2 цента в год. Провайдеры сами выбирают свои тарифы и линии связи, а правительства штатов предоставляют свои пакеты льгот. Любые прямые иностранные инвестиции, соглашения о поставках иностранной технологии одобряются автоматически. Разрешено стопроцентное участие иностранного капитала в предприятиях, работающих на экспорт. В результате объем иностранного капитала достиг 2 млрд долл. Государство способствовало установлению самых тесных связей между местным капиталом и работниками информационно-технологической сферы из числа представителей индийской диаспоры в США (каждое восьмое предприятие в Силиконовой долине либо принадлежит индийцам, либо возглавляется индийцами).

Что касается конкретных достижений Индии, то в 2005/2006 финансовом году валовая стоимость программного обеспечения и сопутствующих услуг превысила 30 млрд долл. Был выбран экспортоориентированный путь, и экспорт программного обеспечения составил в прошлом году 23,4 млрд долл. По этому показателю Индия занимает 2-е место в мире после США. По прогнозам, в 2008 г. валовой экспорт составит 50 млрд долл. ежегодно, а доля программного обеспечения в общем экспорте Индии будет равна 35%.

Колоссальным препятствием для Индии при создании нового общества является объективная социально-экономическая ситуация. Наличие огромного массива неквалифицированного (и часто неграмотного) населения не позволяет ей применять многие модели развитых стран. Так, нет особого смысла во внедрении новых ресурсосберегающих технологий (крайне низкая стоимость ручного труда, необходимость обеспечивать работой население и т.д.) — неслучайно большинство технологических достижений носит экспортоориентированный характер. Следует также отметить, что развитие Индии по индустриальному пути имеет жесткие экологические ограничения.

Ежегодный отъезд десятков тысяч наиболее квалифицированных специалистов (прежде всего по материальным причинам) создает проблемы в интеллектуальной сфере. 20% выпускников Бомбейского технологического института, аналога российского МИФИ, эмигрируют в Соединенные Штаты Америки в течение первого года после завершения обучения. Отток кадров способен уже в ближайшее время вызвать существенное ослабление позиций Индии в высокотехнологичной сфере, а в перспективе привести к резкому ухудшению культурной динамики.

Хотелось бы также указать на частое преувеличение степени вовлеченности Индии в мировую экономику. На давосских форумах Индию всегда ставят существенно выше Китая, хотя она участвует в экономической глобализации гораздо слабее, чем КНР. При вхождении в ВТО Индия выторговала 10 льготных лет и сохранила протекционистские барьеры, которые снимаются очень постепенно (в 2005 г. тарифные барьеры довели до 20%, в 2006 г. — до 12% для несельскохозяйственной продукции).

Основой роста ВВП в Индии остаются внутренние источники. В стране существует консенсус в отношении понимания того, что мировой гигант не в состоянии решать основные экономические проблемы, опираясь преимущественно на экзогенные факторы, но он может и должен их использовать в целях эндогенного развития. В 1950 г. на Индию приходилось 2% мирового торгового оборота, в 1960 г. — 1%, а в 2000-м — менее 0,6%. В новом веке объемы внешней торговли, правда, весьма существенно выросли, но доля Индия в мировом экспорте и импорте возросла лишь до 0,9%.

Таким образом, роль внешней торговли для республики весьма незначительна, так же как и зарубежных капиталовложений в индийскую экономику. На рубеже 1990-х годов в Индию практически не было прямого иностранного инвестирования, а на рубеже столетий оно оценивалось в размере 2–3 млрд долл. в год, что, безусловно, выглядит не очень впечатляющим для страны, уже ставшей четвертой по экономической мощи державой мира. В 2004 г. Индия считалась третьей в мире по привлекательности для зарубежных капиталовложений (после Китая и США), а в 2005 г. — второй, а получала прямых иностранных инвестиций по 5–5,5 млрд долл. в год (менее 1% мировых заимствований). Иностранные компании по-прежнему используют в работе с Индией прежде всего лицензирование и контракты на предоставление услуг из-за сохраняющихся ограничений на прямые иностранные инвестиции и резкого усиления возможностей местных субподрядчиков. Сохраняются и такие проблемы, как бюрократические препоны, коррупция, недостаточно развитая инфраструктура.

В заключение хотелось бы поделиться мыслями по поводу путей развития для России. Если, образно говоря, раньше мы делили мир на «город» (Север) и «деревню» (Юг), то теперь его надо делить на «офис и лабораторию» (Север), «город» (Восточная и Южная Азия, Латинская Америка) и «деревню». Таким образом, для нашей страны есть три пути: сырьевой, индустриальный и высокотехнологический. Очевидно, что сырьевой путь страны, ее фактический статус «деревни» Запада ведет лишь к постепенной деградации (смена Запада на Юг не приведет ни к каким переменам). Существует много ограничений и для традиционного индустриального пути: невысокая конкурентоспособность базовой страны рабочей силы, неблагоприятные климатические и географические условия, из-за которых стоимость единицы продукции возрастает на 10–15%, и т.д. Из европейских столиц Москва лежит в самой суровой климатической зоне. Даже Хельсинки расположен в более теплом климате. А уж на Урале и в Сибири, с точки зрения рыночной экономики, вообще бессмысленна какая-либо экономическая деятельность за исключением добычи сырья.

Итак, для динамичного позитивного развития Россия обязана выбрать постиндустриализм, придерживаясь стратегии развития человеческого потенциала,

технологически сложных и наукоемких отраслей, а также повышения роли науки в производстве.

Владимир Давыдов: «Будущее экономической науки зависит от того, насколько она сможет выйти за свои собственные рамки».

Я так понимаю, Евгений Григорьевич, что Вы меня оставили на сладкое. Сладкое должно быть маленьким, поэтому я постараюсь быть, насколько это возможно, кратким. Но сначала несколько общих замечаний.

Во-первых, я решительным образом поддерживаю пафос первых строк первых выступающих о том, что мы на пороге серьезных и очень крупных геополитических и геоэкономических изменений. И это нужно принимать в расчет при долгосрочной политике и долгосрочных прогнозах.

Второе. Я не согласен с Василием Васильевичем относительно того, что он не придает должного значения цивилизационным факторам. Думаю, что будущее экономической науки зависит от того, насколько она сможет выйти за свои собственные рамки. Мне кажется, что нужно должным образом понимать, что процесс развития интегрален, а значит и восприятие, интерпретация развития должны быть интегральными. Я думаю, что многие ошибки, даже в экономической политике, проистекают именно оттого, что мы не видим процесса развития именно интегральным. Но это общее замечание.

По поводу Бразилии. Я, естественно, патриот Бразилии, Латинской Америки. Мне кажется, рейтинг Бразилии несколько занижен. Я не говорю, что очень сильно занижен, но несколько занижен. Обратимся к некоторым аспектам. Опять же возвращаясь к цивилизационной проблематике. Евгений Григорьевич прав, когда говорит, что в Латинской Америке разные цивилизации. Юг Бразилии — одна цивилизация, а Северо-Восток и Север — другие цивилизации. Кроме того, мы привыкли мерить мировую экономику привычно на нации-государства. Вот валовой продукт нации-государства. Думаю, что тут тоже нужно внести поправки — я имею в виду Сан-Паулу. Это крупнейший индустриальный научный центр мира. Один из крупнейших. Наверное, так же и в Индии. Поэтому мы в нашей экономической науке должны научиться вычленять вот эти ядра, которые ведут за собой поезд, или паровозы, и оперировать в наших прогнозах этим обстоятельством.

Еще одно общее замечание. Мы с Александром Вячеславовичем Бобровниковым давно заинтересовались этой темой. И года два-три назад провели обсуждение с участием Василия Васильевича по этому вопросу. Но у нас взгляд был несколько шире, потому что, мне кажется, БРИК — это некое сужение проблемы. Речь идет о восходящих странах-гигантах. И вот характерна разница между прогнозом «Голдман Сакс» 2003 г. и потом 2005 г. Это новая редакция прогноза. И вот что обращает на себя внимание при сопоставлении этих двух прогнозов. «Голдман Сакс» в версии 2005 г. выходит за рамки БРИК. Он говорит о таких странах, как Мексика, Южная Корея, Южная Африка. Потому что эти предстоящие геополитические, геоэкономические изменения, о которых очень верно говорил Евгений Григорьевич, будут функцией от возможностей, от проекции не только БРИК, но и восходящих стран-гигантов второго эшелона.

Теперь о Бразилии. Это страна, которая имела военный переворот, резкие смены. Но, в принципе, это были очень гладкие перевороты. Кроме того, военная диктатура в Бразилии была очень продолжительной, и многие экономисты и специалисты убеждены, что этот период, с точки зрения экономики и организации производства, а также научно-технического прорыва, был весьма плодотворным. Бразилия сейчас может присутствовать в информатике на относительно хорошем уровне именно благодаря военному режиму. Бразилия имеет полный ядерный цикл, присутствует, пусть и не самым лучшим образом, в аэрокосмической области. Страна в последнее время достаточно серьезно продвинулась в области биотехнологий, генетики. Бразилия имеет значительный военно-промышленный комплекс. Бразилия сейчас — мировой лидер на рынке среднемагистральных самолетов. Они как бы предвосхищали те трудности и проблемы в гражданской авиации, которые у нас наблюдались в последнее время, и многие ведущие авиакомпании, которые выполняли трансатлантические рейсы, выбрали себе эту нишу и закрепились в ней.

Я не очень согласен с Василием Васильевичем. Обычно я всегда с ним соглашаюсь относительно того, что он исключает возможность если не союзнических, то неких партнерских отношений в группе БРИК, в группе восходящих стран-гигантов не только первого, но, может быть, и второго эшелона. Допустим, вернемся в 1980-е годы. Нам казалось, что традиционные противоречия между Индией и Китаем не позволят прийти к согласию и какой-то координации политики или хотя бы разделу какого-то влияния в мире. Оказывается, это возможно. Мы видим, в последние 2 года начался диалог, даже сотрудничество. Поэтому, мне кажется, нельзя говорить «табу».

Сейчас мировая политика характеризуется очень высоким темпом, резкими изменениями и подвижками. Возникают самые неожиданные комбинации и союзы, о которых трудно было подумать еще несколько лет назад. Я думаю, что эта характеристика адекватна процессу глобализации. Я думаю, что мировая политика таким образом отражает процесс глобализации. И в связи с этим, мне кажется, могут появиться и уже есть немало совместных интересов в этой группе государств. Я думаю, что Россия может найти серьезные точки опоры в этой группе государств, что, собственно, и происходит.

В принципе, скажем так, наша политика в отношении Востока и Запада, соотношение этой политики за последние 3 года существенно поменялось. Другое дело, во благо ли это в итоге или нет. На вопрос я не берусь отвечать, для этого нужен более серьезный анализ. Но, скажем так, в группе мы пытались изучать какие-то внешнеполитические построения, немножко китайские, то, что было на русском и английском языке, естественно, то, что в Индии думают по этому поводу. Мы следили за публикациями коллег и знаем, что говорится и думается по этому поводу в Бразилии на самом высоком уровне. Бразилия заинтересована в этом однозначно. Бразилия, чтобы как-то скоординировать политику по крупным вопросам, наводила мосты и в Китай, и в Индию. Что касается Индии, что-то получилось. Имеется в виду тройственный союз: Бразилия, Индия, Южно-Африканская Республика. Это состоялось. С Китаем сложнее. Мне кажется, что Китай — это кот, который гуляет сам по себе и долго будет придерживаться этой политики. Вопрос в том, стоит ли нам встраиваться в это.

Я думаю, у нас такая ситуация, когда нельзя пренебрегать никакими возможностями. Евгений Григорьевич говорил здесь, что положение России не самое лучшее. В этой ситуации нужно брать от жизни все, что появляется под рукой. Я думаю, что ситуацию БРИК и вообще ситуацию восходящих стран-гигантов нужно очень внимательно отслеживать и использовать в российской внешней политике и экономической дипломатии. Спасибо за внимание.

Евгений Ясин:

Теперь, если у вас есть вопросы, вы можете мне их задать.

Вопрос:

Не кажется ли первым троим выступавшим, что самые большие успехи, демонстрируемые Индией и Китаем, из тех, о которых шла речь, в значительной степени объясняются тем, что в Китае вся западная часть жестко отрезана от успехов, а в Индии вся низкокастовая часть жестко отрезана от успехов? И та и другая масса не вмешивается, сидит, оставаясь тяжелым грузом, но не лезет, хотя и были разговоры о том, что начальство в Китае побаивается. Я думаю, в Индии даже этого нет. Каста есть каста, там это гораздо строже. Не кажется, что вот именно благодаря этому разделению такие успехи возможны?

Василий Михеев:

Я не сторонник точки зрения, что бедность — это фактор роста. То, что в Китае многие районы оказались отсталыми, — следствие развития отсталой страны в короткое время. Все районы одновременно поднять нельзя. Но Вы правильно подметили, что Китай понимает эту опасность больших разрывов и стремится их как-то компенсировать и преодолеть. Но ни в коем случае нельзя считать, что отсталость и изолированность, скажем, до начала этого века западных районов Китая от прогресса — это фактор успеха.

Реплика:

Я не сказал, что фактор успеха, я сказал, что сыграли роль.

Василий Михеев:

Это следствие того, что нельзя быстро решить все.

Сергей Лунев:

Я бы не стал говорить о жесткой отрезанности неприкасаемых и низких каст в Индии. Кастовая дискриминация была отменена законом полвека назад (правда, многие эксперты полагают, что она сохраняется). Политика индийских правительств всегда была направлена на улучшение положения обездоленных в политической сфере (так, существует система резервирования мест для 120 млн неприкасаемых-далитов и низкокастовых в учебных заведениях, на государственной службе и в выборных органах) и социально-экономической (для бедных по-прежнему существуют талоны на товары первой необходимости по символическим ценам; государство самым активным образом развивает мелкий бизнес, способствует созданию новых рабочих мест; за полвека уровень жизни индий-

ских низов вырос очень сильно и т.д.). Все это вело к постепенной интеграции низов общества в политическую и социальную жизнь.

Если 50 лет назад голоса бедняков на выборах скупались за гроши, то сейчас практически любой индиец не станет продавать свое право участвовать в политическом процессе. У далитов есть своя партия, не только набирающая на выборах большое количество голосов, но и получающая приличное число мест в центральном парламенте.

Более того, в Индии в целом происходит размывание кастовой системы, что позитивно с гуманистической точки зрения, но достаточно негативно с социально-политической. Кастовая система железным обручем стягивала общество и играла важнейшую роль в смягчении социальной напряженности. Раньше далиты и не подозревали, что жить так, как они, нельзя, а сейчас в трущобах люди смотрят телевизор.

Евгений Ясин:

Я только одно добавлю. Я так думаю, что в Индии кастовая система — важный фактор. Мне такую мысль высказали, и она мне показалась очень интересной, что Индия потому демократическая страна, что у нее кастовая система. Там колоссальные перепады в уровне жизни. Я бы сказал, что там разные культуры. Мое наблюдение, низшие касты — это просто культура нищеты. Они живут в таких условиях, что трудно себе представить, как человек может выжить и не требовать большего. Кастовая система исключает из общественной жизни людей этой культуры. А это не 120, это порядка 500 млн. Но раз находятся люди, которые готовы 15 км идти, чтобы проголосовать, — это свидетельство поворота.

Я хочу вам напомнить, что Европа с конца XIX в. и, скажем, до конца Второй мировой войны переживала период перехода от демократии налогоплательщиков, когда были определенный имущественный ценз, образовательный ценз ко всеобщему избирательному праву и т.д. И это повлекло за собой многие опасные явления, в том числе гитлеровский режим в значительной степени связан с этим. Во Франции это Наполеон III, за него поголовно голосовали крестьяне, которые придерживались очень консервативных позиций. Я думаю, что активизация низших каст в Индии будет создавать большие проблемы.

Сергей Лунев:

Я просто хотел добавить одно слово. Абсолютно согласен с Евгением Григорьевичем. Дело в том, что происходит эрозия кастовой системы. Но это как раз проблема для политической стабильности в Индии. Жили люди и не знали, что так жить нельзя, а сейчас — информация. В трущобах телевизоры стоят, провод ведет к розетке. Они понимают, что так жить нельзя, и начинается политическая активизация, эрозия кастовой системы. С гуманистической точки зрения это хорошо. С точки зрения политической стабильности Индии — не очень.

Виктор Полтерович:

У меня вопрос про цивилизационные различия. Я немного поясню, в чем вопрос. На самом деле, это очень горячая тема среди экономистов. И значитель-

ное количество экономистов как раз озабочено тем, как уловить этот фактор цивилизационных различий. В регрессии включают ислам или там уровень образования. Я довольно много времени затратил, чтобы понять китайские реформы, они успешны по каким-то другим причинам. В общем, мой вывод состоит в том, что, возможно, есть какие-то различия, но главное, что китайцы научились грамотно проводить реформы, а мы не научились. И это можно проследить, там сотня разных деталей, здесь частично об этом говорилось.

У меня все-таки вопрос ко всем выступавшим: можно действительно указать цивилизационные различия между Бразилией, Индией и Китаем, которые объяснили бы, почему Индия и Китай были после войны на одном уровне, а сейчас у них ВВП на душу населения различается в 2 раза? Почему Бразилия, страна, в которой, в общем-то, капитализм в той или иной форме существует бог знает сколько времени, до сих пор по ВВП на душу — 80% от России, в которой капитализм совсем молодой? Я еще раз обращаюсь к Китаю. Никакая конфуцианская культура не спасла Китай от революции большого скачка, т.е. они продемонстрировали такую же незрелость, которую систематически демонстрируем мы в проведении реформ. Но научились, в какой-то момент обучились. Историю нужно делать эффективно. Вот, может быть, и в Индии, и в Бразилии причины ровно эти, а не какие-то другие. Спасибо.

Василий Михеев:

Если вы говорите про Китай, то тут сыграл роль фактор страха, страха руководства страны после смерти Мао, что придет агрессивная группа во главе с его женой, «банда четырех», и в стране начнется гражданская война. А дальше встал вопрос, как обеспечить в стране стабильность. И нашелся человек, который учился во Франции, Дэн Сяопин, сказавший, что надо дать крестьянам свободу труда, хоть маленькую. Дали крестьянам маленькую свободу труда. При чем тут цивилизационные различия, я немножко не понимаю.

Сергей Лунев:

Я хотел бы еще раз остановиться на цивилизационных отличиях Индии. После завоевания независимости казалось, что республика не сможет избежать страшных катаклизмов. Британская империя оставила Индию в ужасающем социально-экономическом положении. Представлялось также, что многонациональность Индии, где к индоарийской группе принадлежат девять народов, у которых численность превышает 10 млн человек, к дравидийской группе — т.е. расово отличной — четыре подобных народа (а есть еще австроазиатская и сино-тибетские семьи, каждая с численностью населения среднего европейского государства), обязательно приведет к распаду государства. Однако за 50 лет развития особых катаклизмов в Индии не произошло, и страна дает нам один из немногочисленных для Востока примеров демократического развития.

Для индийской цивилизации свойствен срединный путь — развитие по широкому полю, но довольно далеко от чисто коллективистского и индивидуалистского векторов. При всех существенных отличиях от западной модели именно определенная близость к западной цивилизации по подходу к фундаментальным

проблемам и позволила Индии установить политическую систему, которая по сравнению почти со всеми странами Юга наиболее соответствует большинству западных параметров.

В Индии с ее низким уровнем социально-экономического развития не могли бы прижиться элементы западной демократии, если бы они уже не были заложены в цивилизационном комплексе. Например, уже 3 тыс. лет назад в Индии существовали «панчаяты» — самоуправляющиеся общины. Общины были во множестве стран, но нигде, пожалуй, вмешательство государства в их дела не было столь ограничено. В индийской истории было меньше социальных конфликтов по сравнению с другими социумами, что связано, в первую очередь, с индуизмом. Большую роль играет и то, что индийской цивилизации присуща эволюционность развития. Важно также, что в Индии колониальный период существенно ослабил ощущение своего превосходства и восприятие других как «варваров». Сейчас индийцы с готовностью воспринимают необходимость адаптации к своим условиям мирового опыта различных типов. Немалое значение имели и методы колониального управления Индией.

В условиях политической демократии правящие круги страны были крайне ограничены в своих действиях. Они не могли грабить собственную деревню, как это было в Китае, распоряжались значительно меньшими финансами, были не в состоянии навязывать свою волю всему обществу. В результате Китай, начиная развитие с того же уровня, что и Индия, добился больших экономических успехов, несмотря на провальные периоды, связанные с «экспериментами» коммунистических властей. При этом ситуация в будущем может, конечно, измениться.

Владимир Давыдов:

У меня есть некая гипотеза. Мне кажется, что разные цивилизации по-разному приспосабливаются к определенным стадиям технологического развития. Мне кажется, то, что произошло с Японией, и то, что произошло с Китаем, — некое подтверждение этой гипотезы, потому что переход от индустриальной эпохи к постиндустриальной продемонстрировала в определенном отношении Япония и целый ряд близлежащих стран. Что касается сугубо индустриальной эпохи, то тут, скажем так, Китай и Индия продемонстрировали, что они не очень хорошо адаптировались к этой ситуации. Еще мы знаем, что до индустриализма лидировали те же Китай и Индия. Это одно объяснение.

Второе объяснение касается Латинской Америки. Там три основных цивилизационных ареала. Я не придерживаюсь точки зрения, что существует латиноамериканская цивилизация. Они очень отличаются. Аргентина, Уругвай — это одно. Это больше Европа, как я говорю, чем сама Европа, потому что это этнически в большей степени Европа. Гаити — это Африка. И есть индейские страны — это Боливия, Эквадор, Гватемала и частично Мексика. Стиль политики, даже стиль бизнеса, существенно отличается. Я не готов сказать, что вот это плохо, а вот это хорошо. Но хотел бы параллельно обратить внимание на другие обстоятельства, связанные с тем, что в этих таблицах не отражено, однако происходит в самое последнее время в Латинской Америке. Происходит следующее: уже 4 года Аргентина развивается китайскими темпами, но

и не совсем китайскими, по 8–9% прироста ВВП ежегодно. В Бразилии сейчас чуть больше 5%. И краткосрочные прогнозы говорят о том, что темп может удерживаться или даже возрасти. Я думаю, что в Латинской Америке есть резервы для довольно высоких темпов роста. Поэтому нужно обратить на это внимание. Спасибо.

Дмитрий Катаев:

У меня ко всем выступавшим такой вопрос. Россия отличается от Западной Европы прежде всего мощным бюрократическим классом, слоем, верхушкой, которая определяет и политику, и экономику, и подчиняет себе все. В Китае, наверное, такой же мощный бюрократический аппарат, класс. А в Индии, в Бразилии? Много ли у России в этом смысле общего с данными странами? Спасибо.

Василий Михеев:

Я согласен, что в Китае очень мощный бюрократический аппарат, проблема коррупции стоит не менее остро, чем у нас. Другое дело, что с ней борются более решительно, видят ее, не прячут ее. Это преимущество. А все остальное очень похоже, а может быть, даже и сильнее.

Сергей Лунев:

В Индии тоже существует очень сильная бюрократия. С одной стороны, функционирует мощная гражданская служба, созданная еще британскими властями и работающая на высшем мировом уровне. С другой стороны, остро стоят и проблемы коррупции. Правда, часто она принимает несколько другую форму. Там чиновник берет взятку не за то, что решает дело в твою пользу невзирая на законы, и не за ускорение процесса рассмотрения, а за то, что сидит за столом, который бизнесмен обойти не может. Взяткой в Индии это не считается, это — подарок, бакшиш.

Надо также добавить, что в Индии на деле существует независимая судебная система. За получение взяток под суд попадают самые высокопоставленные лица, включая премьер-министров, и иногда суды доводят дело до конца.

Владимир Давыдов:

В Бразилии тоже весьма влиятельная бюрократия. И там значительная коррупция, но в рамках этой коррупции есть правила игры. Их знают. Может быть, это несколько лучше, чем в других случаях.

Евгений Ясин:

Я могу прокомментировать. Я не знаю точно про Бразилию, но меня очень заинтересовала система власти в Египте. Мне кажется, чем-то похоже. Харрисон писал про Латинскую Америку, что очень характерная черта ее — фамилизм, клиентелизм. В Египте министром назначают главу какого-то большого клана, и он имеет право и обязанность кормить свой клан. Это, с моей точки зрения, отражение определенного периода в развитии. Феодализм всюду разный, но он во многих странах в таких проявлениях еще живет.

Игорь Липсиц:

У меня вопрос к Василию Васильевичу по поводу тезиса, который был озвучен Евгением Григорьевичем, что Китай копирует, а Индия создает. Мы наблюдаем огромные масштабы подготовки Китаем специалистов во всем мире. Они готовят гигантскую массу. Можем ли мы полагать, что в рамках БРИК Китай станет еще интеллектуальным центром, доминирующим в мире, не просто копирующим, но и создающим?

Василий Михеев:

Я думаю, со временем да. Я думаю, что это вопрос развития фундаментальной науки. Конечно, в Китае она пока значительно отстает и от нашей, и от американской. Другое дело, что китайцы стремятся копировать, насколько это возможно, лучшее. Другое дело, что им это не всегда позволяют их партнеры. Это создает для них дополнительные резервы роста. А что касается специалистов, вы правильно сказали, что огромные армии людей направляются на учебу, прежде всего в Штаты, в Европу. Но, что интересно, это новая тенденция последнего времени, что раньше они там оставались, не возвращались, а сейчас молодежь стала возвращаться в Китай на работу. Мотивация очень простая: «Каким бы я умным ни был, на американской фирме подняться выше определенного уровня мне не дадут, я китаец. Я приезжаю в Китай, буду получать чуть меньше, но зато на совместной фирме, или в правительстве, или на частной китайской фирме я смогу пойти вверх». Вот этот момент.

Евгений Ясин:

Еще один интересный момент, который я обнаружил. Я прочитал у Фарида Закарии, что однажды к Индире Ганди обратился член парламента. Он спросил: «Скажите, пожалуйста, госпожа премьер-министр, почему для того, чтобы добиться успеха, индийцы должны выезжать из страны, и за пределами Индии они добиваются очень больших успехов и в науке, и в бизнесе? Почему вы не можете создать такие условия в нашей стране? Мы что, все должны выехать?»

Теперь про Китай. Я не знаю, за какой период, но китайцев, которые получили Нобелевскую премию, девять человек. Больше, чем индийцев, и больше, чем русских. Но все они прожили всю жизнь в Америке. Почему я об этом говорю? Это влияние культуры. Потому что выделиться, добиться личного успеха, сделать какое-то открытие в этих странах трудно. Может, в Индии меньше, но в Китае труднее. Я даже не беру Китай, я возьму Японию. Ее социальную структуру, в которой господствует иерархия, пусть неформальная. Не в том смысле иерархия, кто старше, начальник, а какая-то невидимая система: этому надо кланяться, этого надо спросить. Это интересное свойство, поэтому я бы с выводами относительно инновационных талантов китайцев был осторожен. Они же живут у себя в стране.

Виталий Мельянецов:

Евгений Григорьевич, довольно любопытным мне кажется то, что Вы пытались разложить на факторы составляющие успеха — по крайней мере всех трех стран, которыми Вы занимались. Понятно, что их успех начался на рубеже

1970–1980-х годов. Все элементы, связанные с демократией и эволюционными возможностями, существовали и раньше.

Вопрос заключается в том, думаете ли Вы, что все-таки полезно, как и делается в некоторых регрессиях, правильно ли придавать значение таким составляющим, как открытость, которая наступила во многих из этих стран? Политическая стабильность, открытость и правильная экономическая политика в том смысле, что стремились уменьшать дефицит бюджета, обеспечить очень неплохой уровень инфляции. И каждый из этих факторов тянет примерно на полтора пункта. Что касается вот этой эффективности, которая была зарисована здесь на доске, она абсолютно не имеет место быть. В книжке, которую Василий Васильевич редактировал и держит у себя и у Вас на столе, об этом не было сказано, но на самом деле и Хуан Ган, и многие другие считали, что это не так трудно сделать.

В Китае примерно полтора, а не три или четыре пункта роста эффективности. В Китае происходит исчерпание роста эффективности. Передислокация ресурсов, о которой говорили, раньше тянула примерно треть из деревни в город, а теперь это примерно одна шестая, и процесс идет по затухающей. В Индии этого вообще не получается, потому что там под 60% занято в сельском хозяйстве, в Китае сейчас где-то 43%. В Китае произошел гигантский рывок. Что будет? Посмотрим, что еще будет. Вот Андрей Николаевич считал. Это уровень Кореи и Тайваня. Начало 1950-х годов. Давайте поживем и увидим. Да, там много проблем, рисков и вызовов. И у них будут колоссальные проблемы. На самом-то деле в Индии все то же самое почти, что в Китае, — 0,38–0,4 дифференциация. Очень быстрым темпом растет Индия. Мы все о ней сейчас очень хорошо говорим. Но не забывайте, что Китай еще дальше пошел вперед.

Инфраструктурный момент. Во всех этих прибрежных зонах в расчете на душу населения примерно в 10 раз больше инфраструктуры, чем в Индии. Это я условно говорю. Вот такие факторы. Вы принимали в расчет, Евгений Григорьевич, эти составляющие?

Евгений Ясин:

Я ничего не считал. Я признаю с самого начала, что просто пользовался материалами конференции. Я считал, что будет интересно для начала дискуссии их огласить, и самые интересные моменты выделял. А специально сам не считал. Я еще раз подчеркиваю, что меня в большей степени волнует именно влияние фактора культуры. Не потому что я пренебрегаю политическим режимом, политикой реформ и т.д., просто я считаю, что мы этот фактор недооцениваем. И даже тогда, когда мы строим прогнозы на будущее для Индии, Китая и для России.

Андрей Илларионов:

Мне кажется, что мы уже переходим к стадии, когда вопросы перемешиваются с комментариями. Если позволите, у меня три комментария. Первый касается эволюции дискуссии в России на темы международных сравнений. Я вот лично припоминаю, что начал участвовать в подобного рода дискуссиях в академии и в различных академических институтах, наверное, с начала 1980-х годов. И очень

хорошо помню, с кем тогда сравнивали Советский Союз: с Соединенными Штатами Америки, Федеративной Республикой Германией, Великобританией, Францией, в крайнем случае с Японией. А то, что мы обсуждаем сегодня, показывает, с моей точки зрения, несомненные результаты экономического развития последних 30 лет. И неслучайно в той таблице, где Вы указывали среднегодовые темпы экономического роста, упомянуты Китай, Индия, Бразилия.

Вы политически корректно не упомянули Россию. С другой стороны, возможно, в силу той самой открытости, о которой говорили, которая затронула не только Китай и Индию, но и Россию. Видимо, это более реалистичное представление о месте нашей страны в окружающем мире, и отсюда сопоставление нашей страны со странами, которые более сопоставимы по многим параметрам, чем некоторые другие страны, с которыми мы проводили сопоставление несколько раньше.

Второе соображение связано с названием семинара. Я воспроизведу его еще раз: «Перспективы стран БРИК. Особенности России в мировом контексте». Если я правильно слышал все, что сказали, мне не показалось, что у нас было интенсивное обсуждение особенностей России в мировом контексте. Что касается первой части, то действительно обсуждение стран БРИК было, хотя некоторые вопросы, касающиеся перспектив, тоже остались открытыми.

В связи с этим мой третий комментарий — по поводу самой аббревиатуры БРИК и самой этой группировки. Все, что здесь было сказано всеми уважаемыми участниками, и то, что здесь было показано, включая последнюю таблицу, которая по-прежнему на экране, а также многое другое, что здесь не сказано, но что традиционно относится к числу довольно важных факторов определения группировок и процесса классификации, говорит о том, что такой группировки, как БРИК, нет — ни экономической, ни социальной, ни политической, ни географической. Никакой. Это некая фантазия уважаемых коллег из «Голдман Сакс», подкрепленная определенной удачной пропагандой, под которой никаких серьезных научных оснований нет. Какой бы фактор мы ни взяли, как бы к ним ни относиться — культуру, цивилизацию, структуру, уровень экономического развития, систему политических институтов, иных институтов. Даже размеры населения показывают, насколько разные эти страны. Собственно говоря, ни по одному из этих параметров сходств нет.

Поэтому если что-то и можно обсуждать на более глубоком уровне, то, возможно, это сравнение в какой-то степени России с Бразилией и Китая с Индией. Неслучайно ответом на аббревиатуру БРИК стала недавно новое словообразование «Чиндия». И, учитывая соотношение сил в этой паре, правильнее было бы сказать «Чиния». Там сопоставление интересное.

Конечно, это не означает, что из этих сопоставлений нельзя извлечь интересных и полезных выводов для нашего собственного развития. Но, мне кажется, то, что здесь было показано, говорит о том, что такой группировки нет. И если мы хотим извлекать какие-то выводы для нашего собственного развития, нам следовало бы использовать не такой групповой подход, а исходить из того, на чем мы постоянно срывались: особенности экономического роста, структурных изменений, экономической политики, институтов, легальных институтов, политических институтов. И анализировать, в какой степени

тот или иной набор институтов или институты, или иные элементы экономической политики способствуют или не способствуют экономическому росту, разнообразным перспективам.

И отдельный вопрос: насколько эти элементы, институты могут быть совместимы на пространстве нашей родной страны? Спасибо.

Евгений Ясин:

Я хочу сделать замечание. На что я обратил внимание, предположим, анализируя совместно Индию и Китай? Кстати говоря, так у меня и получалось: я сопоставлял Индию и Китай, Бразилию и Россию в большей степени, чем все эти четыре страны вместе. Объединение этих четырех стран обозначает беспокойство западных стран, что данная группа по совокупному ВВП опередит «большую семерку». И ничего невозможного в этом нет.

Но на что я обратил внимание: скажем, Индия и Китай используют все же разные модели. Так это или не так, нужно глубже разбираться. Но разные модели. Индия в большей степени ориентируется на открытую рыночную экономику, и если там есть какие-то границы, то они внутри страны больше, чем между открытым рыночным сектором и мировой экономикой. Я бы сказал, что у Китая в каком-то смысле более органичное развитие: у них иерархия как сложилась исторически, так и действует снизу доверху, но она более проницаемая. Там нет ограничений типа кастовой системы, вы можете двигаться, но, конечно, не без жертв, потому что в города пускают дозированно, и т.д. Но в принципе мне она представляется более органичной, хотя бы потому, что они не стремятся уже сейчас достигать самых лучших образцов, создавать инновации.

Китайцы стремятся, чтобы их продукция была не хуже продукции конкурентов. И поэтому, скажем, китайские ноутбуки продаются в Соединенных Штатах. На этом рынке возникло интересное обстоятельство: только, по-моему, одна мировая компания, Sony, сохранила свой бренд. Все остальные поснимали, потому что покупатель перестал различать другие фирмы. Китайцы по качеству не хуже, хотя ничего принципиально нового они не создают. Вот такая ситуация. Будут ли изменения в будущем — это, конечно, интересный вопрос.

Елена Гусева:

Есть ли долгосрочные прогнозы по двум странам, Китаю и Индии, где самое большое количество населения по обеспечению внутренними ресурсами, по продовольствию?

Василий Михеев:

Сейчас в ИМЭМО выходит наш прогноз мирового развития до 2020 г. Там эта тема и в отраслевом прогнозе содержится, и отчасти в разделе по Китаю.

Елена Гусева:

Такой демографический фактор, как смертность, здесь как-то коррелирует с обеспечением продуктами первой необходимости?

Сергей Лунев:

Голода как такового в Индии нет. Население было обеспечено продуктами питания после завершения «зеленой революции» — внедрения новых сортов семян, новых удобрений и т.д. В отдельных штатах (очень многое в Индии происходит анклавно) прошла коренная модернизация сельского хозяйства включая создание фермерских хозяйств. Темпы рождаемости в Индии за последнее время очень существенно сократились, так что прирост населения будет не столь велик. По мере роста среднего класса будут расти потребности Индии в продовольствии, но этот процесс будет эволюционным. Индийские власти очень жестко защищают свой внутренний рынок от ввоза сельскохозяйственных продуктов, что говорит о том, что они не предвидят серьезных проблем в данной сфере.

Евгений Ясин:

Могу добавить по Китаю то, что мне известно. В прошлом году Китай импортировал продовольствия на 14 млрд долл. Впервые за всю историю, потому что в Китае веками была другая политика. Если нет урожая, пускай люди мрут. Там не считалось, что продовольствие надо закупать. Там, мне кажется, этот процесс только начинается. Сельское население убывает. Обеспечить с помощью современной сельскохозяйственной техники производство продовольствия в таких масштабах на меньших площадях нельзя, потому что там очень низкая производительность, но очень высокая урожайность. Это древняя культура. Я как-то спрашивал некоторых специалистов, они не обращали внимания на это обстоятельство.

Василий Михеев:

Буквально два слова. Происходит большая эрозия почв. Сокращаются размеры пахотных земель. 10 лет назад китайцы пересмотрели свой подход к проблеме продовольственной безопасности. До этого никакого импорта не было, полное самообеспечение. Сейчас считается, что если до 10% импорта зерна, то ничего страшного в этом нет, на практике больше. На юге Китая в развитых провинциях едят тайландский рис, потому что он лучше.

Дмитрий Суслов:

Два очень коротких замечания и один вопрос. Первое мое замечание очень четко выразил Андрей Николаевич в своем третьем замечании, поэтому я только дополню, что нет такой единой группировки, как БРИК. Но, скорее всего, если мы посмотрим на одну из ключевых осей этого БРИК, а именно Индию и Китай, то здесь экономическое и внешнеполитическое соперничество в обозримой перспективе явно будет преобладать над сотрудничеством и взаимодополняемостью. Кроме того, поскольку вообще понятие «БРИК» предполагает страны динамично развивающиеся, идущие по индустриальному пути развития, очень странно наблюдать здесь Россию, особенно в последнее время, как страну, которая идет несколько в ином направлении. Это первое.

Второе. Возвращаясь к табличке, которая сейчас выведена на экран. Очень политкорректно Евгений Григорьевич с присущим ему политическим чутьем и

опытом работы в правительстве в том числе, называл институты и культуры надеждами. Но если мы будем отталкиваться не от надежд, а от тенденций, то мне как раз представляется, что и институты, и эффективность правоохранительных органов, эффективность пенсионной реформы, налоговой системы, таможенной и культуры, даже если мы сопоставляем с китайскими... Россия сейчас точно проигрывает Китаю, а что касается Индии — не знаю. У меня вопрос. Согласен ли господин Лунев с гипотезой Евгения Григорьевича, что России в ее нынешних условиях легче идти по постиндустриальному пути развития или хотя бы иметь долю в экономике в виде постиндустриальной экономики, чем Индии и Китаю? Спасибо.

Василий Михеев:

Мой ответ такой: я не могу ответить в категориях «легче — тяжелее». Я могу ответить, что у России есть шанс. И все здесь зависит от того, как будут думать и действовать люди, которые принимают решения, и те, на кого они опираются при разработке решений.

Сергей Лунев:

Я полностью согласен с Василием Васильевичем. С моей точки зрения, у Индии и Китая таких шансов нет, а у России есть. А насколько это будет реализовано, сказать, конечно, сложно.

Многие недовольны термином «БРИК», но он лучше, чем «РИКИ». Вы знаете, что сейчас некоторые эксперты добавляют Иран к треугольнику Россия — Индия — Китай и изображают победу мангуста Рикки Тики Тави, который душит мирового змея.

Игорь Яковенко:

Я зафиксирую сам сегодняшний заход о значимости цивилизационного фактора в экономике. Я цивилизационист. И эти вещи важны для меня. Но что мы должны зафиксировать. Сегодня не сложился язык для объективированной компаративистики разных цивилизаций. Поэтому уважаемые докладчики говорят про Индию в одних терминах, про Китай — в других. Это такое состояние науки, и тут ничего не поделаешь. Что я хочу в связи с этим сказать. Для сопоставления, например, важно было выделять стадийные составляющие: вот какое количество людей грамотных/безграмотных в процентах в обществе. Это вещь вполне считаемая.

Совершенно другое дело — качество культуры. Скажем, Япония — страна традиционно интенсивная. Она из маленького клочка выжимает максимум. А исламский мир традиционно экстенсивный. Это принципиально другая стратегия. И Россия экстенсивная страна. Еще есть глубина культуры. Одно дело, когда у тебя сто поколений вписано в государственную цивилизацию. Вот я убежден, что в Индии рывок связан с возрастом цивилизации и с ее качественными характеристиками. С духовной составляющей, с тем, как она была проработана. Потому что у них прекрасно получается. В свете всего этого, конечно, я качественных характеристик, позволяющих России сделать рывок, не вижу. Спасибо.

Евгений Ясин:

Я хочу сразу сказать, что можно, конечно, смотреть на наше поколение так мрачно, видеть здесь только одни недостатки и, так сказать, предрекать полный провал, упадок и т.д. Но я в общем не вижу таких оснований. Я как раз хотел показать, что выход есть, но это тяжелый выход. Мы можем им воспользоваться, а не воспользуемся — тогда придется соглашаться с мрачными выводами. Но еще рано.

Владимир Ядов:

Я из другого клана или касты. Мне как социологу было очень интересно. Я нахожусь под впечатлением другой концепции и тоже, в конце концов, от экономистов идущей. С чем они связывают выход из колеи? В основном связывают со сменой институтов и переменами в культуре, потому что культура и социальные институты — это почти один синдром. И Вы считаете так же. Все эти страны, может, они и искусственно объединены, но относятся к определенной институциональной матрице. Культурные разные. Какая там, к черту, демократия? От того, что в Индии низшие касты могут выбирать — политическая демократия? Но там же нет уважения прав личности! Что, демократия сводится к тому, что я могу поднять руку? Нет. Надо обсуждать, что есть демократия. Там, где уважаются права личности, закон, где нет коррупции. А не просто за тысячу верст приехать, обойти крокодилов и проголосовать. Это не демократия.

Мой вопрос тогда. Если это так, если колея есть колея, если выходы из нее связаны с радикальными, парадигмальными изменениями, то когда это возможно и возможно ли? Я знаю, что Вы оптимист, и я сердцем тоже, но не умом.

Евгений Ясин:

Во-первых, я не вижу разницы между тем, что говорилось здесь, и тем, что пишут Норт и другие институционалисты. Это примерно в русле одних и тех же размышлений и примерно одна и та же методология. Для меня Path Dependency — это примерно то же самое, что культура. Просто мы все понимаем, что это все разные пути, разные культуры, и они налагают отпечаток на наше развитие.

Я читал Харрисона, он много внимания уделил Бразилии. Он говорит, что там есть определенный характерный для этой культуры способ распоряжения властью. Что имеется в виду? Во-первых, если ты уже получил власть, то никого к ней больше не подпускай.

Второе. Если ты получил власть, ты не должен оттуда уйти бедным. И Харрисон предлагает посмотреть, кто из латиноамериканских государственных деятелей покинул свой пост бедным. Вы такого не найдете. Мне кажется, это важно. Хотите — называйте коррупцией, но это на самом деле не просто коррупция, вам от нее не так просто избавиться. Как, скажем для сравнения, на Тайване. Я читал работу одного канадца. Он исследовал, как там изжили коррупцию на таможне. А вот как в Бразилии при такой организации сделать то же самое — я себе с трудом представляю. Это все, что я могу сказать. Было бы движение. Потому что, с моей точки зрения, движение, которое бы в вопросах такого рода определялось бы только какой-то избранной экономической по-

литикой, имеет очень мало шансов на успех. Потому что это не вопрос одной только политики.

Политика должна задать определенное направление и отойти в сторону, потому что должны работать какие-то внутренние механизмы. Но не совсем отойти в сторону, когда надо где-то подтолкнуть. Однако она не может все время торчать над головой, потому что это само по себе давящий фактор, у вас ничего не будет получаться. А ведь на самом деле культура формируется только так. Но если вы все время стоите с молотом над головой, то такая культура и получится.

Владимир Ядов:

Культура вообще-то чрезвычайно консервативна. Это и доказывать не надо, потому что это азы для социолога. Культура имеет женские функции: она сохраняет, а экономика, наоборот, толкает. Но есть различия. Вы говорите, что культура и институты — это примерно то же самое. И да, и нет. Потому что социальные нормы и правила рассматриваются и в культуре, и когда речь о культуре идет как о содержании, о смыслах. А когда мы говорим о нормах и правилах в рамках институционального анализа, о средствах поддержания этих норм, о санкциях — это не совсем одно и то же, но, действительно, связано.

Илья Суздальцев:

Василий Васильевич, вы назвали цифру — 70 тыс. протестных выступлений в Китае только в прошлом году. Удивительная цифра. Впервые слышу.

Василий Михеев:

Это официальные данные. В том-то и дело, что они только 2 года назад начали их публиковать.

Илья Суздальцев:

У меня вопрос в связи с этим. А вообще возможна новая революция в Китае в такой ситуации?

Василий Михеев:

Евгений Григорьевич сегодня упоминал нашу книгу. Там есть две последние главы. Как мы их сделали? Авторский коллектив собрался и провел две мозговые атаки на одну тему: будет кризис в Китае или его не будет. И вот вывод: Китай вообще живет постоянно в условиях кризиса того или иного рода. Однако сила его руководства не в том, что кризисов нет, а в том, что до сих пор удается находить рецепты их разрешения, которые не останавливают развития.

Однако кризис возможен при двух условиях. Первое — наложение одного кризиса на другой в нескольких областях, например, в социальной, финансовой, банковской сферах. И второе обязательное условие — наличие «взрывателя», внутреннего или внешнего. Мы пришли к выводу, что наиболее вероятные «взрыватели» — это внешние финансы, допустим, глобальный мировой финансовый кризис или азиатский кризис. И для Китая, это его особенность и специфика, внешнеполитический «взрыватель» — это Тайвань.

Евгений Ясин:

Я скажу еще об одном своем впечатлении. Я, когда был в Китае, имел возможность посетить несколько научных учреждений и полуофициальных, не политических, организаций, где обсуждали экономические вопросы. Мне дискуссия, которая там проходила, напомнила наши 1980-е годы. Я подумал, почему весь мир показывает пальцем на Китай и говорит: «Посмотрите, как надо, посмотрите — люди же могут». А они недовольны, они там все время размышляют, что все это может кончиться очень плохо. Именно эта обстановка напомнила наш ЦЭМИ, как он бурлил в 1970–1980-е годы. Это удивительно. Я просто подумал, что если они будут такими же дурными, как мы, что будет?

Виктор Полтерович:

Я просто хотел сказать про БРИК. Эти страны не соединены достаточной общностью, но они представляют собой очень яркие примеры разного развития. И в этом смысле изучать их совместно интересно. Мне кажется, что есть возможность действительно объяснить, почему эти страны развивались столь по-разному.

Мы попытались развить эту концепцию, и в прошлом году в «Вопросах экономики» было две статьи. Я просто скажу, в чем суть. Выделено четыре стадии, и на каждой определены характерные черты экономической политики, которые приводят, при последовательном применении, к быстрому развитию. Приведено это на примере быстро развивающихся стран: Японии, Тайваня и т.д.

И вот что очень важно, с этой точки зрения, — не забегать вперед, не пытаться применять политику следующего этапа и не опаздывать. Каждый раз, когда страна пытается применить слишком передовую политику или опаздывает в переключении, она сталкивается с замедлением роста.

В этом отношении Китай — страна, которая удивительно умеет переключаться. Это, кстати, в сегодняшнем выступлении тоже прозвучало, что поразительно вовремя переключается. Когда исчерпывается определенный тип политики, Китай находит новый правильный переход. В частности, один из принципов состоит в том, что не нужно преждевременно браться за инновационное развитие. Во всех быстро развивающихся странах сначала был период имитации, очень бурной имитации, а потом только начинался инновационный период. В этом смысле Индия забежала вперед. Она сначала отставала, она на этапе импортозамещения, кстати, застряла надолго после войны. Были очень высокие импортные тарифы. Она делала ставку на импортозамещение и застряла на этом этапе, а нужно было переходить на политику экспортной ориентации вовремя. Индия этого не сделала. Сейчас она перешла на эту политику, частично по крайней мере, и добилась определенных успехов. Но переход на инновационное развитие для Индии, по-моему, — совершенно неперспективная идея. Ей надо было бы как раз заниматься имитацией. И между прочим, России тоже.

Но вот я хотел сказать, что если посмотреть на эти правила переключения, то можно выстроить некую концепцию, касающуюся этих четырех стран, в том числе включить сюда и культурные факторы, потому что именно от них зависит, в какой момент переключаться. Преждевременное введение демократии, формальной, я имею в виду, демократии, не той хорошей демократии, о которой Вы

говорили, а формальной, может навредить. И я думаю, что в этом отношении в Индии преждевременное введение формальных демократических процедур на самом деле замедлило ее развитие. А вот для Китая это серьезная проблема, которая его ожидает в будущем, потому что переключаться так или иначе надо, и как это сделать, когда Компартия не хочет уступать место? Вот это критический на самом деле момент в развитии Китая.

Евгений Ясин:

Единственное, если мы применим здесь еще вашу идею имитации, то там в первое время будет имитация демократии, а это ничего страшного.

Наталья Смородинская:

У меня вопрос почти хрестоматийный. О надежде. Но не столько в цивилизационном смысле, сколько в геополитическом. Есть такой известный тезис, и я с ним совершенно согласна, что России лучше все-таки быть индустриальным придатком постиндустриального развития, чем сырьевым придатком индустриального Китая. Вот вопрос на самом деле очень серьезный, его поднимают. Вот с точки зрения надежды. У меня вопрос прежде всего к Евгению Григорьевичу, а также к остальным докладчикам. Можем ли мы связывать российские надежды действительно все-таки с большей интеграцией с Европой?

Евгений Ясин:

Я бы сказал, что расчет на то, что мы будем индустриальным придатком Европы, по-моему, в основном закрыт ускоренным развитием Китая и Индии. Мы с ними конкурировать не сможем, хотя наши специалисты по рынку труда ушли и ничего не сказали. Но мне все-таки кажется, что фактор дешевой и качественной рабочей силы является в данном случае решающим. У меня очень большая тревога. Мы провели исследование, в результате которого выяснилось, что у нас предприятия имеют наилучшие условия выживания в глубинке, где их никто не может достать, они ни с кем не конкурируют и им ничего не надо. А вот автомобильная промышленность после того, как китайские автомобили проникнут на наш рынок, кончится. Поэтому я не знаю, что будет с индустрией. А насчет Европы я считаю, что это генеральное направление, с ней нужно интегрироваться. Я бы сказал так, что Россия должна прийти в Европу, но только более либеральной, чем Европа. Потому что в том виде, в каком она сейчас есть, она Европе не больно нужна, не считая энергоносителей.

Василий Михеев:

И должна прийти туда раньше, чем туда придет более либеральный Китай.

Евгений Ясин:

Совершенно верно. Спасибо большое.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Прогноз Всемирного банка по темпам роста экономики и населения в 2005–2020 гг., среднегодовые проценты

Цивилизации и страны	ВВП	Население
<i>Европейская цивилизация</i>		
Европейский союз — 25 и Ассоциация свободной торговли	2,3	–0,1
США	3,2	0,7
Канада	2,6	0,4
Страны бывшего СССР	3,2	–0,1
<i>Восточноазиатская цивилизация</i>		
Япония	1,6	–0,2
Китай	6,6	0,6
Корея	4,7	0,3
Вьетнам	5,4	1,1
Филиппины	3,5	1,5
<i>Южноазиатская цивилизация</i>		
Индия	5,5	1,1
Остальные страны Южной Азии	5,0	1,7
<i>Латинская Америка</i>		
Бразилия и Аргентина	3,6	1,0
Мексика	3,8	1,4
Остальные страны Латинской Америки	3,3	1,3
<i>Исламская цивилизация</i>		
Ближний Восток и Северная Африка	4,1	1,6

Таблица 2. Душевой ВВП, долл. США

Страна	1980 г.	2004 г.	% в год
Бразилия	6,380	7,801	0,84
Китай	1,069	5,150	6,77
Индия	1,159	3,097	4,18

Таблица 3. Неравенство

Страна	Коэффициент Джини, %	Доля 20% богатых в потреблении	% населения с доходами ниже 1 долл. в день
Бразилия	58,0 (2003)	62,0	7,5 (2003)
Китай	44,7 (2001)	50,0	16,6 (2001)
Индия	32,5 (2000)	43,3	34,7 (2000)
Россия	39,9 (2002)	46,6	< 2,0 (2002)

Таблица 4. Производственная функция Китая

	1978–1993 гг.	1993–2005 гг.
Среднегодовой темп ВВП	9,7	9,5
Факторы:		
– капитал	8,9	11,8
– труд	2,5	1,1
– TFP	3,8	3,0

Таблица 5. Сбережения как доля ВВП

	Китай (2005)	Индия (2004)	США (2002)	Япония (2002)	Мексика (2001)
Всего	41,7	28,3	14,3	25,5	20,8
Домашние хозяйства	46,0	22,0	4,8	8,2	8,0
Предприятия	20,0	4,8	10,3	19,4	10,6
Правительство	5,7	1,5	–0,9	–2,2	2,2

Рис. 1. Доля китайского экспорта и иностранные инвестиции

1991 г. — открытие индийской экономики для ТНК
в целях борьбы с инкубаторными олигархами

Результаты:

- «Тата-Моторс» — самый дешевый автомобиль
- «Баджадж» — вытеснение «Хонды» с рынка мотоциклов
- «Инфозис» — мировой производитель софта

М. Патипандла:

Китай — темп ВВП — 8–9%, сбережения — 45% ВВП.
Заимствование образцов

Индия — темп ВВП — 7%, сбережения — 20% ВВП.
Собственные инновационные продукты

Рис. 2. Различные пути: китайцы заимствуют, индийцы изобретают

Источник: Economist, 16.12.2006.

Таблица 6. Прогнозный расчет последствий роста экспорта Китая и Индии для мировой торговли (2020 г. к 2005 г., изменение доли, %; вторая строчка — с учетом повышения качества)

Цивилизации и страны	Группа товаров					
	Лес	Минералы	Химическая продукция	Металлы	Машины и оборудование	Электроника
ЕС — 25 + Ассоциация свободной торговли	0,0 +0,8	-0,4 -0,5	-1,8 -3,0	-0,7 -1,3	-2,4 -5,0	-2,5 -11,7
США	-0,2 +0,3	+0,1 +0,2	+0,9 +1,4	-0,7 -0,1	-2,5 -4,2	-3,5 -11,0
Китай	+41,6 +34,7	+36,8 +36,3	+42,9 +39,2	+38,5 +34,8	+37,6 +40,2	+35,8 +58,2
Япония	-1,1 -1,0	-1,0 0,6	-2,3 -1,4	-2,7 -1,9	-6,6 -9,0	-4,8 -10,7
Индия	+39,8 +32,1	+30,7 +33,9	+30,6 +33,1	+33,9 +34,0	+29,2 +41,5	+30,7 +36,5
Бразилия и Аргентина	-1,0 -0,9	-1,0 0,0	-2,0 -2,8	-3,2 -4,5	-4,5 -7,4	-3,1 -8,0
Мексика	+0,2 +1,2	+0,1 +0,8	+1,6 -2,0	+0,4 -3,2	-4,5 -7,4	-3,1 -8,0
Ближний Восток и Северная Африка	-0,7 -0,7	-0,5 +0,3	-5,8 -5,9	-6,6 -6,5	-8,3 -12,9	-7,2 -15,9
Малайзия	+0,6 +5,1	-1,3 +0,5	+1,9 +4,4	-1,6 +1,2	-4,6 -5,9	-0,2 -3,5
Страны бывшего СССР	-0,5 +0,8	-1,9 -2,2	+1,0 -1,6	-3,3 -2,9	-4,4 -7,0	-3,1

Таблица 7. Медленно поспешая

Среднегодовые темпы, %	Бразилия	Китай	Индия
1990–2004 гг.	2,0	9,4	5,7
2000–2004 гг.	2,3	8,5	5,7

Адаптация:

- 1) финансовая гибкость — снижение задолженности, финансовые инвестиции в непрофильные активы
- 2) рыночная гибкость — поиск рынков с лучшими ценами
- 3) производственная гибкость — аутсорсинг, рационализация, улучшение продукта без крупных инвестиций

Ж. Феррас:

«Приспособление к ситуации дает преимущества тем, кто способен в неблагоприятных условиях оттягивать до последней возможности сроки замены имеющихся мощностей, а также сопротивляться вложениям в основной капитал. Большие фирмы способны следовать этим правилам тем дольше, чем больше их размер, но и над меньшими фирмами не каплет. В результате внутриотраслевые разрывы в производительности нарастают годами».

Рис. 3. Бразилия: результаты стратегической неопределенности (неуверенность бизнеса, краткосрочность и реактивность политики)

Внутриотраслевое распределение предприятий по уровню производительности труда

Промышленность	Средняя добавленная стоимость на 1 занятого, тыс. руб./год		Соотношение лучшей и худшей группы, разы
	20% предприятий с самой низкой производительностью	20% предприятий с самой высокой производительностью	
Пищевая	27	636	24
Легкая	14	226	16
Дерево-обрабатывающая	25	604	24
Химическая	79	818	10
Металлообработка	30	707	23
Машиностроение	38	437	11
Электрическое машиностроение	53	483	9
Транспортное машиностроение	32	365	11

Эффективные фирмы длительное время сосуществуют с теми, кто явно не способен конкурировать на современном рынке

Рис. 4. Российская аналогия: результаты исследования ГУ ВШЭ

Таблица 8. Основные отрасли креативной экономики в мире и в США, млрд долл.

Отрасль	Мировая экономика	США	Доля США, %
НИОКР	545	243	44,6
Издательское дело	506	137	27,1
Программное обеспечение	489	325	66,5
ТВ и радио	195	82	42,1
Дизайн	140	50	35,7
Музыка	70	25	35,7
Кино	57	17	29,8
Игрушки и игры	55	21	38,2
Реклама	45	20	44,4
Архитектура	40	17	42,5
Исполнительские искусства	40	7	17,5
Ремесла	20	2	10,0
Видеоигры	17	5	29,4
Мода	12	5	41,7
Искусство	9	4	44,4
Всего	2240	960	42,8

Источник: Флорида. 2005. С. 62.

Таблица 9. Факторы развития и конкурентные преимущества стран

Факторы развития	Россия	Китай	Индия	Бразилия	Европа	Исламские страны
Трудовые ресурсы	–	+	+	+	–	+
Природные ресурсы	+	–	–	+	–	+
Капитал	v	+	+	+	v	v
Институты	+	v	v	v	+	–
Культура	+	v	v	v	+	–

(+) Конкурентное преимущество

(–) Ограничение

(v) Нет ограничений, но нет и преимущества

Сценарии развития России на долгосрочную перспективу

28 сентября 2011 г.

В Высшей школе экономики состоялось обсуждение доклада Евгения Ясина «Сценарии развития России на долгосрочную перспективу», предварительно изданного отдельной брошюрой и представленного на нашем сайте. Оппонировали докладчику Олег Вьюгин и Лилия Шевцова. В дискуссии также приняли участие Роман Доброхотов, Наталья Смородинская, Иван Стариков, Виктор Шейнис, Ирина Ясина и другие. Вел обсуждение вице-президент Фонда «Либеральная миссия» Игорь Клямкин.

Игорь Клямкин:

Сегодня нам предстоит обсудить доклад Евгения Ясина «Сценарии развития России на долгосрочную перспективу». Докладчик попросил меня выступить на этом семинаре в роли ведущего. С текстом доклада вы могли ознакомиться заранее, он размещен на сайте «Либеральной миссии». Отсутствие в аудитории свободных мест свидетельствует о проявленном к нему повышенном интересе. Сейчас нам будут представлены в наглядной форме основные положения этого доклада. Прошу вас, Евгений Григорьевич.

Евгений Ясин: «Наиболее желательным и наиболее вероятным вариантом модернизации является модернизация постепенная, с отложенной демократизацией».

Спасибо, дорогие друзья. Для меня большая честь и в то же время большая ответственность, я даже чувствую робость перед этой аудиторией. Я полагаю, что такое большое количество людей собирают только какие-то очень сильные ожидания, и это для меня большая проблема, так как я могу эти ожидания не оправдать. Но я буду стараться, как могу.

Должен сказать, что этот доклад подготовлен в связи с моим включением в команду по подготовке «Стратегии —

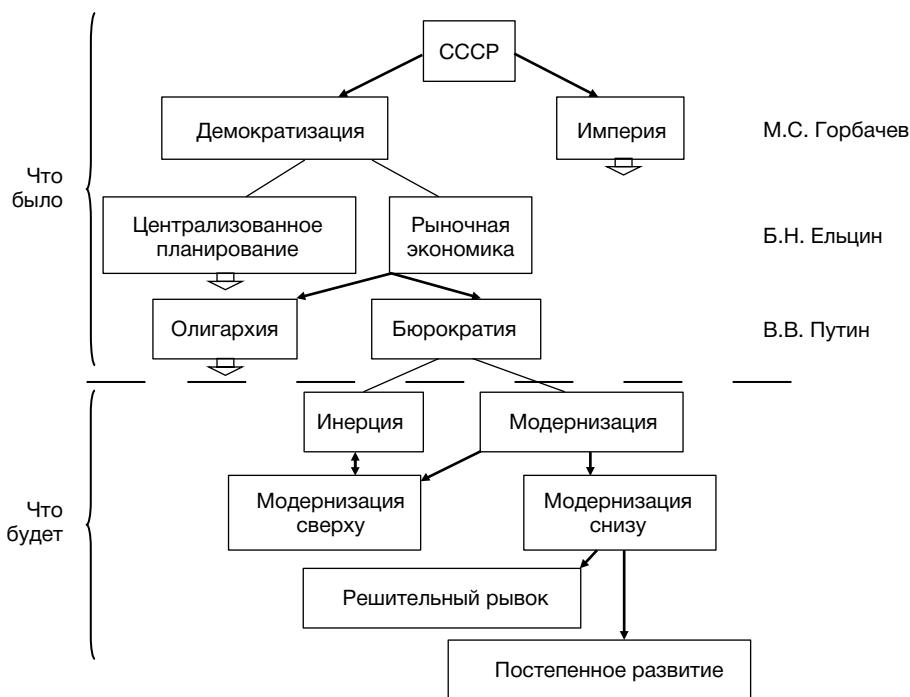

Рис. 1. Основные развилки и модернизация

2020», и у меня появилось ощущение, что если я заранее не выскажу свою позицию, то начиная с какого-то момента должен буду солидаризироваться с другими авторами. Даже тогда, когда мне этого не хотелось бы.

В то же время в моем докладе содержатся выводы, которые могут восприниматься таким образом, что я пошел на попятную и повторяю тезисы Дмитрия Анатольевича Медведева. Заранее предупреждаю, что это не так, я к этим выводам, которые представлены в докладе, пришел сам. Сейчас я готов с вами поделиться ими, выслушать критику и, может быть, поспорить. Потому что то, о чем я собираюсь говорить, мне представляется важным для предстоящего периода нашего развития.

Начну с того, что мы пережили в течение 20 лет важные развилки, некоторые из которых я пометил на этом рисунке (рис. 1).

Развилка в период Горбачева была между демократизацией и империей. Это всё мои выдумки, может быть, это всё выглядит не так, но в развитии ситуации, как я ее воспринял, определенная схватка была в этом. И империя, я так условно назову СССР, распалась из-за того процесса демократизации в период правления Горбачева, в период перестройки. От нее дальше пошли развилки. На мой взгляд, сам факт того, что демократизация не закончилась успехом, не означает, что ее не было.

Следом за демократизацией идет правление Ельцина, когда решался вопрос о том, централизованное планирование или рыночная экономика одержит

победу в нашей стране. Я так полагаю, что централизованное планирование благополучно закончило свое существование, и мы теперь живем в рыночной экономике. Нужно сказать, что этот тезис сталкивается с многочисленными возражениями. Многие говорят: какая, мол, это рыночная экономика? Это господство монополии, господство бюрократии. Но нет. Мне помогли подобрать примеры, которые позволяют оценить некоторые результаты реформ и показать, что нам может не нравиться эта рыночная экономика, но это не означает, что она нерыночная.

Я хочу обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, в России появилась отрасль сотовой связи; один из основателей отрасли, Дмитрий Борисович Зимин, присутствует здесь. В этой отрасли сегодня работает 450 тыс. человек, и основные потребности населения России в мобильных телефонах удовлетворяются. При этом на создание отрасли не было потрачено ни копейки государственных денег.

Второй пример — тут еще один бизнесмен есть, Сергей Петров, — это авто-сервис. Можно сказать, что в СССР что-то такое было, но с уверенностью я бы не стал на этом настаивать. Вспоминаю, как я видел постоянные усилия людей, которые мыли свои машины, чинили их, лежали под ними. Сейчас в этой отрасли работает 760 тыс. человек, и она полностью была создана без участия государства частным капиталом. И если это не рынок, то что? Я мог бы продлить список примеров. Речь идет о прямом воздействии рыночных реформ 1992 г. на наше развитие, и это некоторое достижение, которое мы можем зафиксировать.

Следующая развилка — это олигархия или бюрократия. Мы видели разрешение этой проблемы Владимиром Владимировичем Путиным. Мне могут сказать, что они просто слились, срослись друг с другом, олигархия и бюрократия. Я так не считаю. Олигархия в том виде, в котором она родилась, потерпела поражение. Сегодня она только принимает какие-то подачки со стола власти или несет деньги по первому зову. Олигархия — это ведь не просто богатые люди, а люди, которые участвуют во власти.

Таковы были прошлые развилки. Теперь же мы вступаем на новую развилку — будет модернизация в России или нет. Пока те наблюдения, которые я проводил, и те представления о модернизации, какой она должна быть, меня наводят на мысль, что ее до сих пор не было. Есть множество обстоятельств, которые могут вызывать споры, но пока серьезных сдвигов нет. Критерий, который я буду выдвигать, простой: повышение производительности труда темпами, которые позволяют догонять развитые страны, приближаться к технологической границе. Если вы такого рода достижения имеете, то можно сказать, что у вас происходит модернизация. Но у нас их нет, и ниже я этот тезис еще проиллюстрирую.

А дальше встает вопрос о том, какая модернизация нам нужна. Это основная часть моего доклада, где я рассматриваю три возможных сценария — модернизация сверху, решительный рывок к либеральной демократии или постепенное развитие с временно отложенной демократизацией. Это те три варианта, три проекта, из которых мы можем выбирать и разговор о которых впереди.

Следующая картинка (рис. 2) показывает, что за прошедшие 20 лет мы прошли фазу трансформационного кризиса, который начался в 1989 г., и с 1999 г. мы прошли фазу восстановительного роста.

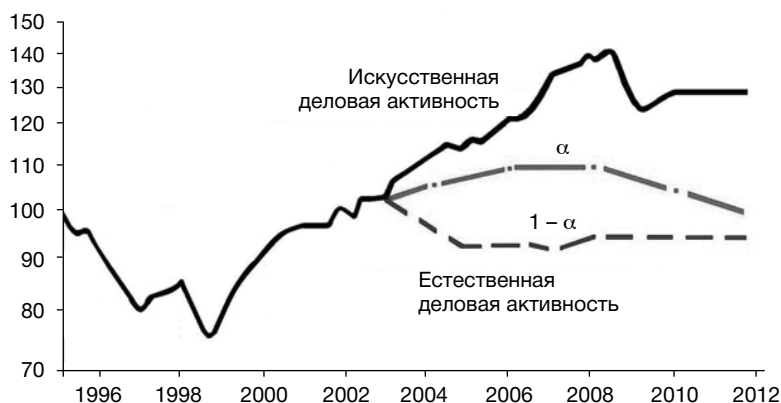

Рис. 2. 20 лет развития: восстановительный рост — компенсация трансформационного кризиса

Эта картинка показывает, что к началу следующего кризиса, к 2008 г., мы достигли тех основных показателей, которые были в советской России в 1989–1990 гг. И на этом можно было обозначить границы этапа и подумать о том, что будет происходить дальше.

Следующая картинка (рис. 3) показывает, с чем из прошлого мы будем в дальнейшем сталкиваться.

Дело в том, что когда закончился трансформационный кризис, должен был начаться не восстановительный рост, а модернизация. Тогда нужно было использовать те преимущества, которые создавала рыночная экономика — только

α — составляющая роста цен на нефть;
 $1 - \alpha$ — составляющая дешевых денег

Рис. 3. Снижение деловой активности. Что после кризиса 2008–2009 гг.?

для деловой активности нового класса, — и можно было рассчитывать, что новый класс проявит всю энергию для хороших результатов. Процесс был очень сложный, я не буду говорить обо всех упреках, до сих пор высказываемых по поводу протекания трансформационного кризиса, а затем восстановительного роста, поскольку всё, в чем видят наши беды и неудачи — недостатки в проведении приватизации, коррупция, — всё это имело место.

Вопрос, который я сам себе задаю: если всё это было, то, может быть, не надо было вообще начинать реформы? И сам себе отвечаю, что надо было. А можно ли было проводить реформы иначе, чтобы этого ничего не было? Думаю, что нет. Я считаю, что всякие социальные потрясения, революции вызывают самые разные явления, с этим нужно считаться. Начался период развития, который, можно сказать, был весьма творческим, до 2004 г. основывался на высокой естественной деловой активности. Такая активность предполагает, что для нее не создается никаких специфических условий, она существует сама по себе в силу сложившихся рыночных условий. Мы обладали этим всем примерно до 2003 г. Но в 2003 г. начинается дело «Юкоса», по российскому бизнесу был нанесен сильный удар. После этого силы естественной деловой активности были замещены силами искусственной деловой активности, проистекавшей, во-первых, из высоких темпов роста цен на нефть, которая является нашим главным экспортным товаром. А во-вторых, свою роль сыграли дешевые деньги, которые, как я думаю, и были причиной роста цен на нефть.

Честно говоря, когда наступили 1990-е годы, я не был большим специалистом по макроэкономике, я был специалистом по марксистской политической экономике, и меня тогда учили, что нужно проводить жесткую финансовую политику, если вы хотите, чтобы не было инфляции. Я эти уроки запомнил. Потом посмотрел, как действует Ельцин, и понял, что его не учили. Все то, что мы увидели потом, меня довольно неприятно удивило. Когда у вас складывается такая ситуация, что кредит ничего не стоит (а в России он практически ничего не стоил, потому что темпы инфляции были выше процентной ставки), это приводит к тому, что естественные стимулы деловой активности замещаются искусственными. И тогда государство получает возможность не прибегать к особым услугам бизнеса, который способен осуществлять модернизацию. Мне кажется, это была одна из причин, почему у нас были сложности в ходе реформ, и они остаются.

А теперь посмотрите обещанную мной картинку (рис. 4), которая показывает динамику производительности труда в России в процентах к уровню в США.

Я хочу показать, что мы только восстанавливались, когда другие страны на месте не стояли, и технологическая граница поднималась, и мы должны были догонять. Вот мы видим: верхний график — это индекс EKS, а нижний — GK. Я не буду расшифровывать, чтобы не тратить время, но оба они показывают, что мы не восстановили свои позиции по отношению к уровню производительности США. Можно сказать, что времени не хватило, чтобы решить эту задачу. Но можно и сказать, что не были использованы возможности.

На следующем слайде я специально выписал из доклада McKinsey Global Institute 1999 г. «Россия — развитие возможно». Замечу, что в 1999 г. говорить нам, что развитие возможно, — это было все равно, что говорить о невозможном, потому что мы не знали, что дальше будет, поскольку были в состоянии глу-

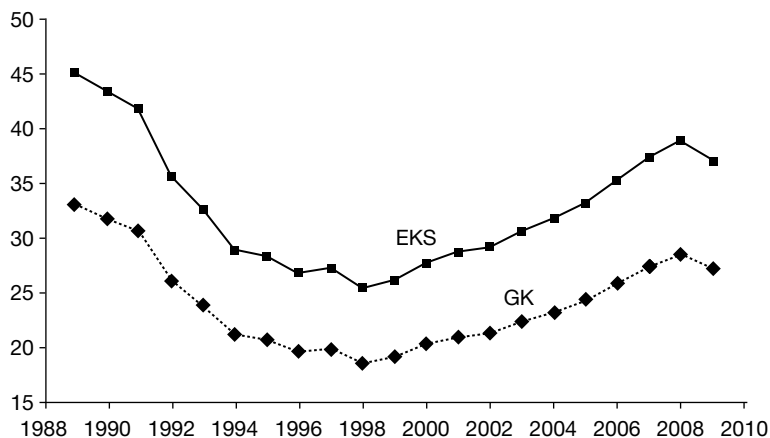

Рис. 4. Динамика уровня производительности труда в России (% к уровню в США) 2008 г. в сравнении с 1998 и 1989 гг.

бокого нокдауна. Тем не менее мы видим факторы низкой производительности труда в России, видим те проблемы, которые должны решить для того, чтобы наша производительность росла. Это неравенство условий конкуренции, проблемы корпоративного управления, в том числе борьба за контроль над активами. Это слабость судебной системы и недоверие к банкам, финансовой системе в целом, особенно после кризиса 1998 г.

Затем я посмотрел следующий доклад McKinsey (подготовленный спустя 10 лет после доклада 1999 г., можно сказать, по нашему заказу, и представители McKinsey выступали у нас на конференции) и увидел, что ничего не изменилось. Практически все блокирующие факторы, о которых я говорил, оставались и в 2009-м. Продвижений серьезных не было.

Вот табличка, которую я взял еще из одного доклада, который мы делали совместно с журналом «Эксперт» (табл. 1). Доклад был представлен на нашей апрельской конференции в текущем году. На что я хочу обратить ваше внимание? Нижняя строчка — это рост ВВП по отношению к 1989 г. Мы видим, что ВВП России вырос на 8%. А вот индекс, который характеризует текущее потребление, — 1,45. Это расчеты «Эксперта». Мы еще захватили жилье, здравоохранение и образование и сделали сводный индекс благосостояния, который составил 1,32.

Вопрос: почему темп роста потребления оказался выше темпа роста производства? Во-первых, это было связано с тем, что были большие доходы от продажи нефти, что цены на нее очень быстро росли. Я хотел бы еще обратить внимание на то обстоятельство, что население резко снизило накопления, сбережения резко упали. Почему? В социалистической экономике мы имели товарный дефицит, и те деньги, которые люди не могли тратить, они относили в Сбербанк. Во время трансформационного кризиса они сократили сбережения, нужно было тратить деньги на еду и одежду. Когда пошел процесс восстановления, они не увеличили накоплений. Накопления остались на уровне 18–19% и остаются такими сейчас — в том числе и потому, что стимулов к накоплению нет.

Таблица 1. Динамика ВВП и свободного индекса благосостояния России в 1989–2009 гг.

Показатель	Содержание	Значение	Удельный вес
Индекс изменения покупательной способности среднедушевого дохода	Изменение покупательной способности среднедушевого дохода в части приобретения рыночных товаров и услуг	1,45	0,80
Индекс расходов на нерыночные индивидуальные услуги	Изменение реальных расходов государства и некоммерческих организаций на нерыночные индивидуальные услуги	0,93	0,15
Индекс доступности жилья	Изменение покупательной способности среднедушевого дохода в части приобретения жилья и нового строительства	0,57	0,05
Свободный индекс благосостояния	Средневзвешенная величина из указанных выше индексов	1,32	
Рост ВВП		1,08	

Я не буду на этом дальше останавливаться, только скажу, что процент в наших банках отрицательный. В реальном исчислении все, кто кладет деньги в банк, субсидируют этот банк. Такая ситуация сохранилась. Очередной мой слайд показывает, что для последующего развития ситуация выглядит совершенно иначе, чем раньше.

У нас была возможность использовать эффект дешевых денег, использовать повышение потребительского спроса вследствие уменьшения сбережений и ликвидации дефицита. Были и другие возможности, связанные в том числе и с тем, что каждый год трудовые ресурсы возрастали в среднем на 2,2%. На следующем слайде (рис. 5) показан качественный перелом в использовании трудового потенциала.

Таблица 2. Изменение структуры ВВП России, %

	1989 г.	2009 г.
ВВП	100	100
Расходы на конечное потребление	67	74
В том числе:		
— расходы домашних хозяйств	45	53
— государства и некоммерческих организаций	23	21
Валовое накопление	31	19
Чистый экспорт	2	7

Рис. 5. Качественный перелом в использовании трудового потенциала

Здесь хорошо видно, что мы имеем достаточно высокую занятость, большую продолжительность рабочего времени, но в дальнейшем численность трудовых ресурсов будет сокращаться на 1%. Я думаю, что это будет продолжаться 30–40 лет. Мы не можем рассчитывать на рост численности трудовой рабочей силы. Страны БРИК — Китай, Бразилия и Индия — все обладают большими резервами свободной рабочей силы или аграрного населения, которыми они будут пользоваться.

На следующем слайде (рис. 6) я показываю, в каком состоянии у нас находятся инвестиции и инновационная сфера. Все говорят, что для создания новой модели экономического роста и обеспечения этого роста мы должны иметь более высокую долю сбережений. Это правда. Желательно иметь хотя бы 25%.

Я обращаю внимание на то обстоятельство, что у нас низкий уровень сбережений и эффективности инвестиций. Здесь эти ставки приведены. При этом я взял из другого доклада данные, которые характеризуют долю продукции для себя, — это инновации, которые вы приобретаете, чтобы у себя использовать технологии, а другие — это те, что мы способны делать в сравнении с другими странами. Напрашивается вывод, что мы для себя не очень стараемся, поэтому надо как-то осмысливать последующее развитие и учитывать эти факторы.

Следующая картинка — это результаты исследования Л.Н. Овчаровой из Независимого института социальной политики, которая показывает уровень неравенства в нашей стране (рис. 7).

Как видим, увеличились доходы только верхнего квинтиля, примерно в 2 раза по сравнению с 1991 г. Следующий, четвертый квинтиль рос на 25%, остальные три квинтиля — это 60% населения, они имеют по сравнению с 1991 г. либо 100%, т.е. доходы того же уровня, либо более низкий уровень. Второй квинтиль — это 79%, а первый, самый низкий, — 55%. Согласно этим данным, мы имеем фактически две страны. Первая — люди состоятельные, которые пользуются достижениями современной цивилизации. Вторая — это те 60% населения, не достигшие уровня доходов, который они имели до начала реформ. Они-то и голосуют особо охотно за «Единую Россию» и Владимира Владимировича Путина.

**Низкая
эффективность
инвестиций**

Цена	Россия	ЕС
1 квт установленной мощности на угольной ТЭС, долл.	2500	1800
1 км автодороги высшей категории, млн долл.	10–15	2–5

**Доля новой продукции «для себя»
и «для рынка» в общем объеме
продукции, %**

	Для данной организации	Для рынка
Россия	1,9	0,5
Германия	40,3	7,1
Испания	25,8	11,9
Италия	30,1	18,7
Португалия	18,4	4,8
Финляндия	31,1	27,2
Франция	17,5	9,5
Швеция	32,1	3,5

Примечание. Концепция долгосрочного развития (КДР) до 2020 г. предполагает увеличение инвестиций в основной капитал до 28%. В 2002–2006 гг. валовое накопление держалось на уровне 20–21%, в 2007 г. — 24,7%. Инновационная экономика — 10–15% инновационной продукции «для рынка».

Рис. 6. Инвестиции и инновации

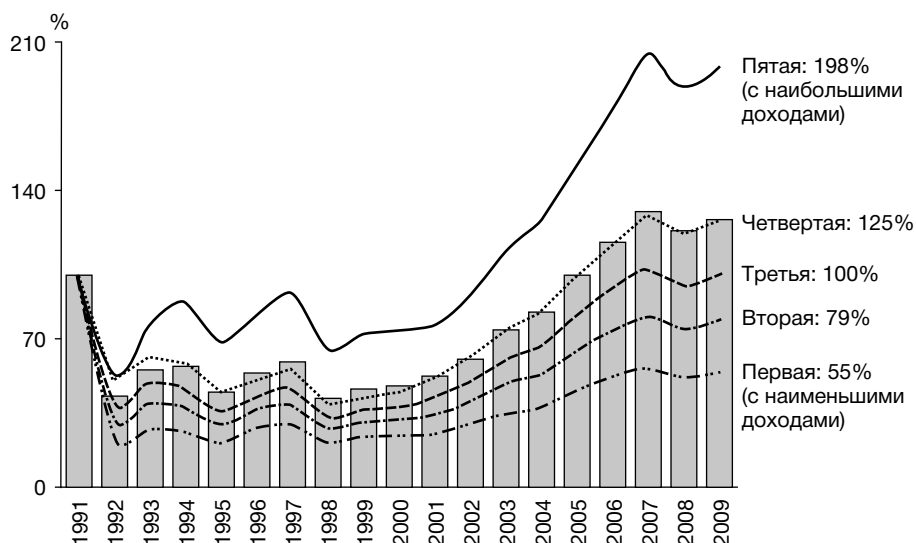

Рис. 7. Динамика реальных денежных доходов по 20%-ным доходным группам, 1991–2009 гг., %

Я это говорю неслучайно, потому что перед нашей встречей я попросил Алексея Гражданкина из Левада-Центра назвать мне последние данные об электоральных предпочтениях. Он мне дал данные за август: 68% — это люди, которые голосовали бы за Путина, и 63% — за Медведева. Я говорю это потому, что в этом есть определенный тормоз наш. Часто приходится слышать, что есть надежда, что мы можем провести свободные выборы и начать демократические

преобразования, которые остро необходимы для страны. Но у меня такое подозрение, что рассчитывать на это нет оснований. Допустим, будут свободные выборы, и что? Я же не могу обвинить Левада-Центр, что они что-то дорисовывают. Просто у нас конформистское население, которое не стремится к изменениям. Причем если есть какие-то протесты, то они идут из верхнего квинтиля, наиболее состоятельного. А 60% остальных проявляют особую неохоту к переменам.

Между тем инновационная экономика невозможна без конкуренции — она является главным источником инноваций. Если у вас конкуренции нет или она слабая, причем это касается не только экономической, но и политической конкуренции — по той простой причине, что через политическую конкуренцию осуществляется контроль над политической элитой и бюрократией, — вы попадете в такую ситуацию, когда, как говорил мой друг, проигрывая в шахматы, «некуда ходить».

На самом деле для того, чтобы строить экономику и общество, которые могут выдержать конкуренцию и осуществить модернизацию и вывести нас в высшую лигу, нужно делать вещи, которые я выделил, — это защита прав собственности, конкуренция и верховенство права. Я бы особенно подчеркнул верховенство права, его важность, потому что Фридрих II в Германии формировал верховенство права еще до того, как появилась демократия, и верховенство права стало неотъемлемой чертой демократической системы.

Теперь возвращаюсь к тем трем вариантам, трем сценариям модернизации, о которых я говорил. Первый — это модернизация сверху. Я считаю, что модернизация сверху в условиях России — это когда инициативы исходят от государства, когда высока доля государственных инвестиций и существует то, что я называю треугольником недоверия между бюрократией, бизнесом и обществом. Обстановка недоверия препятствует общественной солидарности и, собственно, исключает возможность высокой деловой активности в рамках, направленных на повышение производительности и инноваций.

Майкл Портер как-то сказал, что каждый предприниматель может заработать только повышением производительности. А если вы наблюдаете охоту за рентой и монополию, если вы наблюдаете коррупцию, если у вас не выстроена нормально работающая институциональная среда, то повышения производительности не будет. В конечном счете, это вопрос доверия или, в терминах Эрика Маскина, корпоративное поведение: вы имеете достаточное доверие между различными слоями населения и институтами, тем самым практикуете чаще всего корпоративное поведение, вы соглашаетесь на сотрудничество и тем самым создаете стимул, который способствует развитию общества.

Другой видный ученый, Дуглас Норт, вспоминает Шумпетера и говорит о его идее созидательного разрушения, которое порождается условиями конкуренции, когда у вас есть верховенство права. У Норта другие термины, но я не буду на этом останавливаться. Говорят, что модернизация сверху — это хорошая вещь, и мы можем ее применить, ссылаясь на опыт Китая и Индии, где действительно что-то такое имело место. Но условия успеха модернизации сверху — это отсталость страны на выходе из аграрной стадии, изобилие дешевой рабочей силы, открытость внешних рынков для экспорта и заимствование технологий.

Все это работает в Китае, но у нас работать уже не будет по причинам, которые я называл выше. А это означает, что модернизация сверху если и будет иметь место, то погоды не сделает. Хотя у меня есть такое ощущение, что на ближайшие несколько лет мы будем продолжать эту политику так же, как ее проводили в течение нулевых годов.

Следующий вариант, второй, который мне лично больше всего нравится, — вариант решительного рывка. Решительный рывок я связываю с тем, что мы должны решить основную проблему, которая не была решена в 1990-е годы, когда мы занялись рыночными реформами, в той или иной степени проводившимися в ущерб демократизации. Сейчас главная проблема нашей модернизационной модели, когда мы говорим не только о технологической модернизации, но и об институциональной, упирается в то, что я называю минимальным пакетом либеральной демократии. Я подчеркиваю, что речь идет именно о либеральной демократии, потому что не любая демократия либеральная.

Мне очень понравился термин известных политологов, которые выделили целый ряд стран, которые имеют так называемую дефектную демократию, когда у вас налицо основные ее признаки, но они находятся в дефектном состоянии — слабо выражены, не развиты. Я думаю, что мы сейчас находимся в состоянии дефектной демократии, а не авторитаризма. Те же авторы предложили некоторые критерии, которые отделяют дефектную демократию от авторитаризма. Прежде всего, это фальсификация выборов и ее влияние на результаты голосования. Я предполагаю, что у нас дефектная демократия, близко стоящая к авторитаризму, но имеющая некоторые отличия от него.

Данные Левада-Центра показывают, что если бы даже ничего не делалось для фальсификации выборов, то результаты все равно были бы близки к тому, что желает видеть руководство страны или правящая элита. Но опасность более масштабных фальсификаций, тем не менее, существует. Посмотрим, как пройдут ближайшие парламентские выборы.

Моя позиция по поводу этого второго сценария следующая. Я, к сожалению, не могу сказать, что он сулит успех. Во-первых, мобилизация демократических сил элиты, которая необходима для того, чтобы осуществлять такие преобразования, отсутствует. Во-вторых, есть проблема легитимности. Демократия не может начинаться с нарушения закона. Но добиться того, чтобы принять соответствующее законодательство в Госдуме, очень сложно. Затем многие авторитеты отмечают, что такого рода рывки сопровождаются откатами, один из которых мы видели, и не исключено, что это может повториться. Во всяком случае, в целом ряде исследований это показано.

Остается третий вариант — постепенное развитие. И, как бы мне ни хотелось, чтобы все быстро изменилось, я прихожу к выводу, что постепенное развитие является наиболее вероятным и наиболее желательным вариантом. Можно, конечно, предъявить много претензий, можно сказать, что есть очень много рисков, я их вижу, но полагаю, что дальнейшее развитие в значительной степени будет осуществляться в рамках этого сценария. Что он сулит нам в будущем? Думаю, что очень важно иметь представление о том, что ждет страну при разных вариантах развития в долгосрочной перспективе.

У меня нет возможности говорить очень долго, но вот эту картинку (рис. 8) я хотел бы прокомментировать. Верхняя линия — это технологическая граница, в примерных цифрах я ее отобразил.

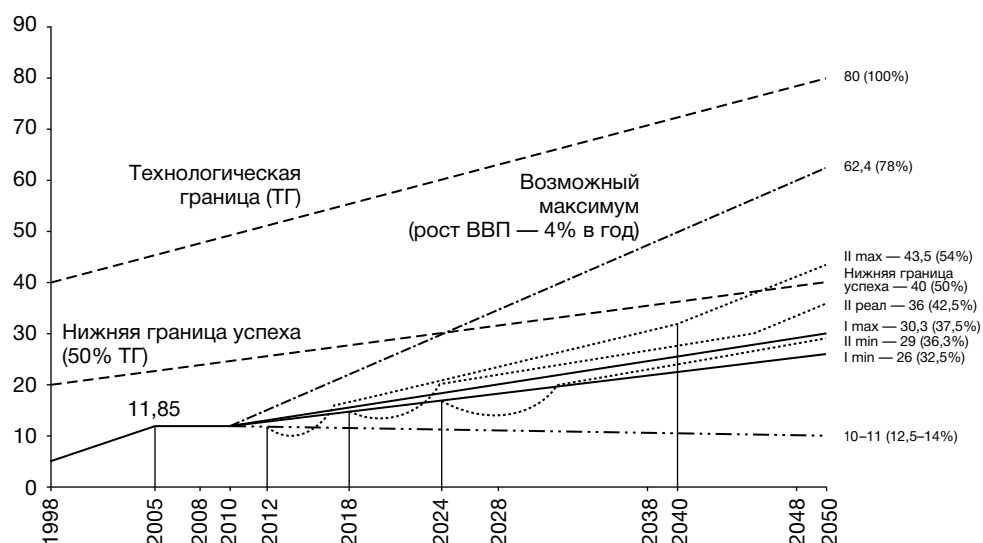

Рис. 8. Сценарии развития российской экономики до 2050 г.

Я попытался все свои размышления в этой картинке выразить. Верхняя линия — это, повторяю, технологическая граница. У меня такой критерий — я смотрю, какого расстояния от этой границы мы добиваемся, реализуя те или иные сценарии развития. Если мы выбираем первый сценарий (ему соответствуют сплошные линии), то имеем результаты примерно такие: от 32 до 37% от уровня технологической границы 2050 г. Практически это означает, что мы недалеко уходим от той цифры, которую имеем сегодня, — 28,5% от уровня производительности США. Тем самым мы констатируем, что модернизация не состоялась. Предполагается, что это модель модернизации сверху и что она предусматривает примерно 1–2% роста. Можно было бы поставить больше, но у меня есть некое представление о том, как будет идти развитие мировой экономики на инновационной стадии. Темпы роста будут низкие всюду, в развитых странах тоже. У нас же это будет осложняться тем, что более высокие темпы, которые мы имеем сегодня, — они от нулевых годов, а дальше мы должны рассчитывать на худший вариант.

Другой сценарий мы получаем в том случае, если с какого-то момента начинаем институциональную модернизацию, которая касается политической системы. Но на самом деле не только политической системы. Это и образование, и здравоохранение, и пенсионная система, и целый пакет социальных реформ. Думаю, что должны быть важные изменения в экономике. Хотя, честно говоря, я полагаю, что экономика в этот последующий период центром тяжести институциональных изменений не будет. Ну, что вы можете придумать, скажем, по части

изменения налоговой системы или законодательства, которое обеспечивает защиту предпринимательства? Это достаточно очевидные вещи, и они не лежат в экономике, они лежат за границами экономики, в области права, других сфер общественной жизни.

Я задал нижнюю границу этого сценария таким образом, что мы осуществляем переход начиная с линии сценария «модернизации сверху». Вы могли с 2000 г. не устраивать отдыха от демократии, а развиваться иначе, тогда там были бы какие-то другие закономерности, но если мы эту работу начинаем сейчас, то начинаем с момента, который уже идет, а идет «модернизация сверху», предполагающая концентрацию власти, инициативу государства и т.д. Я исходил из худшего варианта, что поначалу будет некоторое падение темпов экономического роста, а более высокие темпы вы наберете только потом, когда скажутся преимущества, которые порождены институциональными изменениями. На это требуется время.

Важно отметить, что если вы откладываете начало преобразований, то у вас различия между первым сценарием и вторым смазываются. Вот, например, мне стало ясно, что если начало перехода будет запланировано на 2024 г. (я многозначительно замолкаю), то это означает, что вы различия в этих сценариях теряете. То есть реализовать выгоды второго сценария вы уже не сможете. Если же вы начинаете раньше, то можете добиться в конце периода, который я рассматриваю — т.е. до 2050 г., — ежегодного темпа роста порядка 3–4%. При таких показателях расстояние до технологической границы, которое здесь показано, — это для второго сценария максимум, примерно 54% от уровня технологической границы. Наверное, можно добиться и большего. Но я предпочитаю в данном отношении быть пессимистом. Я считаю, что это и так был бы неплохой показатель, и он говорил бы о том, что Россия попала в разряд стран, находящихся ближе к технологической границе, стран, которые могут принимать участие в конкуренции. Я думаю, что в этом задача развития инновационной экономики, и если она не решается, модернизация не может считаться состоявшейся. Вот, собственно, все.

Я могу в заключение сказать, что сценарии — это мое воображение. Те варианты, которые рассматривались, — это также мое воображение, мои размышления. Но когда я смотрю на расчеты, у меня закрадываются многие сомнения, и мне кажется, что человек, которому уже 78 и который имеет представление, хотя бы интуитивное, относительно взаимосвязей, может угадать, не очень далеко от истины, если он берет на достаточно длинную перспективу. Я готов принять любые возражения, готов предложить свои цифры, какие-то другие результаты. Но если вы считаете, что ваши резкие суждения, которыми вы режете матку-правду, и есть истина, то мне бы хотелось призвать вас к большей сдержанности. Мы находимся в очень опасной ситуации, когда можем не ответить на вызовы, которые стоят перед Россией, чтобы стать страной — не державой, а страной, в которой нормально живут люди.

Игорь Клямкин:

Благодарю вас. Евгений Григорьевич, как руководитель этого семинара, обычно проявляет недовольство, когда в зале аплодируют. Сейчас он, правда, молчит.

Евгений Ясин:

Вы сегодня ведущий, вам и карты в руки.

Игорь Клямкин:

Наверное, есть вопросы. На сколько вопросов Вы готовы ответить?

Евгений Ясин:

Я готов отвечать на все, но, учитывая, что мой доклад занял много времени, может быть...

Игорь Клямкин:

Много ли желающих задать вопрос? Не много. Сергей Магарил, пожалуйста.

Сергей Магарил:

Евгений Григорьевич, если можно, ваше мнение относительно того, какие именно задачи национального развития были решены за период 2000–2010 гг.? В докладе вы сказали, что были созданы отрасли сотовой связи и автосервиса. Но в то же время подчеркнули, что не было ни модернизации, ни роста производительности труда. Это означает, что сектор услуг был лишь структурно дополнен до некоторого объема, необходимого для общества XXI в., не более того. И второй вопрос: каковы, на ваш взгляд, риски России в случае вполне возможного отказа нашего правящего класса от модернизации?

Евгений Ясин:

Я могу сказать, что если вы восприняли мои примеры как то единственное, что было сделано, то я так не считаю.

Сергей Магарил:

Отсюда и мой вопрос!

Евгений Ясин:

Я исхожу из того, что рыночная экономика предоставила некоторые возможности, которые людям в советское время были недоступны. В России стало возможно жить без участия правительства, потому что есть определенная независимая рыночная жизнь. Она могла быть более активной, но она такая, какая есть. Что касается роста производительности, то официально в течение нулевых годов, в том числе начиная с 2004 г., средний темп роста производительности составлял 5,2% в год. Это довольно высокий темп. Сказать, что никакого роста производительности не было, нельзя. Вопрос в том, что эти измерения делались по официальным статистическим данным, и у меня есть подозрение, что там нужно сделать корректировки. Тут где-то на 1 или 1,5 процентного пункта меньше. Но рост был. Сказать, что его не было, не могу.

Для меня, повторяю, важно то, что рыночная экономика работает, я миллионы примеров вижу. И я готов искать еще и еще разные доказательства. Другое дело, что мы не использовали те возможности, которые были в связи с тем, что в результате рыночных реформ уровень деловой активности мог быть гораздо выше. Я могу привести пример — нефтяная промышленность, где очень сильное

вмешательство государства, уровень технологических изменений относительно невысокий, рост добычи нефти оставляет желать лучшего. Для сравнения: в черной металлургии вмешательства государства практически не было, уровень конкуренции очень высокий на внутреннем рынке, а половина выплавляемого металла и проката экспортируется и там сталкивается с мировым рынком. Так вот, темп роста производительности в этой отрасли самый высокий, это лучший показатель для всех секторов российской экономики — он составляет 33% от уровня производительности в США.

Игорь Клямкин:

Кто следующий? Представьтесь, пожалуйста.

Роман Доброхотов:

У меня вопрос по поводу варианта «решительного рывка». Я понял, что ядро этого сценария — минимальный либеральный пакет. Нельзя уточнить, что именно в этот пакет входит и возможно ли его реализовать при президентстве Путина?

Евгений Ясин:

Большое спасибо за очень хороший вопрос. Минимальный либеральный пакет включает следующие позиции: ликвидация персоналистского режима, политическая конкуренция, верховенство права, демократический общественный контроль бюрократии и бизнеса. Я не готов подробно рассказывать, но считаю, что если вы хотите иметь какое-то равновесие, то это является абсолютно необходимым. И децентрализация, перемещение значительной части гражданской, политической активности на низовой уровень.

Должен сказать, что, с моей точки зрения, реализация этого минимального либерального пакета является необходимым элементом любого сценария модернизации снизу. Но важно то, что решительный рывок с этого начинается. А если вы берете сценарий постепенного развития, то в нем после первой фазы наступает вторая, и все равно этот минимальный либеральный пакет должен быть реализован, потому что без него не достигаются те цели, которые преследует модернизация. Вопрос заключается в том, что при варианте постепенного развития оттягиваются сроки.

Что касается персональных моментов, то я не хотел бы рассуждать по принципу «если Путин будет, то ничего не будет, а если кто-то другой будет, то все будет обязательно». Я так подозреваю, что от того, скажу я вам это или не скажу, вам легче не станет. У каждого из вас есть свое мнение на этот счет.

Игорь Клямкин:

Дипломатичный ответ. Переходим к обсуждению. Сначала выступают два оппонента, которых Евгений Григорьевич сам пригласил. Первый — Олег Вьюгин.

Олег Вьюгин: «Не пришло еще время, чтобы было услышано то, что предлагается в обсуждаемом докладе».

Большое спасибо автору за интересный доклад. В конце выступления Евгений Григорьевич сказал, что в его сценариях много интуиции, вымысла,

фантазии. А раньше он заметил, что немного робеет перед аудиторией, потому что рассматривает такие проблемы, по которым достаточно трудно сделать однозначные заключения. Действительно, тема, которую поднял Евгений Григорьевич и развивал в докладе, является сферой практических решений, причем не умозрительных, а скорее интуитивных. Сценарий, который реализуется в реальной жизни, очень часто бывает далек от тех конструкций, которые политики имеют в виду, принимая решения и предпринимая те или иные действия. Такая уж это сфера деятельности. Я считаю, что во многом Евгений Григорьевич абсолютно прав, в чем сказывается его огромный практический и теоретический опыт.

Что является главной проблемой в экономике России? Евгений Григорьевич на этот вопрос ответил. Главная проблема, если можно так выразиться, заключается в отсутствии пакта доверия между неолигархическим капиталом и властью. Доверие подорвано тем, что существуют неравный подход и несправедливая конкуренция, идущая от государства, существуют двусмысленные правила, когда выигрывает капитал, который примкнул к государству. Государственные институты не предоставляют сервис, а являются корпорациями, часто с материальными интересами. Но одновременно существует тесное взаимодействие группы частного капитала, большого по объему, где пакт действует, но, к сожалению, не решает проблем роста производительности труда, эффективности, модернизации. Отсутствие справедливой конкуренции в таких условиях, конечно же, очевидно, как и отсутствие мотивов к модернизации. Отсюда потеря интеллектуального капитала, потеря материального капитала и невозможность говорить ни о какой модернизации. Ни сверху, ни снизу, ни сбоку. Потому что сам пакт, который заключен, на модернизацию не направлен.

«Есть ли решение проблемы?» — спрашивает докладчик. В принципе, его сценарии покрывают все наиболее вероятные варианты развития событий. Но я как оппонент хочу выказать свое отношение к тому, что Евгений Григорьевич говорил в отношении этих сценариев. Мое мнение таково. Сегодня, кроме «особого» крупного бизнеса, в стране есть компании малого и среднего формата, которые не нуждаются в особых отношениях с государством, им нужны только определенные справедливые правила, которые были бы достаточно приемлемы, чтобы развивать бизнес. Если экономические условия не станут критическими, то, по моему мнению, сценарии радикальных изменений вряд ли возможны. Логика ситуации такова, что наиболее мощные силы в обществе, которые способны контролировать реализацию своих интересов, сейчас, в условиях стабильности, не видят необходимости в серьезных изменениях. Это такая общечеловеческая логика.

Евгений Григорьевич написал в своей брошюре: «Ребята, это сделаете вы, а может быть, вы это сделаете еще и лучше». К кому здесь обращается автор? Понятно, к ним. То есть пытается дать мотив контролирующим элитам это сделать. Однако если нет сильного экономического мотива, то, скорее всего, никто этого делать не будет. Но может быть, мыслим какой-то другой мотив? Культурологический, интеллектуальный? Честно говоря, не думаю. Не пришло время, когда могут услышать то, что написал Евгений Григорьевич. Считается, что грязную работу будет делать кто-то другой.

А какое пространство возможностей есть в этих условиях для лидера-единоличника, который захочет что-то изменить? Тоже пофантазирую. Мне кажется, что возможное рациональное решение, которое в силах лидера, — это дать возможность консолидироваться той части элиты, которая не связывает свой успех с использованием властных полномочий, т.е. полагается на себя. Этим людям нужно дать возможность консолидироваться, не мешать. В принципе, это не катастрофично для существующей ситуации. Евгений Григорьевич говорил, что все равно 68% будут голосовать как надо. Возможно, эти люди в будущем смогут взять на себя бремя серьезных решений. Мне кажется, что мудрый политик мог бы дать такую возможность. Это работа на будущее и, скорее всего, это ближе к третьему сценарию. Вот то, что можно сделать для модернизации. Это не полемика напрямую с Евгений Григорьевичем.

Евгений Ясин:

Да я же не против!

Олег Вьюгин:

Я желаю, чтобы в дальнейшем эта брошюра действительно нам помогла задуматься. Не нам с вами, а всем.

Игорь Клямкин:

Спасибо, Олег Вячеславович. Число сценарных вариантов растет, сразу полтора варианта прибавилось. Один вариант такой, что никакой модернизации не будет вообще, останется все как есть. Предстоит, правда, выяснить, что будет, если ничего не будет. Второй добавленный вариант примыкает к оптимальному сценарию Евгения Григорьевича. Это насчет того, что власть, может быть, даст малому и среднему бизнесу возможность консолидироваться. Уверенности на сей счет, как мне показалось, у Олега Вячеславовича не очень много. Предлагаю слово Лилии Федоровне Шевцовой. Вы добавите нам вариантов?

Лилия Шевцова: «Неужели нам нужны еще 12 лет, чтобы убедиться в тупиковости авторитарной модернизации с отложенной демократизацией?»

Спасибо, Игорь Моисеевич. Я понимаю, что вызову несомненное разочарование присутствующих. Дело вот в чем: в приглашении на сегодняшний семинар было сказано, что в качестве оппонентов Евгения Григорьевича будут выступать Сергей Гуриев и Александр Аузан. Получается, что пришедшие вроде как купили билет на оперу, а тут танцуют. Более того, отсутствующие коллеги меня ни на что не уполномочивали. Я даже допускаю, что у нас разные позиции. Но вам придется смириться с тем, что вы имеете.

У меня будет три, я надеюсь, кратких замечания-комментария. Но, прежде всего, о не менее главном. Я хочу сказать о том, что я всегда чувствую, когда прихожу на заседания фонда «Либеральная миссия» и когда вижу Евгения Григорьевича. Понятно, что сегодня не день его чествования. И тем не менее, в этой среде стоит сказать об одном феномене. Мы как раз сейчас о нем переговаривались с Олегом Вячеславовичем. Я имею в виду вот что: редко можно встре-

тить людей, которые с такой неумной энергией, с такой верой и надеждой, с таким оптимизмом пытаются вырвать нас из нашего состояния, казалось бы, победившей анемии, интеллектуальной и политической. Впрочем, быть может, это уже не анемия, а паралич. Постоянно идет какая-то мышинная возня, какой-то непрекращающийся политический цирк. «Думающее меньшинство», казалось бы, рукой махнуло на все. А тут человек с новым докладом: «Коллеги, давайте поразмышляем. Взгляните на эти сценарии. Подумаем о стратегии — что может быть, а чего не может быть». Я Евгению Григорьевичу просто завидую. У меня нет ни этой энергии, ни такого запала, ни такой веры. А у него есть. И слава богу! Чем больше у нас будет поводов для дискуссии, тем интереснее нам будет жить.

Я поражаюсь стратегическому видению Евгения Григорьевича. Он перед нами обнародовал свое особое мнение, уже понимая, чем кончится история с докладом, который носит название «Стратегия — 2020» и готовится по поручению правительства. Тем самым Евгений Григорьевич фактически дал ответ на вопрос: можно ли чего-то ожидать от этого доклада.

И еще. Посмотрите, как по-макиавеллистски, причем в позитивном смысле (Макиавелли был великим аналитиком и политическим деятелем, и вряд ли кто сегодня с ним может сравниться), Ясин ввернул сегодня в свое выступление слова «модернизация» и «постепенность». При этом скромно упоминая, что президент Медведев использует эти термины. Действительно, Дмитрий Анатольевич употребляет слова «модернизация» и «постепенность». Но когда вы прочтете вот эту брошюру с ясинским докладом, увидите, как Евгений Григорьевич в пух и прах уничтожает всю медведевскую философию «постепенной модернизации», а заодно и все его президентство. По крайней мере, так я прочла доклад. И потому не могу не восхищаться способом, который в докладе приводит нас к вполне определенному выводу.

Прочтите доклад еще раз и с точки зрения игры ума, и с точки зрения парадоксальности суждений. И когда вы перевернете последнюю страницу, увидите, что Евгений Григорьевич, как будто немного издеваясь, но добродушно, над читателем, предлагает тезис, который он же сам на протяжении всего предшествующего анализа методично разрушал. Не будет преувеличением сделать вывод о «теореме Ясина», которая будет заключаться в следующем: «Не верь выводу, а верь системе доказательств, которая противоречит выводу». Объясню: Евгений Григорьевич, по моему глубокому убеждению, доказал то, что не существует никакого другого варианта развития России, кроме рывка. Хотя в качестве желаемого и возможного в своем заключении он назвал совершенно иной сценарий. Вот это я и считаю парадоксом.

Игорь Клямкин:

Интересное прочтение. Тоже, по-моему, парадоксальное.

Лилия Шевцова:

Учусь у Евгения Григорьевича. А теперь три замечания по существу. Ведь меня пригласили оппонировать. И, приглашая меня, Евгений Григорьевич, конечно, знал мою позицию и понимал, чего от меня можно ожидать. Кстати, сам

тот факт, что он меня пригласил заменить Гуриева и Аузана, говорит о широте его взглядов и терпимости.

Итак, первое замечание — о терминах. Меня смущает термин «модернизация». Евгений Григорьевич, Вы вначале объяснили, откуда у Вас приверженность этому термину. Это для Вас верность истокам — грефовскому периоду. Но в аналитическом дискурсе — и российском, и западном, и даже медведевском — модернизация обозначает обновление того, что есть, т.е. это реформа существующего порядка вещей. Между тем доклад Ясина доказывает, что то, что существует, нужно менять. Причем менять системно, т.е. по-другому, чем сейчас, упорядочивать как отношения в обществе, так и отношения между обществом и властью. Следовательно, доклад говорит о трансформации. Поэтому, Евгений Григорьевич, Вам придется от этого термина избавляться. Иначе придется все время доказывать, что Вы имеете в виду не медведевскую модернизацию, а системную реформу, создание новых институтов. Словом, гораздо рациональнее вместо придаточных предложений использовать всего одно слово — трансформация.

Есть и еще одна терминологическая проблема, которая меня смущает. Я имею в виду «модернизацию сверху» и «модернизацию снизу». Я вчера позвонила Игорю Моисеевичу и спросила: «А ты когда-нибудь слышал либо читал про “модернизацию снизу”?» Он долго думал и ответил: «Нет». И действительно, «модернизации снизу» в истории человеческой не было. Все модернизации, включая импонирующую Евгению Григорьевичу столыпинскую, осуществлялись сверху самой властью и государством. Но одни модернизации были жесткие, тоталитарно-авторитарные, которые осуществлялись властью во имя ее интересов и которые эта власть проводила, ломая общество через колено. Другие модернизации проводились властью в интересах общества, при участии общества и под давлением общества, как это было в Восточной Европе, Балтийских государствах, в Испании, Южной Африке.

Если Евгений Григорьевич не хочет отказываться от термина «модернизация», ну и ладно. Но тогда давайте условимся, что мы говорим об «авторитарной модернизации» и «демократической модернизации». Безо всяких «сверху» и «снизу».

Второе замечание уже относительно системы доказательств некоторых тезисов. Мне понравилась идея «развилки». Я вообще очень люблю развилки и с удовольствием о них рассуждаю. Приятно думать либо надеяться, что есть альтернативы. Но после того как прочитала в докладе объяснение «развилки» — авторитарная модернизация либо демократическая, — я утвердилась в мысли, что такой «развилки» в реальности у России сегодня нет и не может быть. Евгений Григорьевич сам и в письменном тексте доклада, и в своем сегодняшнем выступлении объяснил нам, что для авторитарной модернизации в России нет условий — ни экономических, ни технических, ни цивилизационных.

Олег Вячеславович только что с большой тоской мечтал об элите, которая может создать модернизационный потенциал. И это заставляет нас вспомнить еще один фактор, который делает реальную модернизацию, как ее понимает автор доклада, безусловно невозможной. Не забудем, что мы будем жить при Владимире Владимировиче Путине. Какое окно возможностей он для нас откры-

вает? Неужели мы поверим попыткам официальных экспертов доказать, что на сей раз Путин будет «другим» и его посетят инновационные мысли? Почему не посетили до сих пор? Очень трудно его представить Ататюрком либо Пиночетом, если речь идет не о насилии, а о проведении инновационных реформ. Следовательно, у нас нет ни технологических, ни политических предпосылок для авторитарной модернизации. Но раз нет таких предпосылок, а Евгений Григорьевич очень четко это показал, у нас остается один сценарий — деградация. А коль скоро в России не может быть авторитарной модернизации, то нет возможности говорить, что у нас есть выбор между демократической и авторитарной модернизацией. Его — этого выбора — нет! Следовательно, можно рассуждать только о демократической модернизации.

И последнее мое замечание. Коль скоро кроме демократической модернизации в России не может быть никакой другой, рассмотрим те две модели, которые обсуждаются в докладе — модернизация «рывком» и «постепенная» модернизация. У нас с автором симпатия, конечно, к рывку, к радикальным переменам, которые означают принятие либерального «пакета», включающего, в первую очередь, верховенство закона, гарантии частной собственности и конкуренции. И хорошо бы внедрить эту триаду сразу, одним рывком, не растягивая во временном пространстве. Но Евгений Григорьевич — возможно, для того, чтобы нас смутить и развить наше воображение, — говорит о двух препятствиях на пути желаемого «рывка».

Об одном из этих препятствий мы все время спорим на наших заседаниях в «Либеральной миссии». Речь идет о том, что Ясин назвал «конформизмом общества». Во время наших дискуссий одни из участников придерживаются мысли (как и Евгений Григорьевич), что общество не созрело для участия в либеральной трансформации. Другие, напротив, доказывают, что общество больше готово, чем мы думаем. Я придерживаюсь второй точки зрения.

Я не могу воспроизвести ничего нового в системе доказательств, и потому просто сошлюсь на Игоря Моисеевича Клямкина, который много об этом говорил и писал. Если вы зайдете на сайт «Либеральной миссии», найдете там эту аргументацию. Если сжато, то вот ее суть: тот факт, что у нас только относительно небольшая часть населения может одобрить европейский либеральный путь, еще не значит, что общество его отторгает. Нет никаких данных, которые свидетельствовали бы о том, что российское общество выступает против конкурентных выборов, принципа верховенства закона и других атрибутов либеральной демократии. Этот факт подтвердил, кстати, в одной из дискуссий и руководитель Левада-Центра Лев Гудков.

Если же исходить из того, что россияне отторгают либеральную перспективу, то мы должны объяснить самим себе, чем мы отличаемся от румынского общества, болгарского, монгольского, наконец. И, конечно же, мы должны сказать об обманке, о нашем перевернутом сознании, которое заставляет людей с опасениями относиться к либерализму. Речь идет о стигме 1990-х годов, о которой упомянул один из участников нашей дискуссии. Мы должны объяснить обществу, в глазах которого либеральные реформы ассоциируются с опытом 1990-х, что мы понимаем либеральные реформы по-другому, и что реформы 1990-х не были ни либеральными в полном смысле этого слова, ни демократическими.

Докладчик высказался и еще об одном препятствии для либерального «рывка». Он говорит, что при «рывке» сильнее угроза отката. Над этим вопросом думали многие: при какой модели реформ сильнее угроза отката — при «рывке» либо постепенной трансформации? Оказалось, угроза откатов существует всегда, но гораздо чаще как раз при медленном, постепенном скольжении вперед. Словом, те аргументы, которые были высказаны для того, чтобы доказать, что модернизация «рывком», во-первых, не будет принята обществом, а во-вторых, чревата большим откатом, не очень убеждают.

А теперь давайте обсудим вариант «постепенной модернизации с отложенной демократизацией». По мнению автора, этот сценарий является «оптимальным с точки зрения национальных интересов». Но ведь то, что у нас происходило последние 20 лет, и было «постепенной модернизацией при отложенной демократизации». Российские лидеры и их пропагандисты постоянно твердили, что расширение демократии произойдет, но попозже. Когда мы «созреем». А сейчас разгула демократии нельзя допускать ни в коем случае.

Открытым сторонником такой модели модернизации «с отложенной демократизацией» является Медведев. Помните, он нам обещал выборы губернаторов через 100 лет?

Но как сам автор блестяще доказал, модернизация в течение последних 20 лет привела страну к деградации. Где гарантия, что такая модель с отложенными демократическими переменами не задвинет Россию еще дальше в тупик? И потом возникает еще один вопрос: как можно вводить новые принципы постепенно и по частям? Как можно постепенно ввести верховенство закона? Такой подход означает, что часть населения сможет жить по закону, а что останется остальным? И как разделить тех, кто будет жить в «цивилизованных зонах», и тех, кто остается в бантустанах? А как постепенно вводить принцип политической конкуренции? И кто конкретно будет определять, какие силы имеют право на свободное волеизъявление, а какие не имеют? Ограничительный подход к этим принципам уже давно существует в России, но он только дискредитировал сами принципы.

Более того, модернизация «с отложенной демократизацией» на первом этапе нуждается в авторитарном лидере. Во всяком случае, пока общество не готовится к полной демократии. Давайте напряжем воображение и попытаемся представить себе российского лидера, обладающего полнотой власти, который вдруг ни с того ни с сего захотел бы повторить горбачевский путь. Кто по своей воле, без давления снизу захочет все раскурочить, раскрыть окна, разрешить конкуренцию, плюрализм, политическую борьбу и после этого неизбежно отдать власть? Вы вообще представляете такую ситуацию? Такого в мире пока не было. Не только в России.

Не было случая, когда авторитарный лидер добровольно отдавал власть — тем более когда народ мог его после этого о многом спросить. Наши лидеры в течение последних 20 лет этого не только не сделали, но делали все, чтобы не отдать даже крупицу своей власти обществу. С какой стати надеяться, что они пойдут на это сейчас, когда времена становятся круче и народ злее? Неужели нам нужны еще 12 лет для того, чтобы мы убедились в очевидном — в том, чем кончится эта модель модернизации?

Следовательно, перед нами только один вариант, и Евгений Григорьевич сам доказал это в своей брошюре, заставив нас усомниться в существовании альтернативы — авторитарная модернизация либо модернизация демократическая — и продемонстрировав, куда завела Россию «постепенная модернизация с отложенной демократизацией».

Доклад своей аргументацией подтверждает: для России есть только один вариант цивилизованного развития — либеральный «рывок». Да, мы опасаемся его последствий. Они могут быть непредсказуемы. Но сама непредсказуемость дает нам шанс выпрыгнуть из самоубийственной колеи. Все другие сценарии имеют предсказуемый конец, и мы его знаем. Сложности с либеральной трансформацией и отсутствие пока субъектов этой трансформации не являются доказательством вынужденной необходимости продолжать нынешний путь. Нам нужно думать, как сделать эту трансформацию успешной, как доказать обществу, что это для него исторический шанс.

На этом я еще раз хочу поблагодарить Евгения Григорьевича за приглашение принять участие в обсуждении. И особо я благодарна Вам за то, что своим докладом позволяете оттачивать аргументацию в пользу сценария, о котором Вы сами сказали, что он для Вас внутренне — самый желанный.

Игорь Клямкин:

Спасибо, Лилия Федоровна. Очень объективная у нас сегодня аудитория. И доклад, и критика доклада приветствуются одинаково горячо. Я все же еще раз прошу воздерживаться от оваций. Иначе наше собрание рискует превратиться в митинг. Если кому-то похлопали, то и кому-то еще может захотеться. Переходим к свободной дискуссии. Думаю, основное внимание целесообразно сосредоточить на трех сценариях, о которых говорил Евгений Григорьевич, учитывая и высказанные оппонентами критические соображения. Пожалуйста, господин Стариков.

Иван Стариков: «Надеяться на сценарий постепенной модернизации при путинском президентстве — значит в очередной раз предаться иллюзиям».

Спасибо, Игорь Моисеевич. Я с интересом выслушал доклад Евгения Григорьевича. Но, знаете, после 24 сентября, когда открылась перспектива возвращения Путина в президентское кресло, я почувствовал во рту вкус старого хозяйственного мыла. И жить с таким ощущением 12 лет мне не хочется. Надеяться же, подобно докладчику, на сценарий постепенной модернизации при путинском президентстве — значит в очередной раз предаться иллюзиям. Они могут быть приятными, но от этого не перестанут быть иллюзиями. Единственный же реальный вариант модернизации — это вариант «рывка».

Конечно, главная проблема в том, как это сделать и кто сможет сделать. Олег Вячеславович Вьюгин говорил, как я его понял, о консолидации малого и среднего бизнеса. Это правильное направление. Но такая консолидация мыслима только в том случае, если бизнес обретет классовое сознание, в чем и надо ему помогать.

Бюрократия при путинской власти классовое сознание обрела. Она действует консолидированно — в том числе и по части обирания бизнеса. Но если он обретет свое классовое сознание и противопоставит его бюрократии, то ей не устоять. Тогда и станет возможен тот модернизационный рывок, которому Евгений Григорьевич противопоставляет постепенное развитие. Неужели оно возможно под путинским патронатом?

Мне, кстати, приходится иногда встречаться и с представителями бизнеса, приближенными к власти и дающими ей советы насчет модернизации. Одного из них, Бориса Титова, я встретил недавно на концерте Быкова с Ефремовым. Спрашиваю: «А ты что здесь делаешь?» Он ответил, что для него это отдушина. Отдушина, надо полагать, от той модернизаторской «выморочки», которой он занимается.

Игорь Клямкин:

Добровольно занимается, судя по его публичным высказываниям.

Иван Стариков:

Да, добровольно предается иллюзиям, в которые сам, наверное, не очень верит. Я вижу, как среди таких людей возникает дискомфорт, чуть ли не брезгливое отношение к самим себе. Это значит, происходит то самое гниение режима, о котором упомянул и Евгений Григорьевич. Такая власть долго не продержится. И у нас нет иного выхода, кроме формирования альтернативного политического пространства, формирования гражданского общества, что, в первую очередь, предполагает консолидацию нашего бизнеса. Для чего, повторяю, нужно помочь ему в развитии его классового сознания.

Игорь Клямкин:

Спасибо. Следующий — Виктор Леонидович Шейнис.

Виктор Шейнис: «Продуманная постепенность может оказаться уместной не до, а после осуществления стратегии рывка в политической сфере».

Евгений Григорьевич, Вы написали замечательный доклад. Но поскольку мое время жестко ограничено регламентом, я просто присоединюсь к комплиментам, которые были сказаны в Ваш адрес. Я разделяю ваше убеждение, что для успешной модернизации России необходимы демократические политические преобразования. Согласен и со многими высказанными по ходу изложения суждениями. И все же хотелось бы сделать несколько замечаний.

Первое. Изложив основные сценарии развития, Вы показываете на диаграмме итоги каждого из них в виде отношения ВВП на душу населения к технологической границе в 2050 г. Вы отмечаете, что этот анализ основан на опыте и интуиции, и высказываете сомнение, что кто-либо может предложить более точные результаты. Я пошел бы дальше. Думаю, что оценивать сценарии на 20 лет и тем более на 40 вперед, сопоставляя количественно выраженные показатели как критерий успеха или неуспеха избранных сценариев, — дело крайне ненадежное.

Время очень быстро меняет содержание любых интегральных и структурных экономических показателей. И я далеко не уверен, что ВВП на душу в середине

XXI в. будет означать то же, что сейчас. Мне часто приходилось воспроизводить известную мысль И. Валлерстайна: «Наступил конец знакомого мира». Поэтому предположить, что варианты модернизации могут быть оценены в той шкале, которой мы пользуемся сегодня, — очень вольное допущение. Не говоря уж о том, что могут возникнуть обстоятельства, которые мы не знаем сегодня и которые будут оказывать воздействие на темпы роста безотносительно к той или иной политике государства и внутренним факторам вообще.

Второе. Мне кажется, что очень важно, говоря о современной модернизации, выйти за рамки собственно экономических результатов, проанализировать итоговые (и промежуточные) сценарии модернизации не только по тому, кто и в каком темпе ее осуществляет, но и по тому, на какие сферы жизни общества она распространяется. И тогда критерии оценки не могут вообще быть сведены к приближению к американскому уровню экономического благосостояния общества. Гораздо важнее другое. Модернизация сверху действительно не раз осуществлялась, притом в достаточно радикальном варианте, и давала неплохие технологические показатели. Вспомним модернизацию начала XVIII в. в России.

Но в XXI в. понятие модернизации вообще иное. Нефтяные монархии Залива по душевым показателям ВВП сопоставимы с США, технология в ведущей отрасли, по-видимому, ультрасовременна, и уровень благосостояния коренного населения очень высок. Но можно ли сказать, что там осуществлена модернизация? Вряд ли. Был ли модернизацией «большой скачок» при Сталине? Сомневаюсь. Я убежден, что в XXI в. социальные отношения, политический режим и т.п. — не только условия и механизмы, но и содержательные компоненты модернизации. Общество с авторитарным режимом — не модернизированное. В обществе, где придавлена конкуренция (в том числе политическая), усиливается неравенство и процветает коррупция, не просто затруднен и ограничен процесс модернизации, но и происходит демодернизация.

Третье и самое главное. Евгений Григорьевич, я очень обрадовался, заметив сдвиг в Вашей позиции от изложенной в брошюре к оглашенной здесь сегодня. Из трех описанных Вами сценариев постепенное развитие в тексте Вы определили как не только самый вероятный, но и наиболее благоприятный вариант. Если я правильно Вас понял, сейчас Вы так не считаете.

Игорь Клямкин:

И сегодня говорилось об этом варианте как наиболее желательном.

Виктор Шейнис:

Значит, я не уловил, извините. Мои коллеги, Лилия Шевцова в частности, уже говорили, что постепенная (т.е. с отложенными политическими преобразованиями) модернизация сверху нереальна — во всяком случае, в нашей стране и в данное время. Вы приводите ряд примеров, когда постепенный и контролируемый характер преобразований давал позитивные результаты. Ваш пример — распространение либерально-демократических ценностей в 1905–1913 гг., прерванное войной. Мотивы же вступления России в войну были неразумны, и дальше случилось то, что случилось.

Евгений Григорьевич, Вашу оценку мотивов вступления России в войну я полностью разделяю, сказал бы даже резче. Но вязалось-то в войну Российское государство неслучайно. Как Вы полагаете, в 1914 г. какая часть российского политического класса согласилась бы с Вами и со мной? Все до кадетов и левее их были за войну. Не было ли то, к чему привела война, как раз результатом изначальной задержки, а затем постепенности, перерывов и откатов в реформировании российского общества после 1861 г., да и в начале XX в.? Постепенность нерезультативна и опасна, во всяком случае на старте преобразований, особенно в нынешних условиях. На Вашей и моей памяти немало примеров, когда неплохие, как казалось, но слишком осторожные меры уходили в песок.

По смыслу того, что сказано в брошюре: Вы возлагаете надежду на мудрого и сильного реформатора, который через несколько лет подготовки приступит к политическим преобразованиям. Но таких в российской истории до и после Александра II практически не было. На что уж благоприятны были условия в 1985–1988 гг.: дисциплинированная, повинующаяся командам сверху политическая система, готовый учиться на собственном опыте реформатор, осознание властной элитой, что «так дальше жить нельзя...», и т.д. Но реальные сдвиги наступили как раз тогда, когда послабления режима создали условия для давления снизу. А затем произошел и раскол в элите. Вот этому фактору, обусловившему переход от постепенности к ускорению, мы и обязаны тем, что вошло в нашу жизнь в 1989–1991 гг. и что в какой-то, хотя и малой, мере сохраняется сегодня. А разворот назад произошел не в 2003-м, а в 2000–2001 гг. Поворотное событие — не арест Ходорковского, а разгром НТВ или, еще точнее, выбор Ельцина в 1999 г.

Я разделяю точку зрения, которая здесь прозвучала, а именно — что продолжение отката и закрепление, ужесточение авторитаризма в сегодняшней России гораздо вероятнее при постепенном развитии, при отложенной политической реформе. И в связи с этим следует подчеркнуть значимость такого фактора, как общественное давление. Я не знаю, кто и каким образом может побудить правящую элиту к политическим преобразованиям. Такие силы сейчас не очень просматриваются. Но все-таки с большим интересом и вниманием я смотрю на те движения, пусть локальные, пусть частные, вроде борьбы за Химкинский лес и против монструозной башни Газпрома в Санкт-Петербурге, вроде движения «синих ведерок», обманутых дольщиков и т.д. Мне кажется, что здесь может заработать фактор давления.

И самое последнее. Здесь уже упоминали Ваше, Евгений Григорьевич, обращение к элите: «Ребята, вы можете это сделать», т.е. повернуть к «постепенной модернизации с отложенной демократизацией» — оптимальному будто бы сценарию. Я думаю, что «ребятам», если они готовы прислушиваться к экспертным оценкам, нужно говорить другое: «Смотрите, то, что вы делаете, ведет к утере страной ее позиций в мировой системе, к скатыванию России в слаборазвитый мир, к отставанию, которое становится необратимым, а в перспективе — к катастрофе, социальным бедствиям огромной разрушительной силы. Иного у Вас, при Вашей политике, нет и быть не может».

Мой общий вывод: продуманная постепенность может оказаться уместной не до, а после того, как в политической сфере совершится стратегия «рывка».

Игорь Клямкин:

Спасибо, Виктор Леонидович. То, о чем Вы говорите, — это вариант стран Восточной Европы, где политические реформы после падения коммунистических режимов осуществлялись одномоментно. И там, кстати, обошлось без откатов. Ирина Евгеньевна Ясина, пожалуйста.

Ирина Ясина: «Повторяйте себе каждый день, что все возможно, и тогда наше постепенное развитие будет все больше приближаться к состоянию рывка».

У меня сегодня два приятных события. Во-первых, мне Евгений Григорьевич больше не скажет: «Ты же не читала мой доклад!» Он меня все время этим попрекает. А в данном случае я все это в необработанном виде дома прослушала, поэтому можно сказать, что Евгений Григорьевич все это на мне опробовал.

Мы много спорили с папой по поводу того, возможен ли рывок, постепенно ли мы будем двигаться, и я, конечно, как любой либерально настроенный человек, очень хочу рывка. Но прекрасно понимаю, что его не будет. Потому что власть несознательная, если не клюнет жареный петух в попу, если экономика не будет оказывать такого давления, как в конце 1980-х, то ничего она делать не будет. В общем, пока жить становится хоть немного лучше (а пока еще становится), я не думаю, что нам светит что-то кроме постепенного развития.

Но оно и неплохо. Помню, я часто спрашивала Гайдара: «Егор Тимурович, а зачем Вы с ними сотрудничаете? Зачем Вы им помогаете?» А он всегда отвечал: «Ирочка, я уже один раз видел, как разваливается моя страна. Больше не хочу». Поэтому давите. Это единственное, что я для себя вижу. Кто-то, может, захочет подложить мину, но я для себя другой путь выбрала — постепенно, каждый день что-то делать, расшатывая эту лодку, что-то писать, что-то публиковать, кого-то перетягивать на свою сторону. Вот тогда этот постепенный путь будет ускоряться. Рывка не будет, не нужно надеяться на это. Но наше давление может стать настолько существенным, что количество перейдет в качество.

Хочу обратить внимание почтенного собрания на то, что вот там, возле стены у входа, второй человек с краю — Алеша Козлов, муж Оли Романовой, которого она выцарапала из тюрьмы. Это пример того, что мы все можем делать. Упереться в стену и начать давить, давить, давить. Я не знаю, почему Алешу выпустили. Наверное, потому, что они так хотели, чтобы Оля замолчала, чтобы только это не публиковалось каждый день везде. И это пример нам всем.

Когда вроде бы уже невозможно добиться желаемого, мы говорим себе: «Я бессилён, я ничего не могу». Не надо так говорить. Ничего подобного, правда. Повторяйте себе каждый день, что все возможно. И тогда наши усилия будут увеличиваться. И тогда наше постепенное развитие будет все более приближаться к состоянию рывка. Давайте к этому стремиться.

Игорь Клямкин:

Спасибо, Ирина Евгеньевна. Позиция ваша понятна. Теперь — Константин Бабкин.

Константин Бабкин: «Мне кажется, что существует разрыв между людьми, работающими в реальном секторе, и теми, кто олицетворяет либеральную идею».

Евгений Григорьевич, очень интересный ваш доклад, я внимательно его прослушал. Обратил внимание на приведенную Вами информацию о том, что по объему производства мы уже достигли уровня 1989–1990 гг. и превзошли его. Вы приводите примеры удачно реформированных отраслей: сервиса автомобилей, дистрибуции сотовых телефонов, черной металлургии. Однако в производстве, например, сельскохозяйственных машин все очень трагично. Насчитываются уже десятки погибших заводов, и я такие цифры приведу: производили мы 200 тыс. тракторов в год, сейчас производим 7 тыс. Комбайнов производили 120 тыс., сейчас производим 7 тыс.

Конечно, я согласен с тем, что нужно проводить либерализацию, демократизацию и улучшать инвестиционный климат. Но эти вопросы зависят от высшего руководства страны, и на их решение сложно повлиять. Однако не кажется ли Вам, что мы на своем уровне упустили последние 10 лет и собираемся дальше упускать такую возможность, как взаимодействие предприятий и людей, которые занимаются реальным сектором вообще и в отраслях машиностроения в частности, и либеральным блоком правительства?

За 10 лет, которые я занимаюсь машиностроением, ни один из министров либерального блока не поинтересовался тем, как обстоят дела в нашей отрасли. А у нас простые пожелания — нам нужно снижение налогов, особенно в части средств, которые мы направляем на модернизацию; нам нужна поддержка экспорта — это очень важно для нас. Нам нужно не повышение цен на ресурсы, что происходит сейчас, а радикальное их снижение. Непонятна и политика накопления средств за рубежом, хотелось бы больше направлять их в модернизацию и инвестиции. Я так вижу, что еще больше будет накапливаться. Как я понял, и Вы предлагаете еще больше денег сохранять в фондах накопления.

Итак, мой вопрос такой: не кажется ли Вам, что существует непонимание и даже разрыв между людьми, которые работают в реальном секторе, с одной стороны, и теми, кто олицетворяет либеральную идею — с другой? Не видите ли Вы тут большого упущения?

Евгений Ясин:

Я недавно слушал Вас по радио «Свобода». Вы рассказывали, что у Вас есть бизнес в Канаде и что Вы производите там сельскохозяйственные машины не для русских крестьян, а для канадских фермеров. И замечательно объяснили, почему так поступаете: предпринимательский инстинкт повел Вас туда, где можно работать.

Константин Бабкин:

Мы вложили деньги в канадскую экономику, потому что там иная, чем в России, экономическая политика.

Евгений Ясин:

А в чем такая политика должна заключаться? В Канаде дают субсидии?

Константин Бабкин:

Да, дают льготные кредиты.

Евгений Ясин:

В России тоже в сельском хозяйстве есть льготные кредиты.

Константин Бабкин:

В сельхозмашиностроении их нет.

Евгений Ясин:

Ладно, обсудим. И о разрыве между либералами в правительстве и производителями можно поговорить, но не сейчас.

Игорь Клямкин:

Надеюсь, что найдете общий язык. Следующий — Роман Доброхотов. Мы готовы Вас слушать.

Роман Доброхотов: «Не будет никакой модернизации без смены власти под давлением снизу».

Мне кажется, что в этой дискуссии сложился очень правильный консенсус насчет того, что модернизация невозможна без минимального либерального пакета. Появились лишь некоторые расхождения по поводу того, может она быть постепенной или не может. Ирина Ясина привела пример Алексея Козлова, которого отпустили благодаря постоянному давлению, и это вроде бы как доказывает, что постепенная либерализация возможна. Но и при Брежневe отпустили, скажем, Владимира Буковского, и не его одного, но едва ли это свидетельствовало о постепенной либерализации и модернизации. Да, сегодня отпустили одного бизнесмена, но еще несколько десятков тысяч других бизнесменов посадили. Поэтому говорить о том, что сейчас постепенно что-то движется вперед, мне кажется, наивно. То есть постепенно-то движется, но назад.

Так что вопрос о том, двигаться постепенно или не постепенно, не стоит. Модернизацию невозможно проводить по частям. Это системное явление, она, как и рыба, либо свежая, либо тухлая, нет тут промежуточных состояний. А вот где и правда есть развилка, так это в мотивации.

Здесь было озвучены две альтернативы существующему положению вещей. Одну озвучил Олег Вьюгин, говоривший о модернизации в интересах элиты. А вторая альтернатива — это общественное давление.

Что касается первой альтернативы, то мне кажется, что довольно наивно полагать, что в нынешних условиях элиты захотят перемен, потому что экономика при сверхвысоких ценах на нефть и газ сконцентрирована вокруг нескольких крупнейших корпораций, и они либо напрямую принадлежат государству, либо контролируются друзьями Владимира Путина. А если нет реальной конкуренции экономической, то не возникнет и политическая. Довольно сложно представить, что контролирующий финансовые активы «Газпрома» Юрий Ковальчук, владеющий в том числе и «Первым каналом» телевидения, вдруг озабочится модерни-

зацией. Очень сложно ожидать того же и от гражданина Финляндии Геннадия Тимченко, контролирующего перевозку нефти. Очень сложно ждать этого от всех членов кооператива «Озеро». Потому что правовое государство, если оно будет построено, первым же делом ударит по ним самим. Они начнут строить нормальное правосудие, и они же окажутся первыми его жертвами.

Если вторая альтернатива — модернизация под давлением общества, которое оказалось отстраненным от экономических благ, — то тут я бы поспорил с Евгением Ясиным, который ссылается на социологические опросы, показывающие, что большинство голосует за Путина. Очень хорошая подборка примеров была в последнем номере журнала «Коммерсантъ. Власть». Речь идет о так называемых «опрокидывающих выборах», которые происходили несколько десятков раз в истории, когда, несмотря на все соцопросы, правящая партия практически ничего не получала, хотя все прогнозировали ее успех, включая оппозицию. Дело в том, что люди либеральных взглядов чаще отказываются отвечать на вопросы социологов. А кроме того, в недемократических странах люди иногда стремительно меняют свое мнение, потому что в таких странах политический выбор не столько рационален, сколько эмоционален, а эмоции — штука изменчивая. То есть мы в соцопросах видим не реальные позиции общества, а ситуативное эмоциональное восприятие пропаганды на телевидении, которое может измениться в любой момент.

Подводя итог вышесказанному: брошюра Евгения Григорьевича хороша с экономической точки зрения, но с политической ее всю можно было выразить в одном предложении: не будет никакой модернизации без смены власти под давлением снизу, как бы вы ее ни назвали — «решительный рывок», «цветная революция» или как-то еще. Мы это, конечно, знали и ранее. Но спасибо Евгению Ясину за то, что мы, наконец, получили тому четкое экономическое обоснование.

Игорь Клямкин:

Благодарю Вас. Второе уже выступление, в котором докладчик, вопреки тексту, воспринимается сторонником «решительного рывка», да еще под давлением снизу. Любопытное восприятие. Господин Нуреев, пожалуйста.

Рустем Нуреев: «Если мы не будем формировать свою позитивную альтернативу существующему положению вещей, то она уж точно никогда не станет реальностью».

Доклад Евгения Григорьевича стоит особняком в общем потоке сценарного мифотворчества начала XXI в. Таких сценариев развития России в последние годы было немало — и у нас, и за рубежом. Но, в отличие от их авторов, Евгений Григорьевич уделяет большое внимание институциональному аспекту, что представляется мне важным.

Я согласен со многими из тех критических замечаний, которые были высказаны в ходе дискуссии. Да, доклад не свободен от налета мифотворчества. Но если мы не будем формировать свою позитивную альтернативу существующему положению вещей, пусть даже грешащую мифотворчеством, то она уж точно

никогда не станет реальностью, никогда не будет реализована на практике. Не может стать реальностью то, чего нет в головах.

Но нельзя при этом забывать и о тех препятствиях, которые способны заблокировать любую модернизацию. Напомню, что в 2011 г. Россия занимала в мире 182-е место из 182 возможных по получению лицензий и разрешений на ведение бизнеса, 162-е место — по наличию условий для международной торговли, 108-е — по показателю создания новых компаний. Она занимала 105-е место по уплате налогов, 93-е — по защите интересов, 89-е — по получению кредитов, 51-е — по регистрации собственности. Таково фактическое положение дел, и оно должно учитываться при написании сценариев и прогнозов развития.

Игорь Клямкин:

В списке желающих выступить остался только один человек — Наталья Смородинская. Прошу вас, Наталья Вадимовна.

Наталья Смородинская: «Мы должны строить долгосрочные прогнозы с поправкой на то, что в современном обществе уже не остается места для линейного поступательного развития».

Прежде всего, я хотела сказать, что интуиция Евгения Григорьевича, его сценарные расчеты и даже конкретные цифры по России удивительным образом соответствуют последним долгосрочным прогнозам мировых аналитических агентств. Во-первых, динамика темпов роста в целом совпадают с данными последнего, сентябрьского доклада МВФ о перспективах развития мировой экономики. В нем говорится, что в ближайшие 5 лет американский ВВП будет расти в среднем на 1–2% в год, а российский — на 4%. Во-вторых, аналогичный январский доклад экспертов Price Waterhouse Coopers «The World in 2050», хотя и оперирует другими соотношениями темпов, подводит Россию к тому же успешному итогу: 67% от уровня душевого ВВП США к 2030 г. и 74% — к 2050-му. При всей своей относительности эти сценарные прогнозы действительно впечатляют, и я благодарна Евгению Григорьевичу за то, что он показал позитив, потенциальные возможности России.

Насколько реалистичны и реализуемы эти возможности на практике? Здесь мне бы хотелось поддержать мысль Виктора Шейниса об условности наших сегодняшних расчетов. Очевидно, мы должны рассматривать будущее и строить долгосрочные макроэкономические прогнозы с учетом смены парадигмы, с поправкой на то, что в современном информационном обществе уже не остается места для линейного поступательного развития. Мы видим, что в ходе происходящей глобальной ломки мир меняет свои иерархичные формы на гораздо более пластичные, что под влиянием возросшего динамизма среды строение мировой экономики невероятно усложняется.

По представлениям американских экспертов, уже через 15–20 лет мир изменится до неузнаваемости — он станет многомерным пространством сетей и войдет в режим фрактального, скачкообразного развития. Это означает, что ускорение или свертывание роста тех или иных территорий будет происходить

неровно. Какие-то отстающие сегодня регионы могут неожиданно вырваться вперед, а другие, более благополучные, — наоборот, отстать. Поэтому мы должны учитывать, что через 40 лет можно прийти к другим межстрановым соотношениям в душевом ВВП — совсем не тем, которые мы можем сейчас рассчитать на основе привычных представлений о характере развития.

Теперь о том, что мне представляется главной мыслью в этой работе. Я ее прочитала 3 раза, каждый раз что-то писала для себя, комментируя, и каждый раз я отказывалась от своих предыдущих комментариев. Мне кажется, что самое ценное состоит даже не в сценариях как таковых, а в тезисе Евгения Григорьевича о том, что для России генеральным резервом развития является усвоение новой культуры, новых культурных ценностей. Это очень правильная постановка вопроса в контексте самого современного мирового опыта.

Если экономисты немного выйдут за рамки экономики, а политологи — за рамки политологии и посмотрят на вещи под более широким, междисциплинарным углом зрения, то они обнаружат, что социокультурный фактор становится сегодня новым главным рычагом стимулирования роста. С одной стороны, ход глобального кризиса показывает, что традиционные макроэкономические стимуляторы роста уже не работают. С другой стороны, мы видим, что есть территории, которые весьма успешно проходят зону турбулентности и что это именно те территории, где выше культура кооперации. Например, Скандинавия — сегодня она обладает самыми передовыми институциональными технологиями, а весь Балтийский макрорегион в целом считается новым экономическим мотором Европы.

Наши собственные исследования в Институте экономики позволяют заключить, что кооперация становится главным культурным кодом информационного общества и постиндустриальной экономики. Что нового можно сообщить о кооперации из передового зарубежного опыта? Во-первых, она нужна для того, чтобы снизить резко возросший уровень неопределенности внешней среды. Во-вторых, именно на кооперации, на комплементарном соединении ресурсов, технологий и компетенций построен механизм непрерывных обновлений — основа инновационного типа роста. В-третьих, это не просто кооперация, а сетевая кооперация, построенная исключительно на горизонтальных, неиерархичных связях.

Возникает понятие коллаборации, когда участники кооперации координируют свои планы в режиме интерактивного диалога — в целях формирования коллективного видения нового, совместной разработки новых продуктов и проектов. Наконец, это не просто сетевая кооперация, а кооперация в рамках кластерных сетей. Кластеры, которые впервые описал Майкл Портер, становятся сегодня новым структурообразующим звеном экономического пространства. И так далее и тому подобное.

Еще один важный момент — институциональное обучение (institutional learning). Прежде чем стать экономикой знаний, развивающиеся системы должны сначала стать обучающейся экономикой, т.е. освоить новые культурные нормы в ходе сотрудничества с более развитыми системами. Тот, кто войдет в глобальные сети связей, получит мощный внешний акселератор для реструктуризации экономики и ускорения роста. Поэтому России нужна широкая кооперация с

более продвинутыми партнерами. Не обязательно, чтобы нашими партнерами были самые развитые экономики. Но это должны быть территории или альянсы с передовым политическим мышлением, ориентированные на передовые социокультурные паттерны.

И последнее, о чем я хотела сказать. Возникает новая модель достижения экономического равновесия. Она связана с повсеместной социализацией управления, с новым управленческим плюрализмом, о котором писал Питер Друкер. Например, в Великобритании правительство Дэвида Кэмерона намерено передать большую часть своих управленческих полномочий на уровень многочисленных гражданских коллективов, оно реализует программу реформ, нацеленных на создание «большого сетевого общества вместо большого государства». Другие страны, где прямая социализация управления затруднена, а политические режимы не подлежат быстрому, как в Великобритании, реформированию, идут на постепенную децентрализацию, а точнее — регионализацию, экономического управления. Например, это делают Япония и Южная Корея в целях высвобождения энергии местной инициативы, стимулирования роста региональных кластерных сетей. Это называется новой промышленной политикой, что соответствует сценарию постепенной модернизации, о котором говорит Евгений Григорьевич.

Игорь Клямкин: «Нам надо выбираться из ловушки системного «реализма», в которой мы оказались».

Спасибо, Наталья Вадимовна. Разумеется, нам важно знать, в каком направлении развиваются мир и мировая экономика. Главный вопрос, однако, в том, может ли Россия воспользоваться «передовым зарубежным опытом» при нынешнем ее государственном устройстве. Больше нет желающих выступить? Тогда будем завершать дискуссию. Мы договорились с Евгением Григорьевичем, что немного изменим сложившийся на семинаре порядок, при котором дискуссию завершает модератор. Я хочу, чтобы на соображения, которые выскажу, докладчик, если будет на то его желание, сумел отреагировать в своем заключительном слове.

В представленном докладе мы видим три сюжета: описание сложившейся в России социально-экономической ситуации, возможные варианты модернизации и долгосрочный прогноз развития для каждого из вариантов. Статистическая картина реальности, представленная в первом сюжете, выглядит очень выразительно и свидетельствует о том, что страна в своем развитии застряла. Что касается сценария выхода из этого состояния, который Евгений Григорьевич считает самым реалистичным, то у меня на сей счет большие сомнения, которые соответственно распространяются и на представленный в докладе прогноз. И не потому, что другие сценарии кажутся мне более реалистичными. При утвердившейся в современной России системе политической монополии невозможен, по-моему, ни один из них. К сожалению, докладчик ничего не говорит о присущих этой системе ограничителях самореформирования. Она не может допустить возникновения внутри себя не только независимых политических сил, но и независимых экономических субъектов. Не может, кто бы ни был ее персонификатором.

Олег Вячеславович Вьюгин не исключает, правда, что мыслимо предоставление малому и среднему бизнесу возможности для свободной самоорганизации. Но такая возможность, даже если она будет дарована, не сможет быть реализована, так как будет подрывать господство бюрократии — главной системной силы, на которую опирается политическая власть.

Ну а призыв Ивана Старикова приступить к внесению классового сознания в головы буржуазии... (*Смех в зале.*) Да, этакое новое прочтение Ленина, призывавшего вносить классовое сознание в рабочий класс. Так вот, в таких системах, как нынешняя российская, ничего из этого получиться не может. Потому что частный бизнес в таких системах никогда и нигде на самостоятельную общественно-политическую роль не претендовал. Он начинает претендовать на нее, когда система обнаруживает свои слабости, когда возникает более или менее широкое сопротивление ей.

Сценарий постепенной модернизации, предлагаемый властям Евгением Григорьевичем, можно назвать проявлением своего рода ловушки системного «реализма». Сценарий быстрого прорыва («решительного рывка») к либеральной демократии, полагает докладчик, невозможен из-за отсутствия социального субъекта такого прорыва. С этим нельзя не согласиться: подобного субъекта в стране сегодня нет. Но и субъекта постепенной модернизации нет тоже.

Представить себе, что власть, опирающаяся на коррумпированную бюрократию, станет эту опору разрушать, я не в состоянии. Готов допустить, что изменения внутри системы могут представляться более реалистичными, чем ее трансформация. Но это всего лишь психология, индивидуальная особенность восприятия.

Почему все же либерализация экономики и создание соответствующих этому институтов правового государства, предусматриваемые оптимальным сценарием докладчика, выглядят в его глазах реалистичнее? Хотелось бы, чтобы Евгений Григорьевич это объяснил.

Его логика была бы понятнее, если бы в докладе были представлены аналоги предлагаемого варианта социально-экономической и правовой модернизации при отложенной политической демократизации, т.е. варианта модернизации авторитарной. О каком варианте идет речь? Сингапурском? Чилийском? Южнокорейском? Но ведь эти варианты мыслимы лишь при определенных внутренних и внешних обстоятельствах, и я не думаю, что нынешние российские обстоятельства идентичны тем, которые имели место в странах, прошедших через авторитарные модернизации. Здесь может быть предмет для обсуждения, но в докладе он отсутствует, а выходить за его содержательные границы вряд ли сейчас целесообразно.

Как бы то ни было, приверженцам либеральной демократии, каковым является и Евгений Григорьевич, не надо, на мой взгляд, необходимости выступать при сложившихся обстоятельствах в роли советчиков власти. Их задача, по моему, заключается в выдвижении стратегической интеллектуально-экспертной альтернативы нынешней системе. Альтернативы, обращенной не к власти, а к обществу. Отдаю себе отчет в том, что широкого запроса в нем на нее сейчас нет. Что социальные и политические субъекты, которые могли бы ее востребо-

вать, крайне слабы. Но это означает, что мы живем сегодня в чужом историческом времени. А чужое время может быть только медленным, т.е. временем упреждающего интеллектуального проектирования без расчета на скорый практический успех. Пытаться искусственно его ускорить в духе наших «системных либералов» — это, на мой взгляд, занятие малоперспективное, оно лишь камуфлирует архаичность нашей государственной системы, ее историческую несостоятельность, ее несоответствие современным вызовам.

Но и тотальная критика системы и ее персонификаторов при отсутствии альтернативного проекта бесперспективна тоже. Даже если она очень яркая и талантливая. Чацкий — не альтернатива Фамусову/Скалозубу/Молчалину, а всего лишь символ неприятия олицетворяемого ими мира. Как и 200 лет назад, мы все еще чувствуем себя обреченными на выбор между комфортностью конформизма и комфортностью самодостаточного обличительства.

Я говорю это не первый раз, а в ответ обычно слышу, что альтернативные проекты давно уже есть и что проблема лишь в том, как их практически осуществить. Но я их не вижу. Призывы типа того, что выборы должны быть честными, суды — независимыми, а СМИ — свободными, — это не системная альтернатива властной монополии. Хотя бы потому, что монополия эта закреплена в действующей Конституции. И если ни одна из политических сил, включая самые либеральные, на эту Конституцию в своих программах не покушается, то речь идет тем самым и о всеобщем согласии на сохранение монополии. Но если так, то что означает тогда тот же призыв к честным выборам? Он означает не что иное, как призыв к честной борьбе за овладение этой юридически санкционированной монополией в соответствии с известным принципом «вы слезьте — мы сядем». Или, на худой конец, за право в нее вмонтироваться, обрести в ней свой собственный скромный угол. И где же тут альтернатива?

Нам надо выбираться из ловушки системного «реализма», в котором мы оказались. Находясь в ней, некоторым из нас кажется, что, например, предлагать властям диалог о соблюдении Конституции — это более реалистично, чем настаивать на ее изменении. Но ведь и несоблюдение Конституции, равно как и других законов, именно потому и возможно, что оно предопределено персоналистской природой самой Конституции и охраняемой ею системы власти. Речь в данном случае идет не о докладе Евгения Григорьевича, а о партии «Яблоко», но и у Евгения Григорьевича даже в сценарии «решительного рывка» изменение Основного закона не предусматривается. Нельзя сказать, что в либеральной среде об этом не говорится вообще. Есть и конкретные предложения относительно того, как Конституцию следовало бы изменить. Но они не обсуждаются, общественное внимание к ним не привлекается.

Меня поразила реакция на недавнюю статью Ходорковского, в которой такие предложения были изложены, точнее — отсутствие какой-либо реакции со стороны нашей либеральной общественности. Очевидно, причина все та же: проекты преодоления политической монополии кажутся ей не реалистичными. Реалистичными же в ее глазах выглядят независимые суды, честные выборы и прочие замечательные вещи при сохранении монополии. Ее, разумеется, тоже ругают, но почему-то независимо от того, что ее узаконивает.

Я не могу объяснить это чем-то еще, кроме нашего самообмана относительно переживаемого страной исторического времени. Оно чужое, а мы склонны считать его своим. Оно требует от нас интеллектуальной субъектности, требует выдвижения альтернативного проекта институциональных преобразований, касающихся не только Конституции, но и всех государственных институтов, а мы предпочитаем этому «реалистичную» адаптацию к потенциальным возможностям системы, лишенной какого-либо стратегического потенциала, кроме зафиксированного докладчиком, и потенциала деградации. Никакой «дорожной карты» движения к либеральной демократии — ни быстрого, ни медленного — у такой системы быть не может, никаких предложений, подобных «карт» касающихся, ее персонификаторы не услышат, как не услышали до сих пор. Слушать, имитируя готовность к «диалогу», могут. А услышать — нет.

К тому же предлагаемый вариант авторитарной модернизации означает и молчаливое согласие с теми методами, которые при воспроизведении авторитарной власти в России используются. И, прежде всего с выборами на манер тех, что не так давно имели место в Красненькой речке. Мне, кстати, кажется, что в оценке выборов акцент нам стоило бы делать не на том, что их результаты соответствуют реальным настроениям людей, а на том, как они проводятся. Если «Единая Россия», по данным социологов, — бесспорный фаворит, то пусть она побеждает честно. Почему-то, будучи фаворитом, она прибегает к фальсификациям. Не будем забывать и о роли телевидения в поддержании рейтингов Путина с Медведевым и «Единой России». В этом отношении, как я понял, сценарий постепенного развития никаких изменений не предусматривает. И каким же образом общество будет в таком случае подготавливаться к «решительному рывку»?

В своих публичных выступлениях Евгений Григорьевич любит повторять, что он выступает за эволюционный путь развития и против революционного. Но к тому, о чем я говорю, эта дилемма отношения не имеет. В данном случае речь идет об альтернативном интеллектуально-экспертном целеполагании, а не о способах и методах его воплощения в жизнь. О том, во-первых, чтобы его предложить, и о том, во-вторых, чтобы привлечь к нему внимание общества, о развитии в нем институционального сознания и мышления, альтернативного сознанию и мышлению персоналистскому, которые до сих пор в стране доминируют и которые, к сожалению, остаются присущими и многим из нас.

При этом желательно помнить о том, что без его, общества, сознательного участия никакая модернизация, предполагающая глубокие системные преобразования, сегодня невозможна в принципе. И еще о том, что нынешней властной монополии глубокого системного кризиса избежать не удастся и что направление выхода из него тоже будет в решающей степени определяться состоянием общества.

Мое критическое отношение к сценарной части обсуждаемого доклада не исключает его общей позитивной оценки. И я имею в виду не только объективное и конкретное описание переживаемой страной ситуации. Я имею в виду и то, что доклад стимулирует развитие нашего мышления относительно характера самого этого мышления. А как относится ко всему здесь сказанному докладчик, мы сейчас узнаем. Пожалуйста, Евгений Григорьевич.

Евгений Ясин: «Либералам негоже выступать в роли советчиков власти только в том смысле, что не следует помогать укреплению властной монополии».

Прежде всего, хочу выразить глубокую признательность всем присутствующим и особенно оппонентам. Игорь Моисеевич Клямкин прав, я хотел обострить дискуссию среди единомышленников, каковыми мы остаемся и с ним, и с Лилией Федоровной Шевцовой, и с Олегом Вячеславовичем Вьюгиным. И поверьте, я понимаю, а в значительной степени и разделяю высказанные ими опасения, что путь «постепенной» модернизации, за который я ратую в своем докладе, может быть не более успешным, чем вариант решительного рывка.

Итак, я исхожу из нашего общего согласия относительно желательного сценария для России — рыночная экономика и либеральная демократия. И что сейчас главная задача, поскольку какую-то рыночную экономику мы все же имеем, — это либеральная демократия, минимальный пакет которой в моем докладе обозначен.

Напомню:

- 1) ликвидация персоналистского режима;
- 2) политическая и экономическая конкуренция;
- 3) верховенство права;
- 4) государство служит обществу;
- 5) децентрализация, развитие самоуправления.

Почему минимальный пакет? Потому что на начальном этапе я не считаю обязательным широкое участие большинства граждан в определении политической повестки дня. Да, гражданское общество объявляется условием демократии. Однако ныне в большинстве демократических стран этот принцип не соблюдается, в связи с чем обсуждаются явления свертывания демократии или постдемократии. Как бы то ни было, ставить в России утверждение демократии в зависимость от развитости гражданского общества — это, по меньшей мере, нереалистично. Это служит часто обоснованием тезиса, что в России демократия невозможна никогда или в ближайшие 100 лет.

Замечу, что либеральная демократия рассматривается мной как непереносимое условие модернизации снизу. Этот термин не нравится Лилии Шевцовой, заменяю его на «демократическую модернизацию». Это тем более справедливо, что и решительный рывок, и постепенное развитие (отложенная демократизация) — два рассматриваемых мною варианта — предполагают реализацию минимального пакета либеральной демократии как одновременное или за короткое время введение упомянутых выше комплементарных институтов, необходимых друг другу для взаимной поддержки. Получается, что разница между вариантами в основном в том, что постепенное развитие — это отложенная демократизация. Но постепенность важна, поскольку дает время на подготовку перемен — в том числе на определенное изменение массовых настроений. Лилия Федоровна сомневается в том, что постепенные изменения дают больше гарантий от откатов. Я бы просил ее учесть признаваемую мной неизбежность качественного скачка, но позже. И кроме того, я думаю, что большой рывок означает оставление позади множества недорешенных проблем, которые

будут рассматриваться как последствия самого рывка, порождая кризисные явления и волну недовольства, которые и станут основанием отката — более серьезным, чем при лучшей подготовке, более обстоятельных и целенаправленных усилиях либеральных сил.

Игорь Клямкин скажет: не дадут, нынешний режим не способен к самореформированию, для решения задачи его необходимо устранить. А пока это невозможно, стоит готовить только «стратегическую интеллектуально-экспертную альтернативу», обращенную не к власти, отвергающей любые перемены, а к обществу. А если и общество не готово, то значит мы, т.е. либералы, живем в «чужом историческом времени» и, кроме указанной альтернативы, обращенной в будущее, ничего сделать не можем.

Мне кажется, что у Игоря Моисеевича излишне резкий, черно-белый взгляд на сложившуюся политико-экономическую ситуацию. Чтобы пояснить свою мысль, использую сопоставление двух подходов, получивших отражение в новейшей западной литературе по теме.

Д. Асемоглу и Дж. Робинсон («Economic Origins of Dictatorship and Democracy», 2006) считают, что демократизация порождается противостоянием между элитой и неэлитой, когда первая опасается революции или по меньшей мере серьезных волнений. Остальные обстоятельства считаются менее важными, так что от них можно отвлечься. Справедливости ради замечу, что речь идет не только о паре «элита — неэлита», но и об институтах, которые придали бы долговременность политическим успехам.

Дуглас Норт, Дж. Уоллис и Б. Вэйнгаст («Насилие и социальные порядки», 2011) предлагают иной подход. Они исходят из того, что элита изначально неоднородна, и элитные группы стремятся избежать насилия прежде всего во взаимоотношениях между собой. А снижение уровня насилия — своего рода цивилизационный императив. Если это так, то желательные демократические перемены в институтах могут происходить не только через революции или уступки элиты наступающему на нее плембсу, но и в результате иных действий, например соглашений — вначале между элитными группами, а затем и с распространением на определенные слои населения. Нередко группы в элите представляют такие слои, например, бизнес, бюрократию, службы безопасности и охраны общественного порядка.

Что дает такое представление? Если вы исходите из модели «элита — неэлита», как Асемоглу и Робинсон, то ваша модель, возможно, слишком упрощает действительность, сгущая черно-белые тона. Так и у Клямкина, как мне кажется, нынешняя правящая группа сливается в неделимое целое. Вместе с теми, кто ей служит, она образует нынешнюю элиту. Ей противостоят малочисленные группы оппозиции. Остальное население — конформистская масса, у которой преобладают две противоположные идеи: 1) стабильность; 2) отнять и поделить.

Если вы исходите из модели Норта — Уоллиса — Вэйнгаста, группы внутри элиты борются между собой, будучи заинтересованы не в прекращении борьбы, но в том, чтобы были выработаны правила ее ведения, чтобы взаимно наносимый ущерб не был чрезмерным. Во взаимоотношениях между собой они продвигают не только свои материальные интересы, но и представления своих лидеров об

эффективной политике, которая может служить укреплению их влияния в обществе, повышению престижа и т.п. Возможны и коалиции, усиливающие влияние тех или иных групп. Интересы и представления элит продвигаются в массы — прежде всего, в слои, где сильно влияние тех или иных элитных групп.

Если государство демократическое, то вся эта довольно сложная дифференциация элиты обретает публичные формы. Если нет, идет подковерная борьба, плетутся интриги, но все равно элита дышит. И чем напряженнее ситуация в обществе, тем интенсивнее межгрупповые конфликты в элите — прежде всего по поводу разных вариантов решения актуальных проблем. Такая картина позволяет и либеральным силам, в любом случае образующим в элите более или менее консолидированные и сильные группы, продвигать свои идеи.

Выжидание благоприятных обстоятельств оказывается не единственным выходом. Так, в течение ряда лет в нашей путинской элите полностью доминировали государственнические и популистские настроения, представленные преимущественно «силовиками». Они родили идею «госкорпораций», удобную для присвоения обильных нефтяных доходов. Либералы, которых Игорь Моисеевич назвал бы «системными», т.е. входящими в нынешнюю элиту, отступали, боялись выражать вслух свои мнения. Разве что Алексей Кудрин осмеливался настаивать на финансовой ответственности и формировании резервов, что и либеральной-то идеей трудно назвать.

Но вот что-то изменилось в атмосфере, возможно повлияли кризис, грузинская война, мнения президента Медведева. Он, хотя, видимо, и подрядился быть «местоблюстителем престола», но все же стал вслух произносить слово «демократия», а про госкорпорации высказался определенно отрицательно. И их стали преобразовывать в иные формы. А следом появился амбициозный план новой приватизации. Правда, в условиях кризиса продажа активов на 1 трлн в год кажется сомнительной, но сам факт появления такого плана доносит из коридоров власти дух перехода либералов в наступление, хотя бы с целью закрытия брешей в бюджете. И стычку Медведева с Кудриным я бы тоже рассматривал как результат одного из столкновений элитных групп, вчера еще невозможных, а завтра, не исключено, все более многочисленных и вовлекающих в дискуссии все большее число экспертов.

Полагаю, что через какое-то время вопросы, ставшие 5–6 лет назад табу даже для обсуждений, например о развитии самоуправления и расширении полномочий местных органов, в том числе по установлению своих налогов и сборов (децентрализация), получат демократическое решение. Во всяком случае, инициатива Никиты Белых о самообложении в Кировской области стало фактом.

Игорь Моисеевич говорит также, что негоже настоящим либералам выступать в роли советчиков власти, пока сохраняется монополия власти. Я понимаю его так: не следует помогать укреплению этой монополии.

Но сама по себе идея «чем хуже, тем лучше» меня не привлекает. Я думаю, участвовать в борьбе мнений, пусть даже в контакте с правящей элитой, продвигать хотя бы частные идеи — допустимо и полезно, если вы одновременно публично излагаете свои позиции по принципиальным вопросам, критически оценивая вредные для общества действия власти. Сейчас, при современных ме-

тодах коммуникаций, вы тем самым влияете и на общественное мнение, показывая ему свою способность осуществлять и властные полномочия.

Игорь Моисеевич говорит также, что хорошо бы привести аналогии варианта постепенного развития «с отложенной демократизацией», но только не сингапурский, чилийский или южнокорейский, так как они проходили в иных условиях, чем нынешние российские. Но так обстоит дело с любыми аналогами. И все же я приведу некоторые примеры, которые, может быть, столь же не подходящие.

Асемоглу и Робинсон в упомянутой книге выделяют четыре пути от недемократии к демократии: 1) демократия, будучи однажды созданной, сохраняется и консолидируется, последовательно развиваясь. Примеры — Великобритания и США в XIX в.; 2) демократия побеждает, но потом быстро терпит крах. Пример — Аргентина XX столетия; 3) страна остается недемократической, или демократия сильно задерживается, потому что в обществе изначально нет ощутимых противоречий между богатыми и бедными, а в целом высок уровень жизни, люди довольны ею при сложившихся политических институтах. Пример — Сингапур; 4) в недемократической стране противостояние между богатыми и бедными столь велико, что преодолеть его затруднительно, богатые прибегают к все более неумеренным репрессиям. В конечном счете, уступки все равно производятся. Пример — Южная Африка в период апартеида.

Для России какие-то аналогии можно найти в первых двух случаях. В Великобритании демократия с большими условностями начиналась с сословных парламентов, где аристократия обсуждала свои проблемы с королем. В XVII в. палата общин в парламенте стала представлять торгово-промышленные круги, и центром противостояния стала борьба за власть между королем и аристократией, с одной стороны, и торгово-промышленными кругами — с другой.

Последние победили. Но в XIX в. центр тяжести в демократизации сместился на противостояние состоятельного меньшинства и бедного большинства. В последнем преобладали мелкие буржуа и лица наемного труда. Процесс приобрел весьма ясное выражение в увеличении числа избирателей. Это, по словам виконта Крэнборна, видного консервативного деятеля того времени, была битва «не партий, не классов, а часть великой политической борьбы нашего века — борьбы между собственностью... и всего лишь численностью». Очень выразительно!

Акт о реформе 1832 г., последовавший за рядом волнений, а также Июльской революцией 1830 г. в Париже, увеличил в Англии совокупный электорат с 493 до 806 тыс. человек. Но контроль в парламенте все еще принадлежал аристократии и крупным землевладельцам: в сельских округах для получения депутатского мандата достаточно было 1 тыс. избирателей.

1867 г. — второй акт о реформе: увеличение числа избирателей с 1,36 до 2,48 млн человек. Избиратели из числа рабочих стали большинством во всех городских округах.

1884 г. — третий акт о реформе снова увеличил электорат вдвое, распространив городские нормы голосования на сельские округа.

1918 г. — акт о представительстве народа дал право голоса всем взрослым мужчинам и женщинам старше 30, которые были налогоплательщиками или мужем за налогоплательщиками. Последнее, пожалуй, проявление демократии

налогоплательщиков, которая выражалась в имущественном цензе. В 1928 г. право голоса получили женщины, в Британии было введено всеобщее избирательное право. Демократизация по этому весьма простому измерению заняла примерно 100 лет. Это можно было считать и достижением полной либеральной демократии, поскольку в британском обществе уже давно устранили остатки средневековой феодальной организации. Развитие капитализма привело к доминированию рыночной социальной структуры, первичным узлом которой была торговая сделка с формальным равенством прав сторон, а личные отношения господства и подчинения, лежащие в основе социальной иерархии, оказались вытеснены. При этом никаких возвратов не наблюдалось. Продвижение было постепенным, но последовательным.

Заметим, что экономика и политическая система во многом менялись: преобладающее влияние лендлордов сменилось доминированием буржуазии, потом на политическую авансцену вышел рабочий класс, либералов в двухпартийной системе сменили лейбористы. Но ключевые институты, сложившиеся и укрепившиеся еще к началу XIX в. — частная собственность, свободный конкурентный рынок, правовое государство и независимый суд, — все это оставалось неизменным.

Аргентина обрела независимость в 1810 г. В течение 100 лет ожесточенная внутренняя борьба, порой гражданские войны сопровождали становление политической и правовой систем, партийное строительство. Но всемогущее избирательное право для мужчин введено в 1853 г. — на 65 лет раньше, чем в Великобритании. Выборы в течение всего этого периода были инсценировкой, манипулируемой сильными мира сего. А они происходили из крупных землевладельцев, экспортеров зерна и мяса, на которых держалась экономика.

В 1912 г. президентом от правящей партии «Партидо Аутономиста Насиональ» (ПАН) Саэнсом Пеньей была проведена демократическая реформа в расчете на политическую стабильность, которая в период несменяемого пребывания у власти ПАН всякий раз оказывалась под вопросом. Через 4 года оппозиционная радикальная партия сменила ПАН у власти, но политическая стабильность не была нарушена. По сути, с этих событий в Аргентине родилась демократия.

Но в то же время противоречие между «собственностью и численностью» получило политическое выражение в противостоянии Консервативной и Радикальной партий. Пребывание последней у власти привело к тому, что экономические интересы страны стали приноситься в жертву требованиям социальной справедливости, популизму. Демократия в консервативной элите стала восприниматься как угроза процветанию.

В 1930 г. военный переворот сместил правительство радикалов. Далее военные перевороты чередовались с выборами, более или менее манипулируемыми, пока очередной военный режим не потерпел поражение в войне за Фолклендские (Мальвинские) острова в 1982 г. В следующем году был избран гражданский президент радикал Альфонсин, и с тех пор военные перевороты до настоящего момента не повторялись. Но само чередование военных и гражданских режимов стало характерной чертой политической жизни Аргентины и многих других латиноамериканских стран. Возвраты к недемократии, слабая консоли-

дация демократических сил, непостепенность и непоследовательность — отличия от британского варианта, явно связанные с отмеченным противоречием между собственностью и численностью в сочетании — что особенно важно — с отсутствием сильной правовой традиции.

Какие же выводы из этих примеров можно сделать для России, кроме того, что у нас иные условия? Во-первых, то, что мы ближе к Аргентине, но с той разницей, что у нас не приняты военные перевороты. Во-вторых, и традиции права, за вычетом соблюдения юридических ритуалов, также не сильны. И, стало быть, нам нужно особенно опасаться возвратов, не удивляться склонности элит к имитациям и манипуляциям. Строить политику сторонников демократии на либеральных принципах, избегая популизма. Двигаться лучше постепенно, но широким фронтом, имея своих друзей и союзников и во властной элите, и в широких слоях населения. Их задача сейчас в том, чтобы способствовать выращиванию основных институтов конституционного либерализма (термин Фарида Закария) — частной собственности, свободного конкурентного рынка в экономике и политике, верховенства права.

Я думаю, что Игорь Моисеевич все равно будет неудовлетворен, ибо эти аналогии — еще менее подходящие, чем Чили или Южная Корея. Можно предложить для размышлений еще страны Восточной Европы, наиболее на нас похожие. Но тогда будет дополнительный повод для размышлений: пусть при меньших экономических успехах, в этих странах как-то закрепились демократические порядки, а вот в России, Белоруссии и Украине — нет. После процесса Юлии Тимошенко Украину можно включать в этот список без больших сомнений. Видно, культурные различия и внешние влияния сыграли важную роль.

Очевидно, что Россия из описанных аналогов была после 1990 г. ближе к Аргентине: военных переворотов не было, но одна из элитных групп, получив власть, решила удерживать ее, опираясь на спецслужбы. Для поддержки сложившейся политической структуры уже сформировались группы интересов. Положение в экономике, несмотря на кризис, начавшийся в 2008 г., не создает экстраординарных стимулов к политическим переменам. Такова реальность. Вместе с тем было бы желательно, чтобы последующее развитие страны было ориентировано на демократию, и чтобы путь к ней был подобен британскому последовательному движению.

Игорь Клямкин справедливо полагает, что нынешняя система, опирающаяся на монополию власти, не дает возможностей развития ни по одному из описанных мною сценариев. Я почти с ним согласен. Одна только оговорка: первый сценарий, т.е. авторитарная модернизация, допускает сохранение монополии на какой-то период, и на этот период модернизация будет реально заморожена. Другие сценарии предполагают разрушение монополии власти, единовременное или постепенное. Я желал бы скорейшей и быстрой ее ликвидации, но исторический опыт показывает, что революции имеют сложные и зачастую негативные последствия. Постепенное развитие — тоже плохой вариант: нудный, долгий, компромиссный и уже поэтому насыщенный институциональными ловушками. Но все же, я думаю, он по условиям России предпочтительнее и вероятнее.

Да, время для сторонников либеральной демократии не лучшее. Особенно в связи с ожидаемым избранием нового старого президента. Но я не считаю возможным сказать, что это чужое историческое время. Не мое время, это точно; мое прошло. Но новые поколения наших сограждан хотят хорошо прожить свою жизнь, богаче и осмысленнее, чем мы. Надо поделиться опытом, учитывая их видение мира. И не только предложением альтернативных вариантов политико-экономического устройства страны, но и работой над выращиванием конкретных институтов, будь то система образования или трансформация персоналистского режима.

Спасибо за интересную дискуссию.

Игорь Клямкин:

Коллеги, на этом мы нашу сегодняшнюю встречу завершаем. Благодарю Евгения Григорьевича, доклад которого стимулировал довольно острую полемику, благодарю оппонентов и всех выступавших. Всего вам доброго!

**ХРОНИКА
НАУЧНОГО СЕМИНАРА
«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ
ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА»**

«Трансплантация экономических институтов»

26 декабря
2001 г.

С докладом выступили:

Виктор Меерович Полтерович

доктор экономических наук, зав. лабораторией
Центрального экономико-математического института РАН

Леонид Абрамович Фридман

доктор экономических наук,
профессор Института стран Азии и Африки при МГУ

Владимир Александрович Мау

доктор экономических наук, профессор,
руководитель Рабочего центра экономических реформ
при Правительстве РФ

«Современные проблемы судебной реформы»

30 января
2002 г.

С докладом выступил:

Сергей Анатольевич Пашин

профессор Московского института экономики,
политики и права

«Выполнение программы экономических реформ»

27 февраля
2002 г.

С докладом выступили:

Олег Владиславович Фомичев

и.о. руководителя Департамента программ
развития экономики Министерства экономического развития
и торговли РФ

Патриция Исаева

ведущий экономист Российско-европейского центра
экономической политики

В дискуссии приняли участие:

Александр Васильевич Маслов

кандидат юридических наук, Заслуженный юрист РФ,
статс-секретарь — заместитель министра экономического
развития и торговли РФ

Олег Вячеславович Вьюгин

исполнительный вице-президент, главный экономист
инвестиционной компании «Тройка Диалог»

Александр Николаевич Привалов

научный редактор журнала «Эксперт»

27 марта
2002 г.

**«Монопольная и антимонопольная политика
в России»**

В семинаре приняли участие:

Юрий Владимирович Кузнецов

кандидат экономических наук, консультант
Центра фискальной политики, старший научный сотрудник
Института народнохозяйственного прогнозирования РАН

Наталья Евгеньевна Фонарева

кандидат экономических наук, первый заместитель
министра РФ по антимонопольной политике и поддержке
предпринимательства

Вячеслав Иванович Моргунов

доктор экономических наук, профессор кафедры
экономической теории ГУ ВШЭ

Андрей Евгеньевич Шаститко

доктор экономических наук,
профессор экономического факультета МГУ

24 апреля
2002 г.

«Российские финансовые рынки»

В семинаре приняли участие:

Николай Александрович Цветков

кандидат экономических наук, президент
финансовой корпорации «НИКойл»

Юрий Алексеевич Данилов

кандидат экономических наук, старший советник
по макроэкономике Центра развития фондового рынка

Райр Райрович Симонян

управляющий директор,
президент по российским операциям банка «Морган Стэнли»
<http://www.liberal.ru/articles/925>

29 мая
2002 г.

«Жилищная реформа и самоуправление»

В семинаре приняли участие:

Надежда Борисовна Косарева

кандидат экономических наук,
президент фонда «Институт экономики города»

Нина Юрьевна Беляева

профессор, зав. кафедрой публичной политики ГУ ВШЭ

<http://www.liberal.ru/articles/947>

**«Российская жизнь на уровне
административного района»**

25 сентября
2002 г.

С докладом выступил:

Вячеслав Леонидович Глазычев

доктор искусствоведения,

профессор Московского архитектурного института

<http://www.liberal.ru/articles/934>

**«Экономические преобразования в России,
ВТО и глобализация»**

30 октября
2002 г.

С докладом выступил:

Константин Вадимович Ремчуков

депутат Государственной Думы,

заместитель председателя Комитета

по природным ресурсам и природопользованию,

председатель Высшего научно-консультационного совета

ООО «Компания “Базовый элемент”»,

председатель Общественного совета

по вопросам присоединения России к ВТО

<http://www.liberal.ru/articles/942>

**«Социальное самочувствие и ценности
населения посткризисной России»**

20 ноября
2002 г.

В семинаре приняли участие:

Николай Иванович Лапин

доктор философских наук,

профессор кафедры социально-экономических систем

и социальной политики ГУ ВШЭ,

член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник,

руководитель Центра социокультурных изменений

Института философии РАН

Леонид Григорьевич Ионин

доктор философских наук, профессор,

декан факультета прикладной политологии ГУ ВШЭ

Никита Евгеньевич Покровский

доктор социологических наук, профессор,

зав. кафедрой общей социологии ГУ ВШЭ

Овсей Ирмович Шкаратан

доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой социально-экономических систем
и социальной политики ГУ ВШЭ

Азер Гамидович Эфендиев

доктор философских наук, профессор,
декан факультета менеджмента ГУ ВШЭ
<http://www.liberal.ru/articles/963>

18 декабря
2002 г.

**«Методика исследования коррупции
в России»**

С докладом выступил:

Георгий Александрович Сатаров

президент Фонда «ИНДЕМ»

<http://www.liberal.ru/articles/981>

29 января
2003 г.

**«Крупный российский бизнес
и проблемы модернизации»**

С докладом выступил:

Александр Александрович Дынкин

доктор экономических наук,
первый заместитель директора
Института мировой экономики и международных
отношений РАН, член-корреспондент РАН
<http://www.liberal.ru/articles/995>

26 февраля
2003 г.

«Нужна ли России революция менеджеров?»

С докладом выступил:

Сергей Ростиславович Филонович

доктор физико-математических наук, профессор
кафедры управления человеческими ресурсами ГУ ВШЭ,
декан Высшей школы менеджмента

В дискуссии приняли участие:

Овсей Ирмович Шкаратан

доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой социально-экономических систем
и социальной политики ГУ ВШЭ,
основатель и главный редактор журнала «Мир России»

Вячеслав Вячеславович Щербина

доктор социологических наук, профессор,
зав. кафедрой управления
человеческими ресурсами ГУ ВШЭ

Азер Гамидович Эфендиев

доктор философских наук, профессор кафедры управления
человеческими ресурсами ГУ ВШЭ,
декан факультета менеджмента
<http://www.liberal.ru/articles/1002>

**«Роль энергетической стратегии
в экономической политике государства»**

26 марта
2003 г.

С докладом выступил:

Владимир Станиславович Милов

президент исследовательского фонда
«Институт стратегического развития ТЭК»

В дискуссии приняли участие:

Алексей Александрович Макаров

директор Института энергетических исследований РАН

Виталий Васильевич Бушуев

генеральный директор
ГУ «Институт энергетической стратегии»
Министерства энергетики РФ
<http://www.liberal.ru/articles/1030>

«Пенсионная реформа: доверие и инвестиции»

23 апреля
2003 г.

В семинаре приняли участие:

Михаил Эгонович Дмитриев

первый заместитель министра экономического развития
и торговли РФ

Михаил Юрьевич Зурабов

председатель правления Пенсионного фонда РФ

Виктор Семенович Плескачевский

депутат Государственной Думы РФ,
председатель Комитета по собственности

Павел Михайлович Теплухин

президент, управляющий компанией «Тройка Диалог»
<http://www.liberal.ru/articles/1016>

«Малый бизнес в России: есть ли сдвиги?»

27 мая
2003 г.

В семинаре приняли участие:

Александр Юльевич Чепуренко

президент Национального института
системных исследований проблем предпринимательства

Владимир Викторович Буев

генеральный директор Национального института
системных исследований проблем предпринимательства

Олег Михайлович Шестоперов

генеральный директор АНО «ИКЦ “Бизнес-Тезаурус”»,
директор по проектам Национального института
системных исследований проблем предпринимательства

Алексей Олегович Шеховцов

первый заместитель генерального директора
Национального института системных исследований
проблем предпринимательства

Андрей Геннадиевич Цыганов

заместитель министра РФ по антимонопольной политике
и поддержке предпринимательства

Сергей Ренатович Борисов

президент Общероссийской общественной организации
малого и среднего предпринимательства «ОПОРА России»

25 июня
2003 г.

**«Нерыночный сектор: структурные реформы
и экономический рост»**

С докладом выступил:

Евгений Григорьевич Ясин

доктор экономических наук, профессор,
научный руководитель ГУ ВШЭ

В дискуссии приняли участие:

Евгений Евгеньевич Гавриленков

кандидат технических наук, профессор, главный экономист
и исполнительный директор компании «Тройка Диалог»

Аркадий Владимирович Дворкович

заместитель министра
Министерства экономического развития и торговли РФ
<http://www.liberal.ru/articles/1067>

1 октября
2003 г.

«Исследования российских элит»

С докладом выступил:

Ольга Викторовна Крыштановская

кандидат философских наук, академик
Академии политической науки, руководитель Центра
изучения элиты Института социологии РАН

<http://www.liberal.ru/articles/1084>

29 октября
2003 г.

«Бедность и неравенство в России»

В семинаре приняли участие:

Лилия Николаевна Овчарова

директор научных программ
Независимого института социальной политики

Людмила Александровна Рязанова
заместитель руководителя Департамента
региональной экономики Министерства
экономического развития и торговли РФ

Светлана Геннадьевна Мисихина
эксперт Московского регионального представительства
Международной организации труда
<http://www.liberal.ru/articles/1106>

**«Взаимодействие групп интересов
и их влияние на экономические реформы
в современной России»**

26 ноября
2003 г.

В семинаре приняли участие:

Владимир Александрович Мау
ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ

Андрей Александрович Яковлев
кандидат экономических наук, проректор по науке ГУ ВШЭ,
директор Института анализа предприятий и рынков

Алексей Юрьевич Зудин
кандидат политических наук, доцент кафедры
публичной политики факультета
прикладной политологии ГУ ВШЭ,
заместитель зав. кафедрой по научной работе

**«Состояние сельского хозяйства
и аграрная политика»**

24 декабря
2003 г.

С докладом выступила:

Евгения Викторовна Серова
доктор экономических наук, профессор, президент
Аналитического центра «Агропродовольственная экономика»,
зав. кафедрой аграрной экономики
факультета экономики ГУ ВШЭ

«Проблемы реформы здравоохранения»

28 января
2004 г.

С докладом выступили:

Игорь Михайлович Шейман
кандидат экономических наук,
профессор кафедры государственного управления
и экономики общественного сектора ГУ ВШЭ

Сергей Владимирович Шишкин
доктор экономических наук, профессор
кафедры государственного управления
и экономики общественного сектора ГУ ВШЭ,

директор научных программ
Независимого института социальной политики
Владимир Иванович Стародубов
доктор медицинских наук, профессор,
член-корреспондент РАМН, генеральный директор
ЦНИИ организации и информатизации здравоохранения
<http://www.liberal.ru/articles/1145>

25 февраля
2004 г.

«Ненаблюдаемая экономика»

С докладом выступили:
Владимир Владимирович Дребенцов
старший экономический советник отдела экономики
и политики, департамент по России, Всемирный банк
Ростислав Исаакович Капелюшников
доктор экономических наук,
ведущий научный сотрудник Института мировой экономики
и международных отношений РАН,
зам. директора Центра трудовых исследований ГУ ВШЭ
Вадим Валерьевич Радаев
доктор экономических наук, первый проректор ГУ ВШЭ,
зав. кафедрой экономической социологии
<http://www.liberal.ru/articles/1174>

31 марта
2004 г.

«Демографические вызовы России»

С докладом выступили:
Анатолий Григорьевич Вишневский
доктор экономических наук, руководитель
Центра демографии и экологии человека
Института народнохозяйственного прогнозирования РАН,
действительный член РАЕН
Ирина Александровна Збарская
начальник управления переписи населения
и демографической статистики Госкомстата России
Виктор Иванович Переведенцев
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института сравнительной политологии РАН
<http://www.liberal.ru/articles/1187>

28 апреля
2004 г.

«Российская бюрократия»

В семинаре приняли участие:
Евгения Марковна Альбац
доктор философии, политический обозреватель
радиостанции «Эхо Москвы»

Павел Михайлович Кудюкин

директор Центра проблем
государственного управления ГУ ВШЭ

Андрей Владимирович Шаров

кандидат юридических наук,
директор Департамента государственного регулирования
в экономике Министерства экономического развития
и торговли РФ

Александр Валентинович Оболонский

доктор юридических наук, главный научный сотрудник
Института государства и права РАН

«Реформа образования»

С докладом выступил:

Ярослав Иванович Кузьминов

ректор ГУ ВШЭ

26 мая
2004 г.

**«Динамика электоральных предпочтений
в регионах России»**

С докладом выступили:

Фуад Тагиевич Алескеров

заведующий отделом Аппарата Президента РФ
по работе правоохранительных органов

Святослав Игоревич Каспэ

руководитель информационно-аналитической службы
Фонда «Российский общественно-политический центр»

Федор Вадимович Шелов-Коведяев

профессор кафедры прикладной политологии ГУ ВШЭ
<http://www.liberal.ru/articles/1201>

30 июня
2004 г.

«Человеческий капитал»

С докладом выступил:

Марк Юрьевич Урнов

кандидат экономических наук, профессор,
декан факультета прикладной политологии ГУ ВШЭ,
председатель Фонда аналитических программ «Экспертиза»

В дискуссии приняли участие:

Александр Григорьевич Асмолов

доктор психологических наук, профессор,
зав. кафедрой психологии личности МГУ

Лариса Николаевна Вдовиченко

доктор социологических наук, профессор, советник
Председателя Совета Федерации РФ

29 сентября
2004 г.

Александр Александрович Коновалов

профессор,

президент Института стратегических оценок и анализа

Юлий Анатольевич Нисневич

кандидат технических наук,

доктор политических наук, профессор,

директор Института проблем либерального развития,

научный руководитель Центра законодательной

и парламентской работы

Владимир Самуилович Собкин

доктор психологических наук, академик РАО,

директор Центра социологии

образования РАО

24 ноября
2004 г.**«Современная российская
интеллектуальная элита»**

С докладом выступила:

Ксения Александровна Абульханова

доктор философских наук, профессор,

зав. кафедрой психологии личности факультета

психологии ГУ ВШЭ,

зав. лабораторией психологии личности Института

психологии РАН, действительный член РАО

В дискуссии приняли участие:

Андрей Григорьевич Здравомыслов

доктор философских наук, профессор кафедры

общей социологии ГУ ВШЭ, главный научный сотрудник

Института комплексных социальных исследований РАН

Владимир Александрович Ядов

доктор философских наук, профессор,

руководитель Центра исследований

социальных трансформаций Института социологии РАН,

профессор кафедры общей социологии ГУ ВШЭ

<http://www.liberal.ru/articles/1228>22 декабря
2004 г.**«Кто несет на себе тяжесть призыва
в российскую армию?»**

С докладом выступили:

Руслан Емцов и Михаил Локшин

Всемирный банк

В дискуссии приняли участие:

Эдуард Аркадьевич Воробьев

председатель Московского городского отделения

политической партии «Союз правых сил»

Александр Матвеевич Гольц

военный аналитик, заместитель главного редактора
политического издания «Еженедельный журнал»

Виталий Иванович Цымбал

доктор технических наук, профессор, зав. лабораторией
Института экономики переходного периода

Виталий Васильевич Шлыков

кандидат экономических наук, член Совета
по внешней и оборонной политике

«Изменения в российской экономике»

С докладом выступили:

Евгений Евгеньевич Гавриленков

кандидат технических наук, профессор,
зав. кафедрой прикладной макроэкономики,
директор Института макроэкономических исследований
и прогнозирования, главный экономист
инвестиционной компании «Тройка Диалог»

Евсей Томович Гурвич

кандидат физико-математических наук,
руководитель Экономической экспертной группы

В дискуссии приняли участие:

Алексей Леонидович Ведев

кандидат экономических наук,
директор аналитической лаборатории «Веди»,
директор по проектам Центра развития

Андрей Николаевич Клепач

кандидат экономических наук,
директор Департамента
макроэкономического прогнозирования
Министерства экономического развития и торговли РФ

26 января
2005 г.

«Радикальный ислам наступает»

С докладом выступили:

Леонид Сергеевич Васильев

доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой всеобщей и отечественной истории ГУ ВШЭ

Александр Александрович Игнатенко

доктор философских наук, президент Института религии
и политики, член Совета по взаимодействию
с религиозными объединениями при Президенте РФ

Георгий Ильич Мирский

доктор исторических наук, профессор кафедры
мировой политики ГУ ВШЭ,

16 февраля
2005 г.

главный научный сотрудник Института мировой экономики
и международных отношений РАН

Леонид Рудольфович Сюкияйнен

доктор юридических наук,

профессор кафедры финансового права ГУ ВШЭ

<http://www.liberal.ru/articles/1238>

30 марта
2005 г.

«Реформы в социальной сфере: останавливать или ускорять?»

С докладом выступил:

Лев Ильич Якобсон

доктор экономических наук,

профессор, первый проректор, зав. кафедрой

государственного управления

и экономики общественного сектора ГУ ВШЭ

В дискуссии приняли участие:

Андрей Романович Марков

кандидат экономических наук, старший советник

по социальной политике Всемирного банка

Марк Юрьевич Урнов

кандидат экономических наук, профессор,

декан факультета прикладной политологии ГУ ВШЭ,

председатель Фонда аналитических программ «Экспертиза»

Сергей Владимирович Шишкин

доктор экономических наук,

профессор кафедры государственного управления

и экономики общественного сектора ГУ ВШЭ,

директор научных программ

Независимого института социальной политики

27 апреля
2005 г.

«Бизнес и власть: нужен ли закон о лоббизме?»

С докладом выступил:

Алексей Павлович Любимов

доктор юридических наук, профессор ГУ ВШЭ,

заместитель начальника отдела Правового управления

Аппарата Государственной Думы,

главный редактор журнала

«Представительная власть — XXI век»

В дискуссии приняли участие:

Валерий Гаврилович Драганов

председатель Комитета Государственной Думы

по экономической политике, предпринимательству

и туризму

Олег Владиславович Фомичев

директор по развитию Центра стратегических разработок

Илья Георгиевич Шаблинский

доктор юридических наук, профессор кафедры
конституционного и административного права ГУ ВШЭ

Игорь Юрьевич Юргенс

кандидат экономических наук, вице-президент
Российского союза промышленников и предпринимателей,
первый вице-президент ИК «Ренессанс Капитал»

Церен Валерьевич Церенов

заместитель директора Департамента
по корпоративному управлению МЭРТ России
<http://www.liberal.ru/articles/1242>

**«Влиятельность фракций
в российском парламенте»**

25 мая
2005 г.

С докладом выступили:

Фуад Тагиевич Алескеров

доктор технических наук, профессор, зав. кафедрой
высшей математики на факультете экономики ГУ ВШЭ,
зав. лабораторией Института проблем управления РАН

Георгий Александрович Сатаров

кандидат технических наук,
президент Регионального общественного фонда
«Информатика для демократии»

В дискуссии принял участие:

Марк Юрьевич Урнов

кандидат экономических наук,
декан факультета прикладной политологии ГУ ВШЭ,
председатель Фонда аналитических программ «Экспертиза»

**«Приживется ли демократия в России»
(представление книги Е.Г. Ясина)**

22 июня
2005 г.

С докладом выступил:

Евгений Григорьевич Ясин

научный руководитель ГУ ВШЭ,
президент Фонда «Либеральная миссия»

В дискуссии приняли участие:

Никита Юрьевич Белых

председатель Федерального политического совета
политической партии «Союз правых сил»

Виталий Товиевич Третьяков

профессор МГИМО,
главный редактор журнала «Политический класс»

Игорь Моисеевич Клямкин

вице-президент Фонда «Либеральная миссия»

Марк Юрьевич Урнов

декан факультета прикладной политологии ГУ ВШЭ,
председатель Фонда аналитических программ «Экспертиза»
<http://www.liberal.ru/articles/5632>

28 сентября
2005 г.

«От империи к нации?»

С докладом выступили:

Игорь Григорьевич Яковенко

доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник Института социологии РАН

Владислав Леонидович Иноземцев

доктор экономических наук, научный руководитель
Центра исследований постиндустриального общества,
главный редактор журнала «Свободная мысль — XXI»

Александр Фридрихович Филиппов

профессор, зав. кафедрой практической философии ГУ ВШЭ

Эмиль Абрамович Паин

доктор политических наук, генеральный директор
Центра этнополитических исследований
<http://www.liberal.ru/articles/1240>

26 октября
2005 г.

**«Динамика коррупции в условиях
аномальной экономики»**

С докладом выступил:

Георгий Александрович Сатаров

кандидат технических наук,
президент Регионального общественного фонда «ИНДЕМ»

В дискуссии приняли участие:

Евсей Томович Гурвич

доктор физико-математических наук, руководитель
Экономической экспертной группы

Мстислав Платонович Афанасьев

доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой государственных финансов ГУ ВШЭ

Револьд Михайлович Энтов

доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой теории денег и кредита ГУ ВШЭ

Фуад Тагиевич Алескеров

доктор технических наук, профессор, зав. кафедрой
высшей математики на факультете экономики ГУ ВШЭ,
зав. лабораторией Института проблем управления РАН
<http://www.liberal.ru/articles/1251>

**«Программа демократической
модернизации России»**

23 ноября
2005 г.

С докладом выступил:
Евгений Григорьевич Ясин
научный руководитель ГУ ВШЭ,
президент Фонда «Либеральная миссия»
<http://www.liberal.ru/articles/1244>

**«Концепция судебной реформы:
что не сделано?»**

14 декабря
2005 г.

В семинаре приняли участие:
Тамара Георгиевна Морщакова
доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой судебной власти
и организации правосудия ГУ ВШЭ,
Заслуженный юрист РФ
Михаил Александрович Краснов
доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой
конституционного и административного права ГУ ВШЭ
Елена Борисовна Абросимова
кандидат юридических наук, доцент,
Заслуженный юрист РФ
Татьяна Николаевна Нешатаева
доктор юридических наук, профессор,
судья Высшего арбитражного суда РФ
Леонид Васильевич Никитинский
кандидат юридических наук,
старшина Гильдии судебных репортеров
<http://www.liberal.ru/articles/1249>

«Медиакратия»

1 февраля
2006 г.

С докладом выступил:
Борис Владимирович Дубин
ведущий научный сотрудник Левада-Центра
(Аналитического центра Юрия Левады)
В дискуссии приняли участие:
Елена Ивановна Афанасьева
телеобозреватель радиостанции «Эхо Москвы»
Даниил Борисович Дондурей
главный редактор журнала «Искусство кино»
Мария Александровна Липман
главный редактор журнала «Pro et Contra»,
член научного совета Московского центра Карнеги

22 февраля
2006 г.

Игорь Александрович Яковенко
генеральный секретарь Союза журналистов России
<http://www.liberal.ru/articles/1322>

**«Бюджетная реформа:
от управления затратами
к управлению результатами»**

С докладом выступил:

Алексей Михайлович Лавров
кандидат географических наук,
директор Департамента бюджетной политики
Министерства финансов РФ

В дискуссии приняли участие:

Мстислав Платонович Афанасьев
доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой государственных финансов ГУ ВШЭ

Руслан Семенович Гринберг
доктор экономических наук,
профессор, директор Института экономики РАН

Надежда Борисовна Косарева
кандидат экономических наук,
президент Фонда «Институт экономики города»

29 марта
2006 г.

**«Доверие в экономике:
количественная оценка»**

С докладом выступил:

Игорь Алексеевич Николаев
доктор экономических наук,
профессор ГУ ВШЭ, директор Департамента
стратегического анализа компании ФБК

В дискуссии приняли участие:

Виктор Евгеньевич Дементьев
доктор экономических наук, профессор,
зав. лабораторией
Центрального экономико-математического института РАН

Александр Кимович Ляско
доктор экономических наук, профессор кафедры
институциональной экономики ГУ ВШЭ,
Институт экономики РАН

Виталий Леонидович Тамбовцев
доктор экономических наук, профессор,
зав. лабораторией экономического факультета МГУ
<http://www.liberal.ru/articles/1266>

**«Возможность столкновения цивилизаций:
глобализация и идентичность»**

(по материалам Шестого форума
«Демократия, развитие и свободная торговля»,
который состоялся
11–13 апреля 2006 г.
в Катаре)

26 апреля
2006 г.

С докладом выступил:

Сергей Александрович Медведев

кандидат исторических наук, профессор
кафедры прикладной политологии ГУ ВШЭ

В дискуссии приняли участие:

Алексей Всеволодович Малашенко

доктор исторических наук, профессор,
ведущий эксперт Московского центра Карнеги

Виталий Вячеславович Наумкин

доктор исторических наук, профессор,
руководитель Центра арабских исследований
Института востоковедения РАН

Ибрагим Тауфик

доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Института востоковедения РАН,
председатель Российского общества исламоведов
<http://www.liberal.ru/articles/1326>

**«Демократизация, качество институтов
и экономический рост»**

С докладом выступили:

Виктор Меерович Полтерович

доктор экономических наук, академик РАН

Владимир Викторович Попов

доктор экономических наук, профессор,
Российская экономическая школа,
Академия народного хозяйства

В дискуссии приняли участие:

Евсей Томович Гурвич

кандидат физико-математических наук,
руководитель Экономической
экспертной группы

Георгий Александрович Сатаров

кандидат технических наук,
президент Фонда «ИНДЕМ»
<http://www.liberal.ru/articles/1328>

31 мая
2006 г.

28 июня
2006 г.

«Свобода прессы, стимулы бюрократов и ресурсное проклятие»

С докладом выступили:

Сергей Маратович Гуриев

доктор экономических наук,
ректор Российской экономической школы

Константин Исаакович Сонин

кандидат физико-математических наук,
профессор Российской экономической школы / Центра
экономических и финансовых исследований и разработок

Георгий Владимирович Егоров

аспирант Гарвардского университета

В дискуссии приняли участие:

Владимир Станиславович Милов

президент Института энергетической политики

Владимир Алексеевич Бородин

независимый журналист

<http://www.liberal.ru/articles/1338>

27 сентября
2006 г.

«Настоящее и будущее газовой промышленности»

С докладом выступил:

Владимир Станиславович Милов

президент Института энергетической политики

В дискуссии приняли участие:

Евсей Томович Гурвич

научный руководитель

Экономической экспертной группы

Владимир Владимирович Дребенцов

глава экономических исследований

Группы компаний ВР

Владимир Исаакович Фейгин

заместитель председателя правления

НП «Координатор рынка газа»

<http://www.liberal.ru/articles/1342>

25 октября
2006 г.

«Можно ли повысить рождаемость?»

С докладом выступила:

Татьяна Михайловна Малева

директор Независимого института социальной политики

В дискуссии приняли участие:

Анатолий Григорьевич Вишневский

руководитель Центра демографии и экологии человека

Владимир Ефимович Гимпельсон
директор Центра трудовых исследований
Сергей Юрьевич Роцин
проректор ГУ ВШЭ
Яна Михайловна Роцина
заместитель зав. кафедрой
экономической социологии ГУ ВШЭ
<http://www.liberal.ru/articles/1340>

Презентация книги Егора Тимуровича Гайдара
«Гибель империи.
Уроки для современной России»

22 ноября
2006 г.

С докладом выступил:
Егор Тимурович Гайдар
директор Института экономики переходного периода

«Барьеры на пути реформы ЖКХ»
(презентация брошюры Е.Г. Ясина
«Политическая экономия реформы ЖКХ»)

8 декабря
2006 г.

С докладом выступил:
Евгений Григорьевич Ясин
научный руководитель ГУ ВШЭ,
президент Фонда «Либеральная миссия»
В дискуссии приняли участие:
Надежда Борисовна Косарева
президент Фонда «Институт экономики города»
Михаил Эрикович Никольский
генеральный директор ООО «Новая городская
инфраструктура Прикамья»
Сергей Иванович Круглик
руководитель Федерального агентства
по строительству и ЖКХ
Александр Сергеевич Пузанов
генеральный директор Фонда
«Институт экономики города»

«Количество ресурсов
и качество институтов»

24 января
2007 г.

С докладом выступили:
Виталий Леонидович Тамбовцев
доктор экономических наук,
профессор экономического факультета МГУ

Лилия Аскарвна Валитова

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник экономического факультета МГУ

В дискуссии приняли участие:

Андрей Евгеньевич Шаститко

доктор экономических наук,
профессор экономического факультета МГУ,
генеральный директор Фонда
«Бюро экономического анализа»

Сергей Маратович Гуриев

доктор экономических наук, ректор Российской
экономической школы, директор Центра экономических
и финансовых исследований и разработок
<http://www.liberal.ru/articles/1358>

28 февраля
2007 г.

**«Роль Стабфонда в обеспечении
макроэкономической стабильности
и расчет нефтегазового бюджета»**

С докладом выступил:

Алексей Леонидович Кудрин

министр финансов Российской Федерации
<http://www.liberal.ru/articles/1364>

28 марта
2007 г.

**«Перспективы стран БРИК. Особенности
России в мировом контексте»**

С докладом выступил:

Евгений Григорьевич Ясин

доктор экономических наук, профессор,
научный руководитель ГУ ВШЭ

В дискуссии приняли участие:

Сергей Иванович Лунев

доктор исторических наук, профессор МГИМО

Василий Васильевич Михеев

член-корреспондент РАН,
зав. секцией Китая и Японии Института мировой экономики
и международных отношений РАН
<http://www.liberal.ru/articles/1378>

25 апреля
2007 г.

**«Степень демократичности российских выборов:
критерии оценки»**

С докладом выступил:

Александр Владимирович Иванченко

доктор юридических наук, председатель Совета директоров
Независимого института выборов

В дискуссии приняли участие:

Владимир Николаевич Козлов

кандидат географических наук, ведущий аналитик
Группы «Меркатор», старший научный сотрудник
Института географии РАН

Александр Владимирович Кынев

кандидат политических наук,
эксперт Независимого института выборов

Аркадий Ефимович Любарев

кандидат юридических наук, руководитель дирекции
мониторинга избирательных кампаний Независимого
института выборов

Владимир Львович Римский

зав. отделом социологии Фонда «ИНДЕМ»
<http://www.liberal.ru/articles/1382>

«Доступное жилье»

С докладом выступили:

Надежда Борисовна Косарева

президент Фонда «Институт экономики города»

Виктор Меерович Полтерович

доктор экономических наук, академик РАН,
зав. лабораторией Центрального
экономико-математического института РАН

Олег Юрьевич Старков

кандидат экономических наук, научный сотрудник
Центрального экономико-математического института РАН
<http://www.liberal.ru/articles/1390>

30 мая
2007 г.

«Что выбрать из двух зол, или Возможная реформа косвенного налогообложения в России»

С докладом выступил:

Михаил Юрьевич Орлов

председатель Экспертного совета по налоговому
законодательству Комитета Государственной Думы РФ
по бюджету и налогам

В дискуссии приняли участие:

Сергей Юрьевич Беляков

заместитель руководителя комитета Российского союза
промышленников и предпринимателей по бюджету и налогам

Илья Вячеславович Трунин

директор Департамента налоговой и таможенно-тарифной
политики Министерства финансов РФ
<http://www.liberal.ru/articles/1398>

27 июня
2007 г.

26 сентября
2007 г.

«Какой модели человека принадлежит будущее — экономической, социологической?»

С докладом выступил:

Вадим Валерьевич Радаев

профессор,

зав. кафедрой экономической социологии,

руководитель Лаборатории

экономико-социологических исследований,

первый проректор ГУ ВШЭ

В дискуссии приняли участие:

Сергей Александрович Афонцев

ведущий научный сотрудник Института мировой экономики

и международных отношений РАН

Ростислав Исаакович Капелюшников

заместитель директора

Центра трудовых исследований ГУ ВШЭ

<http://www.liberal.ru/articles/1408>

31 октября
2007 г.

«Пенсионная система: проблемы и решения»

С докладом выступил:

Евсей Томович Гурвич

кандидат физико-математических наук,

руководитель Экономической экспертной группы

В дискуссии приняли участие:

Сергей Валентинович Бровчак

кандидат экономических наук,

исполнительный директор НПФ «Участие»

Татьяна Михайловна Малева

кандидат экономических наук, директор Независимого

института социальной политики

Аркадий Константинович Соловьев

доктор экономических наук, профессор, начальник

Управления актуарных расчетов Пенсионного фонда РФ

<http://www.liberal.ru/articles/1434>

28 ноября
2007 г.

«Бедная держава»

С докладом выступил:

Жорж Соколофф

экономист и историк,

доктор политологических и экономических наук,

почетный профессор Национального института

восточных языков и культур (INALCO),

советник Института прогнозирования
и международной информации (СЕРИИ),
кавалер орденов «За заслуги» и Академических Пальм
<http://www.liberal.ru/articles/1436>

**«Российская империя
против российского хаоса. К проблеме
имперского сознания в России»**

19 декабря
2007 г.

С докладом выступил:
Владимир Карлович Кантор
доктор философских наук, профессор ГУ ВШЭ,
член Союза российских писателей

**«Состояние мировой
экономической конъюнктуры и перспективы
экономической политики России»**

30 января
2008 г.

С докладом выступил:
Егор Тимурович Гайдар
доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономики переходного периода,
зав. кафедрой переходной экономики
факультета экономики ГУ ВШЭ
<http://www.liberal.ru/articles/1452>

«Россия на мировом демографическом фоне»

27 февраля
2008 г.

С докладом выступил:
Анатолий Григорьевич Вишневский
доктор экономических наук, директор Института демографии
В дискуссии принял участие:
Александр Владимирович Акимов
доктор экономических наук, зав. отделом
экономических исследований Института востоковедения РАН
<http://www.liberal.ru/articles/1458>

**«Неудовлетворенность жизнью и реформами
в странах с переходной экономикой»**

26 марта
2008 г.

С докладом выступила:
Екатерина Всеволодовна Журавская
профессор Российской экономической школы,
научный руководитель Центра экономических и финансовых
исследований и разработок, PhD по экономике

В дискуссии приняли участие:
Людмила Александровна Хахулина
кандидат экономических наук,
заместитель директора Левада-Центра
Александр Александрович Сусоколов
заместитель зав. кафедрой
экономической социологии ГУ ВШЭ
<http://www.liberal.ru/articles/1460>

23 апреля
2008 г.

**«Культурные ценности и социальный капитал:
измерение, динамика, влияние
на социально-экономическое развитие России»**

С докладом выступили:
Надежда Михайловна Лебедева
доктор психологических наук,
профессор кафедры организационной
и рефлексивной психологии ГУ ВШЭ
Александр Николаевич Татарко
кандидат психологических наук,
доцент кафедры организационной
и рефлексивной психологии ГУ ВШЭ
<http://www.liberal.ru/articles/1462>

28 мая
2008 г.

«Русский бизнес от рождения до наших дней»

С докладом выступил:
Павел Михайлович Теплухин
президент управляющей компании «Тройка Диалог»
В дискуссии приняли участие:
Игорь Михайлович Бунин
президент Фонда «Центр политических технологий»
Сергей Ильич Воробьев
управляющий партнер компании Ward Howell International
<http://www.liberal.ru/articles/1464>

25 июня
2008 г.

**«Международный финансовый кризис
и российская экономика»**

С докладом выступил:
Евсей Томович Гурвич
кандидат физико-математических наук,
руководитель Экономической экспертной группы
В дискуссии приняли участие:
Александр Геннадьевич Морозов
главный экономист банка HSBC (Россия)

Алексей Леонидович Ведев

директор Центра стратегических исследований

ОАО «Банк Москвы»

<http://www.liberal.ru/articles/1979>

**«Социокультурные предпосылки
модернизации России»**

1 октября
2008 г.

С докладом выступила:

Наталья Евгеньевна Тихонова

доктор социологических наук,

зав. кафедрой социально-экономических систем

и социальной политики ГУ ВШЭ

В дискуссии приняли участие:

Николай Иванович Лапин

член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник

Института философии РАН, руководитель

Центра социокультурных изменений

Виктор Александрович Красильщиков

доктор экономических наук, зав. сектором

общих проблем Центра проблем развития и модернизации

Института мировой экономики

и международных отношений РАН

<http://www.liberal.ru/articles/1474>

**«Буржуазные преобразования в незападных
обществах (традиции и модернизация)»**

29 октября
2008 г.

В семинаре приняли участие:

Александр Бенционович Гофман

кандидат философских наук, доктор социологических наук,

профессор кафедры общей социологии ГУ ВШЭ

Георгий Ильич Мирский

доктор исторических наук, профессор,

главный научный сотрудник Института мировой экономики

и международных отношений РАН

<http://www.liberal.ru/articles/1981>

«Социальное рыночное хозяйство»

26 ноября
2008 г.

С докладом выступил:

Рустем Махмутович Нуреев

доктор экономических наук, профессор,

зав. кафедрой экономического анализа организаций и рынков

факультета экономики ГУ ВШЭ

В дискуссии приняли участие:

Владимир Петрович Гутник

зав. кафедрой мировой экономики ГУ ВШЭ,
доктор экономических наук, профессор

Александр Юльевич Чепуренко

декан факультета социологии ГУ ВШЭ,
доктор экономических наук, профессор
<http://www.liberal.ru/articles/1986>

24 декабря
2008 г.

«Военная реформа: новый этап»

С докладом выступил:

Виталий Иванович Цымбал

зав. лабораторией военной экономики Института экономики
переходного периода, действительный член Академии
военных наук РФ, доктор технических наук, профессор

В дискуссии приняли участие:

Эдуард Аркадьевич Воробьев

советник директора Института экономики
переходного периода, генерал-полковник запаса

Александр Матвеевич Гольц

заместитель главного редактора интернет-издания
«Ежедневный журнал»

Виталий Иванович Шлыков

председатель Комиссии по политике безопасности
и экспертизе военного законодательства Общественного
совета при Министерстве обороны РФ
<http://www.liberal.ru/articles/4266>

28 января
2009 г.

«Факторы, способствующие и препятствующие модернизации: современные и традиционные культуры, взгляд историка»

С докладом выступил:

Леонид Сергеевич Васильев

зав. кафедрой всеобщей и отечественной истории факультета
прикладной политологии ГУ ВШЭ, главный научный сотрудник
Института востоковедения РАН, доктор исторических наук,
профессор

В дискуссии приняли участие:

Леонид Иосифович Бородин

руководитель Центра экономической истории исторического
факультета МГУ, доктор исторических наук, профессор

Татьяна Евгеньевна Ворожейкина

независимый эксперт

<http://www.hse.ru/data/2010/01/25/1229056982/faktor.pdf>

**«Белые пятна на карте правосудия.
Исторический опыт “диктатуры закона”,
вид снизу»**

25 февраля
2009 г.

С докладом выступил:

Леонид Васильевич Никитинский

обозреватель «Новой газеты», старшина Гильдии судебных
репортеров, секретарь Союза журналистов России,
кандидат юридических наук

В дискуссии приняли участие:

Тамара Георгиевна Морщакова

судья Конституционного суда РФ в отставке,
зав. кафедрой судебной власти и организации
правосудия ГУ ВШЭ,

доктор юридических наук, профессор

Георгий Александрович Сатаров

президент Фонда «ИНДЕМ», кандидат технических наук

<http://www.liberal.ru/articles/4496>

«Ставка на российского потребителя»

С докладом выступила:

Ирина Швакман

старший партнер McKinsey&Company

В дискуссии приняли участие:

Диляра Ханифовна Ибрагимова

ведущий научный сотрудник

Независимого института социальной политики

Ольга Евгеньевна Кузина

старший научный сотрудник ГУ ВШЭ

Лев Аронович Хасис

главный исполнительный директор
компании X5 Retail Group

4 марта
2009 г.

«Демократия: развитие российской модели»

С докладом выступили:

Игорь Михайлович Бунин

президент Фонда «Центр политических технологий»

Борис Игоревич Макаренко

председатель правления

Фонда «Центр политических технологий»

Алексей Владимирович Макаркин

первый вице-президент

Фонда «Центр политических технологий»

<http://www.liberal.ru/articles/4363>

25 марта
2009 г.

29 апреля
2009 г.

«Мировой экономический кризис: причины, природа, альтернативы»

В семинаре приняли участие:

Александр Владимирович Бузгалин

профессор МГУ, главный редактор журнала «Альтернативы»,

доктор экономических наук

Сергей Александрович Афонцев

ведущий научный сотрудник Института мировой экономики

и международных отношений РАН,

доцент МГИМО(У) МИД РФ, кандидат экономических наук

Андрей Иванович Колганов

ведущий научный сотрудник экономического факультета МГУ,

доктор экономических наук

Константин Исаакович Сонин

профессор Российской экономической школы, обозреватель
газеты «Ведомости», кандидат физико-математических наук

<http://www.liberal.ru/articles/4330>

27 мая
2009 г.

«Европейское социальное исследование и изучение базовых ценностей россиян на его основе»

С докладом выступили:

Анна Владимировна Андреевкова

заместитель директора Института сравнительных

социальных исследований,

кандидат политических наук

Максим Геннадьевич Руднев

научный сотрудник Института социологии РАН

В дискуссии приняли участие:

Алексей Юрьевич Зудин

доцент кафедры публичной политики факультета

прикладной политологии ГУ ВШЭ

Александр Николаевич Татарко

доцент кафедры организационной и рефлексивной
психологии факультета психологии ГУ ВШЭ, кандидат
психологических наук

<http://www.liberal.ru/articles/4533>

30 сентября
2009 г.

«Конец российской модели рынка труда?»

С докладом выступил:

Ростислав Исаакович Капелюшников

заместитель директора Центра трудовых исследований

ГУ ВШЭ, доктор экономических наук

В дискуссии приняли участие:

Ирина Анатольевна Денисова

ведущий научный сотрудник Центра экономических
и финансовых исследований и разработок,
старший научный сотрудник Центрального
экономико-математического института РАН,
профессор Российской экономической школы

Михаил Эгонович Дмитриев

президент Фонда «Центр стратегических разработок»,
доктор экономических наук

Владимир Самуилович Магун

зав. сектором исследований личности Института социологии
РАН, кандидат психологических наук

Фёдор Тимофеевич Прокопов

исполнительный вице-президент Российского союза
промышленников и предпринимателей, управляющий
директор Управления трудовых отношений и социальной
политики

<http://www.liberal.ru/articles/4480>

«Афроазиатизация современного мира»

С докладом выступил:

Аполлон Борисович Давидсон

директор Центра африканских исследований
Института всеобщей истории РАН и Центра российских
исследований Университета Кейптауна (ЮАР),
президент Международной ассоциации британских
исследований, доктор исторических наук,
профессор ГУ ВШЭ

В дискуссии приняли участие:

Леонид Сергеевич Васильев

зав. кафедрой всеобщей и отечественной истории ГУ ВШЭ,
доктор исторических наук, профессор

Иван Владимирович Кривушин

доктор исторических наук, профессор ГУ ВШЭ

Георгий Ильич Мирский

доктор исторических наук, профессор ГУ ВШЭ

<http://www.liberal.ru/articles/4567>

28 октября
2009 г.

«ЕГЭ: введение нового института»

С докладом выступили:

Григорий Гельмутович Канторович

проректор ГУ ВШЭ, зав. кафедрой математической
экономики и эконометрики,
кандидат физико-математических наук, профессор

25 ноября
2009 г.

Мария Сергеевна Добрякова

научный сотрудник Института развития образования,
директор по порталам ГУ ВШЭ,
кандидат социологических наук

В дискуссии приняли участие:

Юрий Павлович Вяземский

зав. кафедрой мировой литературы и культуры
МГИМО(У) МИД РФ, Заслуженный работник культуры РФ,
кандидат исторических наук, профессор

Ефим Лазаревич Рачевский

директор Центра образования № 548,
Заслуженный учитель школы РФ,
член Общественной палаты РФ
<http://www.liberal.ru/articles/4571>

16 декабря
2009 г.

**«Уроки кризиса и перспективы развития
российской и глобальной экономики»**

С докладом выступила:

Ксения Валентиновна Юдаева

директор Центра макроэкономических исследований
Сбербанка России

В дискуссии приняли участие:

Сергей Владимирович Алексахенко

кандидат экономических наук,
директор по макроэкономическим исследованиям ГУ ВШЭ,

Владимир Владимирович Дребенцов

кандидат экономических наук, главный экономист
по России и СНГ, Группа компаний ВР

Алексей Владимирович Моисеев

зам. начальника аналитического управления
Банка «Ренессанс Капитал»

Александр Геннадьевич Морозов

кандидат экономических наук,
главный экономист по России и СНГ
банка HSBC (Россия)

Алексей Викторович Новиков

генеральный директор компании
Standard&Poor's EA Ratings
<http://www.liberal.ru/articles/4610>

27 января
2010 г.

«Финансовый кризис — переоценка риска»

С докладом выступил:

Сеппо Ремес

независимый директор

В дискуссии приняли участие:

Сергей Владимирович Алексахенко

директор по макроэкономическим исследованиям НИУ ВШЭ,
кандидат экономических наук

Евгений Евгеньевич Гавриленков

управляющий директор, главный экономист инвестиционной
компания «Тройка Диалог», доктор экономических наук,
профессор НИУ ВШЭ

<http://www.hse.ru/news/recent/14430802.html#video>

«Политическое измерение русской модернизации»

24 февраля
2010 г.

С докладом выступил:

Борис Игоревич Макаренко

председатель правления Центра политических технологий,
директор Дирекции по общественно-политическим
проблемам развития Института современного развития

В дискуссии приняли участие:

Михаил Николаевич Афанасьев

директор по стратегиям и аналитике ЦПК «НИККОЛО М»,
кандидат философских наук, доктор социологических наук

Ирина Марковна Бусыгина

директор Центра региональных политических исследований
МГИМО (У) МИД РФ, доктор политических наук, профессор

Евгений Шлемович Гонтмахер

член правления Института современного развития,
доктор экономических наук

Александр Владимирович Кынев

руководитель региональной программы Фонда развития
информационной политики, кандидат политических наук
<http://www.liberal.ru/articles/4636>

«Продовольственная программа в мире и в России: перспективы и решение»

31 марта
2010 г.

С докладом выступил:

Александр Константинович Гапоненко

главный научный сотрудник Института биологии развития
им. Н.К. Кольцова РАН, доктор биологических наук,
профессор

В дискуссии приняли участие:

Александр Григорьевич Голиков

директор Центра политики управления риском генной
инженерии живых организмов, эксперт в области
биобезопасности Программы ООН
по окружающей среде (ЮНЕП)

Виталий Анатольевич Пухальский

главный научный сотрудник
Института общей генетики им. Н.И. Вавилова,
доктор биологических наук, профессор

Дмитрий Николаевич Рылько

генеральный директор Института конъюнктуры
аграрного рынка, кандидат экономических наук
<http://www.liberal.ru/articles/4788>

28 апреля
2010 г.

**«Динамика развития демократии
в постсоветской России»**

С докладом выступил:

Сергей Викторович Санович

младший научный сотрудник
Лаборатории институционального анализа
экономических реформ НИУ ВШЭ

В дискуссии приняли участие:

Игорь Моисеевич Клямкин

вице-президент Фонда «Либеральная миссия»,
политолог, доктор философских наук

Андрей Юрьевич Мельвиль

доктор философских наук, профессор факультета
прикладной политологии НИУ ВШЭ

Николай Владимирович Петров

кандидат географических наук, член Научного совета
Московского центра Карнеги

Кирилл Юрьевич Рогов

политический обозреватель,
эксперт Института экономики
переходного периода

<http://www.liberal.ru/videos/show23>

27 мая
2010 г.

«Будущее Латинской Америки»

С докладом выступил:

Мариано Грондона

профессор Национального университета Буэнос-Айреса
и Гарварда, доктор права

В дискуссии приняли участие:

Татьяна Евгеньевна Ворожейкина

независимый эксперт

Игорь Григорьевич Яковенко

доктор философских наук, профессор РГГУ
<http://www.liberal.ru/articles/5030>

**«Общественные настроения в 2010 году
(ожидания, отношение к власти, потенциал
солидарности, возможности изменений)»**

29 сентября
2010 г.

С докладом выступил:

Лев Дмитриевич Гудков

руководитель Левада-Центра

В дискуссии приняли участие:

Татьяна Евгеньевна Ворожейкина

независимый эксперт

Кирилл Юрьевич Рогов

сотрудник Института экономической политики

им. Е.Т. Гайдара

<http://www.liberal.ru/videos/show21>

**«Эксперимент с демократией
и ее использование в России»**

27 октября
2010 г.

С докладом выступил:

Глеб Олегович Павловский

президент Фонда эффективной политики

В дискуссии приняли участие:

Вячеслав Леонидович Глазычев

директор Института продвижения инноваций

Общественной палаты РФ

Георгий Александрович Сатаров

президент Фонда «ИНДЕМ»

<http://www.liberal.ru/articles/5060>

**«Перспективы реформирования
российского здравоохранения»**

24 ноября
2010 г.

С докладом выступили:

Сергей Владимирович Шишкин

проректор НИУ ВШЭ, доктор экономических наук, профессор

Игорь Михайлович Шейман

кандидат экономических наук, профессор НИУ ВШЭ

В дискуссии приняли участие:

Владимир Иванович Стародубов

доктор медицинских наук, профессор,

директор ЦНИИ организации и информатизации

здравоохранения

Гузель Эрнстовна Улумбекова

исполнительный директор Ассоциации профессиональных

медицинских обществ по качеству медицинской помощи

и медицинского образования

<http://www.liberal.ru/articles/5146>

29 декабря
2010 г.

«Противодействие коррупции: пределы возможного»

С докладом выступила:

Елена Анатольевна Панфилова

генеральный директор

Центра антикоррупционных исследований
и инициатив «Трансперенси Интернешнл — Р»,
заместитель зав. Проектно-учебной лабораторией
антикоррупционной политики НИУ ВШЭ
<http://www.liberal.ru/articles/5293>

26 января
2011 г.

«Векторы социальной модернизации»

С докладом выступила:

Татьяна Михаловна Малева

директор Независимого института социальной политики,
кандидат экономических наук,
профессор кафедры экономической социологии
факультета социологии НИУ ВШЭ

В дискуссии приняли участие:

Евгений Шлемович Гонтмахер

член правления Института социального развития,
доктор экономических наук

Людмила Сергеевна Ржаницына

главный научный сотрудник Института экономики РАН,
доктор экономических наук, профессор
<http://www.liberal.ru/articles/5232>

24 февраля
2011 г.

«Социальный капитал в России: измерение, анализ, оценка влияния»

С докладом выступил:

Леонид Иосифович Полищук

зав. Лабораторией прикладного анализа институтов
и социального капитала НИУ ВШЭ,
кандидат экономических наук, профессор

В дискуссии приняли участие:

Александр Александрович Аузан

президент Института национального проекта
«Общественный договор», доктор экономических наук,
профессор

Анатолий Григорьевич Вишневский

директор Института демографии НИУ ВШЭ,
доктор экономических наук, профессор

Николай Владимирович Петров

руководитель программы «Общество и регионы»
Московского центра Карнеги, член Научного совета,
кандидат географических наук
<http://www.liberal.ru/articles/5265>

«Энергетика в мировом аспекте»

30 марта
2011 г.

С докладом выступил:

Гленн Уоллер

президент, ExxonMobil Russia Inc.

В дискуссии приняли участие:

Анатолий Николаевич Дмитриевский

директор Института проблем нефти и газа РАН,
академик РАН, доктор геолого-минералогических наук,
профессор

Владимир Владимирович Дребенцов

кандидат экономических наук, вице-президент ВР (Россия),
главный экономист Группы компаний ВР по России и СНГ

Валерий Анатольевич Крюков

доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой энергетических и сырьевых рынков НИУ ВШЭ,
заместитель директора Института экономики
и организации промышленного производства СО РАН,
эксперт Союза нефтегазопромышленников РФ
<http://www.hse.ru/news/recent/28221145.html>

«Социальная политика в регионе»

27 апреля
2011 г.

С докладом выступила:

Мария Егоровна Гайдар

заместитель председателя правительства
Кировской области

В дискуссии приняли участие:

Наталья Васильевна Зубаревич

директор региональной программы Независимого
института социальной политики, доктор географических
наук, профессор

Лилия Николаевна Овчарова

директор научных программ Независимого института
социальной политики, кандидат экономических наук

Ирина Викторовна Стародубровская

руководитель научного направления
«Политическая экономия и региональное развитие»
Института экономики переходного периода,
кандидат экономических наук

Илья Вячеславович Трунин

директор Департамента налоговой
и таможенно-тарифной политики Министерства финансов РФ,
кандидат экономических наук
<http://www.liberal.ru/articles/5584>

25 мая
2011 г.

**Итоги проведения международного симпозиума
«20 лет: политическая и экономическая
эволюция посткоммунистической Европы»**

В семинаре приняли участие:

Андерс Аслунд

старший научный сотрудник Института
международной экономики им. Г. Петерсона в Вашингтоне,
преподаватель Джорджтаунского университета,
ведущий специалист по Восточной Европе

Пал Тамаш

профессор социологии, директор исследовательского центра
социологии Будапештского университета им. М. Корвина,
старший научный сотрудник Венгерской академии наук,
почетный доктор РАН

Александр Смоляр

профессор политических наук, старший научный сотрудник
в Национальном центре научных исследований в Париже,
президент фонда Стефана Батория в Варшаве

Красен Станчев

исполнительный директор Института рыночной экономики
в Болгарии

<http://www.hse.ru/video/30605278.html?p=65665>

29 июня
2011 г.

«Бизнес в зале суда. Деньги. Власть. Право»

С докладом выступила:

Елена Владимировна Новикова

научный руководитель АНО «Центр правовых
и экономических исследований», доктор юридических наук

В дискуссии приняли участие:

Альфред Эрнестович Жалинский,

главный эксперт АНО «Центр правовых
и экономических исследований», зав. кафедрой
уголовного права НИУ ВШЭ, доктор юридических наук

Леонид Васильевич Никитинский

обозреватель, член редколлегии «Новой газеты»,
секретарь Союза журналистов России,
кандидат юридических наук

Владимир Иванович Радченко

первый заместитель председателя Верховного суда РФ
в отставке, главный эксперт АНО «Центр правовых
и экономических исследований», доктор юридических наук

Ольга Евгеньевна Романова

журналист

Андрей Геннадьевич Федотов

главный эксперт АНО «Центр правовых и экономических
исследований», кандидат юридических наук
<http://www.liberal.ru/articles/5366>

**«Сценарии развития России
на долгосрочную перспективу»**

28 сентября
2011 г.

С докладом выступил:

Евгений Григорьевич Ясин

научный руководитель НИУ ВШЭ,
доктор экономических наук, профессор

В дискуссии приняли участие:

Олег Вячеславович Вьюгин

председатель Совета директоров «МДМ Банка»,
кандидат физико-математических наук

Лилия Федоровна Шевцова

руководитель программы «Посткоммунистические институты»
Фонда Карнеги «За международный мир», ведущий
исследователь Королевского института международных
отношений — Chatham House (Лондон),
профессор МГИМО(У) МИД РФ
<http://www.liberal.ru/articles/5475>

**«Влиятельность идейных течений
в современной России»**

26 октября
2011 г.

С докладом выступили:

Антонина Александровна Самсонова

ведущая радиостанции «Эхо Москвы»,
старший редактор Slon.ru

Георгий Александрович Сатаров

руководитель Центра прикладных политических исследований

В дискуссии приняли участие:

Лев Дмитриевич Гудков

директор Левада-Центра

Максим Анатольевич Трудолюбов

редактор отдела «Комментарии» газеты «Ведомости»
<http://www.liberal.ru/articles/5562>

30 ноября
2011 г.

«Движущие силы и перспективы политической трансформации России»

С докладом выступил:

Михаил Эгонович Дмитриев

президент Фонда «Центр стратегических разработок»,

доктор экономических наук

В дискуссии приняли участие:

Аркадий Ефимович Любарев

ведущий эксперт ассоциации «Голос»,

кандидат юридических наук

Николай Владимирович Петров

председатель программы «Общество и региональная

политика» Московского центра Карнеги,

кандидат географических наук

<http://www.liberal.ru/articles/5625>

28 декабря
2011 г.

«Вступление России в ВТО»

С докладом выступили:

Николай Александрович Соболев

первый заместитель генерального директора компании

«Соллерс», финансовый директор,

кандидат экономических наук

Зоя Ататжановна Каика

директор по связям с общественностью

компании «Соллерс»

В дискуссии приняли участие:

Валерий Викторович Миронов

заместитель директора Института «Центр развития»

НИУ ВШЭ, кандидат экономических наук

Татьяна Юрьевна Кошелева

ведущий советник отдела ВТО Департамента

торговых переговоров Министерства

экономического развития РФ

Дмитрий Игоревич Тонков

эксперт отдела ВТО Департамента торговых переговоров

Министерства экономического развития РФ

1 февраля
2012 г.

«Политическая реформа: что нужно поменять в законодательстве»

С докладом выступили:

Александр Владимирович Кынев

руководитель региональных программ Фонда

развития информационной политики

Аркадий Ефимович Любарев

ведущий эксперт ассоциации «Голос»,
руководитель общественного проекта по разработке
Избирательного кодекса Российской Федерации
<http://www.hse.ru/video/47873019.html>

«Приживется ли демократия в России»

29 февраля
2012 г.

С докладом выступил:

Евгений Григорьевич Ясин

научный руководитель НИУ ВШЭ, президент Фонда
«Либеральная миссия»

В дискуссии приняли участие:

Александр Александрович Аузан,

Валентин Георгиевич Завадников,

Лев Дмитриевич Гудков,

Игорь Моисеевич Клямкин,

Алексей Леонидович Кудрин,

Сергей Анатольевич Петров,

Ирина Дмитриевна Прохорова

<http://www.hse.ru/video/49187061.html>

**«Пятнистая Россия:
агломерации и периферия»**

26 апреля
2012 г.

С докладом выступили:

Наталья Васильевна Зубаревич

директор региональной программы Независимого института
социальной политики, доктор географических наук,
профессор

Надежда Борисовна Косарева

президент Фонда «Институт экономики города»,
кандидат экономических наук

В дискуссии приняли участие:

Александр Аркадьевич Высоковский

декан Высшей школы урбанистики НИУ ВШЭ,
генеральный директор Фонда «Градостроительные реформы»,
кандидат архитектурных наук, профессор

Татьяна Григорьевна Нефедова

ведущий научный сотрудник Института географии РАН,
доктор географических наук

Александр Анатольевич Эпштейн

директор Института региональных исследований и городского
планирования НИУ ВШЭ, кандидат географических наук
<http://www.liberal.ru/articles/5787>

30 мая
2012 г.

«Пенсионная реформа — политэкономический взгляд»

С докладом выступил:

Евсей Томович Гурвич

руководитель Экономической экспертной группы

В дискуссии приняли участие:

Татьяна Михайловна Малева

директор Института

гуманитарного развития мегаполиса

Константин Семенович Угрюмов

президент Национальной ассоциации

негосударственных пенсионных фондов

Ксения Валентиновна Юдаева

директор Центра макроэкономических исследований

Сбербанка России

<http://www.liberal.ru/articles/5802>

28 июня
2012 г.

«Финансовые рынки»

С докладом выступил:

Алексей Львович Саватюгин

заместитель министра финансов РФ

В дискуссии приняли участие:

Леонид Маркович Григорьев

профессор, зав. кафедрой мировой экономики

факультета мировой экономики

и мировой политики НИУ ВШЭ,

заместитель генерального директора

Российского энергетического агентства,

председатель правления Всемирного фонда

дикой природы в России

Михаил Владимирович Ершов

старший вице-президент «Росбанка»,

доктор экономических наук

Наталья Владимировна Орлова

главный экономист «Альфа-Банка»,

доктор экономических наук,

профессор кафедры фондового

рынка и инвестиций факультета

экономики НИУ ВШЭ

Сергей Геннадьевич Пухов

старший научный сотрудник

Института «Центр развития» НИУ ВШЭ

<http://www.liberal.ru/articles/5828>

«Научная оценка политической ситуации в России»

27 сентября
2012 г.

С докладом выступил:

Георгий Александрович Сатаров

кандидат технических наук,

президент Фонда «ИНДЕМ»

В дискуссии приняли участие:

Андрей Юрьевич Мельвиль

декан факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ,

доктор философских наук, профессор

Фуад Тагиевич Алескеров

зав. кафедрой высшей математики

на факультете экономики НИУ ВШЭ,

доктор технических наук, профессор

<http://www.liberal.ru/articles/5873>

25 октября
2012 г.

«Перспективы экономического роста и предпринимательский климат в России»

С докладом выступил:

Борис Юрьевич Титов

уполномоченный при Президенте России

по правам предпринимателей,

председатель общероссийской

общественной организации «Деловая Россия»

В дискуссии приняли участие:

Наталья Васильевна Акиндинова

директор Института «Центр развития» НИУ ВШЭ

Андрей Александрович Яковлев

директор Института анализа

предприятий и рынков НИУ ВШЭ,

директор Международного центра изучения институтов

и развития НИУ ВШЭ,

кандидат экономических наук, профессор

Тамара Георгиевна Морщакова

зав. кафедрой судебной власти

и организации правосудия НИУ ВШЭ,

главный научный сотрудник Центра правовых

и экономических исследований НИУ ВШЭ,

доктор юридических наук, профессор

Научное издание

Ясин Евгений Григорьевич

Экономика России накануне подъема

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Художественный редактор *А.М. Павлов*

Компьютерная верстка и графика: *О.А. Быстрова*

Корректор *О.А. Шестопалова*

Подписано в печать 15.11.2012. Формат 70×100 1/16

Гарнитура Newton C. Усл. печ. л. 27,3. Уч.-изд. л. 23,1

Тираж 1000 экз. Изд. № 1646

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел./факс: (499) 611-15-52

